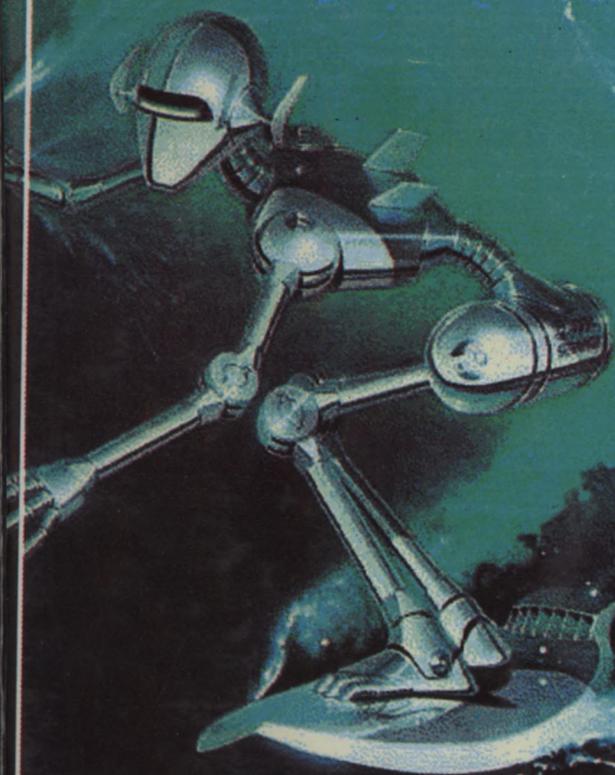

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

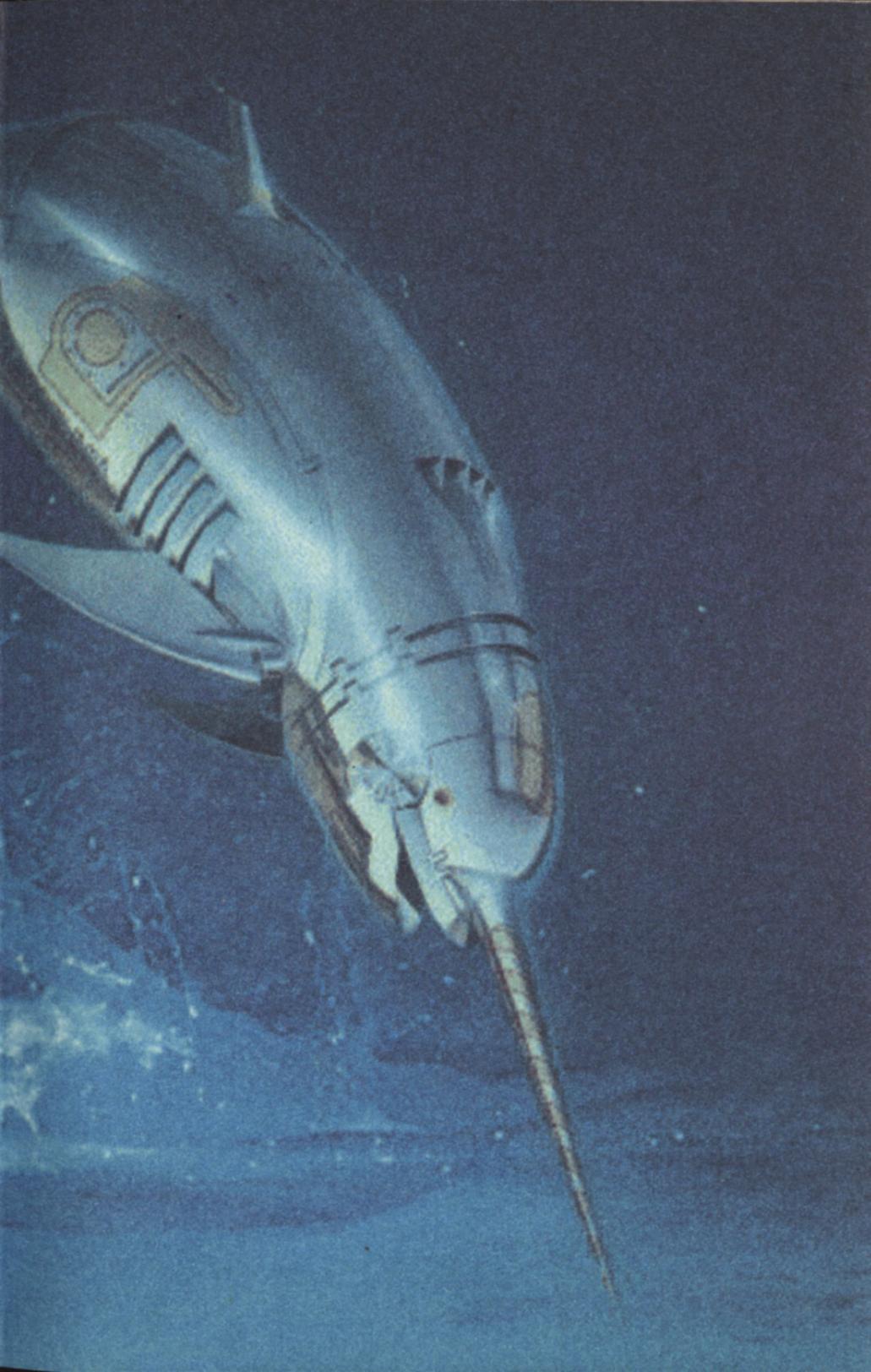
МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

У КРОМКИ ОКЕАНА

3

КИМ СТЕПЛИ РОБИНСОН

WORLDS OF KIM STANLEY ROBINSON

Volume three

PACIFIC EDGE

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ КИМА СТЕНДИ РОБИНСОНА

Том третий

У КРОМКИ ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

**Миры Кима Стенли Робинсона. Т. 3 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 382 с.**

Завершает «Калифорнийскую трилогию» многозначная и притягательная экологическая утопия «У кромки океана».

**Произведение, опубликованное в данном издании,
охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа
и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя
и переводчика. Всякое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с письменного разрешения
издателя.**

Pacific Edge
Copyright © 1990 by Kim Stanley Robinson
Cover Artwork
Copyright © 1997 by Sorayama Hajime/
Uptight Co., Ltd./ Artspace Co.

У кромки океана
© Н. Михайлов, Г. Емсельянов,
перевод, 1997

ISBN 5-88132-288-6

© Издательство «Полярис», *составление,
оформление, название серии, 1997*

**У КРОМКИ
ОКЕАНА**

Глава 1

Никакие неприятности не могут омрачить такое утро. Прохладно, пахнет шалфеем. В воздухе царит та ясность, что приходит в Южную Калифорнию, когда Санта-Ана* прогоняет туманы к морю. Воздух прозрачен, как хрусталь, и до заснеженных гор Сан-Габриэль, кажется, можно дотянуться рукой, хотя они и в сорока милях отсюда. Склоны голубых предгорий прорезаны глубокими ущельями. У подножий, простираясь до самой кромки прибоя, тянется широкая прибрежная долина, на которой при взгляде сверху не видно ничего, кроме вершук деревьев: рощи апельсинов, авокадо, лимонов, маслин, живые стены пальм и эвкалиптов — тысячи видов декоративных растений — и природных, и выведенных человеком. Вся равнина кажется буйно разросшимся садом, а восходящее солнце раскрашивает пейзаж разнообразными оттенками зеленого.

По горной тропинке спускается человек, временами останавливаясь, чтобы полюбоваться окрестностями. Он идет небрежной дерганой походкой, играючи перепрыгивая с камня на камень. Несмотря на свои тридцать два года, поведением он напоминает мальчишку, убежавшего гулять в зеленые холмы. На целый бесконечный день...

Человек одет в рабочие брюки защитного цвета, спортивную рубашку и замызганные теннисные туфли. Большие руки покрыты царапинами.

* Ветер, дующий с одноименного перевала. (Здесь и далее примеч. пер.)

Временами он прерывает прогулку, хватая воображаемую бейсбольную битку и резко взмахивает перед собой с громким возгласом: «Бац!». Голуби, бросая любовные игры, разлетаются в разные стороны, человек улыбается и скачет по тропе дальше. Красная шея, кожа в веснушках, блекло-голубые, будто сонные, глаза, соломенные волосы торчат во все стороны. Лицо длинное, скуластое.

Заглядевшись на парящую в небе «Каталину» — маленький гидросамолетик, человек вдруг спотыкается и делает несколько гигантских скачков, чтобы удержать равновесие.

— Не говори «гоп!» — крикает он, благополучно приземлившись на ноги. — Что за денек!

Человек этот направлялся к Эль-Модене. Со всех сторон туда же стекались его друзья: по одному и по двое, пешком и на велосипедах, чтобы встретиться на разрытом перекрестке. Взяв кто кирку, кто лопату, люди попрыгали в ямы и принялись за работу. Грунт летел в бункеры, кирпичи звонко разбивали камни, громкими голосами друзья делились новостями прошедшей недели.

Им повезло: в раскопе оказалась целая улица. Это был большой перекресток: четырехрядные асфальтированные дороги, белый бетонный бордюр, большие стоянки для автомобилей с заправочными станциями по углам и торговым центром позади. Домов уже не было, большая часть асфальта отправлена в переработку на химзаводы в Лонг-Бич, и люди продолжали зарываться глубже.

Когда человек подошел к ямам, друзья приветствовали его:

- Привет, Кевин, гляди, что я нашла!
- Привет, Дорис! Похоже, светофор.
- Один такой мы уже откапывали раньше.

Кевин присел на корточки над исторической реальностью, осматривая ее.

— Теперь у нас их два. Видать, установили новый, а этот бросили.

— Щедрый народ! — Из другой ямы заохала Габриэла. — Нет! Только не это! Телефонные линии, силовые кабели, газопроводы, пластмассовые трубы, светофоры, а теперь еще цистерна от автозаправки!

— Смотрите, целая куча пустых пивных банок, — сказал Хэнк.

— По крайней мере хоть что-то они делали правильно.

Не прекращая раскопок, друзья расспрашивали Кевина о прошедшем заседании городского Совета, первом для Кевина как нового члена в его составе.

— До сих пор не пойму, как ты дал себя уговорить, — сказала Габриэла. Она работала на строительстве вместе с Кевином и Хэнком. Молодая, резкая и необузданная, острая на язык Габриэла часто ставила Кевина в затруднительное положение.

— Мне сказали, что это будет интересно.

Все рассмеялись:

— Ему сказали!.. Человек бывал на сотнях заседаний Совета, но стоило Джин Аурелиано пообещать, что будет интересно, Кевин Клейборн ответил: «О да! Теперь я понял, там весело».

— А что, может, так и будет — с нынешней-то поры?

Все снова засмеялись. Кевин стоял, не выпуская из рук кирку, и смущенно улыбался.

— Не будет там ничего веселого, — сказала Дорис. Она тоже состояла в Совете от партии «зеленых» и выполняла обязанности наставника Кевина. Похоже, большого удовольствия ей это не доставляло. Они с Кевином жили в одном доме и были старыми знакомыми, так что Дорис прекрасно понимала, с кем связалась. Она повернулась к Габриэле:

— Джин выбрала Кевина, потому что ей в Совете нужна известная личность.

— Но это не объясняет, почему он согласился.

— Дерево, которое быстрее растет, скорее и срубят! — заметил Хэнк.

Габриэла усмехнулась:

— Ну, ты как всегда... Думай, что говоришь, Хэнк.

Утро подходило к концу, воздух стал теплым. Они наткнулись уже на третий светофор, и Дорис нахмурилась:

— До чего же неэкономными были люди!

— Каждая культура расточительна ровно настолько, насколько может себе позволить, — отозвался Хэнк. — Это же гадко — бросать на землю фантики от жевательной резинки! А заодно светофоры, бетономешалки и...

— А что ты скажешь о шотландцах? — спросил Кевин. — Они всегда слыли очень экономными.

— Но они же были бедны, — пожал плечами Хэнк. — Они просто не могли позволить себе расточительности. Это только подтверждает мою точку зрения.

Дорис швырнула землю в бункер и возразила:

— Экономность — штука, которая не должна зависеть от жизненных обстоятельств.

— Видите, они могли побросать здесь эти вещи и спокойно удалиться, — сказал Кевин, постучав пальцем по светофору. — Какое свинство — вот так захоронить, вышвырнуть на свалку улицу вместе со всеми автомобилями.

Дорис потрянула своими короткими черными волосами:

— Ты ставишь все с ног на голову, Кевин, прямо как Хэнк. Ценности, или, говоря по-научному, человеческие мотивы, управляют действиями, а не наоборот. Будь это для них важным, они вытащили бы все дерьмо отсюда и использовали не хуже нас.

— Наверное, ты права.

— Все просто как велосипед. Ценности — это движение педалей вниз, а действия — движение вверх. А именно движение вниз толкает нас вперед.

— Хорошо, — сказал Кевин, вытерев пот со лба, и на миг задумался. — Но если ты наденешь туклипсы, то

сможешь двигаться вперед и за счет подъема педалей. По крайней мере у меня это получается.

Габриэла быстро взглянула на Хэнка:

— За счет движения педалей вверх, Кевин? В самом деле?

— Да, с туклипсами. Разве они не дают толчок?

— Ты чертовски прав, Кевин. Поднимая ноги, я получу целый вагон энергии. И маленькую тележку в придачу.

— Да постой ты! — махнул рукой на Габриэлу Хэнк. — А как много энергии они дают?

— Ну, думаю, процентов двадцать или около того, — сказал Кевин.

Габриэла прервала их диким хохотом:

— Ха-ха-ха! И еще раз — ха! Мысль, достойная обсуждения в городском Совете! Нету моченьки! Жду не дождусь, когда увижу, как он ударится в дебаты с Альфредо! Идиотские туклипсы — вот за что он будет сражаться в Совете!

— А что, — упрямо твердил Кевин, — ты разве не получаешь энергии, когда тянешь педали вверх?

— На двадцать процентов? — спросил Хэнк заинтересованно. — И это все время так или только когда хочешь дать отдых основным мышцам ног?

Дорис с Габриэлой посмотрели друг на друга и охнули. Мужчины ударились в техническую дискуссию. Габриэла проворковала:

— Кевин выступит на Совете и будет говорить с Альфредо о туклипсах! Он скажет: «Слушай меня, Фредо, а не то я тебе кровь отравлю!»

Дорис хихикнула, а Кевин внезапно нахмурился. Габриэла напомнила случай, который произошел с Кевинем в начальной школе, когда его вместе с другими учениками вызвали обсудить изречение «Перо сильнее меча». Кевин должен был начать диспут в защиту этого выражения. Он стоял перед классом, красный как рак, крутил руками, раскачивался из стороны в сторону, шлепал

губами, отдувался то и дело, пока наконец не изрек, нерешительно моргая:

— Ну, если, например, у вас есть перо... и вы когонибудь им ткнете, то можно чернилами кровь отравить!

Все так и попадали с мест. Мистер Фримен уткнулся головой в стол и, зайдясь в беспомощном хохоте, утирал слезы.

Того случая не забыл никто. Иногда Кевину казалось, что все его знакомые были в тот день с ним в классе, даже люди вроде Хэнка, который лет на десять старше его, или Габриэлы, которая на десять лет моложе. Абсолютно все!

Они копали глубже, натываясь на окатанные валуны из песчаника. На протяжении тысячелетий русло реки Сантьяго-Крик благодаря аллювиальным отложениям перемещалось вдоль гор Санта-Ана, и складывалось впечатление, что когда-то вся Эль-Модена была ложем этой реки, потому что валуны встречались повсюду. Продвигались они слишком медленно; работа велась «на благо города» и считалась скорее развлечением, а потому обвинений в нерадивости не возникало. В Эль-Модене требовали отработать для города десять часов в неделю, и возможностей для таких обвинений было сколько угодно. Они старались не принимать сердитые замечания близко к сердцу.

— А где Рамона? — спросил Кевин.

Дорис взглянула на него снизу вверх:

— Как, ты разве не знаешь?

— Нет, а что?

— Они с Альфредо разошлись.

Это привлекло внимание всех. Некоторые побросали лопаты и подошли к Дорис, чтобы услышать историю.

— Он съехал из дома, забрав вещички, и отправился в Редхилл. С партнерами.

— Да ну, врешь!

— Нет. Я точно знаю, в последнее время они ругались больше, чем раньше. Так все в их доме говорят. Во всяком случае, Рамона сегодня утром ушла гулять.

— А игра как же? — спросил Кевин.

Дорис воткнула лопату в дюйме от его ноги:

— Кевин, а тебе не кажется, что есть вещи поважнее софтбола?

— Ну конечно, — пробормотал он, мучительно вдумываясь в ее слова.

— Рамона сказала, что к началу игры вернется.

— Это хорошо, — проговорил Кевин, а потом увидел выражение лица Дорис и быстро добавил: — То есть плохо. Действительно, очень плохо. Вот так номер!

Он задумался о Рамоне Санчес. Первый раз за все время с девятого класса.

Дорис обожгла его взглядом и отвернулась. Коротковатые загорелые ноги, все в пыли ниже зеленых нейлоновых шорт; выгоревшая рубашка без рукавов была потной и грязной. Прямые черные волосы мотались из стороны в сторону, когда она яростно атаковала землю.

— Ну-ка, давай помоги мне с этим бульжником, — резко попросила она Кевина, все еще стоя к нему спиной. Кевин нерешительно подошел и помог сдвинуть очередной валун.

— Надо же, никак новый Совет за работой! — раздался сверху довольный баритон.

Кевин и Дорис выглянули из ямы и увидели Альфредо Блэра собственной персоной на горном велосипеде. Титановая рама ярко блестела на солнце.

— Легок на помине, — не подумав, ляпнул Кевин.

— Надо же, — сказала Дорис, бросив быстрый предупреждающий взгляд на Кевина, — никак новый мэр на прогулке!

Альфредо хитро усмехнулся — крупный брюнет, красивый и уса́тый, с четкими, правильными чертами лица.

Трудно представить себе, что всего день назад он прекратил пятнадцатилетние семейные отношения.

— Удачи вам в сегодняшней игре, — сказал Альфредо тоном, подразумевавшим, что их «Лобосу» нужно везение, хотя играют они всего лишь со слабенькими «Апельсинами». «Авангард», команда Альфредо, и «Лобос» были вечными соперниками. Рамона играла за «Лобос», что служило причиной нескончаемых подначек. Но с сегодняшнего дня Кевин уже не был уверен, что повод для шуток сохранится.

Альфредо продолжал:

— Не дождусь, когда с вами сыграем.

— Нам копать надо, Альфредо, — сказала Дорис.

— Что ж, не стану мешать общественно полезному труду. Работа для города всем идет на пользу. — Он улыбнулся и оседлал велосипед. — Увидимся на заседании! — бросил Альфредо через плечо, уезжая.

— Надеюсь, когда придется играть, мы разобьем их в пух, — сказал Кевин, вновь взявшись за лопату.

— Надейся-надейся. Да сам не плошай!

Кевин и Альфредо выросли на одной улице, несколько лет учились в одном и том же классе, включая время, когда произошел забавный эпизод с пером и мечом. Так что они были старыми знакомыми, и у Кевина имелось много возможностей понаблюдать, как Альфредо работает. Кевин хорошо знал, что его одноклассник — очень уважаемая личность, остроумный, открытый человек, энергичный и удачливый. Каждый мог запросто прийти к нему, и каждому он был рад.

Слишком хороший нынче стоял день, чтобы мысли об Альфредо могли омрачить его.

Кроме того, Альфредо и Рамона разошлись. Неосознанно радуясь этому, Кевин швырнул булыжник в бункер.

Ко времени перерыва на завтрак ямы были уже глубиной почти в рост человека. Теперь раскопки представляли собой поле с хаотично расположенными кратера-

ми, все изрезанное траншеями и следами колес, с тачками и бункерами тут и там.

Кевин прищурил глаза и усмехнулся:

— Ох и зададим мы им трепку на площадке!

После завтрака состоялось открытие весеннего сезона софтбола. Игроки со всех сторон съезжались на велосипедах в парк Сантьяго с битами поверх рулей. И началось коллективное, освященное годами действо. Поскольку сам софтбол — ритуал, то и подготовка к нему была ритуалом. Ноги игроки прикрыли жесткими щитками, на руки натянули перчатки. Спортсмены выходили на зеленое травяное поле группками по двое-трое и начинали разыгрываться. Большие мячи мелькали тут и там, рисуя в воздухе туманное белое кружево.

Соперники уже двинулись к штрафной линии, когда к площадке подъехала Рамона Санчес и слезла с велосипеда. Длинные ноги, широкие плечи, яркая испанская внешность, черные волосы... Команда «Лобос» радостно приветствовала ее. Рамона, улыбнувшись, сказала:

— Привет, ребята! — в почти привычной для нее манере. Но что-то в ней изменилось — это заметили все.

Рамона из тех людей, которые всегда широко улыбаются и приветливо разговаривают. Дорис находила это раздражающим.

— Рамона — биологический оптимист, — проворчала как-то она. — Оптимизм сильнее ее, он просто у нее в крови. Оптимистическая химия организма.

— Секундочку! — возразил Хэнк. — Ты ведь из тех, кто всегда говорит о ценностях — а не должен ли оптимизм быть результатом волевого акта? Я по поводу этого твоего «химизма крови».

Дорис ответила, что оптимизм действительно результат напряжения воли, но приятная внешность, умственные способности и хорошие физические данные — качества биологические, и они, без всякого сомнения, очень помогают тем, кому достались, эту самую волю не особо напрягать.

Во всяком случае, вид у Рамоны сейчас был весьма странным — вид несчастного оптимиста. Даже Кевин, начав играть с Рамоной в мяч с полным намерением вести себя как всегда и избавиться ее таким образом от дурацкого сочувствия, приуныл, заметив, насколько подавленной она выглядит. Он понял: глупо делать вид — мол, все прекрасно, — когда Рамона не обращает на это притворство ни малейшего внимания. И Кевин просто продолжал разминку, бросая ей мяч и ловя его.

Судя по силе бросков, она уже достаточно разогрелась. Рамона Санчес имела хорошую руку и пушечный удар. Однажды Кевину довелось увидеть, как ее мяч начисто выбил спицу из колеса стоящего велосипеда, а колесо даже шелохнуться не успело. Своими ударами она регулярно рвала кожаные завязки на перчатках игроков первой базы, а пару раз даже ломала им пальцы. Кевину пришлось быть предельно внимательным, чтобы избежать подобной участи, так как мяч преодолевал пространство между ними почти мгновенно.

Действительно, настоящая пушка. Да еще и не в духе. Они продолжали перебрасываться в тишине, прерываемой только чмоканьем мяча о перчатку. Кевин чувствовал в этом своеобразное выражение солидарности. Или он только надеялся на это, так как говорить-то было нечего.

Объявили начало игры. Кевин подошел и встал рядом с Рамоной, натягивавшей свои щитки. Она делала это с такой яростью и силой, что было неестественным притворяться, что ничего не замечаешь, и Кевин пробормотал нерешительно:

- Я слышал о тебе и Альфредо.
- Угу, — буркнула она, несколько не удивившись.
- Сочувствую.

Внезапно уголки ее рта поползли вниз, она скорчила страдальческую гримасу. «Вот какой несчастной я буду, если дам волю чувствам», — показывала Рамона своим видом. Затем к ней снова вернулся стоический облик,

она пожала плечами, встала и прогнулась, разминая ноги. Ее бедра напряглись, под гладкой загорелой кожей четко проступили мускулы.

Рамона и Кевин вернулись к скамейке, где сидели, помахивая битами, их товарищи по команде. Капитаны сдали секретарю судейской коллегии карточки игроков, и действие начало разворачиваться по привычному сценарию: команды заняли площадку — игроки первой базы давали накаты полевым игрокам, подающие делали прикидочные удары, те, кто стоял за площадкой, отбивали летящие «в аут» мячи — в общем, все, не связанное с ритуалом, отошло на задний план. Кевин, первый отбивающий в этом сезоне, выбежал на площадку, готовый к бою. Игроки выкрикивали и ему, и подающему что-то подбадривающее, даже соперники орали: «Бей!»

Подающий размахнулся, первый мяч сезона взмыл в воздух, и сразу же крики «Лупи!», «Начинай!», «Давай!» стали затихать и растворились в пространстве. Белый блестящий новенький мяч превратился на время в центр Вселенной, ее фокус. Кевин поднял биту, игра началась.

Игра для Кевина складывалась нелегко. «Лобос» вел в счете, но совсем чуть-чуть. Кевин сделал «четыре — четыре»; вот уж действительно повод для радости...

В поле Кевин занял место у третьей базы, чтобы наблюдать за каждым ударом. «Третья база — лезвие бритвы, на третьей базе ты — как мангуста среди змей»; эти слова звучали в его голове с самого детства. Сейчас они казались насмешкой. Временами появлялась возможность ударить, но в основном надо было держать позицию и наблюдать. Одни и те же фразы повторялись снова и снова: «Аут! Мяч налево! Подача!» Игра — словно какой-то религиозный обряд. Или наоборот?..

Кевин ослабил внимание, поддавшись усыпляющему ритму заурядной, серой игры, но внезапно события стали стремительно разворачиваться. «Апельсины» выиграли

подряд четыре подачи. После двух аутов вышел подавать Сантос Перес. У Сантоса мощный удар, это известно, и, когда Донна приготовилась отбивать, Кевин, предельно собравшись, занял привычную позицию у своего насиженного гнезда. Сантос послал мяч низко над землей слева от Кевина, тот прыгнул «рыбкой», но мяч просвистел в дюйме от его растопыренной руки в перчатке. Кевин с проклятиями рухнул на площадку, распахав землю брюхом и локтями, перевернулся и успел заметить, как Рамона на бегу делает резкий рывок в сторону летящего мяча.

«Прием снаряда сзади в прыжке» — вещь совершенно чудовищная, но Рамона, едва не потеряв равновесие, ухитрилась-таки схватить мяч и теперь что было сил убегала подальше от первой базы. Остановиться и подготовиться к броску она не успевала. Пружиной взмыв в воздух и развернувшись в полете, чтобы как следует замахнуться, она резко послала мяч через площадку. Джоди аккуратно поймал его у самой первой базы, прямо перед носом бегущего Сантоса. Третий аут. Игра окончена!

— А-а-а!!! — заорал Кевин, встав на колени и потрясая вздетыми к небу руками. — Игра!

Публика шумела в восторге. Кевин оглянулся на Рамону. После броска она свалилась на землю, а теперь сидела на траве у самого края площадки, рослая, красивая, скосолапив неуклюже расставленные ноги, и улыбалась. Черные волосы свесились ей на глаза. И Кевин вдруг понял, что любит ее.

Конечно, чувство Кевина имело свою историю. Простой, открытый парень, помешанный на софтболе, Кевин все же не принадлежал к числу тех, кто способен влюбиться с первого взгляда только из-за хорошей игры. Нет, все было несколько сложнее. Его любовь росла многие годы.

Кевин познакомился с Рамоной, когда только приехал в Эль-Модену, еще третьеклассником. Они несколько лет учились в одном классе, и знаменитый диспут о пере и мече проходил на ее глазах. Рамона всегда нравилась Кевину. Как-то в шестом классе Рамона сообщила, что она римская католичка, а он в ответ сказал, что бывают еще и греко-католики. Рамона наотрез отказывалась верить. Пришлось залезть в энциклопедию. Поначалу найти статью о греческих католиках не удалось, и Кевин был очень удивлен. Ведь дедушка Том рассказывал ему о такой церкви. Но, одержав в споре победу, Рамона вдруг испытала к Кевину сочувствие и, еще раз пролистав оглавление, нашла статью о греческой православной церкви. Они уселись перед экраном и прочитали статью, а затем стали смотреть другие и разговаривать о Греции и о местах, где они сами бывали. Рамона ездила в Мексику, а Кевин путешествовал не где-нибудь, а по Долине Смерти! А еще они придумали — вот бы купить греческий остров и жить на нем... В общем, болтали всяческую чепуху, как бывает у детей в самом начале дружеских отношений.

После этого Кевин очень увлекся Рамоной, но никому в этом не открывался — и ей, конечно, тоже. Мальчиком он был робок и застенчив, вот в чем крылся секрет. Однако чувство не проходило и в средней школе, когда настала пора иметь романтического друга, и жизнь превратилась в головокружительный вихрь симпатий и связей, и каждый был захвачен этим вихрем.

Быстро пролетели три года, и на вечере выпускников, главном школьном празднике, пунцовый Кевин, с трудом пересилив себя, решился пригласить Рамону на танец. Когда, подойдя к девушке, заикаясь от волнения, Кевин все же выговорил: «Разрешите вас... кх-м... того...» — Рамона дала ему понять, что это блестящая идея, но сказала, что уже «приняла ангажемент» от Альфредо Блэра.

Вот и вся сказка... Бурные школьные романы чаще всего быстро кончаются, но Рамона и Альфредо уже не расставались — с того школьного вечера и по сей день.

Позже, уже работая преподавателем биологии в городской школе Эль-Модены, Рамона завела обычай выводить своих учеников на стройплощадку к Кевину, чтобы познакомить их с некоторыми прикладными аспектами экологии. Ребята пытались помогать Кевину и плотничать, и строить. Ему нравились такие визиты. Хотя пользы от них было немного, Кевин мог хоть изредка видаться с Рамоной.

И все-таки Рамона была с Альфредо. Официально в браке они не состояли, но жили вместе. И Кевин привык думать о ней только как о друге. О добром друге, таком, например, как его сестра Джил. Нет, все же не как сестра — его всегда физически влекло к Рамоне. И, как ему казалось, взаимно. Это не имело большого значения, но придавало их дружбе какой-то трепет, скрытую возможность, которой, видимо, никогда не суждено было реализоваться. Короче, оч-чень романтично...

Так продолжалось годы и годы. А сегодня, во время разминки перед игрой он осознал вдруг, что смотрит на Рамону совсем иными глазами — видит совершенные пропорции ее спины и ног, плеч и таза, видит яркие испанские краски, видит прекрасные черты лица, которые делали ее одной из первых девушек в городе, любуется изяществом сильного броска, восхищается ее природной беззастенчивостью. Из глубин памяти Кевина всплыли воспоминания о чувстве, которое он считал давно ушедшим, так как никогда особо не задумывался о своем прошлом. А прошлое зашевелилось в нем, готовое выпрыгнуть наружу и перевернуть всю жизнь вверх тормашками.

Итак, когда Кевин обернулся, чтобы взглянуть на Рамону после блистательной игры, она отдыхала, сидя на траве. Длинные загорелые ноги были широко рас-

ставлены, и Кевин невольно выпучился на промежность зеленых спортивных шорт, на белую полоску подкладки, прилегающую к внутренней части бедер. Выпрямленной рукой Рамона опиралась на землю; тенниска облегла ее небольшую грудь. Рамона откинула на сторону волосы, спадавшие на черные глаза, и улыбнулась — впервые за сегодняшний день. Кевин будто погрузился в сон, где все чувства усилены. Воздух с шумом выходил из его легких. Глухо стучало сердце. Лицо пылало. Да, это была любовь, вне всякого сомнения.

Чувствовать для Кевина значило действовать, и, пока все упаковывали свой инвентарь и переобувались, он искал глазами Рамону. Приняв поздравления с блестящей концовкой игры, она вновь стала молчаливой и теперь собиралась уезжать. Одна.

Кевин нагнал ее на своем маленьком горном велосипеде и, когда они поравнялись, спросил:

— Будешь вечером на заседании Совета?

— Думаю, нет.

Она не желает видеть, как Альфредо дает присягу мэра. Вот, значит, насколько все это серьезно...

— Ага... — только и сказал он.

— Знаешь, я не хочу, чтобы люди решили, что мы опять вместе. Еще фотографировать будут. Неловко до чертиков.

— Понимаю. Тогда... что ты делаешь сегодня днем?

Рамона медлила с ответом.

— Вообще-то полетать собиралась. Развеемся.

— А...

Она взглянула на него.

— Хочешь составить мне компанию?

Сердце Кевина подпрыгнуло до самого горла. Первым желанием было заорать: «Конечно!» Однако, перебив себя, Кевин сказал:

— Ну, если ты действительно не против моей компании... Я, например, больше люблю летать в одиночестве.

— Нет, что ты... Может, будет легче.

— Обычно становится, — машинально отозвался Кевин, совершенно не замечая, как эти слова не вяжутся со сказанным раньше. Зато отчетливо ощутил, как работают его фабрики сперматозоидов.

— Слушай, а здорово ты их сегодня сделала!

В планерном порту Фэрхевен они отвязали двухместный аппарат Рамоны «Кондор» и прицепили его к стартовому тросу. Пристегнулись и вдели ноги в педали. Рамона отпустила тормоз, аппарат рванулся вперед, и оба — Рамона и Кевин — завертели педали как бешеные. Резиновый трос выстрелил самолетик, словно камешек из рогатки. Он поймал струю и взмыл вверх, словно бумажный змей, запущенный против ветра опытной рукой.

— Хоп! — радостно крикнул Кевин.

Рамона скомандовала:

— Не «хоп», а крути педали!

Оба поднажали, откинувшись на спинки кресел, раскручивая жужжащий впереди здоровенный пропеллер и посылая самолетик все выше с каждым толчком. Двухместная машина не так эффективна, как одноместная; дополнительная мускульная сила не компенсирует избыточного веса, и пришлось вкалывать изо всех сил, пока планер не поднялся на две сотни футов, где его стремительно подхватил дневной бриз. Двухместник весил менее тридцати фунтов, и порывы ветра швыряли машину, словно бадминтонный волан.

Рамона парила в свежем бризе, словно чайка. О, это чувство, чувство полета! Они сбавили темп, настроившись на длинную дистанцию, чтобы облететь округ Ориндж по периметру. Нелегкая работа! Вот оно, одно из самых странных достижений современности, когда высочайшие технологии производят изделия, требующие более интенсивной физической работы, чем когда-либо ранее. Полет с помощью мускульной силы заставлял полностью выкладываться даже самых выносливых

атлетов. Но раз уж это стало возможным, кто устоит против такого?

Не устояла и Рамона Санчес: она крутила педали, улыбаясь от радости. Рамона летала очень много. Часто, работая на крыше, увлеченный делом, представляя себе дом — каким он будет, и людей, которые станут в нем жить, Кевин слышал голос сверху и, посмотрев в небо, видел там Рамону на маленькой «Стрекозе». «Стрекоза» стрекотала, как ей и было положено, а Рамона махала ему с небес — вспотевший эльф.

— Полетели в Ньюпорт, на волны посмотрим, — предложила Рамона.

Они взмыли вверх и окунулись в ветер с моря, словно тезка их аппарата, настоящий кондор. Время от времени Кевин посматривал на ноги Рамоны, работавшей в тандеме с ним. Ноги у нее были длинные, мышцы больше, чем у него, и сильнее выраженные — по два упругих мускула вверху, плавно сходящиеся вместе у колена. От этого бедра выглядели почти квадратными, что зрительно уравнивалось округлыми очертаниями ног внизу. Мышцы ее икр словно сошли со страниц пособия по шейпингу; кожа была гладкой и слегка покрытой тонкими шелковистыми волосками...

Кевин встряхнул головой, пораженный сказочной силой своего воображения, тем, как он рассматривает Рамону. Он взглянул на землю, на ньюпортскую трассу, как всегда, с оживленным движением. Сверху велосипедные дорожки выглядели пестрым скоплением шлемов, спин и работающих ног над паутиной линий из металла и резины. Автомобильные направляющие дорожки блестели, как серебряные ленты, впечатанные в бетон, и машины пронеслись вдоль них вдаль. Синяя крыша, красная крыша, снова синяя...

Когда планер закладывал вираж, Кевин замечал здания, над которыми он когда-то работал: дом, отражающий солнечные лучи куполами из дымчатого стекла и термобетона, гараж, переоборудованный в коттедж, склады, офисы, колокольню, домик на пруду... Его работа

укрывалась тут и там среди деревьев. Было приятно видеть ее, выделять среди других, припоминать проблемы, которые встречались и разрешались здесь, — одни лучше, другие хуже.

Рамона улыбнулась:

— А что, должно быть, здорово, когда видишь плоды своего труда?

— Угу! — сказал он, внезапно смутившись. И заволновался.

Рамона посмотрела на него. Ветрозащитные полосы из высоких эвкалиптов разрезали землю на гигантские прямоугольники, как будто вся долина была пестрым лоскутным одеялом из домов, фруктовых садов, желтых и зеленых полей. Встречный ветер наполнял легкие Кевина, радостно было окидывать единым взором так много земли и замечать так много знакомого на ней. Береговой бриз задул сильнее и понес их самолетик в сторону Ирвинских холмов. Развязка дорог на Сан-Диего и Ньюпорт выглядела гигантским бетонным кренделем, и всюду, там и сям — вода, сверкающая на солнце, будто кто-то разбросал по земле осколки зеркала. Речки, рыбопроизводные пруды, водохранилища, заболоченная Верхне-Ньюпортская бухта. Отлив обнажил серое дно, окаймленное зарослями камыша и группками деревьев. Даже здесь, на высоте, чувствовался солоноватый запах отмерших водорослей. Тысячи длинношеих водоплавающих птиц пестрым ковром покрывали поверхность залива.

— Перелет, — задумчиво проговорила Рамона. — Время перемен.

— На север направляются.

— Облака идут сюда быстрее, чем я думала. — Она показала рукой в сторону побережья. Полуденный ветер с моря принес низкие океанские тучи, как это частенько случается весной. Для растений это, может, и полезно, но летать в тучах — удовольствие ниже среднего.

— Вот и ладно, мне не повредит пораньше вернуться — на заседание Совета нехорошо опаздывать.

Рамона тронула рычаги управления, и они сделали широкий разворот над Ирвинскими холмами. Зеркальные стеклянные коробки индустриальных зданий отражали солнце; детские кубики — зеленые, голубые и золотистые.

Кевин взглянул на Рамону и заметил, что та часто моргает. Плачет? Ах да, ведь он напомнил ей про заседание Совета. Вот черт! А им было так хорошо! Идиот. Непроизвольно Кевин коснулся ее руки, лежавшей на рычаге.

— Извини, — сказал он. — Я забыл.

— А, — сказала она неровным голосом. — Понимаю.

— Тогда... — Кевин хотел спросить, что же произошло.

Она скорчила гримасу, пытаясь придать лицу комичное выражение.

— Это все довольно неприятно.

— Могу себе представить. Вы так долго были вместе.

— Пятнадцать лет, — сказала она. — Почти половина моей жизни. Она в сердцах хлопнула по рычагу, и «Кондор» завалился влево. Кевин клюнул носом в стекло.

— Может, слишком долго, — продолжала она. — Я имею в виду, слишком долго ничего не происходило. Ни у меня, ни у него никого не было раньше, до того как мы сошлись.

Кевин чуть было не напомнил ей эпизод с энциклопедией в шестом классе, но решил не делать этого — наверное, не совсем подходящий пример прошлой связи.

— Ох уж эти школьные романы! — воскликнула Рамона. — Все говорят, что ничего хорошего из них не выходит. Вот так живешь с человеком и не знаешь — а может, кто-то другой был бы лучшим партнером. И вдруг один из нас начинает этим интересоваться. — Она хлопнула кулаком по приборной доске, заставив планер подпрыгнуть, а Кевина — вмяться в кресло.

— Угу, — кивнул он. Было ясно, что она очень рассержена. Это хорошо, что Рамона дала волю чувствам, рассказывая все Кевину. Вот если бы она еще не колотила по приборам!

К тому же Кевин крутил ногами почти вхолостую; сопротивление не ощущалось. Оба они приводили в движение одну общую цепь, как на тандеме, но Рамона так яростно вертела педали, что этого было более чем достаточно для двоих. И всякий раз, когда Рамона ударами по приборной панели выражала свои чувства, аппарат вздрагивал и валялся на крыло. Кевин не подавал виду, решив не прерывать излияние эмоций прозаически-приземленными словами тревоги.

— Я имею в виду, что делать-то этот человек ничего такого не делает, просто интересуется! — продолжала она, снова рубанув рукой. — Ведь Альфредо тоже интересуется... Он много чем интересуется. Я для него не весь свет в окошке и полагаю...

— Что?

— Понимаешь, есть только немного вещей, которые волнуют меня по-настоящему. А Альфредо такой, что ему все интересно. — Бац! Прямо по щитку. — Ты даже не поверишь, как много у него интересов! — Бац! — И он всегда просто чертовски занят! — Бац! Бац! Бац!

— Но и ты вроде бы занята на все сто, — сказал Кевин, наблюдая за руками Рамоны и вздрагивая, — ведь после каждого удара их аппарат валялся вниз, даже не смотря на ее бешеную работу педалями.

— Альфредо давно стал бы миллионером, если б те еще водились. У него есть все, что для этого требуется.

— Но для этого нужно много времени, так ведь?

— Для этого нужна вся жизнь!

Кевин поднажал на педали, но они свободно крутились, словно слетела цепь.

— Это по крайней мере было бы чем-то ощутимым. А мы с ним никуда не стремились. Школьный роман в тридцать два года!.. Мне все равно — замужем я или просто так, но мои родители и дед с бабкой — католики, и родители Альфредо тоже. Ты же знаешь, как у католиков с этим. Кроме того, я хотела иметь семью. Знаешь, я каждый день возилась с детьми в нашем доме и все время думала, а почему одному из них не быть нашим. —

Бац! — Но Альфредо не до того, нет. Времени у меня нету, говорил он, я пока не готов. А к тому времени когда он созреет, станет уже поздно для меня. — Бац! Бац! Бац!

— Ик! — произнес Кевин, опасливо поглядывая на близкие верхушки деревьев. — Но... ведь, чтобы завести ребенка, не так уж много времени нужно. В другом доме, я хочу сказать...

— Тебе удивительно!.. Было множество людей, готовых помочь, но с ними всегда приходилось порывать. А он... Мы об этом столько лет с ним говорили. Но ничего так и не менялось, черт возьми! Я стала совсем ворчливой, а Альфредо все больше времени проводил где-то на стороне... — Говоря последние слова, Рамона быстро-быстро заморгала, голос начал дрожать.

— Петля обратной связи, — пробубнил Кевин, анализируя то, что она сообщила. Человеческие отношения построены по принципу обратной связи, как и все в экологии — так сказал бы Хэнк. Постоянное движение только в одном направлении (или только в другом) быстро выходит из-под контроля, и система сваливается в штопор. Чертовски трудно выйти из такого состояния, если вы в него попали. Люди постоянно погибают в катастрофах, вызванных штопором. Да, штопор из-за отсутствия правильной обратной связи... Кевин попытался припомнить те немногие летные уроки, которые он получил. Его попытки научиться летать закончились в основном зубрежкой теории.

«Но всякая медаль имеет две стороны, — размышлял Кевин (а тем временем его ноги начали ощущать некоторое сопротивление со стороны пропеллера). — С одной стороны — штопор, разрушение, гибель; но с другой стороны — спираль, которая вздымается ввысь; и дух, впитывающий все себе на пользу, совершает великие витки самосозидания...»

— Очень плохая обратная связь, — бесчувственно отзывалась Рамона.

Они поднажали на педали. Кевин работал изо всех сил, не сводя глаз с рычагов управления и неистового правого кулака Рамоны. Он считал историю Рамоны в каком-то отношении удивительной. Не мог он понять Альфредо. Иметь возможность любить прекрасную женщину, которая сидит сейчас рядом с ним, наблюдать, как развивается в ней ребенок, их ребенок... Кевин почти задохнулся от такой мысли, внезапно испугавшись ощущения собственного тела, почувствовав шевеление между ног...

Он отогнал прочь грешные мысли и глянул вниз. Земля была совсем близко.

— Так, — проговорил Кевин, уже смирившись с неизбежной аварией. — Ну и на чем ты остановилась?

— Я действительно разозлилась и, видимо, стала это все излишне выпячивать; ведь ни о чем другом я и думать не могла. Ну и Альфредо, он тоже на меня очень рассердился, и...

Она заплакала.

— Эх, Рамона... — сказал Кевин.

Вот что значит выбрать не тот галс. Прямой путь — не всегда самый лучший. Он сейчас работал за двоих — похоже, Рамона вообще прекратила крутить педали. Да, не вовремя он ее растревожил. Кевин стиснул зубы и вытянул шею, как лошадь на аркане, жмя из последних сил, но планер продолжал резко снижаться, заваливаясь на бок. До чего тугие педали!.. «Кондор» падал прямо на холм возле Тастина. Рамона сидела, сморщив лицо и накрепко зажмурив глаза, будто хотела, чтобы из них не упало ни слезинки. Она была слишком расстроена, чтобы хоть что-то замечать. Кевин понял, что их дела плохи. Аварии со смертельным исходом в таких случаях совсем не редкость.

— Извини, — выпалил он запыхавшимся голосом и слегка похлопал Рамону по плечу. — Может быть... М-м-м...

— Все в порядке, — сказала она, утерев слезы. — Иногда ничего не могу с собой поделать.

— Угу.

Она подняла глаза:

— Черт! Мы же сейчас врежемся в Редхилл!

— М-м-м, да.

— Что ж ты молчал?~

— Ну...

— Ах, Кевин! — Она улыбнулась, шмыгнула носом и, дотянувшись до него, чмокнула в щеку. Потом присоединилась к усилиям Кевина, и они повернули к дому.

Сердце Кевина просто переполнялось — не только радостью, что они спаслись от аварии, но и любовью к Рамоне. Ужасно обидно — она так страдает; однако всем не хотелось, чтобы Рамона и Альфредо сошлись снова. Совершенно не хотелось.

Кевин произнес, тщательно подбирая слова:

— Может, и к лучшему, что это произошло сейчас и сразу. А то бы тянулось, тянулось...

Рамона коротко кивнула. Они повернули в направлении маленького планерного порта Эль-Модены. Прямо перед ними на летное поле плюхнулась «Стрекоза», тяжело, как пчела в холодную погоду. Опытной рукой Рамона направила машину. Дневное солнце осветило верхушки деревьев; тень аппарата бежала по взлетной полосе. Они снизились до высоты, где вся равнина казалась сплошными верхушками деревьев — улицы и шоссе спрятались в тени, большинства зданий тоже не было видно.

— Я часто летаю на такой высоте, — сказала Рамона, — чтобы полюбоваться картиной.

— Красота... — Ее легкая улыбка, деревья кругом... Кевин почувствовал, как океанский бриз врывается прямо ему в грудь. До чего здорово сознавать, что Рамона Санчес свободна. И сидит сейчас рядом с ним.

Кевин боялся даже взгляд бросить в сторону Рамоны. Вернее сказать, он биологии своей боялся. Или, как говорила Дорис, «кровяного химизма»...

Изящно скользнув на посадочную полосу, они легко подрулили к стоянке. Отстегнулись, нетвердо ступили на

землю, разминая уставшие ноги, и потянули планер с полосы к ангару.

— Эх! — сказала Рамона. — *Estoy cansada*. Окончен бал, погасли свечи.

Кевин кивнул:

— Отлично полетали, Рамона.

— Ты не шутишь? — Когда они затащили планер в темный ангар, Рамона быстро обняла Кевина и проговорила: — Хороший ты друг, Кевин!

Возможно, это звучало как предупреждение, но Кевин его не услышал. Он старался сохранить ее прикосновение.

— Хотелось бы, чтоб так оно и было, — тихо сказал он, чувствуя, как дрожит его голос. Он сомневался, что говорит вслух. — Хотелось бы...

Городской Совет Эль-Модены помещался в старейшем здании округа, в церкви на Чапмен-авеню. На протяжении многих лет строение это отражало своим обликом и состоянием все повороты судьбы города — ведь у городов, как у людей, есть свои взлеты и падения. Церковь воздвигли квакеры в 1886 году, вскоре после того как поселились на этой территории и начали выращивать здесь изюмный виноград. Один из них пожертвовал городу большой колокол, который повесили на башне в передней части здания церкви. Вес колокола оказался слишком велик, и первый же крепкий порыв Санта-Аны развалил все строение. Столь же стремительно болезнь винограда в один момент разрушила всю экономику, и город фактически был покинут. Но жители сменили посадочную культуру, возродили виноградники, а потом восстановили и церковь. Это было первым шагом на долгом пути возрождения города — от полного запустения (церковь закрыта) к захолустному городишке (в церкви — ресторан) и, наконец, к воссозданию Эль-Модены как города со своей собственной судьбой, когда городской Совет выкупил ресторан и переоборудовал его в

тесноватую и немного таинственную ратушу, главный зал которой использовался под разные партийные нужды — конечно, не бесплатно. Вот так, в конце концов, здание стало общественным центром, к чему стремились его первостроители еще две сотни лет тому назад.

Сейчас белые стены внутреннего двора церкви были украшены цветными лентами, а на трех больших ивах, росших посреди, висели японские бумажные фонарики. Вокруг прогуливались люди Мак-Элроя Мариаши, наигрывая свои заунывные, но приятные мелодии, а длинный стол был уставлен бутылками отвратительного шампанского от Эла Шредера.

Кевин подкатил к велосипедной стоянке. Он волновался, как перед экзаменом. Конечно, по делам службы Кевин бесчисленное число раз бывал на заседаниях, но войти в эти стены в качестве члена Совета — дело совсем другое. И какого черта он дал уговорить себя? Кевин состоял в партии «зеленых», всегда в ней состоял. «Ремонтируем обветшавшее общежитие человечества!» А в этом году «зеленым» понадобилось заполнить одно из двух положенных партии мест в Совете. Но большинство известных членов партии или были заняты, или уже состояли в Совете раньше, или что-то еще им мешало. Неожиданно — Кевин даже понятия не имел, кто это решил, — его стали уговаривать войти в Совет. Он всем известен, всеми любим, говорили ему, сделал множество заметной работы на благо общества. «Еще бы не заметной, — сказал он, — ведь я дома строю».

В конце концов его уломали. «Зеленые» члены Совета принимают все важные решения как решения партии, так что большого опыта и знаний тут не надо. А если встретятся вдруг вещи, которых он не знает, ничего, освоит по ходу дела. Все совсем несложно. Это каждый может. А если нужно, ему помогут. И вообще, ему понравится! Будет интересно. Весело...

Но, как оказалось, больше всего помощь была нужна Кевину прямо за столом заседаний, когда дать ему нужный

совет никто уже не мог. Кевин пригладил рукой волосы. Это на него похоже: впервые задумался обо всем только теперь. Но поздно — дело сделано.

Подъехала Дорис вместе с какой-то женщиной постарше.

— Кевин, это Надежда Катаева, моя подруга из Москвы. Она была моим шефом, когда я работала по обмену у них в институте сверхпроводников, а теперь Надежда с визитом сюда. Остановилась у меня.

Кевин пожал женщине руку, и они втроем присоединились к толпе. Большинство собравшихся здесь были его друзьями или знакомыми. Как всегда, над ним подшучивали. Никто не принимал этот вечер всерьез. Кевину передали стаканчик шампанского, подошли друзья из «Лобоса» поднять тост за конец сегодняшней игры на зеленом травяном поле и за начало новой — на поле из зеленого сукна — «для некоторых (не будем указывать пальцем) членов команды, склонных к философии». Подняв несколько стаканчиков по разным поводам, Кевин обнаружил, что стал относиться к происходящему намного легче.

Тем временем на дворе возник Альфредо Блэр в кругу друзей, родных и партнеров. Мак-Элрой затрубили вступительные такты гимна «Слава шефу!», Альфредо заулыбался. Судя по всему, он был в прекрасном настроении. Как-то непривычно видеть его здесь без Рамоны, которая до сих пор была словно вторым полюсом магнита — явной, но неотделимой противоположностью. Внезапно Кевину вспомнились ее длинные ноги, вращавшие педали, ее широкое выразительное заплаканное лицо, полное злости и обиды, кулак, бьющий по сверхлегко-сверхпрочному материалу рамы планера...

Тем временем вечер набирал обороты. Становилось все шумнее.

— Смотрите, ненормальный какой-то пришел, — заметила Дорис, показывая на незнакомца. Здоровенный мужчина в уродливом черном костюме неуклюже проби-

рался от компании к компании и прерывал один разговор за другим. Он говорил что-то, люди смотрели на него со смущением или обидой; тут он отходил и вклинивался в другую беседу. Волосы человека развевались, шампанское выплескивалось из стакана.

Загадка раскрылась, когда Альфредо представил незнакомца.

— Эй, Оскар! Ну-ка, иди сюда. Люди, это наш новый городской прокурор, Оскар Балдарамма. Вы, может быть, смотрели интервью с ним.

Кевин не видел. Оскар Балдарамма приближался. Ростом выше Кевина, толстый; все в нем было огромным: луноподобное лицо, шея как ствол дерева, могучая бочкообразная грудь под стать пухлой талии. Курчавые черные волосы растрепаны даже больше, чем у Кевина. На Оскаре был темный костюм, сшитый не менее полувека тому назад, старше хозяина лет на десять.

Оскар кивнул, потряс тройным подбородком и прошлепал толстыми подвижными губами:

— Очень приятно встретить еще одного новичка в этой команде. — Голос был скрипучим и монотонным, как будто его обладатель, кривляясь в стиле грустного клоуна, намеревался сорвать смех публики этой фразой.

Не найдя нужных слов, Кевин просто кивнул в ответ. Он слышал, что новый городской прокурор — «горячая голова» со Среднего Запада, несколько лет работал в Чикаго. А им нужен был хороший юрист, потому что в Эль-Модене, как и в большинстве городов, всегда появлялись проблемы с законами. Старый Совет потратил полгода, чтобы подыскать нового прокурора. Но найти такого!..

Оскар подошел вплотную к Кевину, наклонил голову и подмигнул с видом заговорщика. Очевидно, мимика должна была означать, что дело важное и секретное.

— Мне говорили, вы перестраиваете дома?

— Да, это моя работа.

Оскар с видом киношного шпиона огляделся вокруг.

— Мне сдали старенький домик возле планерного порта. Хотелось бы узнать, не можете вы переоборудовать его для меня?

— Ну что ж, для начала надо посмотреть. Думаю, мы обо всем договоримся. Я поставлю вас на очередь. Она у меня небольшая.

— Я охотно готов подождать!

Кевину это показалось знаком хорошего расположения.

— Я осмотрю ваш участок и составлю смету, — сказал он.

— Конечно-конечно, — театрально прошептал толстяк.

Принесли очередной поднос с шампанским. Оскар глубокомысленно уставился на свой бумажный стаканчик.

— О, местное шампанское. Попробуем.

— Да, — сказал Кевин. — Производство Эла Шредера. У него большие виноградники возле Кауэн-Хейтс.

— Кауэн-Хейтс, — повторил Оскар.

Дорис сказала резко:

— Да, виноград не из Напы или Сономы, но это еще не значит, что он плохой. Я думаю, вино очень приятное!

Оскар пристально посмотрел на нее:

— А можно спросить, кто вы по профессии?

— Материаловед.

— Тогда я полагаюсь на ваше знание материала. Местного. Виноматериала, кх-м...

Увидев выражение лица Дорис, Кевин не мог сдерживать улыбки.

— Шампанское Шредера — так себе, — сказал он. — Но у него есть другое вино — зинфандель, намного лучше.

Оскар слегка скосил глаза:

— Надо будет проверить. Такие рекомендации требуют действия!

Кевин фыркнул, Надежда тоже усмехнулась. А вот Дорис выглядела более недовольной, чем всегда, и своим видом давала Оскару понять это. В это время Джин Аурелиано призвала всех к тишине.

Пора за работу. Альфредо, проведенный в Совете уже шесть лет, давал сегодня присягу в качестве нового мэра, а Кевин — как вновь вступающий член Совета. Кевин уже позабыл об этом и теперь, пробираясь к трибуне, споткнулся и чуть не упал.

— Ну и начало! — выкрикнул кто-то.

Покраснев, Кевин положил руку на Библию и повторил слова судьи. Внезапно он ощутил себя членом правительства. В точности как пророчили ему еще в шестом классе. Все перешли в зал заседаний, и Альфредо занял место во главе стола. Как мэр он здесь не более чем первый среди равных, просто член Совета от наиболее многочисленной партии города. Он вел заседания, но, как и остальные, имел один голос.

По одну сторону от Альфредо сидели Кевин, Дорис и Мэтт Чанг. С другой стороны — Хироко Вашингтон, Сьюзен Майер и Джерри Гейгер. Оскар и городской землеустроитель Мэри Давенпорт сидели за отдельным столиком в сторонке. Кевину хорошо было видно всех членов Совета, и, когда Альфредо пригласил всех садиться, он взгляделся в каждое лицо.

Кевин и Дорис представляли партию «зеленых», Альфредо и Мэтт — федералов. Новые федералисты, или попросту федералы, первый раз за несколько лет с небольшим перевесом обошли на выборах «зеленых». Хироко, Сьюзен и Джерри представляли небольшие местные партии и были колеблющимися центристами. Сьюзен и Хироко занимали четко умеренные позиции, а вот решения Джерри были зачастую абсолютно непредсказуемы. Именно это дало ему популярность у некоторых жителей Эль-Модены, которые вступили в партию Гейгера, чтобы видеть своего кумира в Совете.

Альфредо постукал ладонью по столу:

— Если мы сейчас не начнем, то нам придется сидеть тут всю ночь! Поприветствуем нашего нового члена — Кевина Клейборна. И пусть погружается в работу прямо с первого пункта повестки дня. Точнее, второго. Первым было его приветствие. Ладно, номер второй. Пересмотр порядка вырубki лесов, граничащих с водохранилищем в каньоне Питера. Есть решение об отмене действующего порядка до пересмотра его Советом. Такой запрет вынесен по требованию городской партии Дикой природы, представленной сегодня Ху Ньянг. Вы здесь?

На трибуну поднялась женщина довольно эксцентричной внешности. Она убеждающе заговорила о том, что деревья вокруг водохранилища старые и священные, что вырубка этих лесов — вопиющий акт произвола. Когда женщина начала повторяться, Альфредо тактично прервал ее:

— Мэри, порядок вырубki исходит от ваших людей; можете прокомментировать сказанное?

Городской землеустроитель откашлялась.

— Деревья вокруг водохранилища — тополя и ивы. И те и другие исключительно гидрофильны. Естественно, воду они получают из водохранилища. Ясное дело, если их не вырубить, мы будем терять ежемесячно более тысячи кубометров воды. Решение Совета за номером 2022-3 предписывает нам сделать все возможное, чтобы уменьшить свою зависимость от окружной и муниципальной служб водоснабжения. Мы попытались очистить зону водохранилища от гидрофильных деревьев, но тополя быстро выросли вновь. А ивы, между прочим, вообще не уроженцы здешних мест. Мы советуем вырубить эти деревья и заменить их на дубы и степные травы. Впрочем, одну большую иву возле плотины мы собираемся оставить.

— Кто хочет выступить? — спросил Альфредо.

Все выступившие одобрили план Мэри. Джерри заметил, что будет прекрасно, если Эль-Модена избавится наконец от некоторых деревьев. Альфредо попросил высказаться кого-нибудь из публики. Несколько человек

выходили к трибуне и в основном повторяли уже сказанное, иногда нетрезвыми голосами. Альфредо прекратил прения и поставил вопрос на голосование. Порядок вырубки деревьев был одобрен семью голосами. Против не выступил никто.

— Единогласно! — радостно сказал Альфредо. — Прекрасное предзнаменование для нашего Совета. Простите, Ху Ньянг, но ваши деревья слишком много пьют. Вопрос номер три: предлагается ограничить шум в районе стадиона средней школы. Ха! Кто осмелится поддержать?

Заседание шло своим чередом, грозя начисто съесть вечер, не уступив в этом множеству других собраний, которые проводились каждую среду. Битва за разрешение строительства, ставшая протестом против права города на землю, дискуссия о границах районов, распоряжение, запрещающее катание на досках по велосипедным дорожкам, предложение по изменению распределения городских фондов... Обычные житейские проблемы маленького городка, пункт за пунктом решаемые собранием общественности. Работа по управлению миром, повторяемая тысячи и тысячи раз на всей планете. Можно сказать, что это и есть настоящее занятие для представителей власти.

Но в этот вечер Кевин ничего такого не ощущал. Для него это была лишь работа, причем довольно скучная. Он чувствовал себя судьей, который не может подыскать подходящего прецедента. Но даже когда прецеденты находились, Кевин обнаруживал, что они слишком редко были близки к реальной ситуации, чтобы хоть как-то помочь ему. «Интересная штука, — думал он рассеянно, пытаясь избавиться от действия дрянного шампанского, — прецеденты тут бесполезны». Он решил голосовать так же, как и Дорис, а почему и для чего, выяснить потом. К счастью, никто не требовал обосновывать свои решения.

Примерно на каждом пятом голосовании ему упорно приходила в голову одна и та же мысль: «А ведь придется торчать тут каждую среду на протяжении двух лет и

заниматься только этим! Внимательно вслушиваться в кучу вещей, которые тебе ни капельки не интересны! Ну какого черта ты поддался на уговоры?»

Публика начала вставать и расходиться. Надежда — женщина из Москвы — осталась на месте и наблюдала за происходящим с явным интересом. Оскар и секретарь Совета делали многочисленные пометки. Собрание продолжалось.

Кевин уже не мог сосредоточиться. Долгий день, да еще это шампанское... Было тепло, хорошо, голоса звучали тихо, успокаивающе...

Спать хочется. Ах, как хочется спать. Стыд-то какой!.. И все же ужасно спать хочется. Просто невозможно. На своем первом заседании в Совете. Но тут так тепло, так уютно... Не спать, не спать! О Боже мой! В отчаянии он крепко ущипнул себя. Заметил кто-нибудь, как он сдерживался, чтобы не зевнуть? Не уверен. О чем хоть они говорят-то? Он понятия не имел даже, какой пункт повестки обсуждают. Невероятным усилием воли Кевин попытался сосредоточиться.

— Номер двадцать седьмой, — произнес Альфредо, и Кевин на секунду испугался, что тот сейчас посмотрит на него со своей наглой улыбкой. Но Фредо продолжал читать. Куча обычных бюрократических деталей. Например, представление отделом городского планирования двух новых членов Водоканал-мастера. Кевин ни одного из них не знал раньше. Не до конца еще очнувшись, он потряс головой. Водоканал-мастер... Когда Кевин был маленьким, это слово приводило его в необъяснимое восхищение. Позже он весьма разочаровался, узнав, что это не волшебник, обладавший магической властью над водами, а всего лишь одна из служб в бесчисленном ряду контор. В одних водоемах они только регистрировали расход воды, в других сами устанавливали политику водопользования. Кевин представления не имел, чем они там занимаются в своей службе, но сейчас почувствовал нечто странное. Возможно, оттого, что имена были незнакомы. Вот и прокурор за своим столом слегка покачал

головой. До сих пор он наблюдал за происходящим с каменным лицом, но теперь в его поведении что-то изменилось, словно статуя спящего Будды приоткрыла вдруг один глаз и взглянула с любопытством.

— А они кто? — прохрипел Кевин. Голос с полудремы плохо слушался. — Я имею в виду этих двоих.

Альфредо легко и изящно «обработал прерывание», словно Рамона, на лету берущая трудный мяч. Он представил двух кандидатов. Один из них — компаньон Мэтта, другой — сотрудник инженерной службы окружного водоснабжения.

Кевин с сомнением выслушал.

— А каковы их политические убеждения?

Альфредо пожал плечами:

— Я думаю, они федералы, но какая разница? Это же не политическое дело.

— Шутить изволите? — скривился Кевин.

Вода, и не политическое? Сонливость как рукой сняло, он пробежал глазами текст пункта под номером 27. Альфредо потребовал объясниться, однако Кевин, ничего не слыша, вчитывался в бумагу. Одобрение положения с добычей воды из источников района, одобрение годового отчета по использованию грунтовых вод (хорошо!). Письмо с благодарностью в адрес окружной службы водоснабжения за земли каньона Кроуфорд, переданные в дар городу в прошлом году. Письмо из отдела городского планирования с запросом дополнительной информации о предложении Управления водоснабжением штата увеличить подачу воды городам-клиентам...

Дорис толкнула его локтем под ребро.

— Что ты имеешь в виду? — повторил Альфредо в третий раз.

— Вода — всегда политическое дело, — рассеянно сказал Кевин. — Скажи-ка, ты всегда вставляешь в один вопрос повестки так много вещей?

— А что такого? — ответил Альфредо. — Мы объединяем вопросы по темам.

Голова Оскара качнулась немного влево, затем вправо. Ну прямо ожившая статуя Будды.

Если бы чуть больше знать об этом... Кевин ткнул в документ наугад:

— А что за предложение от УВС?

Альфредо заглянул в повестку дня:

— Ах это... Это было несколько заседаний тому назад. Решением суда Управлению водоснабжением штата расширили их участок реки Колорадо, и они хотели бы продать эту воду, пока не закончено строительство туннеля, куда загонят реку Колумбия. Отдел городского планирования решил, что если мы будем получать больше воды от УВС, то сможем избежать штрафов со стороны окружной службы за перерасход грунтовых вод и в конечном счете сэкономим средства. УВС готова на все — когда к Колумбии подойдет труба, это будет выгодный рынок. По сути дела, это уже и сейчас выгодно.

— Да, но мы не выкачиваем излишне много грунтовых вод.

— Согласен, но штрафы за перерасход суровые, так что... А получив воду, мы сможем скомпенсировать любой наш перерасход и избежать штрафов.

Кевин озадаченно покрутил головой:

— Но если мы получим дополнительную воду, то это значит, что перерасхода вообще не будет!

— Точно! В том-то и дело. Но как бы то ни было, это всего лишь письмо с просьбой дать дополнительную информацию.

Кевин задумался. По работе ему часто приходилось получать разрешения на пользование водой, и он кое-что знал об этом. Как и многие города в Южной Калифорнии, они покупали воду у УВС в Лос-Анджелесе, который качал ее из Колорадо. Но это практически и все, что он знал...

— А какую информацию мы сейчас имеем? У них есть минимальная норма?

Альфредо попросил Мэри найти подлинник письма из столичной службы и зачитать его. Минимальный объем продажи — шестьдесят тысяч кубометров в год.

— Но ведь это намного больше, чем нам нужно! — удивился Кевин. — Что ты собираешься делать с такой прорвой воды?

— Ну... — замылся Альфредо, — если в первое время будут какие-то излишки, мы можем продавать их окружающему Водоканалу.

«Если будут, — подумал Кевин. — В первое время... Как-то странно все это звучит».

Дорис подалась вперед на своем кресле:

— Так, значит, мы решили заняться бизнесом с водой? А как же насчет решения уменьшить зависимость от УВС штата?

— Но это всего лишь письмо с запросом дополнительной информации, — раздраженно повторил Альфредо. — Вода — вещь непростая и с каждым днем становится все дороже. А наше дело — попытаться получить ее как можно дешевле. — Он взглянул на Мэтта Чанга, а затем уткнулся в свои бумаги.

Кевин стиснул кулаки. Чего-то они добиваются. Кевин не знал, чего именно, но внезапно понял — от него хотят что-то скрыть, на его первом заседании Совета, когда он еще не вошел в курс дела, да к тому же устал и немного в подпитии.

Альфредо забубнил о засухе.

— А для таких вещей не нужно официального заключения о влиянии на окружающую среду? — прервал его Кевин.

— Для информационного письма? — спросил в ответ Альфредо, немного саркастично.

— Да ладно, ладно. Недавно я стоял тут перед Советом и пытался получить разрешение объединить оранжерею и курятник. Для этого мне пришлось добывать заключение о воздействии на окружающую среду, а уж для таких изменений этот документ наверняка понадобится. — Кевина охватила внезапная вспышка ярости.

— Это всего лишь вода! — сказал Альфредо.

— Твою мать! Решил всех одурачить?! — вскипел Кевин. Дорис пихнула его локтем, и Кевин вспомнил, где находится. Покраснев, он опустил голову. Среди публики кто-то захихикал. Еще бы! Понаблюдать за скандалом не где-нибудь, а в Совете!

Ладно. В разговоре наступила пауза. Кевин оглядел других членов Совета. Мэтт насупился. Центристы сидели с озабоченным видом, смущенные.

— Послушайте! — сказал Кевин. — Я не знаю, кто эти кандидаты, не знаю подробностей предложения от УВС. В такой ситуации я не могу одобрить пункт двадцать седьмой. Предлагаю перенести обсуждение на другое заседание.

— Я поддерживаю, — сказала Дорис.

Альфредо выглядел так, будто хотел что-то возразить, но всего лишь произнес:

— Кто за это предложение?

Кевин и Дорис подняли руки. Хироко с Джерри их поддержали.

— Хорошо, — сказал Альфредо, пожав плечами. — Тогда на сегодня все.

Он быстро закрыл заседание и, когда все встали, взглянул на Мэтта.

«Они что-то хотели протащить через Совет, — подумал Кевин. — Но вот что?» Злость вспыхнула в нем с новой силой. Хитрит Альфредо! И никто, кроме Кевина, этого не замечает.

Перед Кевином выросла грузная фигура городского прокурора. Стоящий Будда.

— Так вы придете посмотреть мой домик?

— Ах да, — рассеянно проговорил Кевин.

Оскар дал ему свой адрес.

— Может, вы и мисс Накаяма сможете зайти к завтраку. Вы посмотрите дом, а я постараюсь прояснить вам некоторые тонкости сегодняшней повестки дня.

Кевин быстро взглянул на Оскара. Крупное лицо толстяка было совершенно непроницаемо. Потом он со

значением подмигнул обоими глазами, черными как вороново крыло. И снова круглый лик его окаменел.

— Хорошо, — сказал Кевин. — Мы придем.

— Я буду ждать вас.

Ночное возвращение домой после долгого собрания. Кевину надо было завезти кое-какие инструменты Хэнку, а Дорис с Надеждой направились прямо домой. И вот сейчас он ехал в одиночестве.

Встречный напор прохладного воздуха, мерцающая фара, легкое жужжание велосипедной цепи. Повсюду запах цветущих апельсинов, смешанный с ароматом эвкалипта, приправленного шалфеем, — характерные запахи Эль-Модены. Забавно, что два из трех — пришлые. Они сопровождали Кевина всю дорогу...

Вырвавшись наконец на свободу, все еще слегка навеселе, Кевин чувствовал, как ароматы земли наполняют его. Он легок, словно воздушный шарик. Неожиданный восторг охватил его этой весенней прохладной ночью.

Как всегда говорил Хэнк, в каждом атоме, в каждой молекуле, в каждой крошке материального мира существует Бог, так что с каждым глотком воздуха ты вдыхаешь Бога. Кевин иногда действительно чувствовал что-то в этом роде, заколачивая гвозди в новую конструкцию, пря в небе, катя вот так в ночи на велосипеде, когда вокруг громоздятся черные холмы... Ему знакомы были очертания каждого темного дерева на пути, каждый поворот. Всю дорогу Кевин чувствовал, как растворяется в окружающем, запах деревьев становится его частью, тело его становится частицей этих холмов, а душа полнится священным трепетом.

Бедра Кевина еще гудели от недавнего полета, и, ощущая это, он снова представил себе ноги Рамоны. Длинные мускулы, гладкая загорелая кожа, пушок шелковистых волос... Бах, бах — ударами по ультралитовой

раме выражает Рамона свою ярость и боль. Еще многое связывает ее с Альфредо, это несомненно.

Долгий-долгий день. Игра. Четыре — четыре. Руки еще помнят сильные, жесткие удары по мячу. Потом пустая болтовня на Чапмен-авеню. Мысли о собрании заглушают приятные воспоминания этого дня. Ох парень! Влип ты с этим чертовым Советом на целых два года. В Кевине снова вскипела злость на Альфредо, на его уловки. Вспомнилась странная мимика нового городского прокурора. Стоящий Будда. Что-то происходит. Забавно, что Кевин уловил это даже сквозь полудрему, в которой пребывал. Друзья подшучивали над ним за медлительность, но дураком-то он не был, нет! Взгляните только на его дома, и поймете это. Интересно, обратил бы Кевин внимание на этот скользкий пункт повестки дня, если б не сонливость? Трудно сказать. Да и не в этом дело. Какое-то подсознательное сопротивление. Упрямый разум отказался быть одураченным.

Кевин свернул влево, на дорожку, поднимавшуюся к дому. Он жил в большом старом переоборудованном здании, построенном в виде подковы вокруг пруда. Кевин сам занимался реконструкцией и до сих пор считал, что это — лучшее из его созданий: огромный шатер, наполненный светом, дом для целого рода. Жильцы дома, соседи Кевина, и в самом деле были настоящей семьей.

Последний болезненный толчок бедер и короткий спуск к велосипедной стоянке у открытого конца подковы. Наверху, как всегда, светилось окошко Томаса. Наверняка сидит перед экраном компьютера и работает не покладая рук. У большого кухонного окна сновали тени. Это, конечно, Донна и Синди. Болтают, наблюдая, как дети моют тарелки, и одаривают их подзатыльниками.

Дом стоял в роще авокадо у подножия Рэттлснейк-Хилла, одного из последних вздутий земли, называющихся горами Санта-Ана, перед пологим спуском к морю. Темная громада холма наверху, укутанная зарослями

кустарникового дуба и шалфея. Дом Кевина под холмом. Холм, центр его жизни.

Кевин вдвинул переднее колесо своего горного велосипеда в «стойло». Повернувшись к дому, он вдруг что-то увидел и остановился. Какое-то движение. Там, в темноте рощи.

Кевин скосил глаза на освещенные окна кухни. Звон кастрюль, голоса. В глубине рощи, среди деревьев, мелькнула тень. Внезапно Кевин почувствовал на себе взгляд. Высокая тень, по форме — человек. Слишком темно, чтобы разглядеть как следует.

Темное нечто шевельнулось, двинулось в сторону и исчезло среди деревьев — совершенно беззвучно.

Кевин перевел дыхание. По спине и затылку бежали мурашки. Что за черт?..

Просто, видать, слишком долгий был день. И ничего там нет, кроме ночи. Кевин тряхнул головой и вошел в дом.

Глава 2

2 марта 2012 года. 8 часов утра. Я решил — дабы, что называется, глубже проникнуться духом моей книги — писать ее на свежем воздухе. К сожалению, сегодня с утра идет снег. Впрочем, балкон верхней квартиры образует над нашим нечто вроде крыши, поэтому я все же пробую осуществить свое намерение. Выкатываю на балкон компьютерную стойку и кресло, подключаю через удлинители, надеваю теплые брюки и куртку, натягиваю теплые сапоги. Итак, прочь от мирских забот. Замечательные минуты, свободный полет фантазии... Бр-р! У меня стынют руки.

Stark bewolkt, Schnee*. За весь этот год мы толком и не видели солнца, на погоду жалуются даже местные жители. Внезапно меня посещает видение: долина Оуэнс-Вэлли весной, когда все цветет.

* Снегопад, никудышная погода (нем.).

Я пишу утопический роман. Разумеется, он — своего рода компенсация, этакая попытка преуспеть хотя бы тут, раз уж ничего не получилось в главном. Или, по крайней мере, попытка разобраться в собственных убеждениях и желаниях.

Помню, когда я учился в юридическом колледже, мне казалось, что жизнь общества определяется законами, которые, если их как следует изучить, помогут изменить сложившийся порядок. Затем была работа в должности государственного защитника, множество клиентов, сплошная рутина. Я понял, что изменить ничего не удастся, и в обратном меня не убедили даже судебные процессы, которые я вел от имени социалистической партии — точнее, от имени жалкой кучки, что была когда-то партией. Непрерывные атаки со всех сторон; если удавалось сохранить, что имели, мы считали, что нам повезло. Никаких изменений к лучшему, только бы не потерять последнее. Признаться, я вздохнул с облегчением, когда получил возможность уйти (Памела как раз защитила докторскую).

Теперь я изменяю мир в мыслях.

Балкон выходит на крошечный дворик, размеры которого ограничены кирпичными стенами соседних зданий. Посреди дворика растет липа, которая намного выше других деревьев и, естественно, кустов. Ее мокрые черные ветки тянутся к небу, которого не видно из-за густой снежной пелены. Прямо под балконом я вижу два вечнозеленых растения: одно смахивает на падуб, другое похоже на можжевельник; среди ветвей, изредка что-то щебеча, копошатся птицы, маленькие пернатые комочки. В промежутке между стенами двух зданий виднеется кусочек Цюриха: медно-зеленые шпили Гроссмюнстера и Фраумюнстера, отливающая сталью поверхность озера, университет, банки... Средневековый город. Доносится скрежет катящегося под гору трамвая.

Я пишу утопический роман, находясь на территории страны, устройство которой напоминает хорошо отлаженный механизм; и это несмотря на четыре языка, две

религии и почти полное отсутствие каких бы то ни было природных ресурсов. Причины конфликтов, раздражающих на части весь остальной мир, устанавливаются здесь с холодной рассудительностью (словно речь идет о пустяках вроде задачек на сопротивление материалов), а сами конфликты благополучно гасятся. Если науке угодно знать, какой вращающий момент способно выдерживать общество, пусть спросит у швейцарцев.

Возможно, они со своим благоденствием слегка хвятили через край. В страну хлынул поток беженцев; местные жители утверждают, что ныне Auslander* составляют половину населения. Вот почему на выборах в некоторых кантонах одержала верх партия национального действия, которая вошла в правящую коалицию. Ее девиз, вернее, боевой клич: «Швейцарию швейцарцам!» Кстати, вчера мы получили Einladung** из Fremdenkontrolle der Stadt Zurich. Управление по делам иностранцев города Цюриха. Необходимо продлить наши Ausländerausweise***. Подобная процедура повторяется теперь раз в четыре месяца. Интересно, а не вознамерились ли власти дать нам пинка под зад?

Впрочем, пока все спокойно. Падают белые снежинки. Я будто очутился в своего рода карманной утопии, сочиняю на крохотном островке покоя посреди обезумевшего мира. Может быть, так будет проще приспособиться к тому, что меня ожидает; быть может, отныне, стоит лишь вспомнить Швейцарию, я буду всякий раз испытывать схожие чувства.

К несчастью, карманных утопий на свете не бывает.

На следующее утро Надежда вместе с Кевином и Дорис отправились к Оскару Балдарамме. Они сели на велосипеды, выехали на шоссе — гул голосов, скрип тормозов, то и дело кто-то с кем-то сталкивается, — вскоре

* Иностранцы (нем.).

** Извещение (нем.).

*** Вид на жительство (нем.).

добрались до улицы, на которой жил Оскар, и покатали по ней вниз, в тени высоких деревьев, чьи стволы в лучах утреннего солнца отливали янтарем.

Возле дома Оскара росли лимоны и авокадо. Некоторые плоды попадали на землю; от них исходил сладковатый запах. Сам дом — типовой, возведенный в пятидесятых годах, представлял собой одно из тех деревянных строений с покрытыми штукатуркой стенами, которыми когда-то изобиловали городские пригороды; на крыше лежала каменная черепица. В глубине двора, под сенью авокадо, располагался навес для велосипедов и сельскохозяйственных инструментов. Его крыша углом соприкасалась с крышей дома.

— Навес для автомобиля, — сказал Кевин, с интересом разглядывая сооружение. — Их почти не осталось.

Оскар вышел навстречу гостям в пестрой гавайской рубашке, узор которой составляли чередующиеся желтые и голубые полосы, и сиреневых шортах. Не обратив ни малейшего внимания на Дорис, которая насмешливо прищурилась, он пригласил всех внутрь. Дорис заметила, что дом чересчур велик для одного человека; Оскар тут же напыжился, отступил в сторону, насупил брови, помахал в воздухе воображаемой сигарой и произнес: «Милости просим подселаться!»

Кевин и Дорис недоуменно уставились на него.

— Граучо Маркс*, — пояснил Оскар.

— Я слышала это имя, — проговорила Дорис, переглянувшись с Кевином, который утвердительно кивнул.

Оскар поглядел на Надежду. Та улыбалась.

— В таком случае... — пробормотал он, сложил губы дудочкой и пригласил гостей в соседнюю комнату.

Когда они осмотрели дом, Кевин поинтересовался, чего конкретно хочет Оскар.

* Джулиус (Граучо) Маркс (1895—1977) — американский комик, один из четверых братьев, которые были популярны в тридцатых—сороковых годах XX в. В фильмах постоянно появлялся с усами и курил сигару.

— Никаких излишеств. — Оскар взмахнул рукой. — Стены настолько прозрачные, что невозможно определить, внутри ты или снаружи; третий этаж с мансардой, а также, возможно, с голубятней, солярием, холодильником и мусоропроводом; банановые и коричные деревья, лестница с позолоченными перилами; библиотека, способная вместить двадцать тысяч томов, и система бесперебойной доставки продуктов.

— А огород вам не нужен? — спросила Дорис.

— Терпеть не могу работать в огороде.

— Оскар, это просто смешно! — Дорис закатила глаза.

— Вот такой я недотепа, — торжественно заявил хозяин.

— Откуда же вы собираетесь брать овощи?

— Буду покупать. Помните, что это означает?

— Помню. — Похоже, шутка Оскара пришлась Дорис не по вкусу.

Воцарилось ледяное молчание. Все вышли на задний двор. Кевин попытался выяснить, что же нужно Оскару на самом деле, но особого успеха не добился: Оскар по-прежнему рассуждал о библиотеках, деревянных панелях, каминах и уютных гнездышках, которые скрашивают долгие зимние вечера. Кевин попробовал объяснить, что в здешних краях зимние вечера короткие и совсем не холодные, что его манера — оставлять как можно больше свободного пространства, так сказать, превращать городской дом в своего рода маленькую ферму. Оскар как будто не возражал, однако продолжал вещать все в том же духе. Кевин почесал в затылке и прищурясь поглядел на прокурора. Ни дать ни взять такой болтливый Будда.

Наконец Надежда спросила, что думает Оскар по поводу вчерашнего заседания Совета.

— А... Что ж... Вы представляете себе, какое тут положение с водой?

— Американский Запад начинается там, где годичный уровень осадков опускается ниже десяти дюймов, — оттраптовала Надежда, словно отвечая в школе на уроке.

— Совершенно верно.

И поэтому, пустился объяснять Оскар, Соединенные Штаты представляли собой, в общем и целом, пустынную цивилизацию и, подобно всем предыдущим пустынным цивилизациям, оказались на грани уничтожения, когда начались проблемы с водоснабжением. На Западе в то время жили шестьдесят миллионов человек, а природных запасов хватало от силы на два-три миллиона. А так как засоряются даже крупнейшие резервуары, приходится пользоваться в основном подземной водой, которую добывают словно нефть (менее чем за столетие из-под земли выкачали едва ли не всю воду, которая копилась там на протяжении тысячелетий). Громадные водоносные пласты стали пересыхать; резервуары непрерывно мелели, а засуха мало-помалу сделалась привычным явлением. Естественно, требовалось принимать какие-то меры.

Найденное решение оказалось весьма впечатляющим и получило полное одобрение командования инженерных войск. На северо-западе Соединенных Штатов протекает река Колумбия, которая каждый год сливает в Тихий океан поистине чудовищное количество воды. Штаты Вашингтон, Орегон и Айдахо подняли шум: мол, вспомните, что случилось с долиной Оуэнс-Вэлли, когда Лос-Анджелес получил право на ее воду.

Однако объем воды в Колумбии превышал потребности этих штатов раз в сто, а на юге между тем положение становилось просто отчаянным. Да, инженерные войска пришли в восторг. Дамбы, резервуары, трубопроводы, каналы, многомиллиардные доходы, роль спасителей задыхающегося от жажды Юга... Великолепно! Потрясающе! Что может быть лучше?

— Вот чем мы занимались все эти годы: вместо того чтобы переселяться туда, где есть вода, перебрасывали воду к людям.

— Знакомая ситуация, — кивнула Надежда. — В моей стране одно время носились с планом развернуть Волгу, чтобы она протекала по засушливым землям. От затен

отказались лишь тогда, когда стало ясно, что это приведет к изменению климата во всем мире. — Она улыбнулась. — Или же по причине отсутствия средств. Но я не совсем поняла вчерашние разногласия. Ведь у вас воды скоро вновь будет предостаточно?

— Меня заинтересовали две детали. Первая — запрос, отправленный в управление водоснабжения в Лос-Анджелесе, которое отвечает за обеспечение нас водой по трубопроводу от реки Колорадо. Вторая — кандидатуры на должность ответственного за водоснабжение. С одной стороны, мэр вроде бы пытается увеличить объем воды, выделяемый Эль-Модене, с другой — не прочь единолично им распорядиться. Я понятно выражаюсь?

Гости дружно кивнули.

— А что там с запросом? — любопытствовала Надежда.

— Принимая решение о разделении воды Колорадо между штатами, по территории которых протекает река, федеральный суд вынес его на основании данных о годовом стоке. К несчастью, по чистой случайности были использованы цифры, которые относились к году сильного паводка. В результате фактический объем воды существенно отличается от зафиксированного на бумаге и штаты дерутся за нее как собаки за кость. Поэтому суд в конечном итоге урезал квоты всех штатов; однако Калифорния — точнее, управление водоснабжения — не так давно добилась, чтобы ей восстановили прежнюю норму.

— Каким образом?

— Во-первых, Калифорния пользовалась этой водой дольше других, что подкрепляло ее претензии. Во-вторых, когда появился трубопровод Колумбия, стало ясно, что штатам-соперникам вода Колорадо больше не понадобится. Итак, управление водоснабжения получило излишек воды, а поскольку права на нее, если водой будут активно пользоваться, уже никто не оспорит, потребовалось срочно продать весь новый объем. Предложения об увеличении квоты были направлены всем без исключения

клиентам в Южной Калифорнии. Большинство отказалось, и УВС занервничало.

— А почему большинство отказалось?

— У них ровно столько воды, сколько нужно. Это один из методов регулирования численности населения. Все рассчитано до мелочей. Так называемая «стратегия Санта-Барбары».

— А ваш мэр, наоборот, хочет увеличить квоту?

— Вы вчера сами слышали.

— Но почему? — проговорил Кевин.

— До меня дошли кое-какие слухи. — Оскар поджал губы, воровато огляделся по сторонам, словно в поисках подозрительных личностей, и прошептал заговорщицким тоном: — Как-то раз, вскоре после своего приезда сюда, я сидел за обедом в ресторане. Вдруг из-за перегородки донеслись голоса...

— Вы подслушивали! — воскликнула Дорис.

— Увы. — Оскар напустил на себя донельзя расстроенный вид. — Не мог удержаться. Простите великодушно. Дорис скорчила гримасу.

— Позже выяснилось, что разговаривали ваш мэр и некто по имени Эд. Они обсуждали новый комплекс, в котором будут и лаборатории, и конторы с магазинами. В качестве потенциальных арендаторов упоминались «Новаджин» и «Хиртек».

— «Хиртек» принадлежит Альфредо и Эду Мейси, — сообщила Дорис.

— Вон оно что. Понятно.

— А они не говорили, где собираются строить? — справился Кевин.

— Нет, о конкретном месте речи не было. Впрочем, мистер Блэр сказал: «Им нравится этот вид». Возможно, имелись в виду близлежащие холмы. Так или иначе, чтобы построить в Эль-Модене новый торгово-промышленный комплекс, необходимо увеличить городскую норму воды. Поэтому, увидев вчера в повестке заседания двадцать седьмой пункт, я сразу подумал, что это, возможно, пробный шар.

— Хитрая лиса! — процедила Дорис.

— По-моему, он не хитрил, — возразил Оскар.

— Что, демонстрируете нам пресловутую беспристрастность юриста? — поинтересовалась Дорис, кинув на Балдарамму испепеляющий взгляд.

Кевин моргнул. Он знал, что Дорис на дух не переносит юристов. «Мы сыты законниками по горло. Они ничего не делают, лишь придумывают все новые оправдания для своего существования. Перед колледжем им всем нужно вбить в головы основные принципы экологии, чтобы они ценили в жизни не только деньги». «Всех юристов обучают экологии, — обычно отвечал Дорис Хэнк. — Где бы они ни учились». «Обучать-то обучают, — фыркала Дорис, — да что толку? Бездельники проклятые!» Сейчас, в присутствии Оскара, она проявляла ледяное безразличие, однако сколько сарказма было вложено в ее последнюю фразу!

Правда, Оскар не подал виду, что заметил оскорбление.

— Я вовсе не беспристрастен, — отозвался он, глядя на Дорис.

— И не хотите, чтобы Альфредо построил свой комплекс?

— Пока мы не знаем, собирается ли он строить что-либо вообще. Нужно разузнать поподробнее.

— А если так оно и есть?

— Все зависит...

— Ну разумеется!

— Все зависит от того, где именно хотят строить комплекс. Мне бы не хотелось, чтобы он занял один из здешних холмов. Их и так-то осталось всего ничего.

— Да уж, — согласился Кевин. — Кстати, вид на Эль-Модену открывается только с Рэттлснейк-Хилла.

Они с Дорис переглянулись.

Оскар накормил гостей роскошным завтраком из сосисок и гренков, поджаренных в молоке с яйцом. Кевин

съел свою порцию совершенно без всякого аппетита. Его холм, его убежище...

— Если допустить, что Альфредо нацелился именно на этот холм, — проговорила Надежда, — как можно его остановить?

— Закон на нашей стороне! — объявил Оскар, поднимаясь со стула, и замахал руками, изображая боксера. — Но прибегнем ли мы к его помощи?

— Тоже мне, боксер-самоучка! — фыркнула Дорис.

— Конечно, прибегнем! — откликнулся Кевин.

— Тут есть за что зацепиться, — продолжал Оскар. — Я, разумеется, не специалист, но мне известно, что водное законодательство Калифорнии — настоящее болото. Мы можем выступить в роли существа из черной лагуны. — Он прихрамывая прошелся по кухне, как бы иллюстрируя словесный образ. — Кроме того, следует потолковать с моей приятельницей из Бишопа, Салли Толлхок; она преподает в юридическом колледже, а до недавних пор работала в Управлении по охране водных ресурсов штата, поэтому знает интересующие нас законы лучше кого бы то ни было. Я как раз собирался навестить ее, заодно и поговорю.

— Нужно выяснить, что конкретно задумал мэр, — сказала Надежда.

— Как?

— Очень просто, — заявил Кевин. — Я пойду к Альфредо и спрошу его в лоб.

— И правда, чего юлить? — заметил Оскар.

— Можно поступить иначе, — вмешалась Дорис. — Притаиться под окном и подслушивать до тех пор, пока не узнаем, что хотим.

— Тяжелый случай, — сказал Оскар, обращаясь к Кевину.

— Кажется, где-то поблизости живет Томас Барнард? — спросила Надежда.

— Это мой дед, — отозвался удивленный Кевин. — Он живет в холмах.

— Возможно, он сумеет помочь.

— Возможно, однако я...

Дед Кевина долгое время занимался политикой, являлся одним из организаторов экономических реформ двадцатых—тридцатых годов, но все это было в прошлом.

— Он прекрасно разбирался в законах, — сказала Надежда. — Моментально улавливал суть.

— Вы правы, — кивнул Кевин. — Честно говоря, мне нравится ваша идея. Правда, сейчас дед живет отшельником. Мы с ним не виделись давным-давно.

— У всех свои странности. — Надежда пожала плечами. — Лично мне хотелось бы его повидать.

— А вы знакомы?

— Встречались однажды.

В конце концов Кевин согласился отвезти ее к деду.

Напоследок Оскар показал им свою библиотеку, что располагалась в одной из комнат. Книги лежали в картонных коробках, которые громоздились друг на друга и доставали чуть ли не до потолка. Заглянув в одну из коробок, Кевин увидел биографию Лу Герига*.

— Эй, Оскар, вам надо играть с нами в софтбол.

— Увы, мой друг, я ненавижу софтбол.

Дорис фыркнула.

— Почему? — изумился Кевин.

Оскар принял воинственную позу и прорычал:

— Клейборн, мир играет в жестокие игры.

Да, мир играет в жестокие игры, и с этим ничего не поделаешь. Но только не Рэттлснейк-Хилл!

И не просто потому, что тот — за его домом (что, безусловно, важно само по себе). Холм — небольшая возвышенность на оконечности гряды Эль-Модена — принадлежал Кевину с самого детства. На вершине росли деревья, посаженные ребятами из дедушкиного выпускного класса, а под ними приткнулись чахлые кустики.

* Лу Гериг (1903—1941) — американский бейсболист, установивший рекорд по количеству сыгранных подряд игр (2130).

Больше незастроенных холмов в окрестностях не было, да и этот уцелел лишь благодаря тому, что им на протяжении десятилетий владело управление водоснабжения округа Ориндж.

На холм, по мнению Кевина, теперь поднимался только он. Правда, время от времени ему случалось находить на вершине пустую банку из-под пива или другой мусор, однако людей он не встречал. Кругом царила тишина, которую нарушало разве что жужжание насекомых; ощущалось чье-то незримое, умиротворяющее присутствие, словно на холме обитал некий могущественный, хотя и не слишком, индейский дух.

Кевин поднимался на вершину, когда ему хотелось подышать свежим воздухом. Брал с собой блокнот, шел на свое любимое место на западной опушке рощицы, садился, глядел на равнину и рисовал планы фасадов, комнат и нежилых помещений. Так он поступал не один год: еще школьником зачастую прибегал туда делать уроки. А потом изучал распадки на западном склоне, кидался камнями с вершины или отправлялся вниз по старой грунтовой дороге. Он приходил на холм, поддавшись желанию понежиться на солнце, ощутить кожей землю, а в романтическом настроении приводил наверх подружек.

Но сегодня он пришел на вершину в одиночестве. Близился полдень, было жарко, пахло пылью и полынной настойкой. Кевин провел ладонью по земле, прикоснулся к осколкам песчаника, подобрал, растер в пальцах... Привычное ощущение покоя не возникало, он не чувствовал себя заодно с холмом; радость, испытанная накануне вечером по дороге домой, улетучилась без следа. Слишком много забот, от которых, к сожалению, не избавиться.

Беспокойство не отпускало даже во время работы. Они с Хэнком и Габриэлой в срочном порядке заканчивали отделку двух домов, один из которых находился в

Коста-Месе. Кевин работал автоматически, ни на секунду не переставая думать о планах Альфредо. «Им нравится этот вид». Чтобы построить комплекс, необходимо увеличить городскую норму воды. А чтобы открывался вид на Эль-Модену... Как ни крути, все упирается в Рэттлснейк-Хилл. В холм, на вершине которого человеком овладевала уверенность, что уж здесь-то все всегда будет как прежде. И тем отчасти объяснялась притягательность холма. Кевин понял это только сейчас, соскребывая с черепицы замазку.

Обычно, когда Кевин работал, ему было хорошо. Труд, связанный со строительством, особенно плотницкие работы, доставлял истинное наслаждение. Ведь результаты появлялись буквально на глазах; сборка каркаса, установка проводки, оштукатуривание, покраска, окончательная отделка... Одновременно он испытывал нечто вроде счастья архитектора, который видит воплощение своих замыслов. К примеру, с домом в Коста-Месе было много сложностей, ведь по проекту требовалось создать целую анфиладу, чтобы комнаты переходили одна в другую. И достаточно ли света в левом крыле? Не узнаешь, пока не сделаешь; зато какое удовольствие наблюдать за тем, как материализуется видение, и убеждаться в правильности расчетов! Срывать покровы с тайны. Короче говоря, мгновенно получаешь удовлетворение, решая поочередно не очень сложные задачи и тем самым разгрызая орешки покрепче. И постоянно ощущаешь какую-то детскую радость. Бум! Бум! На улицу, туда, где солнце и ветер, к давним приятелям-облакам.

Но эту неделю омрачила тревога по поводу холма. Отделка, любимое занятие Кевина, ничуть не отвлекала от мрачных мыслей и в конце концов обрыдла до тошноты. А все остальное просто-напросто раздражало. Черт побери, такими темпами городскую улицу будут перекапывать до скончания века!

Нет, необходимо внести хоть какую-то ясность. Что ж, он сказал тогда у Оскара, что встретится с Альфредо, значит, придется встретиться. Иного выхода нет.

И вот, выбрав день, Кевин после работы сел на велосипед и поехал к зданию на Редхилле, где жили многие сотрудники «Хиртека». В том числе, с недавних пор, и Альфредо.

Здание располагалось на площадке, вырубленной в склоне холма, что возвышался над Тастином и Футхиллом. Его проектировщики использовали ненавистный Кевину стиль «Возрождение миссий». Для Кевина калифорнийские индейцы оставались благородными дикарями, которых истребил Хуниперо Серра, поэтому стиль этот, что каждые лет тридцать или около того снова приобретал в Южной Калифорнии популярность несколько ностальгического свойства, представлялся ему своего рода архитектурным оправданием геноцида. Когда появлялась возможность, он с удовольствием уничтожал даже самые незначительные признаки этого стиля.

Впрочем, стиль обладал одним достоинством — позволял без труда отыскать входную дверь. Вот и сейчас Кевин сразу обратил внимание на парочку вырезанных из древесины дуба монстров под крытым черепицей портиком. Он пересек усыпанный гравием двор, приблизился к массивной стене и дернул за толстый шнур звонка.

Дверь открыл сам Альфредо, в шортах и футболке.

— Кевин! Какой сюрприз! Заходи, старина.

— Если не возражаешь, давай поговорим здесь. Ты как, временем располагаешь?

— Конечно. — Альфредо спустился по ступенькам, оставив дверь открытой. — Что случилось?

Кевин не сумел придумать ни единой фразы, которую можно было бы использовать в качестве обходного маневра, и поэтому решил взять быка за рога:

— Правда, что вы с Эдом и Джоном хотите построить на Рэттлснейк-Хилле промышленный комплекс?

Альфредо приподнял брови. Кевин ожидал, что он либо вздрогнет, либо признает свою вину каким-то иным, не менее очевидным образом. А так — поведение Альфредо заставило Кевина занервничать, даже почувствовать себя виноватым. Может, Оскар услышал совсем не то?

— Кто тебе это сказал?

— Неважно. Сказали, и все. Это правда?

— Разговоры, конечно, были, — сообщил Альфредо, выдержав паузу, и пожал плечами. («Ага!» — мысленно воскликнул Кевин.) — Но конкретно никто ничего не предлагал. В любом случае подобное предложение прошло бы через Совет, значит, ты наверняка о нем бы знал.

Кевин ощутил раздражение.

— Так вот почему ты попытался протащить через Совет свою заявку!

— Я ничего не пытался протащить. — Альфредо выглядел озадаченным. — Все делалось открыто, никто никого не обманывал, верно?

— На первый взгляд — да. Но время было позднее, все устали, а я вообще присутствовал на Совете впервые... Ты все рассчитал и надеялся, что сумеешь добиться своего.

— Кевин, для члена Совета усталость оправданием не является. Тебе это в новинку, но ты привыкнешь. — Похоже, Альфредо забавляла наивность Кевина. — Кстати, если бы кто-то попробовал проделать то, в чем ты обвиняешь меня, он постарался бы замаскировать свои действия, представил бы, скажем так, сфабрикованную заявку...

— По-моему, ты жалеешь, что не поступил подобным образом.

— Ничуть. Я просто пытаюсь убедить тебя, что ничего не протаскивал, — произнес Альфредо тоном, каким обычно объясняют что-либо непонятливому ребенку, и спустился с крыльца на дорожку.

— Рассказывай, — хмыкнул Кевин. — Дураку ясно, что сейчас ты ни в чем не признаешься. Ну да ладно, скажи лучше, зачем тебе понадобилось лишать город последнего незастроенного холма?

— Ты о чем? Что за бред? Я всего лишь хочу сэкономить на расходах за воду; между прочим, забота о деньгах — моя обязанность. А что касается промышленного центра, который якобы собираются строить, объясни-ка, что ты имеешь против. Или, по-твоему, нам не следует создавать в Эль-Модене новых рабочих мест?

— Конечно, следует!

— Вот именно. Новые рабочие места необходимы... Эль-Модена — маленький город, доходы у нас небольшие. Если сюда переедет какая-нибудь крупная фирма, все от этого только выиграют. Пойми, Кевин, нужно считаться с интересами других.

— Городу вполне всего хватает.

— Это что, точка зрения «зеленых»?

— Ну...

— Понятно. Помнится, вы утверждали, что повышение эффективности приведет к увеличению доходов.

— Совершенно верно.

Альфредо прошелся по дорожке до кактусового садика, поднялся на невысокий холмик, с которого открывался вид на равнину. Кевин последовал за мэром.

— Весь вопрос в том, как повысить эффективность, правильно? Мне кажется, здесь не обойтись без помощи крупных фирм. Однако вы... Порой у меня складывается впечатление, что вы, если вам развязать руки, не задумаетесь уничтожить город. — Он махнул рукой в сторону кактусов. — Назад к полям и лугам, к палаткам на берегу реки...

— Ну-ну, — презрительно пробормотал Кевин. По правде говоря, когда он рушил старые дома, ему частенько грезилось нечто подобное. Очередной возврат к природе. Впрочем, он знал, что это всего лишь фантазия, вроде мальчишеского желания стать индейцем, а потому никогда не делился своими мыслями на сей счет

с окружающими. Черт побери, неужели Альфредо видит его насквозь?

— Рано или поздно отрицание приводит к краху. — Альфредо, по-видимому, заметил смятение Кевина. — Согласен, ваше движение сегодня приобрело серьезное влияние, и, поверь, не вижу в том ничего плохого. «Зеленые» приносят немало пользы. Однако любой маятник движется как вперед, так и назад, а вы почему-то пытаетесь задержать его обратный ход. Кевин, теперь, став членом Совета, ты должен смотреть в лицо фактам: люди, которые уговорили тебя занять эту должность, на самом деле — отпетые экстремисты.

— Вообще-то речь не о них, а о твоей компании, — запинаясь напомнил Кевин.

— Разве? Хорошо, допустим. «Хиртек» производит медицинское оборудование, физиорастворы и тому подобное. Мы работаем на благо людей, прежде всего тех, кто живет в местностях, где до сих пор не справились с малярией и гепатитом. Ты ведь работал в Танзании, значит, должен представлять, сколько от нас зависит.

— Да знаю я, знаю.

«Хиртек» являлся основой быстро развивавшейся медицинской индустрии округа. Фирма выполняла весьма сложные заказы, однако по количеству работников ничуть не выходила за установленные законом рамки. На ней трудились сотни человек, что означало, что она вносит в бюджет Тастина громадные суммы в качестве налогов; затем эти деньги, естественно, распределялись между горожанами, служа своего рода прибавкой к личным доходам. Кроме того, «Хиртек» поддерживал дочерние предприятия в Африке и Индонезии. В порядочности фирмы сомневаться не приходилось; Альфредо, во всяком случае, не допускал и тени сомнения.

— Послушай, — проговорил мэр, — давай расставим все точки над «и». Как ты думаешь, биотехнология — полезная штука?

— Разумеется, — отозвался Кевин. — Я пользуюсь ею каждый день.

— А медицинские препараты на ее основе каждый день спасают десятки жизней.

— Я знаю.

— Так почему бы Эль-Модене не внести в нее свой вклад?

— Это было бы здорово.

Альфредо молча развел руками. Собеседники посмотрели на кактусы. Кевин, чувствуя себя приблизительно так, словно вновь очутился в Диснейленде, на «Карусели Болванщика*», попытался собраться с мыслями.

— Вообще-то какая разница, где именно... Где именно ты собираешься строить, Альфредо?

— Строить что? Извини, я слегка отвлекся и запамятовал, о чем речь.

— О том центре, который ты хочешь построить в Эль-Модене.

— Если бы я замышлял что-либо подобное, то постарался бы подобрать такое местечко, которое наверняка привлекло бы потенциальных арендаторов. Не забывай, у нас хватает конкурентов, взять, к примеру, Ирвин.

Значит, он и впрямь что-то затевает!

— Тебе следовало стать мэром Ирвина, — язвительно заметил Кевин. — Уж там бы ты развернулся.

— Ты хочешь сказать, что они там зашибают деньги? Привлекают фирмы, которые исправно пополняют городской бюджет?

— Точно.

— Так наш городской Совет намерен заняться тем же самым. Если, конечно, ему не будут мешать такие, как ты.

— Я тоже хочу, чтобы у города было больше денег!

— Рад слышать.

— Ладно... Тем не менее... — пробормотал Кевин, шумно вздохнув. Голова шла кругом.

— Мы должны делать то, что можем, правильно?

— Естественно.

* Персонаж повести Л. Кэрролла (1832—1898) «Алиса в Стране чудес».

— Знаешь, Кевин, по-моему, у нас гораздо больше точек соприкосновения, чем ты думаешь. И ты, и я — мы оба строим.

— Да, но ты губишь дикую природу...

— Не говори глупостей. Во-первых, если уж на то пошло, дикой природы в Эль-Модене попросту не осталось, поэтому не стоит бить себя в грудь. Во-вторых, ближайшие два года нам с тобой предстоит работать бок о бок, поэтому за все, что случится, отвечать будем вместе; следовательно, необходимо единомыслие. Не позволяй своим приятелям делать из тебя марионетку.

— Марионетку из меня пытаются сделать не они, а ты!

— Обидно слышать, Кевин. Давай разберемся. Мы оба строим, оба занимаемся одним и тем же делом. Или ты не считаешь себя строителем?

— Еще как считаю!

— Молодец, — улыбнулся Альфредо. — Увидишь, все будет в порядке. Извини, но мне пора, у меня свидание — между прочим, в Ирвине. — Он подмигнул и направился к дому.

Дверь захлопнулась с громким щелчком.

Кевин уставился на нее, затем стукнул кулаком по ладони.

— Это совсем другое дело! — крикнул он. — Я занимаюсь восстановлением! Да, мы либо восстанавливаем, либо уничтожаем здание и тут же возводим на его месте новое, куда лучше прежнего. Это совсем другое дело.

Впрочем, доказывать было уже некому.

— Сукин сын, — произнес Кевин и глубоко вздохнул.

Итак, что же он выяснил? Возможно, Альфредо со своими партнерами и впрямь что-то замышляет. Может, да, а может, нет. Возможно, они собираются строить центр в холмах — или где-то еще. Больше ничего узнать не удалось.

Кевин подошел к велосипеду, взялся за руль — и заметил, что у него дрожат руки. Да, Альфредо ему явно не по зубам; такой способен обвести вокруг пальца кого

угодно. Раздосадованный на самого себя, Кевин оседлал велосипед и покатил вниз.

Требовалась помощь. Дорис, Оскар, приятельница Оскара из Бишопа, Джин и городская организация «зеленых», Надежда, быть может, даже Рамона... Кевин отогнал шальную мысль; нет, он схватился с Альфредо именно из-за политики, а не из-за чего-то личного.

Все они — и Том.

Вернувшись домой, Кевин спросил у Надежды:

— Ну что, вам по-прежнему хочется повидать моего деда?

Дед Кевина жил в сельской местности, в холмах к северу от каньона Черная звезда. Надежда и Дорис шагали следом за Кевином вверх по тропинке, что вилась между глыб песчаника, чахлых дубков и зарослей кустарника. Надежду интересовало буквально все: растения, камни, образ жизни Тома... У нее был приятный низкий голос, а английский она выучила в Индии, что сказывалось на произношении — фразы звучали мелодично, словно музыка.

— Том получил свои десять тысяч и переселился сюда. Завел огород, держит цыплят, разводит пчел, иногда охотится. В общем, живет сам по себе, хотя раньше людей не сторонился.

— А что случилось?

— Во-первых, он вышел в отставку. А потом, лет десять назад умерла бабушка.

— Десять лет... ,

Кевин внимательно посмотрел на Надежду. Рядом с Дорис она казалась изящной как птица — стройная, элегантная, словом, на уровне. Не удивительно, что Дорис ею восхищается. Бывший руководитель советского Госплана, ныне историк, лектор учебного центра в Сиэтле...

— Значит, он, нигде не работая, получает десять тысяч долларов в год?

— В его возрасте это вполне возможно. Вы слышали о системе увеличения доходов?

— Которая устанавливает верхний и нижний пределы личных доходов? Разумеется, слышала.

— Так вот, Том превратил верхний предел в нижний.

— У нас существует нечто похожее, — со смехом заметила Надежда. — Помнится, когда этот закон обсуждался, ваш дед яростно его отстаивал. Должно быть, он уже тогда заботился о будущем.

— Безусловно. По правде говоря, когда я был еще мальчишкой, он сам мне в этом признался.

Они с дедом поехали на велосипедах по каньонам. Вверх по каньону Хардинга, к маленькому водопаду, потом по чудовищно крутым склонам к Седловине и дальше, по разбитой дороге, к двойной вершине. Птицы, ящерицы, пыльные растения, бесконечные разговоры, байки, песчанник, одуряющий запах полыни...

Они взобрались наверх и увидели дом — небольшое, невзрачное строение, что примостилось на скалистом гребне. На тропу выходило широкое окно, в котором, словно в своего рода монокле, отражались облака. Стены дома от времени приобрели оттенок песка, огород зарос сорняками по пояс взрослому человеку, из сорняков торчали полуразрушенные ульи; поодаль виднелись какие-то бочки, ржавые скелеты велосипедов и зачем-то вытасненные наружу напольные часы.

Кевин воспринимал дома как окна в души хозяев. Сейчас он пребывал в некоторой растерянности. С одной стороны, дом гармонировал с пейзажем, прекрасно сочетался со скалистым гребнем, валунами и зарослями полыни. Но этот беспорядок, кучи мусора, явное отсутствие заботы!.. Будто тут живет не человек, а какое-нибудь неразумное животное.

Надежда молча рассматривала дом. Они прошли через огород к парадной двери. Кевин постучал. Тишина.

Кухонная дверь оказалась распахнутой настезь, и гости заглянули внутрь, но никого не обнаружили.

— Вы посидите, подождите, — предложил Кевин, — а я попробую его позвать. — Он обошел дом, сунул в рот пальцы и пронзительно свистнул.

Дорис и Надежда уселись на грубую скамью под сенью высокого ореха. Кевин прошелся по двору, проверил, в порядке ли солнечные батареи, не отошли ли провода спутниковой антенны. Все в порядке. Он вырвал несколько сорняков, норовивших окончательно задушить помидоры и кабачки. В воздух с жужжанием взвились большие оранжево-черные жуки, затем снова стало тихо, если не считать доносившегося из ульев гудения пчел.

— Эй!

— Господи Боже, дед!

— Что стряслось, паренек?

— Как ты меня напугал!

— Неужели?

Том поднялся по той же тропинке, что привела сюда гостей. Он держал в руках капканы и четырех кроликов. До тех пор пока дед не подал голос, Кевин и не подозревал о его присутствии, хотя Том находился буквально в двух шагах.

— Пришел прополоть огород?

— Нет. Я привел Дорис и еще одну знакомую. Мы хотим поговорить с тобой.

Том молча поглядел на внука и нырнул в дом. Послышался стук — громыхнули брошенные на пол капканы. Когда Том снова вышел наружу, к Кевину уже присоединились Надежда и Дорис. Старик окинул их изучающим взглядом. На нем были поношенные, землистого оттенка брюки и драная голубая футболка, сквозь которую виднелась покрытая сединой грудь. Волосы, обрамлявшие плешь на голове, спутались, серебристо-серая (с золотистым отливом в уголках рта) борода явно нуждалась в стрижке. В общем, обыкновенный, ничем не примечательный старик. Кевин привык видеть его именно таким, привык считать, что пожилые люди и не могут

быть другими. Но сейчас он видел рядом с дедом Надежду — изящную, элегантную (седые волосы подстрижены так, что прическа не утрачивает форму даже от ветра). Одна из сережек отливала на солнце бирюзой.

— Я слушаю.

— Дедушка, это подруга Дорис...

Но тут вмешалась Надежда, которая шагнула вперед и протянула руку.

— Надежда Катаева, — представилась она. — Мы с вами когда-то уже встречались. На Сингапурской конференции.

Брови Тома поползли вверх, потом он пожал руку женщины и сразу же отпустил.

— Вы почти не изменились.

— Вы тоже.

Том улыбнулся, ловко обогнул гостей и двинулся вниз по тропинке, в направлении дубовой рощицы, бросив на ходу: «Пошел за водой». Гости переглянулись; Кевин пожал плечами и повел женщин следом за дедом. Вскоре они увидели Тома; стоя в тени дерева, спиной к ним, тот прилаживал ручку к черному насосу. Приладил, принялся размеренно качать. Какое-то время спустя в жестяной желоб под насосом ударила струя воды. Кевин подставил к желобу ведро. Том продолжал качать, словно не замечая гостей.

— Мы хотели обсудить с тобой проблему, которая у нас возникла, — проговорил Кевин, пытаясь сгладить неловкость положения. — Тебе известно, что я теперь — член городского Совета.

Том кивнул.

Кевин вкратце изложил ход событий, затем прибавил:

— Мы не можем сказать наверняка, но, если Альфредо и впрямь нацелился на Рэттлснейк-Хилл, это просто ужасно. В округе ведь практически не осталось незастроенных холмов.

Том прищурился и окинул взглядом окрестности.

— Я имею в виду Эль-Модену. Посмотри на равнину и сам все поймешь. Черт побери, ты же собственными

руками сажал деревья на макушке Рэттлснейк-Хилла! Сажал или нет?

— Помогал.

— Значит, тебе все равно?

— Между прочим, холм на заднем дворе твоего дома.

— Да, но...

— Говоришь, ты член Совета?

— Да.

— Так останови Альфредо. Ты знаешь, что делать, и прекрасно справишься без меня.

— Да не справлюсь я! Мы тут с Альфредо пообщались и кончили на том, что я согласился, что белое — это черное.

Том пожал плечами, убрал от желоба полное ведро и поставил пустое. Озадаченный Кевин перенес первое на ровный участок земли и сел рядом.

— Так ты отказываешься помочь?

— Я этим больше не занимаюсь. Теперь твоя очередь, — сообщил Том, дружелюбно поглядев на внука.

Когда наполнилось и второе ведро, Том снял ручку и положил ее возле насоса, затем подхватил оба ведра и двинулся к дому.

— Дай мне хотя бы одно.

— Не надо. С ними хорошо держать равновесие.

Шагая следом, Кевин разглядывал сутулую спину старика и то и дело недоуменно качал головой. Нет, с дедом явно что-то стряслось. В прежние времена на свете не было человека, если можно так выразиться, более общественного, нежели Том Барнард: он постоянно с кем-то разговаривал, что-то организовывал, ходил с внуком в походы (они добирались до гор Санта-Ана и Сан-Хасинто, возвращались к Анца-Боррего и Джошуа-Три, изучали Каталину, Баху и Южную Сьерру, и рот Тома почти не закрывался, причем рассуждать дед мог о чем угодно). Не будет преувеличением сказать, что свое образование — по крайней мере то, что отложилось в памяти, —

Кевин отчасти приобрел благодаря Тому, которого засыпал во время походов вопросами.

— Я ненавижу капитализм потому, что он строился на лжи, — объяснял дед, когда они преодолевали вброд речку, что бежала по дну каньона Хардинга. — Разве не ложь, что люди, каждый из которых преследует собственные интересы, сумеют создать полноценное общество? Грязная ложь! — Плюх! Плюх! — Это была вера для богатых. Ну и куда она их, в конце концов, завела? За что боролись, на то и напоролись!

— Но некоторым нравится быть в одиночестве.

— Разумеется. И от собственных интересов никуда не денешься; те правительства, которые пытались ими пренебречь, обычно садились в лужу. Однако утверждать, что на свете нет ничего важнее собственных интересов, что их ни в коей мере не следует ограничивать, — значит ценить в жизни только деньги. Господи Боже! Ну и глупость!

— Но вам удалось с этим справиться, да?

— Точно. С одной стороны, мы поддержали свободное предпринимательство, а с другой — ограничили его и направили на общее благо. Тогда нам казалось, что законы существуют как раз для таких случаев. — Дед рассмеялся. — Учти, паренек: если с умом пользоваться законами, можно устроить революцию. Мы выжимали из них, что могли, и большинство одобряло наши действия; против были разве что некоторые богачи, вцепившиеся волчьей хваткой в свое добро. Кстати говоря, эти стычки продолжаются и по сей день и вряд ли когда-нибудь прекратятся.

Вот именно, думал Кевин, шагая по тропинке за непривычно молчаливым дедом. Борьбе не видно конца, однако Том Барнард решил выйти из игры, чтобы не связываться с молодыми. Быть может, он поступил правильно. Однако им необходима его помощь.

Кевин вздохнул. Они подошли к домику. Том нырнул внутрь, вылил одно ведро воды в чан, а второе выставил на солнце, после чего взял большой нож, кухонную

доску и бак для отходов и принялся свежевать кроликов. Замечательно! Лишившись шкур, зверьки оказались неожиданно тощими и весьма похожими в этом отношении на Тома. Кевин отправился кормить цыплят. Когда он вернулся, Том по-прежнему возился с кроликами. Дорис и Надежда сидели на земле под окном кухни. Кевин не нашелся, что сказать.

— Та конференция, на которой вы встретились, — чему она была посвящена? — спросила Дорис, нарушив затянувшееся молчание.

— Проблемам конверсии, — ответила Надежда.

— То есть?

— Не поможет? — Надежда повернулась к Тому. — Я не настолько хорошо знаю английский, чтобы объяснить подобные вещи.

Том поглядел на нее, встал, подобрал освежеванных кроликов и скрылся в доме. Гости услышали, как открылась, а затем захлопнулась дверца холодильника. Том вышел наружу, вывалил кроличью требуху в мусорный бак и накрыл тот крышкой.

— Мы обсуждали, как лучше поступить с военными заводами, — сказала Надежда, пожав плечами. — Экономика крупных стран ориентировалась на военные нужды, и перевести ее, что называется, на мирные рельсы оказалось достаточно сложно. Если уж на то пошло, никто просто-напросто не хотел рисковать. Требовалось разработать конверсионную стратегию. В Сингапуре собралось много народу, как сторонники конверсии, так и ее противники. Помните генерала Ларсена? — справились она у Тома. — Генерал ВВС США, глава Отдела стратегической обороны...

— Кажется, помню, — отозвался Барнард.

Он прошел в огород и принялся собирать помидоры. Надежда последовала за ним, подняла с земли корзину, в которую он складывал овощи, и сказала:

— По-моему, из-за таких, как он, конверсировать аэрокосмическую промышленность было труднее всего.

- Может быть.
- Вы считаете иначе?
- Может быть.
- Но почему?

Наступила продолжительная пауза.

— С аэрокосмической промышленностью все упиралось в энергию, — наконец изрек Том. — Но кому нужны танки? Или артиллерийские снаряды?

Снова погрузившись в молчание, он сначала подобрал очередной помидор, а затем осуждающе поглядел на Надежду: мол, чего пристала. Кевин невольно посочувствовал деду.

— Да, с обычным вооружением мы тоже намучились, — согласилась Надежда. — Помните, швейцарцы предлагали переделать бронетранспортеры в грузовики? — Она рассмеялась и даже ткнула Тома локтем в бок. Старик с улыбкой кивнул. — А эти планы переоборудовать заводские цеха под школы?!

Том вежливо улыбнулся, поднялся и направился к дому. Надежда двинулась следом, ни на секунду не переставая говорить. По его примеру она взяла нож и стала резать помидоры, затем пошарила на кухонных полках, нашла специи, подсолнечное масло и уксус (и ни разу не упустила случая либо погладить Тома по руке, либо пихнуть по-дружески в бок).

— Помните?

— Помню, — ответил старик, не сводя взгляда с женщины.

— Когда инженеры наконец разобрались, что к чему, — продолжала Надежда, обращаясь к Дорис с Кевином, — то буквально вцепились в работу. Судя по их задору, ничего более притягательного на свете просто не существовало. Кстати говоря, все сложилось исключительно удачно. Войн никто не вел, международных конфликтов не возникало, ибо всех интересовало лишь одно — как выжить самим; поэтому спрос на оружие резко упал. Своего рода обратная связь — чем крепче она становилась, тем быстрее менялся мир. — Женщина снова засмеялась.

Чувствовалось, что ее переполняет энергия, которую, как догадывался Кевин, она старалась передать Тому — умастить его, очаровать, обольстить...

Том, по-прежнему с улыбкой, предложил гостям помидорного салата. Кевин заметил, что старик краешком глаза то и дело поглядывает на Надежду, словно не в силах удержаться.

Обед прошел в молчании. Встав из-за стола, Том взял ведра и двинулся к насосу. Надежда составила ему компанию. По дороге она рассказывала о людях, с которыми они когда-то встречались в Сингапуре.

Дорис и Кевин не жили на солнышке. Время от времени до них доносились голоса из дубовой рощицы. «Но они действовали!» — звонко воскликнула Надежда. Том пробормотал в ответ что-то неразборчивое.

Вскоре Надежда и Барнард возвратились. Женщина снова смеялась, а Том, как и раньше, хранил молчание. Он держался дружелюбно, но несколько отстраненно и очень часто поглядывал на Надежду. Собрал тарелки, взял ведро с водой и направился к мусорному баку.

Наконец Кевин пожал плечами и жестом дал женщинам понять, что, по его мнению, пора идти.

— Значит, на тебя не рассчитывать? — спросил он, пристально глядя на деда.

— Сами справитесь. — Том улыбнулся и прибавил, обращаясь к Надежде: — Рад был встретиться.

— Взаимно, — отозвалась она с улыбкой, столь призывной, столь личной, что Кевин даже отвернулся. Том поступил точно так же. Надежда попрощалась и первой двинулась по тропинке вниз.

Глава 3

23 марта. Карманных утопий на свете не существует.

Почему-то вспоминаются французские аристократы, у которых было все — роскошные одежды, изысканные яства, дома-дворцы, великолепное образование. Какую

жизнь они вели! Можно сказать, жили в своей собственной утопии. Но вряд ли кто-то так скажет, ибо нам известно, что достатком они обязаны невежественным крестьянам, что трудились в поте лица. И потому французская аристократия для нас — горстка паразитов, жестоких и слабоумных тиранов.

Но теперь мир экономически превратился в единое целое. Громадная деревня, где на всем стоят марки «Изготовлено в Таиланде». И некоторые наслаждаются роскошью, а большинство по-прежнему изнывает от бесконечных войн, голода и страданий. Некоторые утверждают, что их это не касается, что у них и без того достаточно забот.

Взять хотя бы швейцарцев. Эта страна — своего рода гористый остров, на котором в избытке банков и бомбоубежищ. Одни швейцарцы радушно принимают беженцев из-за границы, а другие не задумываясь вышвыривают тех на улицу. Ничего удивительного, типичное для современных людей шизоидное поведение.

Я провел все утро во Fremdenkontrolle, точнее, в полицейском участке на Гемейндерштрассе. Тихое, стерильное помещение с мраморными полами и столешницами. Полицейский чиновник объяснил на верхне-немецком, чтобы я наверняка понял, что все дело в новых законах. Во-первых, я нигде не работаю; во-вторых, въехал в страну по туристической визе; в-третьих, прожил здесь без малого год, что при отсутствии надлежащих документов просто недопустимо. Да, жена может остаться до истечения срока контракта. И дочка тоже.

«Кто за ней будет присматривать?» — хочется мне крикнуть ему в лицо, но я сдерживаюсь. Разумеется, у них все рассчитано заранее. Стоит выдворить из страны одного из членов той или иной семьи, как остальные сами потянутся следом. Просто и эффективно.

Мы сидим за кухонным столом. Памеле нужно отработать в Швейцарии последние семь месяцев, иначе получится, что предыдущие восемь лет, связанные с

подготовкой к защите докторской, пошли коту под хвост. В Штатах сейчас трудно отыскать работу даже со степенью, а уж без одной... Лидди, очевидно, мне придется забрать с собой; у Памелы просто не хватит на нее времени. У нас в запасе месяц, а там — разлука на полгода. В принципе ничего страшного (насколько я знаю, по сравнению с китайскими учеными мы в весьма выгодном положении). Но Лидди совсем маленькая...

«Надо бороться», — говорю я. Памела качает головой, поджимает губы, берет со стола «Геральд трибьюн». Южный клуб отказался уплатить долги. Предполагается, что численность населения планеты сократится на двадцать пять процентов, и это считается оптимистическим прогнозом. В Индии и Мексике продолжается гражданская война. Повсюду вырубают леса. Температура окружающей среды понизилась на очередной градус Цельсия. Животные вымирают...

Все это я уже читал.

Памела отшвыривает газету. Я никогда не видел ее такой подавленной. Она встает, принимается мыть посуду — и, похоже, плачет. Полгода, полгода...

Мы — мировая аристократия. Однако нынешняя революция покончит не только с аристократией, но и со всем прочим. Скомканная газета, катастрофа сначала в одной стране, затем в другой, в третьей...

Убежден, ее можно избежать. По крайней мере, чтобы жить дальше, в это необходимо верить.

Когда умирает душа, на горе не остается сил.

Том встал с кровати, чувствуя себя дряхлым стариком. Этакое ископаемое, ровесник динозавров. Как-никак, ему восемьдесят один, и поддерживать форму помогают разве что лекарства, которые он исправно принимает. Застонав, Том проковылял в ванную, а когда вышел оттуда, на него вновь обрушилось одиночество.

Он распахнул входную дверь и уставился невидящим взором на полынного оттенка солнце. Известное дело,

депрессия. Сна ни в одном глазу, ощущения притупились, мышцы одеревенели, и хочется плакать. Впрочем, слезы можно отогнать таблетками, но тогда одеревенеют не только мышцы, а все естество (правда, если вдуматься, это сулит некоторое облегчение, одновременно нагоняя тоску).

Когда умерла жена, он словно сошел с ума. И, будучи безумен, решил, что уже никогда не обретет здорового рассудка. Да и зачем? Какая теперь разница?

Представьте, что бок о бок растут два крепких дерева и одно обвивает ствол другого. Представьте, что первое дерево срубили, а второе оставили, и оно стоит, похожее на штопор, притягивая удивленные взгляды, и тянется ветвями вверх, разыскивая то, что утрачено безвозвратно.

Том остро ощутил свое одиночество. Поговорить не с кем, заняться толком нечем; даже то, что когда-то доставляло удовольствие, сейчас не радует, ибо все поглощено одиночеством, которое проникло повсюду. Оно в солнечном свете и шорохе листьев, оно стало условием безумия Тома Барнарда, его непременным условием, его основой.

Том стоял в дверном проеме, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Его осаждали шальные мысли. В памяти вдруг возникло знакомое лицо. Неужели он и впрямь прожил такую жизнь? Порой в это было просто невозможно поверить. Ну да, каждое утро он просыпался, чувствуя себя совершенно другим человеком, и всякий раз его угнетали ложные воспоминания о ложном прошлом. Ощущение безмерного одиночества отчасти позволяло справиться с раздробленностью сознания; хотя, быть может, он просто-напросто обречен просыпаться поутру непременно иным существом. Один день — тем Томом Барнардом, которому выпало жить в бурные двадцатые. Другой — ловкачом-юристом, который занимался земельным правом, менял прежние законы на более справедливые,

более симпатичные. В ту пору ходило присловье: «Законы что гены: захотел — исправил». Вполне возможно, это чушь, однако в нее верили...

Лицо из прошлого воплощения. Меня зовут Брайди Мэрфи, я говорю по-гэльски. Когда-то я знал русскую красавицу с волосами цвета воронова крыла и умом, острым как скальпель хирурга. Да ты наверняка помнишь. Анастасия. А твой внук — строитель, верно? Что ж, может, мы и правда способны исправить свои гены. Если ты сам просыпаешься каждое утро новым человеком, то с какой стати сын твоей дочери должен напоминать обликом какое-то из предыдущих воплощений? Мы все живем рядом с чужаками, нас разделяют пропасти. Ты никогда не занимался тем, что сейчас тебе вспоминается; с тем же успехом можно утверждать, что ты разводил пчел на пасеке в глубине подвергнувшегося бомбардировке леса или провел всю жизнь на кровати в родительском доме. Вне сомнения, инкарнации существуют каждая в своей плоскости бытия. В то, что ты сумел объединить две плоскости, слить воедино два мира, просто не верится. Нет, тебе никогда не вернуть рассудок.

Но это лицо!.. Этот резкий голос, в котором постоянно слышится насмешка... Тогда, в Сингапуре, она ему понравилась, он нашел ее привлекательной. Экзотическая особа... Однажды, в молодые годы, они с женой поднялись на Рэттлснейк-Хилл, чтобы полюбоваться закатом и заняться любовью в роще, которую помогали сажать несколько воплощений тому назад, мечтая о детях. Похожая на сильфиду обнаженная женщина стояла в сумерках под деревьями. Призраком былой радости перепрыгивала через десятилетия. Дзинь! Будто вонзилась в дерево стрела. Атласная кожа, смуглая на фоне коры, и вдруг вспыхивает яркая искра, предвосхищение богоявления.

Нельзя допустить, чтобы кто-то осквернил этот холм.

Внутри шевелится ловкач-адвокат Брайди Мэрфи. «Черт побери! Оставь меня в покое!»

Том возвращается в комнату, одевается, смотрит на кровать, садится на нее и плачет. Постепенно плач переходит в смех. «Дерьмо!» — говорит Том и надевает башмаки.

Он выходит из дома, спускается по тропинке вниз. Сквозь листву, словно выискивая в ней птиц, пробиваются солнечные лучи. Добравшись до дороги, что ведет через каньон Черная звезда, Том садится на велосипед и направляется в сторону Чапмена. Миновав расщелину, в которую нырнула дорога, он поворачивается направо и смотрит на каньон Кроуфорд и на Рэттлснейк-Хилл. Кустарник, кактусы, дубовая рощица, орешник и платаны... Все прочие холмы, которые видно отсюда, давным-давно застроены; над крышами домов возвышаются экзотические деревья. Холмы равняются деньгам, а деньги равняются власти. Однако служба водоснабжения округа Ориндж владела Рэттлснейк-Хиллом задолго до того, как Эль-Модена стала городом, и никому не давала поблажек (она распределяла воду со строгостью, излишней даже по калифорнийским меркам). Но пару лет назад она передала холм городу, поскольку избавлялась от всего, что не касалось ее впрямую. И ныне холм принадлежал Эль-Модене, властям которой и предстояло решить, что с ним делать.

В окрестностях Чапмена ему встретились Педро Санчес, Эмилия Дойч, Сильвия Уотерс и Джон Смит. «Эй, Том! Том Барнард!» Все как один старые приятели. «У вас тут что-нибудь изменилось?» — справился он, притормозив. Широкие улыбки, дружеская трепотня. Нет, все по-прежнему — во всяком случае, так кажется, — если не считать старины Тома. «Я ищу Кевина». «Они играют на Эспланаде», — сообщил Педро. Приглашения в гости, веселые «счастливо!» Том покатил дальше, чувствуя себя не в своей тарелке. Когда-то это был его город, его друзья.

Матч на Эспланаде был в самом разгаре. Тому показалось, что он не может не остановиться (в дерево — то, что внутри, — снова вонзилась стрела).

На пригорке, в тылу «Лобос», расположилась Надежда Катаева. Компанию ей составлял высокий толстяк, с которым они над чем-то смеялись. Том судорожно сглотнул, сердце бешено заколотилось. Как жаль, что он разучился вести светские беседы! Сожаление накатило волной, дерево внутри будто закачалось и поплыло. Сожаление или...

Том подъехал к пригорку. Толстяк оказался новым городским прокурором, и звали его Оскаром. Они с Надеждой определяли, на кого из кинозвезд похож тот или иной игрок. Женщина заявила, что Рамона напоминает Ингрид Бергман; по мнению же Оскара, она сильнее всего смахивала на Белинду Брав.

— Рамона куда симпатичнее, — пробормотал Том и слегка удивился, когда его собеседники рассмеялись.

— А я на кого похож? — спросил Оскар у Надежды.

— Гм... Может быть, на Зиро Мостела?

— Да, в дипломатичности вам не откажешь.

— А как насчет Кевина? — поинтересовался Том.

— Норман Рокуэлл*, — откликнулась Надежда. — Весь из себя.

— Это же не кинозвезда!

— Какая разница?

— Нечто среднее между Лайлом Симсом и Джимом Нейборсом, — вмешался Оскар.

— Помеси не допускаются, — возразила Надежда. — Один из «Маленьких негодников».

Кевин пошел принимать в первую зону, взмахнул битой и отправил мяч далеко в поле. К тому времени когда мяч вернули, он уже переместился к третьей и с усмешкой взирал на происходящее, причем усмехался, что называется, от уха до уха.

— Большой ребенок, — заметила Надежда.

— Девяти лет, — подтвердил Том, приложил ладони ко рту и крикнул: — Отличный удар! — Он действовал

* Норман Рокуэлл (1894—1970) — американский художник-иллюстратор.

машинально. Инстинктивно. Попросту не мог удержаться. Вот что значит исправлять гены.

Кевин повернулся, увидел деда, улыбнулся и помахал рукой.

— Вот уж точно — маленький негодник, — проговорила Надежда.

Они продолжали наблюдать за игрой. Оскар улегся на траву, провел пухлой ладонью по земле, взглянул на облака. С моря задувал ветерок, поэтому жарко не было. Увидев Тома, проезжавшая мимо пригорка на велосипеде Фрэн Кратовил остановилась, подошла и тепло поздоровалась с Барнардом. Ее лицо выражало приятное удивление. Они мило поболтали, как и положено старым друзьям, и Фрэн укатила.

Снова настала очередь Кевина принимать подачу, и снова он нанес мощный удар.

— Молодец, — похвалил Том.

— Тысячу выбьет, — заметил Оскар.

— Точно.

— Вы о чем? — не поняла Надежда.

Ей объяснили правила игры.

— Какой шикарный у него замах, — сказала женщина.

— Да уж, — согласился Том. — Не бита, а плетка...

— То есть?

— У Кевина крепкие руки, — пояснил Оскар. — Он действует настолько быстро, что кажется, будто бита слегка изгибается на лету.

— Но при чем тут плетка?

— Потому что движения биты напоминают именно плетку, а не, скажем, пастушеский кнут, — слегка смущаясь, отозвался Том. — Забавно... По-моему, плетки никто давным-давно в глаза не видел, а сравнение осталось.

Теперь принимала команда-соперник. Возникла суматоха.

— Утки на пруду! — раздался чей-то крик.

— Утки на пруду? — переспросила Надежда.

— Это означает, что есть шанс набрать очки, — объяснил Оскар. — Выражение из лексикона охотников.

— А разве охотники стреляют уток на воде?

— Гм-м, — промычал Том.

— Может быть, очки набрать легче, нежели подстрелить уток в воздухе? — предположил Оскар.

— Не знаю, — ответил Том. — Все зависит от твоих способностей. Кто не успел, тот опоздал.

— Время! — крикнул кто-то из игроков.

Тут появилась возбужденная Дорис.

— Привет, Том! — воскликнула она. — Я была в мэрии, проверила документацию по градостроительству. Знаете, что я нашла? Предложение по перепланировке Рэттлснейк-Хилла!

— А вы не запомнили, как изменился коэффициент? — спросил Оскар.

— С пяти целых четырех десятых до трех целых двух десятых, — ответила Дорис, смерив прокурора взглядом.

Мужчины задумались.

— Что это значит? — поинтересовалась Надежда.

— Пять и четыре десятых — маркер открытого пространства, — сказал Оскар. Он сменил положение и теперь лежал, подперев голову рукой. — А три и две означает возможность коммерческого использования. Любопытно, какую территорию они собираются перепланировать?

— Сто тридцать гектаров! — Дорис, по-видимому, сильно задело то, что Оскар не проявил ни малейшей озабоченности, только любопытство. — Вся территорию, которая принадлежала раньше службе водоснабжения и которую, я надеялась, мы присоединим к парку Сантьяго-Крик. Они наверняка попытаются протащить свой проект под видом стандартного предложения на перепланировку.

— Если так, Альфредо свалит изрядного дурака, — проговорил Том. — Истина быстро выплывет наружу.

Оскар согласился. Даже для того чтобы изменить маркер территории, требуется заключение комиссии по охране окружающей среды и одобрение городского Совета, причем получить последнее не так-то просто; подобным же образом должен решаться и вопрос об увеличении нормы воды, выделяемой городу.

— Разумнее всего, — продолжал Том, — было бы поделиться своими планами насчет холма, а когда их одобрят, поискать подходящие законы.

— Такое впечатление... — начал Оскар.

— Что у Альфредо на уме именно это, — перебил Том. — В том-то и дело. Необходимо выяснить, почему он начал с законов. Вполне вероятно, если поискать, обнаружится кое-что интересное. — Старик посмотрел на Оскара и Дорис. Оскар вновь лег на спину, а Дорис, метнув на прокурора испепеляющий взгляд, вскочила на свой велосипед и покатила прочь.

Когда игра закончилась, Оскар вновь принялся за работу, а Надежда попросила Тома показать ей холм, из-за которого ломаются копыя. По дороге они миновали дом Кевина и Дорис, прошли через сад и очутились у подножия холма, в роще авокадо, что занимала часть склона.

— Прибыли. Налево каньон Кроуфорд, а перед нами Рэттлснейк-Хилл.

— Я так и думала. Он и впрямь на заднем дворе Кевина.

В роще им встретился Рафаэл Джонс, еще один давний знакомый Барнарда.

— Привет, Том! Как делишки?

— Отлично, Раф.

— Мы с тобой не виделись сто лет. Что это ты вдруг к нам пожаловал? — Том показал на Надежду, и все

рассмеялись. — Понятно, — сказал Рафаэл. — Она и у нас все перевернула вверх дном.

Он имел в виду дом, в котором жили Кевин и Дорис и старейшиной которого являлся. Вспомнив, что Рафаэл — садовник, Том поинтересовался, все ли в порядке с авокадо, задал еще пару-тройку вопросов, а затем, чувствуя, что выдохся, ткнул пальцем вверх и сказал:

— Мы идем на вершину.

— Валяйте. Рад был встретиться, Том. Как-нибудь заглядывай в гости.

Том кивнул и жестом пригласил Надежду идти вперед. Вскоре растительность внезапно поменяла цвет, превратилась из зеленой в красно-коричневую. Стоял май, что для Южной Калифорнии означало позднее лето, пору золотистых холмов. Том с запинкой объяснил, что весна здесь наступает в ноябре и длится до февраля; тогда все цветет и почти не переставая льют дожди. Лето же начинается в марте и заканчивается в мае, а засушливая осень с ее темными красками тянется с июня по октябрь. Для зимы времени толком и не остается, о чем, впрочем, жалеть не приходится.

Да, подумалось ему, он на деле забыл, как разговаривать с людьми.

Они шагали по тропинке, что вилась меж карликовых дубов, зарослей мака, полыни, попадавшихся тут и там кактусов. В воздухе витали бесчисленные ароматы, среди которых, перебивая остальные, выделялся резкий запах полыни. Почва, изобиловавшая песчаником, имела светло-коричневый оттенок. Том остановился, огляделся по сторонам, высматривая окаменелости, но ничего не обнаружил, хотя раньше, сообщил он Надежде, их тут хватало — моллюсков, громадных клыков, зубов животного под названием десмостилиан, единственного в своем роде существа, этакой помеси бегемота с моржом. Чего здесь только не находили!

Порой из кустарника вспархивали фазаны, срывались с веток вороны. Время от времени из травы доносился

шорох — то удирали напуганные приближением людей маленькие зверьки. Солнце припекало.

Они вышли на плоский гребень, с которого поднялись на вершину холма. Там было прохладно — ощущался ветерок. Том провел Надежду к самой высокой точке вершины, и они уселись на землю в тени платана.

Надежда почти сразу легла и вытянулась во весь рост. Том какое-то время обзирал окрестности. Над равниной висела дымка. С вершины были видны стадион в Анахайме, здание больницы в Санта-Ане, диснейлендовский пик Маттерхорн. У подножия холма нежилась на солнышке Эль-Модена, похожая сейчас на свою тезку в Тоскане.

Чуть погодя Том принялся расспрашивать Надежду о ее жизни, стараясь не обращать внимания на населявших рощу на вершине холма призраков (смеющаяся молодая пара, школьники, сажающие деревья...).

Она сказала, что родилась в Севастополе, но домом считает Индию, в которой прожила много лет и откуда вернулась в Москву.

— Уезжать было очень тяжело.

— Привыкли?

— Индия способна изменить любого, кто в нее приезжает, если он пробудет там достаточно долго и не станет отгораживаться. Столько людей... Только в Индии я поняла, что такое проблема перенаселенности. Я попала туда в двадцать четыре года и сразу принялась действовать.

— Но потом уехали в Москву.

— Увы. По сравнению с Индией Москва, конечно, ничто. Мое правительство занимало по отношению к Индии весьма странную позицию. Те, кто возвращался оттуда, вдруг понимали, что дома их работа никому не нужна, что они — лишние. Неприкасаемые. — Надежда засмеялась.

— Несмотря на то что вы столько всего сделали...

— А могли бы сделать гораздо больше.

Некоторое время они молчали. Надежда подобрала ветку, пошевелила палую листву. Том наблюдал за ее руками. Тонкие, изящные, с длинными пальцами.

Он вновь почувствовал себя старым, толстым и неуклюжим. Держись, приятель, держись, как бы тяжело ни было. Надежда заговорила про Сингапур, и Том словно перенесся на много лет назад. Она была одним из сопредседателей конференции. Да, они тогда встречались в баре, бродили по людным, душным, поражающим буйством красок сингапурским улицам, обсуждали, с грехом пополам преодолевая языковой барьер, стратегию конверсии. Том поделился с Надеждой своими воспоминаниями; женщина засмеялась таким знакомым смехом. Азиатское лицо — нос с горбинкой, властные черты. Казацкая кровь. Степи, Туркестан, бескрайние просторы Центральной Азии. Тогда она одевалась по-сингапурски, но не упускала возможности, как, кстати, и сейчас, дополнить костюм какой-нибудь индийской вещицей — шалью или украшением.

Барнард спросил, что было дальше.

— Ничего особенного. Я жила и работала в Москве.

Первого мужа Надежды послали в Казахстан, и она вместе с ним изучала экономику региона, пока он не погиб во время беспорядков на национальной почве. Вернулась в Москву, снова уехала в Индию, где познакомилась со вторым мужем, грузином, который там работал. Затем Киев и вновь Москва. Отправились в отпуск на Черное море, ныряли с аквалангами; муж неожиданно умер — сердечный приступ. Дети? Сын в Москве и две дочери в Киеве.

— А у вас?

— Моя дочь вместе с мужем, отцом Кевина, довольно давно улетела в космос. Они там монтируют солнечные батареи. А сын погиб в автокатастрофе.

— Понятно.

— У Кевина есть сестра, Джилл. Она живет в Бангладеш.

— А у меня пятеро внуков, да через месяц появится шестой. — Надежда снова рассмеялась. — Признаться, я их навещаю не так уж часто.

Том пробормотал что-то неразборчивое. Джилл он не видел около года, а ее мать — целых пять лет. Такие настали времена: люди постоянно переезжают с места на место, предпочитая общаться по видеофону. Барнард поднял голову, посмотрел сквозь листву на солнце, моргнул. Значит, Надежда похоронила двоих мужей. И сидит себе, смеется, точно маленькая девочка, складывает узоры из веток и палой листвы... Странная штука жизнь.

Спустившись с холма, они направились к дому, в котором жили Кевин и Дорис. На небе полыхал абрикосовый закат, в пламени которого дом светился будто огромная лампочка. Том с Надеждой вошли внутрь — и, как оказалось, явились к ужину. По коридорам с криками носились ребятишки. В здании обитало шестнадцать человек; невольно складывалось впечатление, что большинство из них составляют дети, — хотя на самом деле тех было всего пятеро. Рафаэл и Андреа искренне обрадовались Тому; в незапамятные времена они вместе работали над уставом Эль-Модены, но сколько с тех пор утекло воды... На столе немедленно возник чайный сервиз, детям велели пригласить всех, кто сейчас дома. Пришли Йоши и Боб (они когда-то учили Кевина), Сильвия и Сэм, Донна и Синди; отказался лишь Томас, который объяснил, что очень занят. Суета, суета; Барнард даже слегка растерялся. Нет, он не смог бы жить в таком муравейнике — ни раньше, ни теперь, когда на него снизошло великое одиночество. Разумеется, дом большой, а подобные встречи наверняка случаются не часто, но все же, все же...

После ужина Том налил себе и Надежде кофе, и они вышли к бассейну, вокруг которого были расставлены кресла. Над ними слегка подрагивал на ветру прозрачный полог, из кухни доносились голоса и звон посуды.

Сквозь полог виднелись звезды. Здание было выстроено в форме подковы, внутри которой и располагался бассейн. Отсюда открывался вид на город с его огнями, напоминавшими фонари рыбацких лодок.

Хлопнула входная дверь, кто-то пробежал по коридору.

— Где мой ужин? — раздался голос Дорис.

Минут пятнадцать спустя появился довольный Кевин. Сказал, что после игры летал с Рамоной на планере, а потом они вместе пообедали...

Дорис вернула его на землю, рассказав о предложении, которое обнаружила в мэрии.

— Они явно нацелились на Рэтгслснейк-Хилл.

— Шутишь? — пробормотал Кевин и упал в кресло. — Мерзавцы!

— Стычки не избежать, — угрюмо предрекла Дорис.

— Естественно.

— Положение хуже, чем ты думаешь.

— Если тебе от этого легче, можешь считать, что оно аховое.

— Я всего лишь трезво смотрю на вещи.

— Ладно, не злись. — Молодые люди отправились на кухню.

— Черт побери! — воскликнула Дорис. — Кто сожрал наши порции?!

— Порой мне кажется, — со смешком заметила Надежда, обращаясь к Тому, — что Дорис не отказалась бы заново сойтись с Кевином.

— Заново?

— Ну да. Вы разве не знаете, что они были близки?

— Впервые слышу.

— Не то чтобы очень; да и вообще, дело давнее. Оба как раз переехали сюда — и чуть было не поселились в одной комнате. Дорис рассказала мне обо всем, когда работала у меня. По-моему, она до сих пор влюблена в Кевина, хотя он явно к ней охладел.

— И как я не заметил? — проговорил Том. Впрочем, что он мог заметить в своей глуши? — Ведь она не сводит с него глаз.

— Да. Но у Кевина появилась Рамона.

— Та, с которой он летал? Помнится, она была подружкой Альфредо.

Надежда поделилась с собеседником последними городскими новостями. В ее словах чувствовался неподдельный интерес ко всему, что происходит в Эль-Модене. Том словно заразился этим интересом; внезапно ему захотелось, что называется, слиться с реальностью.

— Понятно, — проговорил он, удивляясь самому себе. Сидит у бассейна, слушает азиатскую красавицу, что пересказывает городские сплетни...

Они какое-то время молча глядели на звезды, потом Надежда спросила:

— Может, переночуете у нас? Свободная комната наверняка найдется.

Том покачал головой:

— Я предпочитаю спать дома. Еще немножко посижу — и вперед.

— Ясно. Если не возражаете, я пойду...

— Конечно-конечно.

— Спасибо за прогулку. Холм просто замечательный, его нельзя застраивать.

— Честно говоря, я сам с удовольствием на нем побывал.

Надежда поднялась по лестнице на второй этаж и прошла по балкону в южное крыло здания, где находились комнаты для гостей. Том проводил ее взглядом. Мыслей в голове не было, зато чувства буквально переполняли душу. Скрип дерева... Как давно у него не было такого вечера. До чего же странно... Словно по ночам, пока он спал, проходили десятки лет, и каждое утро мир целиком и полностью изменялся. Этот голос, этот смех, который он слышал на улицах Сингапура, — неужели все было на самом деле? Неужели происходило именно с ним? Невозможно поверить, однако...

Снова пропасть — между тем, что кажется правдой, и тем, что является ею. Воплощения, из которых состоит жизнь...

Том встал. Пора ехать. Путь неблизкий; вдобавок очень хочется оказаться дома. Пожалуй, сейчас это просто необходимо.

Неделю или две стояла теплая погода. Влажность держалась высокая, в воздухе ощущалось некое напряжение, как будто в нем накапливалось статическое электричество. Казалось, со стороны Санта-Аны вот-вот подует ветер, который опрокинет Эль-Модену в море.

Том Барнард больше в городе не появлялся, поэтому Надежда навещала его сама и постепенно это вошло у нее в привычку. Порой Том оказывался дома, порой отсутствовал. Встречаясь, они разговаривали обо всем на свете, причем разговор то обрывался, то начинался снова; если Надежда не заставляла Тома, она шла в огород. Однажды, поднимаясь по тропинке, она заметила, как Барнард выскользнул из своей хибарки и скрылся за деревьями. Должно быть, подумалось ей, он просто отвык общаться с людьми; нужно дать ему отдохнуть. Надежда стала проводить дни с Дорис, Кевином, Оскаром, Рафаэлом, Андреа или с кем-то еще, и как-то вечером после ужина Том заглянул к ней сам. Они выпили кофе, поболтали час-другой, а затем он укатил обратно.

Отношения Кевина с Рамоной складывались иначе: раз в несколько дней они встречались после работы, чтобы полетать на глайдере и, может быть, вместе поужинать. Во время полета они рассказывали друг другу о своей работе или говорили о всяких пустяках. Кевин, неожиданно для себя, научился избегать некоторых тем; обычно он предоставлял выбор темы Рамоне, а сам поддерживал беседу. Он словно приобрел такт, получил то, чем никогда не обладал, поскольку до сих пор попросту не обращал внимания на людей, с которыми ему приходилось иметь дело. Но теперь все изменилось — благодаря ощущению, испытанному в первом полете с Рамоной. Каждый полет становился для Кевина грандиозным приключением, важнейшим событием дня. Свободно

парить в воздухе, чувствовать, как тебя подхватывает ветер, видеть под собой, будто на карте, землю!..

Кроме того, как было здорово работать вдвоем, бок о бок, крутить педали в одном ритме с партнером. Физическая близость, то новое, что они узнавали о характерах друг друга в моменты усталости, постоянное напоминание о грубой реальности с ее животными инстинктами... плюс игра в одной команде, плюс утреннее купание в компании приятелей... Словом, они достаточно хорошо узнали друг друга.

Усевшись на сиденье глайдера, они принимались бешено крутить педали и взмывали в воздух. Показывали вниз, говорили о том, что видели вокруг.

— Смотри, вороны, — произносил, к примеру, Кевин, тыча пальцем в сторону скопища черных точек под ногами.

— Гангстеры, — отзывалась Рамона.

— Нет, мне вороны нравятся. Чего смеешься? Да, вид у них не слишком привлекательный, зато как они летают!

— Хозяева неба.

— Точно! — В округе Ориндж насчитывались тысячи ворон, которые летали огромными стаями, уничтожая плоды в многочисленных садах. — Мне нравятся их хриплые голоса, отлив перьев, хитринка в глазах, когда они смотрят на тебя... — Кевин выкладывал все, что только приходило в голову, наслаждаясь собственной импровизацией. — А как они подпрыгивают на месте! Вроде бы такие неуклюжие, а на деле... Нет, я обожаю ворон!

Рамона хохотала, а Кевин не заговаривал ни о чем другом, инстинктивно догадываясь, что этого делать не следует. И они летали по небу, изящно, как чайки, этакие небесные дервиши; на лице и на всем теле выступал пот, который быстро высыхал, оставляя на коже белые полоски. Сердце Кевина переполняли эмоции, однако он сдерживал себя, ибо что-то подсказывало ему, как именно следует себя вести.

Итак, отныне большая, основная часть его жизни проходила на высоте двести—триста футов над землей.

Разумеется, он участвовал в работе городского Совета, что отнимало довольно много времени, однако не слишком ею интересовался. Все ждали следующего шага Альфредо и попутно пытались разузнать истинные побуждения мэра. У Дорис нашелся приятель, сотрудник финансового отдела той компании, где она работала, а у того — знакомый бухгалтер из «Хиртека», и теперь Дорис осторожно выясняла, о чем говорят и что планируют в фирме Альфредо. Слухи, естественно, ходили всякие. Чтобы узнать, можно ли им верить, Дорис сошлась достаточно близко с хиртековским бухгалтером и, притворяясь необразованной провинциалкой, засыпала его за ужинами, на которые тот ее приглашал, градом вопросов.

А затем в повестке дня одного из заседаний Совета появилось предложение о перепланировке, которое, в частности, предусматривало постройку нового канала.

В отличие от заседания, на котором представляли новых членов Совета, это проходило в куда менее торжественной обстановке. Народу было немного, в помещении царил полумрак. Кевин и Дорис, словно охотники из засады, настороженно наблюдали за Альфредо, который с привычной раскованностью вел заседание, время от времени оживляя его ход шутками и репликами «в сторону». Наконец он добрался до двенадцатого пункта.

— Ладно, пора заняться делом. Итак, предложение о перепланировке.

Некоторые из присутствовавших рассмеялись, будто мэр отпустил очередную шутку. Кевин подался вперед, облокотился на стол. Но первой высказалась Дорис, которая, по-видимому, заметила, что Кевин стиснул кулаки, и испугалась, что он сорвется.

— Альфредо, что означает изменение маркера для каньона Кроуфорд?

— Оно затрагивает старый канал и окрестности до Ориндж-Хилла.

— То есть Рэттлснейк-Хилл, так? — бросила Дорис.

— На картах у него названия нет.

— Но кому понадобилось менять коэффициент? Ведь эту территорию предполагалось присоединить к парку Сантьяго.

— Конкретного решения принято не было.

— Если ты дашь себе труд вспомнить заседание, на котором обсуждалось будущее каньона Кроуфорд, то поймешь, что ошибаешься.

— Я не помню, о чем тогда шла речь. Во всяком случае, никаких планов мы не составляли.

— Три целых две десятых вместо пяти целых четырех десятых — солидный скачок, — заметил Джерри Гейгер.

— Вот именно! — откликнулся Кевин. — Он означает, что на данной территории разрешена коммерческая застройка. Разве не так, Альфредо?

— Комиссия по землеустройству сочла возможным использовать эту территорию в качестве запасного варианта для осуществления различных проектов. Правильно, Мэри?

— Коэффициент три целых две десятых присваивается территориям общего назначения, — отозвалась Мэри, сверившись со своими бумагами.

— На которых можно строить что угодно! — воскликнул Кевин. Он явно утрачивал выдержку. Дорис нахмурилась, попыталась перехватить инициативу.

— То есть разрешается коммерческая застройка? — уточнила она.

— В принципе — да, — ответила Мэри, — однако...

— Это последний незастроенный холм в Эль-Модене! — произнес Кевин, лицо которого побагровело от ярости.

— Не горячись, — ровным голосом проговорил Альфредо. — Мы знаем, что Рэттлснейк-Хилл находится рядом с твоим домом, но на благо города...

— При чем тут мой дом?! — крикнул Кевин и отодвинулся от стола, словно собираясь встать. — Какого черта? Что ты пудришь нам мозги?!

Наступила тишина; кто-то прицокнул языком. Дорис пихнула Кевина локтем в бок, наступила ему на ногу. Он озадаченно воззрился на нее.

— По-моему, подобные предложения должны сначала рассматриваться комиссией по охране окружающей среды, — сказала Дорис.

— Для перепланировки одобрения КОС не требуется, — возразил Альфредо.

— Оскар, это так? — поинтересовалась Дорис.

Похожий на сонного Будду, Оскар утвердительно кивнул:

— Нужен специальный запрос.

— Считайте, что он сделан, — заявил Кевин. — Хватит водить нас за нос.

— Поддерживаю, — откликнулась Дорис. — Кстати, я хочу кое-что уточнить. Кто именно внес предложение о перепланировке и на каком основании?

Установилось напряженное, выжидательное молчание. Наконец Альфредо произнес:

— Как уже сказал Кевин, данная территория включает в себя один из последних незастроенных холмов в окрестностях города. Поэтому она представляет большую ценность. Я полагал, что, отказав в праве застройки частным лицам, мы тем самым как бы обещаем использовать эту землю на благо всех горожан. Но если ее планируется присоединить к парку Сантьяго — что ж, мне остается только порадоваться за парк и за тех, кто живет поблизости...

Кевин заерзал на стуле.

— Мы все живем поблизости, — вмешалась Дорис, стукнув Кевина по колену, и пожалела про себя, что у нее нет под рукой чего-нибудь вроде шила.

— Разумеется, — согласился Альфредо. — Хотя одни ближе к парку, чем другие, все мы в принципе живем по соседству. Так вот, эта территория представляет ценность для всех, потому-то мы с Мэттом подумали, что нас поддержат, если мы предложим использовать ее на благо города.

— Что вы планируете конкретно? — неожиданно спросился Джерри.

— Ничего. Мы просто предлагаем вместе подумать.

— А нет ли тут связи с запросом на увеличение нормы воды? — Джерри, похоже, заинтересовался всерьез.

— Ну, если мы получим эту воду... — Альфредо не закончил фразу. Вместо него ответил Мэтт:

— Вот если мы получим эту воду и разрешение на коммерческую застройку, тогда и можно будет что-то обсуждать.

— А сейчас мы, значит, ничего не обсуждаем? — В голосе Джерри прозвучали саркастические нотки (впрочем, понять, когда он говорит серьезно, а когда насмехается, было довольно затруднительно).

— Совершенно верно. Мы просто предлагаем. Но...

— Понятно, что ничего нельзя сделать, пока не существует инфраструктуры. Однако наша работа в том и состоит, чтобы обеспечить возможность ее создания.

— Ради чего?! — воскликнул Кевин, убирая ногу, на которую вновь попыталась наступить Дорис. — Сначала ты предлагаешь увеличить норму воды — под предлогом экономии средств. Затем, ничего не объясняя, вносишь предложение о перепланировке, а когда у тебя требуют объяснений, принимаешься рассуждать о каких-то там возможностях. Я хочу знать, чего ты добиваешься на самом деле и почему ведешь нечестную игру!

Во взгляде, который Альфредо бросил на Кевина, читалась ненависть. Впрочем, мэр мгновенно овладел собой, отвернулся и произнес слегка насмешливым тоном:

— Я повторяю наше предложение, вынесенное на обсуждение городского Совета: мы заинтересованы в перепланировке вышеназванной территории и последующем ее использовании. На данный момент коэффициент составляет пять целых четыре десятых, что означает свободное пространство и не более того...

— И менять его нельзя ни в коем случае! — перебил Кевин, едва не сорвавшись на крик.

— Кевин, я не уверен, что остальные члены Совета придерживаются того же мнения; кроме того, у меня есть право высказывать свою точку зрения. Или ты считаешь иначе?

— Можешь предлагать что угодно, — отозвался Кевин, махнув рукой, — но пока ты не объяснишь, что конкретно намерен делать, твоё предложение не может обсуждаться. И перестань крутить, Альфредо. Кстати, ты так и не ответил на мой вопрос.

Дорис прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Похоже, иногда и впрямь стоит переть не разбирая дороги. Настойчивость Кевина, пускай на долю секунды, лишила Альфредо самообладания. Вон он — до сих пор никак не сообразит, что же сказать.

— Я не ответил на твой вопрос потому, — проговорил наконец мэр, — что на него невозможно ответить. Мы не строили конкретных планов — всего лишь предложили обсудить идею, которая могла бы оказаться плодотворной. Но без перепланировки рассматривать вопрос об использовании этой территории не имеет смысла. Вот почему мы внесли предложение о перепланировке в повестку дня.

— Мы хотим получить заключение КОС, — сказала Дорис. — Очевидно, в сложившейся ситуации оно просто необходимо. Может, проголосуем?

Члены Совета единогласно проголосовали за то, чтобы передать предложение о перепланировке на рассмотрение КОС.

— Замечательно, — подытожил с улыбкой Альфредо. — На том и закончим.

Однако взгляд, которым он окинул сидевших за столом, никак нельзя было назвать дружелюбным. Губы Дорис сами собой растянулись в усмешке. Все-таки они его достали!

Несколько дней спустя «Лобос» впервые в сезоне играли с «Вэнгардом». Подавал Альфредо, принимал Ке-

вин, который с первого взгляда понял, что ему сегодня придется нелегко. Заседания Совета, полеты с Рамоной (если Альфредо и не видел их вдвоем собственными глазами, уж слухи-то до него доходили наверняка...). В общем, поводов для мести у Альфредо было предостаточно.

Вдобавок он был весьма неплохим питчером. Разумеется, правила в софтболе слегка отличаются от чисто бейсбольных, и питчеру не зачем выбивать принимающего с поля; но отсюда вовсе не следует, что подобное не может произойти. Если питчер запустит мяч по высокой дуге в направлении задней линии, отбить его будет чертовски трудно. А Альфредо как раз специалист по таким броскам. Плюс психологический фактор — манеры эдакого питчера-супермена, снисходительная ухмылочка, которая словно говорила: «Все равно промахнешься». Для софтбольного питчера Альфредо выглядел достаточно нелепо, однако все же ухитрился произвести на соперника нужное впечатление.

Он с усмешкой поглядел на Кевина, будто не узнавая того и одновременно как бы выделяя из общей массы. Затем бросил — так высоко, что Кевин решил вовсе не отбивать мяч.

К его великому сожалению, тот упал точно посередине зоны. Очко! А по правилам их лиги, если принимающий проиграл оба очка, он выбывает из игры.

Альфредо усмехнулся шире прежнего и запустил мяч еще выше, чем первый. Кевин остался стоять на месте. Мяч резко нырнул вниз, но Кевин оказался начеку и достал его. Один — один.

Третья попытка. Альфредо вновь запустил мяч по той же высокой дуге, разве что чуть-чуть в сторону. Внезапно Кевин запаниковал, решил, что обязательно промахнется, взмахнул битой — и удивился, пожалуй, сильнее всех, когда увидел, как мяч от удара, в который он от отчаяния вложил все силы, перелетел на правую половину

поля. Есть! Кевин подбежал ко второй лунке, улыбнулся партнерам, которые подбадривали его громкими криками. Альфредо, естественно, и не подумал повернуться. Кевин засмеялся ему в спину.

Кевин выручал партнеров еще дважды. Альфредо, которого принялись осыпать насмешками, изрядно разозлился и стал подгонять товарищей по команде, срывая на них свое раздражение. Что касается «Лобоса», в этот день везло не только Кевину, но и всем остальным: мячи ложились точно в цель, и к последней подаче счет был девять — четыре в пользу команды Кевина. Альфредо встал на первую лунку; ему удалось отбить мяч, и тот очутился в зоне противника.

Следующей принимала Жюли Хэнсон, которая нанесла мощный удар, и мяч просвистел над головой Кевина. Тот внезапно испытал странное чувство: он ощущал себя непосредственным участником происходящего и одновременно как бы наблюдал за всем со стороны. Подбежавший Майк отбил мяч, Альфредо, которого явно переполняли эмоции, обогнул вторую лунку и устремился к третьей, Майк бросил мяч партнеру — то есть ему... Кевин приготовился к удару. Мяч неожиданно вильнул вправо, Кевин прыгнул наперехват, и в тот самый миг, когда достал резиновый снаряд, в него с разбега врезался Альфредо.

Кевин полетел вверх тормашками. Какое-то время спустя он пришел в себя, потряс головой и обнаружил, что стоит на четвереньках в зоне противника, сжимая в перчатке пойманный мяч. Оглянулся на Фреда Сполдинга: тот поднял палец — мол, вне игры. Судью окружали игроки и зрители, что-то горячо ему доказывавшие. Альфредо, который стоял у третьей лунки, громко кричал на Фреда.

Кто-то помог Кевину подняться. Он переложил мяч в другую руку, приблизился к Альфредо, который поглядел на него с некоторой опаской, и, сам не зная, с какой

стату, кинул мяч тому в грудь. «Выбыл», — хрипло проговорил он, подивившись про себя, как странно звучит его голос.

Едва он отвернулся, его схватили за руку. Заметив краем глаза некое движение, Кевин замахнулся и врезал Альфредо по уху чуть ли не в то самое мгновение, когда кулак мэра разбил ему губу. От удара он не устоял на ногах и упал, а затем они с Альфредо покатались по земле. Мэр выкрикивал оскорбления, Кевин изрыгал проклятия и пытался высвободить руку, чтобы ударить снова. Фред требовал прекратить безобразие; Майк, Дорис, Рамона и другие принялись растаскивать драчунов. В конечном итоге им это удалось. Кевин прикинул, что мог бы без особого труда вырваться, но не стал: ведь его удерживали друзья, которых ни в коем случае не следовало обижать. Альфредо, которого тоже крепко держали, свирепо поглядел на Кевина и что-то крикнул Фреду. В ушах звенело, слов было не разобрать, но вдруг сквозь какофонию донесся голос Рамоны: «Что ты себе позволяешь?!» Кевин даже оглянулся, испугавшись, что Рамона кричит на него. Но та обращалась к Альфредо, на которого смотрела как на заклятого врага. Интересно, подумалось Кевину, куда я ударил? В правой руке до сих пор пульсировала боль.

— Черта с два! — крикнул Альфредо судьё. — Черта с два, понял? Он стоял на линии. Что я мог сделать? Не было никакого нарушения правил!

А ведь он прав, подумал Кевин.

— Сам виноват! — продолжал Альфредо. — Если бы не...

— Заткнись, Альфредо! — перебила Рамона. — Тебе прекрасно известно, кто именно все это начал.

Альфредо холодно поглядел на нее и вновь повернулся к судьё:

— Ну? Ты судья или кто, в конце-то концов?

Игроки обеих команд снова принялись обвинять друг друга. Фред поднес к губам судейский свисток.

— Тихо! Тихо! Если вы не разойдетесь, я прерву матч и засчитаю поражение тем и другим! Ну-ка,

успокойтесь! — Он подошел к Кевину, окруженному игроками «Лобоса». — Уходи с поля.

Партнеры Кевина вознегодовали.

— В случае, когда бэтсмен сталкивается с полевым игроком, который стоял на линии, считается, что правила нарушает именно полевой игрок, — объяснил Фред, не обращая внимания на протесты. — Поэтому бросать в него мяч было незачем. Ступай отдохни, все равно осталось немного. Я хочу, чтобы игра закончилась нормально. Иди!

Кевина отвели к кромке поля, усадили на скамью. В горле пересохло... Наверно, он тоже кричал. Рядом сидела Рамона. Внезапно до Кевина дошло, что она придерживает его за локоть; дружеское, ободряющее прикосновение... Значит, Рамона открыто встала на его сторону! Он посмотрел на женщину, вопросительно приподняв бровь.

Рамона убрала руку. Кевин вдруг понял, что дрожит всем телом.

— Мерзавец, — проговорила Рамона, глядя на Альфредо, который по-прежнему о чем-то спорил с судьей.

Кевин судорожно сглотнул и кивнул.

После игры, победу в которой все же одержал «Лобос», Кевин отправился домой, чувствуя себя полным идиотом. Подумать только, его выгнали с поля во время софтбольного матча! Такое, естественно, случалось, особенно если встречались команды, игроки которых по ходу дела утоляли жажду пивом. Однако это бывало крайне редко.

Неожиданно различив голос Альфредо, Кевин обернулся и сам поразился тому, насколько, оказывается, сильна его неприязнь к Блэру. Крошечную фигурку на дальнем конце поля окружали друзья... Ну и гад! Жаль, что не получилось врезать ему по второму разу...

— Эй, Кевин!

Он вздрогнул, испугался, что по его лицу можно догадаться, о чем он думает.

— Рамона!

— Интересная игра, верно?

— Да уж.

— Поехали со мной. Правда, у меня сегодня занятия, но они скоро закончатся, и мы сможем полетать.

— Договорились. — Вообще-то Кевин собирался поработать, но решил, что Хэнк и Габриэла вполне обойдутся без него.

Здание, в котором располагалась школа, навевало множество воспоминаний. Первым делом Кевин отправился в душевую рядом со спортивным залом, принял душ, посмотрел на себя в зеркало — верхняя губа изрядно распухла. Попробовал причесаться, отказался от этой затеи и пошел искать Рамону. Урок уже начался; он поздоровался с ребятами и сел у дальней стены.

Темой урока оказалась популяционная биология, точнее, базовые уравнения, с помощью которых можно определить, как изменяется численность той или иной популяции в условиях замкнутой среды. Эти уравнения были нелинейными и описывали действительность весьма приблизительно: ведь в реальности установить периодичность изменения численности популяций не представлялось возможным. Тема была сложной, и объяснить Рамоне пришлось довольно долго, хотя она приводила множество примеров и старалась избегать ученой терминологии, а ребята засыпали ее вопросами.

Лаборатория, в которой проходили занятия, была светлой и просторной и занимала целиком верхний этаж школьного здания. Черные волосы Рамоны отливали синевой в свете солнца. Она втянула в обсуждение и Кевина, и он начал рассказывать об использовании биосистем в современной архитектуре, выбрав в качестве примера китайских карпов, что плавали в школьном пруду. Школьники тут же принялись выяснять, какого размера должен быть водоем, чтобы рыбы в нем чувствовали себя привольно, сколько рыб можно ежегодно вылавливать, и тому подобное.

Несмотря на наглядность примеров, чувствовалось, что некоторым ученикам никак не удастся понять нелинейность уравнений, уяснить, почему численность популяций то увеличивается, а то вдруг резко уменьшается. Ничего удивительного; Кевину вспомнилось, что и он когда-то долго ломал над этим голову.

Рамона показала ребятам водяное колесо Лоренца — самое обыкновенное, с двенадцатью ведерками на ободе, способное вращаться в разные стороны. Когда из крана над колесом потекла вода, ничего не произошло; верхнее ведро постепенно наполнилось; вода перелилась через край, и все. Стоило открыть кран чуть сильнее, ведро, во-первых, наполнилось быстрее, а во-вторых, слегка накренилось, что заставило колесо совершить полный оборот, во время которого все ведерки успели набрать немного воды и слить ее в бачок под колесом. Именно этого все и ожидали, руководствуясь здравым смыслом и опытом, почерпнутым из повседневной жизни. Естественно, изумлению школьников не было предела, когда Рамона открыла кран на полную и колесо начало быстро вращаться в одном направлении, потом замерло — и закрутилось в обратном.

Класс дружно вздохнул, затем кто-то засмеялся, школьники возбужденно загомонили, а колесо продолжало вращаться туда-сюда, ведерки то наполнялись до краев, то проскакивали мимо струи, что била из крана. Хаотическое движение, полученное наипростейшим способом. Рамона подошла к доске и принялась выводить уравнение, которое описывало это маленькое чудо (впрочем, в природе оно встречается не так уж редко), а потом дала ребятам задание, и они прильнули к экранам, ожидая, когда компьютер выдаст результаты проверки.

Кевин наблюдал за Рамоной. Она держалась непринужденно, однако вовсе не запанибрата; ученики явно относились к ней с уважением, и достаточно было сурового взгляда, чтобы они утихомирились. Вспомнив свои школьные годы, Кевин не сумел сдержать улыбку: кто бы мог тогда подумать, что сорвиголова Рамона станет

учительницей? Быть может, бурное прошлое помогает ей справляться с детьми? Она переходила от стола к столу, проверяла, советовала, давала новые задания... Для учителя важно сохранять между собой и учениками определенное расстояние, чтобы они видели в нем не приятеля, а старшего товарища, сильную личность, которая олицетворяет собой мир взрослых. «Таков порядок!» — эти слова слышатся в каждой фразе настоящего учителя, читаются в каждом взгляде. Он не ошарашивает школьников множеством противоречащих друг другу фактов, а излагает им свой взгляд на мир — взгляд, на основе которого они со временем составят собственную точку зрения. Ведь главное не в том, чтобы ознакомить со всеми до единого фактами, не в том, чтобы подчеркнуть свой нейтралитет в отношении различных гипотез. В конце концов, за годы учебы школьники, если захотят, узнают все, что нужно. Настоящий учитель должен отстаивать одно, конкретное мнение, быть некоей направляющей силой. Взять, к примеру, ту же популяционную биологию: те, кто занимается этой наукой, до сих пор не могут договориться между собой даже насчет терминологии, а Рамона рассказывает о ней так, будто защищает докторскую — упоминая иные суждения лишь мимоходом, только как имеющие право на существование, не более того. И ребята слушают!

Когда занятия кончились, Кевин с Рамоной вышли на улицу, где светило медового оттенка солнце, почему-то наводившее на мысль о тренировках пловцов.

— Пошли, а то не успеем до обеда. Сегодня моя очередь дежурить. Поможешь?

— Конечно.

Кевин воспарил в мыслях на такую высоту, которой было не достичь никакому глайдеру.

«Милая Клер!

Я на месте. Приехал три недели назад. Что касается жилья, предложили на выбор: либо снять крошечную хибарку у дороги, либо поселиться в многоэтажном доме,

где есть свободные квартиры. Я выяснил, что в многоэтажке живут весьма дружелюбные, энергичные, здоровые и симпатичные люди, и, естественно, предпочел хибарку у дороги. Адрес для писем в конце.

Первое впечатление об этом городке (которое я составил, когда приезжал устраиваться на работу) оказалось верным: мирный берег, сплошная идиллия — или пастораль, в зависимости от настроения. Он расположен частью у подножия холмов, вершины которых также застроены домами; холмы образуют своего рода географический центр города, а за ними лежит глубокий каньон, который тоже относится к городской территории. Кажется, что Эль-Модена — один большой сад, столько здесь растительности; плюс велосипедные дорожки, плавательные бассейны и спортивные площадки. Насчет садов, — хотя мы живем в округе Ориндж*, из деревьев встречаются чаще всего лимоны, авокадо и оливы. Обещаю, что, как только представится возможность, открою подаренный тобой справочник и постараюсь выяснить, что тут растет еще. Я знаю, тебе будет интересно.

Солнце светит чуть ли не двадцать четыре часа в сутки. Прошло всего три недели, а я от него уже слегка ошалел. Представь, каково тем, кто здесь родился и вырос: возможно, тебе будет проще освоиться с местными нравами.

Здесьняя публика обожает велосипеды. Впрочем, общественного транспорта в Эль-Модене нет и в помине, если не считать легковушек, которые сдают в аренду тем, кому некуда девать деньги. Аренда мотоциклов обходится еще дороже; словом, тут, похоже, уверены, что передвигаться следует на собственных ногах. Надо признать, мышцы у местных крепкие.

С другой стороны, они не знают, кто такой Граучо Маркс. По-моему, театра нет не только в Эль-Модене, но и в целом округе! Я очутился в Гоби. Нет, на Новой Земле. То бишь в округе Ориндж, где главное развлече-

* Orange — апельсин (англ.).

ние — тренировочный заплыв, за которым следует оживленная дискуссия о преимуществах различных видов гребка.

На днях мне довелось стать свидетелем подобной дискуссии. Мой новый приятель Кевин пригласил меня искупаться. В бассейне плавали двадцать или тридцать человек. Туда-сюда, туда-сюда, в очень приличном темпе. Такого рода физические упражнения, безусловно, развивают тело, но, как тебе известно, я вполне доволен своим.

Некоторое время спустя Кевин, будто лосось, выпрыгнул из воды и пригласил меня присоединиться. Я объяснил, что, к сожалению, не могу — аллергия.

Он посочувствовал: аллергия на хлорку?

Нет, ответил я, на физические усилия.

Ну и ну! Как мне только не стыдно?!

Я намекнул, что они, на мой взгляд, понапрасну растрачивают энергию. Скажем, можно было бы привязать к лодыжкам концы намотанных на шпульки веревок, сохраняя таким образом хотя бы часть калорий, которые расходуются на то, чтобы переплыть бассейн. Тогда не понадобилось бы монтировать в космосе новые солнечные батареи, которые только засоряют околоземное пространство. Кевин одобрил мою идею, задумался — вероятно, над возможностью ее осуществления — и поплыл прочь, пообещав вернуться.

Между прочим, он — тот самый человек, который взялся переделать мое новое жилище. Биоархитектор. Скоро я буду жить в доме, выстроенном по последней моде. Признаться, перед тем как договариваться с Кевином, я, что называется, ознакомился с образцами его творчества; знаешь, мне понравилось. Он, несомненно, талантлив, этаким поэт от архитектуры, и питает слабость к просторным, изысканно отделанным помещениям. Я возлагаю на него большие надежды.

Сам он поначалу показался мне достаточно заурядной личностью — высокий, худой, весь какой-то нескладный, с лица практически не сходит улыбка; впрочем,

осматривая мой дом, он глядел с прищуром, который, хочется верить, выражал глубину мысли. Так или иначе, новый друг. Посмеивается над моими странностями, я плачу ему той же монетой, и оба в результате довольны.

Однако по сравнению со своим партнером Хэнком Кевин — просто гигант мысли. Хэнк невысокого роста, лысоватый, с мускулистыми руками и бычьей шеей. Ему сорок с хвостиком, но выглядит он старше. По-видимому, когда-то он был прихожанином Национальной американской церкви — помнишь ту секту в Нью-Мексико? У него занятая привычка — то и дело разевать на что-нибудь рот. Вкалывает как сумасшедший (иначе не может), и вдруг — бац! — бросает работу и словно впадает в транс. К примеру, может пилить дерево и отключиться в самый ответственный момент. Секунда... две... минута... «Мы — частички узора, порожденного Вселенной», — произносит он наконец благоговейным тоном.

«Что случилось, Хэнк? — кричит ему Габриэла. — Жука увидел?»

Однажды я ненароком подслушал их разговор. «Трудно поверить, что они разбежались, — сказал Хэнк. — А ведь были не разлей вода».

В другой раз он описывал драку между Кевином и мэром города (знаешь, местные обожают сплетничать; по сравнению с Эль-Моденой Чикаго кажется городом глухонемых). Эта драка произошла во время софтбольного матча; по словам Хэнка, Альфредо кипел как чайник.

Местные жители, уж не знаю почему, часто заводят с Хэнком какие-то разговоры. По-моему, им всем требуются его советы, вот только насчет чего? Хэнк охотно вступает в беседу; бывает, что он тратит на своих «клиентов» чуть ли не весь рабочий день. Что касается работы, он явно не из тех, кто способен вдохновлять других на трудовые подвиги.

Но как на него смотрит Габриэла, третий член команды Кевина! Похоже, Хэнк не перестает ее удивлять. Она моложе обоих мужчин, пару лет назад закончила школу;

Хэнк объяснил, что девушка помогает им сохранять хорошее настроение. У Габриэлы острый глаз и не менее острый язычок; шутки партнеров неизменно вызывают у нее смех. Она может прямо-таки кататься по полу.

В общем, дело движется, и рано или поздно у меня будет новый дом.

Другие развлечения. Я нашел себе подругу по изгнанию, русскую женщину, которая приехала в гости к своей приятельнице, Дорис Накаяме. Зовут ее Надежда Катаева. Дорис работает в фирме, которая занимается сверхпроводниками; такое впечатление, что она сама вот-вот превратится в сверхпроводник. Строгая, даже суровая, начисто лишённая чувства юмора; мой живот вызывает у нее отвращение, мои манеры сбивают с толку. А Надежда совершенно другая; если бы не почтенный возраст — ей за семьдесят, — я, пожалуй, был бы не прочь завести с ней роман. Может, еще и заведу. Мы ведем себя как два пожилых дипломата, отправленных заканчивать карьеру в некую захудалую колонию. Не так давно состоялась вечеринка на свежем воздухе. Типичное явление провинциальной культуры, пасторальное действо в духе Пруста. Деревья с пышными кронами, цветочные клумбы, живые изгороди, нечто вроде зеленого лабиринта. Мы с Надеждой поехали вместе (представь, как на меня глазел здешний люд, — этакая туша на велосипеде). Я облачился в белый тропический костюм, а Надежда выбрала ситцевое платье, подол которого так и норовил попасть между спиц.

На пороге дома нас встретила хозяйка, Рамона Санчес, в своем обычном наряде — шортах и футболке (а на руках — огромные садовые рукавицы), что было ничуть не удивительно, поскольку слова «вечеринка на свежем воздухе» означали, что мы собираемся работать в саду.

Поэтому пришлось — в белоснежном-то костюме — сесть на кучу свежевырытой земли, состязаться в остроумии с дождевыми червями и наблюдать, как набухают на ладонях мозоли. Не знаю, долго ли бы я выдержал,

если бы не пиво, не замечания, которые вполголоса отпускала Надежда — они предназначались только мне; то, что касалось всех, она произносила громко и внятно, — и не длинные и стройные ноги Рамоны Санчес, каковые я имел удовольствие лицезреть. Рамона — городская красавица, похожая, по-моему, на Ингрид Бергман, а по мнению Надежды, на Белинду Брав. Сейчас она оказалась в центре внимания местных сплетников, поскольку недавно порвала со своим давним приятелем, тем самым мэром Альфредо, место которого, судя по всему, не прочь занять Кевин (да и я бы не отказался, однако Рамона выказывает известное расположение именно Кевину, а ко мне относится не более чем дружелюбно).

Впрочем, мы с ней на пару минут тридцать пололи сорняки. Я защищал гражданские права дождевых червей, что корчились вокруг, рассеченные штыками лопат, а Рамона в чисто учительской манере (она преподает биологию) уверяла меня, что черви не чувствуют боли и что я забуду о страданиях бедных существ, оказавшись за столом. Неужели они потчуют гостей дождевыми червями, поинтересовался я, изобразив подобающую мину. По счастью, выяснилось, что она имела в виду салат.

Надеюсь, ты уловила местный колорит. Аркадия! Буколики! Марксов «идиотизм крестьянской жизни»! Честно говоря, я не верил, что он существует на деле.

Не то чтобы в Эль-Модене не случается неприятностей, отнюдь. Работы хватает, каждый день приходится вникать в тонкости нашего законодательства. Общественное устройство представляет здесь собой нечто среднее между моделью Санта-Розы (земля и коммунальные сооружения находятся в городской собственности, как и пара-тройка предприятий, использующих местную рабочую силу, горожане должны десять часов в неделю трудиться на благо общества, и тому подобное) и новой федеральной системой, по которой чем выше твои доходы, тем больший налог с тебя взимается; около

шестидесяти процентов налогов идет в городской бюджет, причем повышенными налогами облагаются не только отдельные личности, но и фирмы. Все это мне хорошо знакомо по Бишопу. В общем, Эль-Модена не бедствует, несмотря на то что крупные компании не проявляют к ней особого интереса. Что касается налогов, значительная часть средств возвращается потом в карманы горожан, благодаря чему их доходы увеличиваются чуть ли не вдвое, однако люди жалуются — дескать, можно было бы и побольше. Все хотят стать миллионерами. Тут уверены, что город, власти которого болеют за свое дело, обязательно станет городом толстосумов, вот почему в Эль-Модене буквально все интересуются политикой, что, в общем-то, типично для провинциальных городков.

Среди здешних политиков хватает наследников Макиавелли, наиболее достойный из которых, безусловно, мэр. Он пытается заполучить для процветающей компании, которой владеет, незастроенный холм и имеет неплохие шансы на успех, поскольку, во-первых, достаточно популярен, а во-вторых, упирает на то, что это позволит увеличить городскую норму воды. Его фирма называется «Хиртек»; она производит медицинское оборудование.

Сопrotивление мэру оказывает в основном Кевин со своими приятелями. Они быстро учатся и сумели кое-чего добиться, хотя практически не получают поддержки от местной организации «зеленых» (что кажется мне несколько подозрительным). Совсем недавно благодаря их усилиям городской Совет постановил, что предложение о перепланировке, которое позволяет начать застройку холма, должно получить одобрение комиссии по охране окружающей среды. Они думают, что победили! Право слово, нельзя же быть настолько наивными! Естественно, помощники мэра тут же связались с фирмой «Хиггинс, Рамирес и Бретнер», так что через пару недель мистер Альфредо заручится одобрением КОС, причем в документе будет сказано, что перепланировку следует

произвести как можно быстрее. Моим новым друзьям предстоит узнать, что КОС — оружие, которым надо уметь пользоваться. Я хочу свести Кевина с Салли, пускай наберется у нее ума.

Ну да ладно, хватит о делах.

Не пропадай, пиши. Я знаю, сейчас писем почти не пишут, но они позволяют сказать гораздо больше, чем телефонные звонки. Разве звонок передаст, как я скучаю по тебе? Признаться, я скучаю по всему, что связано с моей жизнью в Чикаго, которая растаяла будто сон. «Мне чудится, будто моя жизнь распалась на кусочки, которые падают в море». Кажется, так у Даррелла в «Квартете»?* Эль-Модена напоминает остров, где нет и намека на александрийские хитросплетения жизни в Чикаго. Впрочем, работать здесь хорошо, ничто не отвлекает. Понемногу привыкаешь, как-то втягиваешься, просыпаешься утром в твердой уверенности, что впереди еще один солнечный день. Я испытываю нечто сродни тому чувству легкости и умиротворения, которое прославляли греки. Теперь понятно, почему агенты по торговле недвижимостью окрестили это побережье средиземноморским.

Итак, я сижу под сенью лимонных деревьев, отдыхаю душой и телом, записываю свои впечатления от калифорнийской Венеции — и с нетерпением ожидаю твоего следующего письма. Спасибо за стихотворения. Твой стиль прозрачен, как у Стивенса**, можешь этим гордиться. Засим остаюсь,

Твой Оскар».

Глава 4

«Свет дробится на глянцевой поверхности воды, снизу доносится плеск — по каналу движется гондола. Мы стоим на залитом лунным светом мосту, стоим и смеемся,

* Лорренс Даррелл (1912—1990) — английский писатель, автор тетралогии «Александрийский квартал».

** Уоллес Стивенс (1879—1955) — американский поэт.

прислушиваясь к песне гондольера. Я решаю перекрасить волосы Малыша Смерти из черных в рыжие...»

Кажется, так. Дневник полного сил юноши из «Пересечения Эйнштейна», прямой контакт сознания, ослепительно яркий свет в голове. Не буду отрицать — представление о Европе у меня сложилось во многом под влиянием этого романа. Но то, что я обнаружил... Неужели за каких-то пятьдесят лет все настолько изменилось? Впечатление такое, будто жизнь сама по себе становится все стремительней. Ветер треплет покровы времени, перемены происходят чаще, нежели мы способны вообразить. Этакое неустойчивое равновесие... Эй, мистер Дилени, я живу в Европе и тоже пишу книгу! Но вчера мне пришлось провести целое утро во Fremdenkontrolle и объясняться с тамошними чиновниками на своем ужасном немецком, говоря на котором я постоянно чувствую себя полным идиотом. Меня и впрямь собираются вышвырнуть из страны. А днем я занимался стиркой: бегал под дождем из дома в прачечную и обратно. Лидди ушибла коленку и плакала в комнате наверху... Сложив в красную корзину последнюю порцию выстиранного и высушенного белья, я облегченно вздохнул — и в следующий миг споткнулся о доску, переброшенную через канаву, которую зачем-то вырыли на тротуаре, естественно, упал, и белье плюхнулось в грязь. Я поднялся, сел на бордюр и, признаться, готов был зарыдать. Что случилось, мистер Дилени? Почему я не плаваю ночами по венецианским каналам, а роняю белье на грязных улицах? Почему вынужден не «перекрашивать волосы из черных в рыжие», а «выбрасывать черновик и начинать все заново»?

До нашего с Лидди отъезда остается две недели.

Утопии — откровенная ложь, вот почему они ненавистны людям. Если вообразить, что жизнь началась заново — на каком-нибудь острове или на материке; если обездолить людей, но дать им новую планету... Главное — чтобы у них была другая история. Между прочим, о

подобном рассуждал еще Мор: уничтожение, искоренение старого — и новое начало.

Книжные утопии — безусловно, карманные (статичные, антиисторические по самой своей сути). Почему же мы, узники этого мира, их читаем? Ведь они не говорят с нами; мы изучаем утопии точно какое-нибудь изящное пресс-папье, и что с того? Они могут быть сколь угодно прекрасны, однако нам от того не легче, поскольку начать заново не светит и нужно жить прежней жизнью, чувствуя себя свободными как вбитые в стену клинья.

В истории, словно занозы, засели,
Нам, как ни крути, не добраться до цели.
Так к дьяволу все!

Необходимо изменить суть утопии. Она вовсе не совершенство, не осуществление наших желаний; такое определение вполне заслуженно вызывает презрительные усмешки. Нет, утопия — процесс создания нового, лучшего мира; дорога, которую может выбрать история; динамичный, бурный, агонизирующий процесс, у которого нет конца. Вечная борьба.

Сравните ее с нынешним течением истории. Если у вас, конечно, получится.

Субботним утром Кевин, Дорис и Оскар поднялись до рассвета, сели на велосипеды и покатали в направлении ньюпортской трассы. Утро выдалось прохладным, они даже замерзли. Заспанный служащий станции проката выдал им ключи от машины, и компания отправилась дальше.

На трассе в столь ранний час пустовали все ряды. Автомобиль быстро набрал максимальную скорость — около шестидесяти миль в час. «Дерьмо», — пробормотала Дорис. Кевин зевнул: в машинах его постоянно клонило в сон. Дорис пожаловалась, что в салоне дурно пахнет, открыла все окна и принялась костерить тех, кто пользовался машиной до нее.

— Голос добропорядочного гражданина, — заметил Оскар.

Дорис искоса поглядела на него и уставилась в окно.

Гул двигателя, шелест шин, утренняя прохлада... Дорис наконец закрыла окна, а Кевин заснул.

По риверсайдской трассе они добрались до каньона Санта-Ана, нырнули под полог, образованный кронами огромных дубов, что росли в каньоне, миновали Риверсайд, свернули на магистраль 395 и поехали на север.

Когда они проезжали через обширную пустошь в окрестностях Риверсайда, встало солнце и на землю легли длинные тени. Вдалеке мелькали финиковые пальмы и пирамидальные тополя — признаки оазисов, рядом с которыми возникали новые поселения, что окружали Гисперию, Ланкастер, Викторвилль и другие города. В отдельности каждое из поселений не представляло собой ничего особенного, однако все вместе они составляли нечто вроде лос-анджелесской диаспоры. Можно сказать, Большой Лос-Анджелес захватил ныне и пустыню Мохаве, и теперь в нем самом, в сердце старого негодая, народу стало гораздо меньше — появилось даже свободное пространство.

— А как вы познакомились с Салли Толлхок? — поинтересовался у Оскара проснувшийся Кевин.

— Она преподавала у нас в юридическом колледже.

— Насколько я понимаю, не виделись вы достаточно давно?

— Я бы не сказал. Мы стали добрыми друзьями и встречаемся довольно часто.

— Ясно. Значит, она — член совета по водоснабжению?

— Была, до недавних пор. Однако ей известны все ходы и выходы, и она досконально изучила калифорнийское водное законодательство, что для нас весьма важно, поскольку именно законами штата определяются права городов относительно воды.

— Знаю. Я слышу это каждый раз, когда прихожу за разрешением на строительство.

— Ничуть не удивительно. Вы же понимаете, вода — дело такое... Когда ею распоряжались не власти штата, а сами города, произошло несколько кровавых стычек.

— По-моему, мы от них не застрахованы и сегодня.

Дорога пошла в гору, местность стала более дикой. Слева уходили в небо пики Сьерра-Невады, взметнувшиеся над землей на десять тысяч футов; справа виднелись куда более пологие, голые склоны Слейта, Панаминта и Уайт-Маунтинс. Промелькнуло за окнами озеро Оуэнс-Лейк (небесно-голубая синева, отороченная белым), и дорога юркнула в долину Оуэнс-Вэлли.

Узкая, зажатая между двумя высочайшими горными кряжами континента, долина представляла собой истинное царство весны. Куда ни посмотри, повсюду зеленели сады — яблоневые, грушевые, вишневые, миндальные; многие деревья цвели: каждая ветка была густо усыпана цветами, каждое дерево напоминало призрачное видение на фоне поросших вечнозеленым кустарником холмов.

Остался позади Лоун-Пайн, самый крупный город долины (его население насчитывало около сотни тысяч человек), начались Алабамские холмы, поражавшие воображение своими диковинными очертаниями, — кстати сказать, эти холмы были едва ли не древнейшими на территории Северной Америки. За Индепенденсом, еще одним крупным городом, показался Бишоп — культурный центр Оуэнс-Вэлли.

Главная улица Бишопа, которая являлась на деле все той же магистралью 395, отделяла кварталы современной застройки от «исторической части», вызвавшей у Кевина смех: этакий городок из какого-нибудь вестерна. Мотели, автобусные остановки, придорожные кафе, дешевые ресторанчики, магазины автозапчастей, галантереи, аптеки и тому подобное. Бишоп явно гордился своим прошлым.

Стоило свернуть с главной улицы, как город преобразился буквально на глазах: шестьдесят тысяч его жителей

обитали, по мнению Кевина, в настоящих шедеврах современной архитектуры, которые впечатляли как элегантно, так и (впрочем, не все) причудливостью форм. Калифорнийский университет занимал целый квартал в северо-западной части города. Оставив машину на стоянке, Кевин, Дорис и Оскар направились к университетскому городку.

Часть территории университету выделила мэрия Лос-Анджелеса, а другая часть досталась в наследство от резервации, в которой когда-то жили два индейских племени — шошоны и пайюты. Университетские здания словно копировали пейзаж долины: они выстроились двумя рядами, наподобие горных цепей, а между ними, в тени многочисленных сосен, приютились низенькие деревянные сооружения. У дорожки стоял стенд со схемой городка. Отыскав на ней Кребер-колледж, Оскар повел спутников туда, мимо студентов, что перекусывали, привольно расположившись на травке. Они приблизились к деревянным постройкам, и тут Оскар остановился и показал на женщину, которая сидела на солнце, прикрыв глаза.

— Салли Толлхок.

Знакомая прокурора оказалась и впрямь высокой, однако ничего ястребиного в ее облике не обнаружилось*. Широкоскулое, типично индейское лицо, густые черные брови, рубашка с длинными, закатанными по локоть рукавами, джинсы, кроссовки... Бифокальные очки в золотой оправе придавали ей весьма деловой вид.

Услышав шаги, женщина встала.

— Привет, Носорог! — бросила она Оскару и протянула левую руку. Оскар подобным же образом ответил на рукопожатие и представил Кевина и Дорис. — Добро пожаловать в Бишоп, — проговорила Салли. — Вы меня едва застали. Я ухожу в горы.

* Обыгрывается буквальное значение фамилии Толлхок (Tallhawk) — «высокий ястреб».

— Но мы приехали специально, чтобы поговорить с тобой! — воскликнул Оскар. — К тому же на завтрашний вечер назначены состязания...

— Я всего лишь собираюсь переночевать наверху, — отозвалась Салли, — а заодно проверить глубину снежного покрова в бассейне Дьюзи. Если желаете, могу договориться, чтобы вам выдали снаряжение, и пойдем все вместе. — Оскар было запротестовал, но она мановением руки отмела всякие возражения. — Я сказала, что уйду в горы! Если хотите поговорить, придется идти со мной.

Деваться было некуда. Час спустя все четверо вскинули на спины рюкзаки и зашагали по тропинке, бегущей по берегу озера Саут-Лейк. Вскоре начался подъем. Кевин и Дорис не сговариваясь посмотрели на Оскара, затем переглянулись; видимо, их посетила одна и та же мысль — выдержит ли прокурор такую нагрузку?

Тот, однако, не отставал, хотя то и дело притворно закатывал за спиной Салли глаза — и внимательно прислушивался к словам своей подруги. Время от времени он поглядывал на Кевина и Дорис, будто проверяя, слышат ли они, о чем идет речь, и все ли у них в порядке. А они удивлялись столь несвойственной прокурору заботливости. Судя по всему, Оскар, несмотря на то что дышал прерывисто, с натугой, особых проблем не испытывал, — а ведь Салли задала весьма приличный темп.

Часа через два или три они вышли из соснового бора и очутились на берегу длинного, изобиловавшего островками озера, которое обошли, лавируя между огромных темно-красных валунов. Над озером вздымались увенчанные снежными шапками горные пики, отражавшиеся в синей воде; тут и там виднелись карликовые сосенки.

— Видите, сколько воды поступает в Оуэнс-Вэлли, — проговорила Салли, поведя рукой, и отерла со лба пот. — В прежние времена всю ее забирал Лос-Анджелес.

Карабкаясь вверх по склону, она рассказывала, каким образом лос-анджелесское Управление водоснабжением сумело получить права на все потоки, стекавшие в Оуэнс-Вэлли, присвоив тем самым всю воду Восточной Сьерры.

— Преступники,— процедила Дорис.— О чем они, интересно, думали?

— О будущем,— пробормотал Оскар.

В федеральном бюро мелиорации, продолжала Салли, работал один человек, которому поручили проверить водные ресурсы долины. Одновременно он сотрудничал с Лос-Анджелесом и сообщал туда все, о чем узнавал, вследствие чего тамошнее УВС прекрасно знало, прав на какие потоки следует добиваться. В результате Оуэнс-Вэлли выкачали досуха, уничтожив сады и пахотные земли. Фермеры разорялись один за другим, а Лос-Анджелес скупал их участки. Озеро Оуэнс-Лейк просто-напросто высохло, а в Моно-Лейк воды осталось на доньшке; что касается подземных вод, те ушли настолько глубоко, что начали погибать даже привычные к засухе растения пустыни.

— Неужели это сошло им с рук?! — воскликнула Дорис.

— В конечном итоге сложилась любопытная ситуация, — со смешком отозвалась Салли. — Город на территории одного округа оказался крупнейшим землевладельцем на территории другого. Чтобы никто не вздумал последовать примеру Лос-Анджелеса, власти Сакраменто приняли закон о недопустимости подобных действий. Однако Оуэнс-Вэлли уже было не спасти.

Рассказ получился долгим. Путники успели миновать озеро Лонг-Лейк и вышли на скалистую равнину с множеством маленьких прудиков. Вода в них поражала своей голубизной. Слева возвышался горный кряж, который, по словам Салли, назывался хребтом Отчаяния. Оскар тяжело пыхтел, однако выказывал чудеса выносливости. Они двигались в едином ритме, цепочкой, — четыре крошечные фигурки на фоне скалистого пейзажа.

Тропа обогнула возвышение под названием Седельная гора, свернула налево, к громадной расщелине, что прорезала хребет Отчаяния. Путники углубились в тень; редкие кусты можжевельника коричневого оттенка кривыми ветками и темно-зелеными иглами напоминали часовых, наблюдавших за незваными гостями.

Затем тропинка принялась петлять; чем выше они поднимались по правому склону расщелины, тем чаще попадался снег. Салли не сбавляла шаг, подъем происходил настолько быстро, что закладывало уши. Вскоре земля окончательно исчезла под снегом. Время от времени путешественники видели под собой пройденный путь — глубокую тень, вереницу озер; потом тропа в очередной раз поворачивала, и взгляду открывались горные кручи: острые, как зубы акулы, пики хребта Отчаяния, массивная пирамида горы Агассиз. Пояс деревьев остался далеко внизу, вокруг были только снег и камни.

Наконец они одолели склон, и тропа устремилась к широкому Бишопскому перевалу, в начале которого им попался столб, указывающий границу парка Кингс-каньон. Какое-то время спустя путники очутились в бассейне Дьюзи.

Слева по-прежнему возвышался горный кряж, над которым главенствовали вершины Агассиз, — могучая, правда, кое-где осыпавшаяся, стена из разноцветного гранита. В мезозойский период здешние вулканические породы долго сопротивлялись давлению изверженного гранита, но в конце концов не выдержали, и в результате возникло нечто вроде узора в калейдоскопе: темные и светлые камни перемешались друг с другом, и получился своего рода «мраморный торт». Шагая по тропинке, можно было изучать геологию: вот гранодиорит, вот более светлый аляскит, вкрапления которого виднелись даже на склонах Агассиз и Громого пика. Голос Салли журчал точно ручей; она объясняла, как называется тот или иной камень, называла каждый цветок, попадавшийся иногда среди камней.

Вскоре они достигли безымянного высокогорного озера — самого высокого в бассейне Дьюзи. На его берегах обнаружилась одна-единственная травянистая лужайка, будто предназначенная для того, чтобы разбить на ней лагерь. Путники побросали рюкзаки. Салли и Дорис принялись ставить палатки, Оскар плюхнулся на траву (он выглядел как выброшенный на песок кит), а Кевин, чувствуя, что изрядно проголодался, достал газовую горелку и кухонные принадлежности. Все успевали и работать, и оглядываться по сторонам, и разговаривать. Оскар жалобно заметил, что вот, значит, как Салли представляет себе идеальное место для лагеря, и все расхотались, не исключая и самого прокурора.

Вид с лужайки и впрямь открывался замечательный. Лучи заходящего солнца падали на вершины гор. Агасиз, Громовый пик, Равнобедренный пик, Черный Велликан, пик Колумбайн; каждый — шедевр творения, великолепное дополнение общей картины. На дне бассейна Дьюзи громоздились валуны, меж которых тянулись цепочкой крохотные прудики, виднелись присыпанные снегом деревья. Солнце исчезло за горами на западе, небо приобрело бирюзовый оттенок, а снежные шапки пиков украсила розовая кайма. Хаос порождает порядок, порядок создает хаос; кто сумеет их отличить в этом восхитительном сиянии?

Разговор снова вернулся к воде. Для Салли Толлхок — тут сомневаться не приходилось — вода была средоточием всех интересов. Особенно это касалось положения с водой в Калифорнии, где законы и практика сплелись в гордиев узел, который никому до сих пор не удалось разрубить. Салли страстно желала изучить систему, объяснить, что в ней к чему, научиться ею управлять.

В Калифорнии, сообщила она, вода течет вверх, к деньгам. Так было на протяжении десятилетий. Большинство штатов пользуется законами о прибрежной полосе, по которым собственник имеет право на ту воду, которая находится на его территории. Они взяли за основу английское общее право, которое вполне годится

для земель, изобилующих ручьями и реками. Однако Калифорния и прочие «испанские» штаты применяют законодательство, позаимствованное из засушливых Мексики и Испании; по нему права на воду признаются за тем, кто первым пустил ее на благо себе или обществу, а кому принадлежит земля, никого не волнует. При таком подходе человек, купивший участок, по которому протекает речка, чья вода орошает огород другого, не может построить ничего, что ущемило бы права соседа. Следовательно, преимущество получают деньги — в особенности, что называется, «старые».

— Выходит, вот как Лос-Анджелес похитил воду из Оуэнс-Вэлли, — проговорила Дорис.

Палатки были установлены, спальные мешки расстелены, и все присоединились к Кевину, который колдовал над горелкой.

— В общем и целом — да, хотя в том деле были свои тонкости. Однако в конечном итоге, — сказала Салли, — потеря воды принесла Оуэнс-Вэлли большую пользу. Лос-Анджелес попытался отчасти исправить положение, превратив долину в нечто вроде заповедника. Благодаря этому она избежала многих «прелестей» двадцатого столетия и южнокалифорнийской культуры. Когда же от безводья начали погибать пустынные растения, власти округа Иньо подали на Лос-Анджелес в суд и выиграли тяжбу, что привело к принятию новых законов, которые вернули округу право регулировать водоснабжение. Но поскольку к тому времени отношение к цивилизации изменилось, города долины стали действовать, ориентируясь исключительно на собственное представление о ценностях.

— Годы засухи помогли нам не слишком сильно вляпаться в дерьмо.

— Если мы проиграем, утешаться придется только этим, — заметил Оскар, обращаясь к Дорис с Кевином.

— У нас все иначе. — Дорис покачала головой. — Если мы проиграем, то вряд ли сумеем оправиться от такого удара.

— Я бы не стала торопиться с выводами, — возразила Салли. — К примеру, мы сейчас добиваемся, чтобы власти снесли плотину Хетч-Хетчи. То, что ее когда-то построили, — тяжелейшее поражение калифорнийских «зеленых» за всю историю движения. Ведь ту долину, которую называли вторым Йосемитским парком, затопили ради того, чтобы обеспечить водой Сан-Франциско. Их бы не остановил сам Джон Мюир*. Но теперь властям скорее всего придется отвести воду в пару специально построенных резервуаров, осушить Хетч-Хетчи и, так сказать, вновь оживить, спустя полтора-два столетия. Экологи утверждают, что почва станет плодородной лет через пятьдесят—сто, а может, и раньше, если перебросить часть ила в качестве удобрения в Сан-Хоакин. Это я к тому, что с некоторыми катастрофами можно справиться.

— Лучше, чтобы их вообще не случилось, — подал голос Кевин.

— Разумеется, — откликнулась Салли. — Я всего лишь хотела напомнить вам, что, если говорить о воде, с ней редко случается что-то такое, чего нельзя было бы исправить. Вода течет по поверхности планеты с начала времен, то есть обладает удивительным долготерпением.

— Взять хотя бы Глен-каньон**, верно? — спросил Оскар.

— Верно! — воскликнула Салли и засмеялась.

Солнце село; бархатно-синий полог неба, казалось, рвется по швам в тех местах, где соприкасается с заснеженными гребнями. Стало холодно. Из кастрюли, что стояла на горелке, повалил пар, запахло чем-то вкусным.

— Но в Эль-Модене... — начал Кевин.

— Насчет Эль-Модены не знаю.

* Джон Мюир (1834—1914) — американский политик, усилиями которого в Йосемитской долине (Восточная Калифорния) был создан национальный парк.

** Плотина на реке Колорадо. Ее строительство привело к нарушению экологического равновесия на близлежащей территории.

Тут закипел суп, который немедля разлили по мискам, и все принялись за еду. Салли достала бутылку красного вина, от которого никто и не подумал отказаться.

— Но можем ли мы остановить Альфредо? — поинтересовался Кевин, покончив с едой.

— Может быть. В округе Ориндж, — прибавила Салли, — воды, как ни странно, в избытке. Если учитывать объем подземных вод, он — наиболее «водный» округ штата.

— А при чем тут подземные воды? — справился Кевин.

— Вы знаете, что они такое?

— Конечно. Воды, которые находятся под землей.

— Ну да. Но что значит «находятся»? — Салли встала, повела вокруг рукой, достала из рюкзака куртку и принялась расхаживать по лужайке, глядя на горные вершины. — Почва, как известно, пропускает через себя жидкость, точно так же, как камень, который служит основанием ей и дном для подземных озер. Вода заполняет в камне все свободное пространство, проникает буквально повсюду. И течет вниз — не столь быстро, как на поверхности, но столь же целенаправленно. Представьте себе, что Оуэнс-Вэлли — глубокая канава (каковой она в принципе и является), заполненная чуть ли не наполовину, благодаря эрозии, камнями и гумусом. Похожим образом обстоит дело и с долиной Сан-Хоакин, та разве что гораздо больше. Обе долины — практически неиссякаемые источники воды, которая чаще всего течет под почвой. Если верить геологам и гидрологам, которые составляли соответствующие карты, в Калифорнии существуют громадные подземные резервуары.

Некоторые из них заполняются только дождевой водой, поэтому, если выкачать такой резервуар, снова полным он окажется очень нескоро, ведь дожди в наших краях идут редко. К примеру, в Оклахоме существовал бассейн Огдалилла, однако его выкачали, и теперь тамошние власти дерутся за каждый дополнительный литр воды из Колумбии.

Постарайтесь вообразить это подземное движение. — Салли вытянула руки, пошевелила пальцами, словно изображая поведение воды. — Иногда вода находится довольно близко от поверхности — скажем, если дно бассейна образует камень, через который она не может проникнуть, — и начинает течь вверх, этаким водопадом наоборот. Так возникают артезианские колодцы.

В разговоре наступила пауза. Салли продолжала расхаживать по лужайке, а остальным вдруг показалось, будто они различают доносящийся из-под земли гул, бормотание воды, бас, который вклинился в тремоло ветра.

— Так что с Эль-Моденой? — напомнил Кевин.

— Если же вода из подземного резервуара стекает в море, складывается любопытная ситуация: слива как такового фактически не происходит, поскольку давление идет с обеих сторон. Пресная вода отступает, если встречается с потоком, который бежит сверху, а в противном случае... Короче говоря, единственное, что мешает морю проникнуть в подземные резервуары, — давление пресной воды.

Уровень воды в резервуаре округа Ориндж восстанавливается не полностью, ибо значительную часть ее забирает Риверсайд и другие города, расположенные выше по течению. Кроме того, много воды расходуют фермеры. Так повелось с самого начала — они выкачивают столько, что уровень не успевает восстановиться. В результате «водяное равновесие» на побережье оказалось нарушенным, и в резервуары стала проникать морская вода. Возьмите любую скважину у моря — сплошная соль. Остановить продвижение моря в глубь суши можно только одним способом — добившись прежнего равновесия. С этой целью в двадцатых годах и была основана служба водоснабжения округа Ориндж, которой вменили в обязанность следить за тем, чтобы резервуар с пресной водой постоянно был полон. На счет службы поступали отчисления из окружного бюджета, ей было предоставлено право в случае чего подавать в суд на города выше

по течению. Работники службы приступили к работе едва ли не с религиозным пылом и действовали точно так же, как члены комитетов в остальных калифорнийских округах, преодолевая множество препон. И добились-таки своего.

Вымыв посуду, все внезапно почувствовали, что замерзли, иковытаскивали из рюкзаков куртки и теплые брюки, выделенные для прогулки университетом. Затем, подстелив под себя матрасы, все расселись вокруг горелки, которая заменяла собой костер. На вершинах гор догорали краски заката. Салли достала маленькую бутылку бренди и пустила ее по кругу.

— Я хочу сказать, что у вас под ногами громадный резервуар, уровень воды в котором поддерживается на протяжении многих лет. Они покупают воду у нас и у Лос-Анджелеса и большей частью отправляют под землю, где и хранят. Прибрежное равновесие восстановлено, поэтому артезианских скважин вроде тех, благодаря которым получила свое название Долина Фонтанов, возникнуть не должно, и слава Богу! Иными словами, воды вам хватает на все, что достаточно странно, поскольку, как я уже сказала, дожди выпадают крайне редко. Служба водоснабжения рассчитывала на прирост населения, но расчеты не оправдались, вот откуда взялся излишек.

— Значит,— разочарованно протянул Кевин,— тут у нас ничего не выйдет?

— Да. Можно и не стараться. Но Оскар сказал, что вы приняли резолюцию, которая запрещает покупку дополнительных объемов воды у Лос-Анджелеса. Попробуйте сыграть на этом.

— Как Санта-Барбара?

— Да, Санта-Барбаре удалось остановить строительство, перекрыв кран. Однако вы не в том положении — ведь они не участвовали в проекте по оводнению Калифорнии, не покупали воду у Лос-Анджелеса, и подземного резервуара у них тоже не было. Посему Санта-Барбара решила довольствоваться тем, что есть. Но в округе Ориндж все иначе. Он обладает огромными запасами

воды, созданными еще до принятия всех и всяческих законов.

Кевин и Дорис обменялись мрачными взглядами.

Они прислушивались к шелесту ветра, наблюдали за тем, как появляются на небе звезды. Ночь выдалась чудесная, уходить в палатки никому не хотелось, поэтому путешественники забрались, чтобы не замерзнуть, в спальные мешки и улеглись на крематы. В свете звезд тускло поблескивали среди камней снежные проплешины; людям казалось, они чувствуют, как снег тает, превращается в воду, а та проникает в землю, сбегает по склону в каньон Ле-Конт и движется по узенькому руслу к морю, — этакая невидимая, подземная река Колумбия. Кевин ощутил волнение: его привязанность к холмам Эль-Модены, то трепетное отношение, какое они вызывали, вдруг распространились и на горные пики. Слияние со скалами... Он таял, будто снег, сочился сквозь камень, сквозь материю... Непередаваемый восторг, праздник духа...

— Так что же вы предлагаете? — спросила наконец у Салли Дорис.

— Мы хотим, чтобы у нас было как в Бишопе, — прибавил Кевин. — Но пока власть в руках у типов вроде Альфредо...

— Неужели он заправляет всеми делами?

— Нет, но достаточно влиятелен.

— Вы наверняка столкнетесь с серьезным сопротивлением. Белые американцы не способны понять, как можно беречь землю ради ее самой, поэтому конфликты возникали и будут возникать. Хотя, казалось бы, все очень просто: природу нужно охранять, иначе... Но для большинства людей жить хорошо означает иметь много вещей, а природу они не ощущают и, как следствие, не воспринимают всерьез. Сейчас складывается эстетика дикой природы, но, чтобы разобраться в ней, необходимо чувствовать.

— Значит, в нашем случае... — Кевину не терпелось добиться конкретного ответа.

— Что ж. — Салли встала, протянула руку за бутылкой, бренди в которой осталось совсем чуть-чуть на доньшке. — Можно попробовать вариант с ценными животными. Если на вашем холме водятся какие-либо животные, которым угрожает истребление, этого будет вполне достаточно. Что касается вымирающих видов, закон недвусмыслен и весьма суров.

— По-моему, Рэттлснейк — самый обычный холм, — проговорила Дорис. — И никаких редких животных на нем нет.

— Проверить не помешает. Помните, мимо вашего города собирались проложить трассу? Так вот, от затеи отказались только потому, что, как выяснилось, в окрестностях Эль-Модены водится некая ящерица, на вид ничем не примечательная, а на деле — из числа редких. Кроме того, можно воспользоваться законодательным актом штата Калифорния об охране окружающей среды, согласно которому любой проект, связанный со строительством, должен быть одобрен экологической комиссией.

— А если комиссия одобрит заявку Альфредо? — сонно поинтересовался Оскар.

— Тогда придется обращаться либо в Национальный земельный фонд, либо в Общество защиты природы. И те и другие помогают движениям вроде вашего; у них есть деньги, чтобы судиться с крупными фирмами. Возможно, вам удастся заручиться их поддержкой.

— Но земля принадлежит городу, — напомнила Дорис.

— Разумеется. Однако те организации, которые я упомянула, могут существенно помочь — в частности, даже заплатить за аренду.

— Это было бы здорово.

— Но разве нет никакого способа остановить Альфредо до референдума? — справился Кевин. — Боюсь,

по итогам голосования он выиграет. Популярности у него хватит.

— Нужно выяснить, нет ли на вашем холме каких-нибудь необычных источников.

— Нет, — не задумываясь ответил Кевин.

— Значит, надо выкопать, — заявила Салли и рассмеялась, когда собеседники недоуменно уставились на нее. — Шучу, шучу. Как насчет бренди? Осталось как раз каждому по глотку. Постарайтесь что-нибудь придумать, а если ничего не надумаете, дайте знать мне, и я сама потолкую с вашим мэром. Может быть, чтобы он оставил в покое холм, мы предложим ему воду из Оуэнс-Вэлли, причем со скидкой. Округ Иньо оказывает влияние на политику Южной Калифорнии! Как хотите, в этом что-то есть! — Женщина расхохоталась. — Или скажем, что на холме находится древнее индейское захоронение. Хотя на такую удачу рассчитывать вряд ли приходится.

— Я в детстве облазил холм сверху донизу. Можно сказать, исползал на брюхе. — Кевин покачал головой: — Ничего там нет.

— А как насчет окаменелостей? — спросил Оскар.

— Не пройдет, — отозвалась Салли. — Тут нужны окаменелости, открытие которых вызвало бы мировой резонанс. Я бы на вашем месте не слишком на это надеялась.

Разговор прервался. Все задумчиво прислушивались к ночным шорохам — и к журчанию сочащейся сквозь землю воды.

— Ты готов к завтрашнему матчу? — справилась Салли у Оскара.

— На все сто, — пробормотал прокурор, напоминавший в темноте один из разбросанных вокруг валунов или новоявленного Фальстафа.

— К какому матчу? — переспросил Кевин. — Вы о чем? Что, Оскар играет в шахматы?

Салли рассмеялась.

— Это похоже на шахматы, — проворчал Оскар, — только немножко потруднее.

— Вы разве не слышали, что завтра праздник силачей?

Кевин и Дорис помотали головами.

— Завтра начинается охотничий сезон; кстати говоря, утром нам придется поскорей уносить отсюда ноги, а то, неровен час, еще угодим под пули. А начало сезона всегда отмечается в Бишопе со всей возможной пышностью. Пикапы, выкрашенные в стальной цвет, с торчащими из кузовов подставками для ружей; пятьдесят бочонков кентуккийского виски... Да, следующая ночь обещает быть бурной. Вот, между прочим, одна из причин, по которой мне хотелось подняться сюда, — ощутить тишину и покой.

Кевин, лежа на матрасе, поглядывал на горные пики, что вонзались в ночное небо. Внезапно ему стало ясно, что Салли привела их в горы намеренно, что это место — необходимое условие разговора, часть того, что она собиралась сказать. Университет дикой природы. Спинной хребет Калифорнии, тайный источник богатств штата. Суровая, малоприветливая местность...

Над ними шелестел ветер — дух гор; вода — душа гор — сочилась сквозь землю; камень — тело гор — служил опорой всему. Лужайка напоминала чашу в Божьих руках...

Они заснули.

Утром они спустились по тропинке на равнину и добрались на автомобиле до Бишопа. Привели себя в порядок, отдохнули, а в сумерках вышли из дома Салли — и обнаружили, что улицы запружены людьми. Казалось, в Бишоп съехалось все население Восточной Калифорнии. Голубые джинсы, куртки, ковбойские башмаки и шляпы, камуфляжная форма, ярко-оранжевые охотничьи жилеты, бальные платья, костюмы участников родео, испанские наряды, кавалерийские мундиры, меховые и индейские одежды, — словом, на городских улицах можно было увидеть любое одеяние из числа тех, что

носили когда-то на американском Западе. Мейн-стрит оккупировали пикапы, водители которых начисто забыли о правилах дорожного движения; двигатели, работавшие на этиловом спирте, громко ревели (тем паче, что шоферы постоянно газовали, протестуя таким образом против заторов) и выплевывали клубы вонючего дыма.

Перекусив в кафе под названием «У Гека Финна», они влились в толпу, что направлялась к бывшей резервации пайютов. Сквозь рев двигателей и скрежет тормозов то и дело доносились звуки выстрелов, над темными улицами время от времени, освещая все вокруг, взмывали ракеты.

— Вот взлетела ракета, чья-то песенка спета... — громко произнес Оскар.

— Куда мы идем? — крикнула Дорис.

— В школьный спортивный зал, — отозвался прокурор.

В зале оказалось полно народу. Толпа на трибунах безумствовала. Оскар усадил Кевина и Дорис на скамейку в верхнем ряду, откуда была видна как на ладони баскетбольная площадка, посреди которой сейчас размещался боксерский ринг.

— Надеюсь, вы нас привели не на бокс? — осведомилась Дорис.

— Разумеется, нет, — ответил Оскар и куда-то исчез. Кевин и Дорис обменялись растерянными взглядами. Минут пятнадцать ничего не происходило, затем на ринге появилась женщина в смокинге поверх черного боди и черных же чулок «в сеточку»; ее наряд дополняли туфли на высоких каблуках и черная шляпа. Женщину встретили овацией. Лучи прожекторов метнулись из стороны в сторону (видимо, свет устанавливали любители) и наконец выхватили из полумрака стройную фигурку. Женщина поднесла к губам чудовищно громадный микрофон и спросила у зала:

— Готовы?

Толпа ответила ревом. Дорис, не выдержав, зажала уши. Десять тысяч или около того человек, набившихся в зал, усердно драли глотки.

— Итак, первая схватка! Невеста Джеронимо против Носорога!

— Разрази меня гром! — пробормотал Кевин, сам не услышав собственных слов.

Лучи прожекторов вновь заметались по залу, выискивая соперников, и обнаружили тех в непосредственной близости от темно-зеленого ринга: две фигуры в длинных плащах, одна в алом, другая — в переливчато-голубом. Зрители взревели, а противники приветствовали их, потрясая над головой кулаками. Сомнений не осталось, это были Оскар и Салли Толлхок.

Они быстро поднялись на ринг и сразу же принялись теснить друг друга. Распорядительница церемонии — по совместительству рефери — попыталась их разнять и одновременно исхитрилась подсунуть поближе микрофон, чтобы толпа услышала угрозы, которыми обменивались бойцы.

— Я пушу твой скальп на веник! — прорычала Салли. — Кожей стану протирать оконные стекла, а уши повешу на зеркало заднего вида в машине — пускай болтаются!

Восторгу зрителей не было предела.

Оскар надул щеки и произнес:

— Предсказания — дело рискованное, но Носорог уверен, что одержит победу!

Ответом ему были аплодисменты.

Рефери дала сигнал начинать.

Бойцы принялись кружить по арене, разведя руки в стороны. Невеста схватила Носорога за запястье, рванула на себя, и тот перелетел через площадку и врезался в канаты ограждения, которые отшвырнули его обратно. В следующий миг он получил удар в грудь, пошатнулся, а Невеста прыжком вскочила ему на плечи, повалила на пол, надавила коленом на горло, ударила локтем в лицо.

Потом встала, победно вскинула руки, и толпа взревела: «Джеронима!», а рефери объявила:

— Судя по всему, Невеста прикончила Носорога своим знаменитым ударом «Космический ястреб»!

Вдруг Носорог, который только что корчился на ринге, дернул Невесту за ноги, и она рухнула как подкошенная, дав ему тем самым возможность подняться и кое-как проковылять в свой угол.

Так повторялось несколько раз: Невеста Джеронимо использовала Носорога в качестве боксерской «груши», но едва она достаивалась очередной порции аплодисментов, как противник собирался с силами и наносил ответный удар. К примеру, он натянул и отпустил канат, который врезался в спину Невесте и поверг ее на пол. В отместку она схватила с одного из стояков лампочку, кинулась к Носорогу и до тех пор втирала ему в лицо осколки стекла, пока не вмешалась рефери, замахнувшись на Невесту микрофоном. Носорог бежал по рингу, закрыв лицо руками и громко крича от боли (по всей видимости, он остался без глаз), а Джеронима неотступно его преследовала. Похоже, Невеста решила воспользоваться благоприятной возможностью и покончить с противником; она то и дело подпрыгивала в воздух, отталкиваясь от стояков — должно быть, готовилась ко второму «Космическому ястребу». Однако Носорог успешно уворачивался: он то спотыкался, и Невеста пролетала мимо, то, словно различив в гомоне толпы некий звук, предупреждавший об опасности, отступал в сторону, причем двигался, для такой туши, на удивление легко. Джеронима, раздосадованная неудачами, злилась все сильнее, зрители окончательно сошли с ума. Неожиданно Носорог сунул руку в задний карман, а затем приложил ладонь к лицу.

— Ага! — воскликнула рефери. — Кажется, он использовал новую пластиковую кожу! Так и есть! Посмотрите на его лицо! Вы только взгляните! Он в полном порядке!

Увернувшись от очередного прыжка Невесты, Носорог пробормотал в микрофон:

— Мой календарь подсказывает мне, что победа останется за мной, миссис Джи!

Он словно преобразился — стал двигаться гораздо быстрее, оказывался то в одном, то в другом конце ринга, бросал по сторонам грозные взгляды. Вот он приблизился к Невесте, ударил ее в лицо, повалил на пол, а когда она поднялась, мгновенно очутился у нее за спиной, подпрыгнул и нанес с лёта удар коленом.

— О! — воскликнула рефери. — Атомный прыжок Носорога! Никто не может перед ним устоять!

Джеронима вновь рухнула на пол. Носорог робко приветствовал публику. Рефери поцеловала его в щеку, что навело победителя на озорную мысль — он подкрался на цыпочках к судье и дернул за фалды смокинга, который немедля начал расползаться по швам.

Зрители горячо одобрили действия Носорога, однако рефери, по-видимому, оскорбилась и вознамерилась наказать озорника. Тот попятился, попытался растолкать Джерониму, но ничего не добился — Невеста не подавала признаков жизни. Ситуация повторялась: Носорог бегал по рингу, преследуемый женщиной. «Сейчас я прикончу этого недоноска тройным ударом по почкам!» — объявила она в микрофон. Носорог хотел улизнуть с ринга, но не сумел. В происходящее попробовала было вмешаться пришедшая в себя Невеста, однако рефери взмахом руки вновь отправила ее в нокаут. Носорог остановился и, выпучив глаза, покорно ожидал расправы. В скором времени на ринге оказалось два распростертого тела. Рефери перевела дыхание, поправила прическу, сбросила с плеч порванный смокинг и объявила:

— Следующая схватка — Уродина Джордж против Мистера Куроцапа начнется сразу, как только мы уберем с ринга эту падаль!

В программке значилось несколько схваток, однако Кевину и Дорис хватило одной. Они встали со своих мест, кое-как протолкались к выходу, а потом спусти-

лись на первый этаж, к раздевалкам. Там им встретился Оскар, который уже побывал в душе и переоделся. Он лукаво подмигнул, раздал автографы компании юнцов и подошел к Кевину с Дорис.

— Вы были великолепны! — сказал Кевин и рассмеялся, когда Оскар состроил такую гримасу, словно не понимает, о чем речь.

— А где Салли? — спросила Дорис.

— Спасибо, — ответил Оскар Кевину. — Салли сегодня вечером предстоит еще один матч. Не хотите промочить горло? Лично меня настолько замучила жажда, что я даже готов по второму разу пообедать. Сами понимаете, перед матчем наедаться нежелательно.

— Ну конечно.

Все вместе они вернулись к «Геку Финну». Оскар заказал рагу, которое, к ужасу Дорис, обильно полил виски. Впрочем, ужас не помешал женщине съесть свою порцию; она даже помогла мужчинам расправиться со спиртным.

— Оскар, — проговорил Кевин, с лица которого не сходила широкая улыбка, — признавайтесь, давно вы стали борцом-профессионалом?

— Час назад.

— Я серьезно.

— Меня заманила Салли, которая давно этим занималась. Она решила, что я обладаю... талантом. В конце концов, чем не способ добывать деньги?

— А вам когда-нибудь доставалось? — полюбопытствовала Дорис.

— Естественно. Все мы иногда ошибаемся. Однажды я неверно рассчитал «атомный прыжок» и угодил Салли по копчику, а пару минут спустя она от души врезала мне по физиономии. Видик у меня был еще тот — весь в крови... Честно говоря, мы забыли, что деремса понарошку. Но это ерунда; вот когда выходят двое на двое...

— Нет, вам обязательно нужно играть в нашей команде, — сказал Кевин. — С таким умением держаться на ногах вы справитесь с кем угодно!

Оскар, только что отправивший в рот очередную порцию рагу, покачал головой.

Они вышли из кафе слегка пошатываясь, зато в прекрасном расположении духа. На Мейн-стрит толкотни стало поменьше, однако народу по-прежнему хватало.

— Эй, глядите! — крикнул кто-то, когда они проходили мимо шумной компании гуляк. — Сам Носорог! Ребята, вон Носорог, тот парень, который победил Невесту Джеронимо!

— Слава, слава, — пробормотала Дорис.

— Эй, Носорог, а со мной попробовать не хочешь? Чем не соперник, а? Ну давай, не тушуйся! — Высокий парень потянул Оскара за рукав.

Тот высвободил руку.

— Что, струсил?

— Просто выпил.

Парень нацелился плечом в грудь Оскару — и промахнулся; взревел от досады и снова кинулся на прокурора. Оскар шагнул в сторону, и парень с разбега врезался в Кевина.

— Пошел к черту, — проговорил тот и ударил парня кулаком в нос.

В результате им пришлось отбиваться от всей компании. Крики, проклятия... Отовсюду сбежались зеваки. Некоторые просто наблюдали, а другие тут же ввязались в драку, которая закончилась лишь с появлением полицейского патруля. Зазвучали свистки, заработали, успокаивая особо разгорячившихся, дубинки; вскоре драчун выстроили в одну шеренгу и надели каждому на руку браслет.

— Кто попадется во второй раз, угодит в тюрьму, — пообещал командир патруля. — А так браслеты спадут сами через пару дней. Отправляйтесь по домам и проспите.

Оскар, Кевин и Дорис отправились к Салли.

— Очень глупо с твоей стороны, — упрекнула Кевина Дорис.

— Знаю.

— Они идут за нами, — проговорила Дорис, оглянувшись через плечо.

— Оторвемся? — предложил Оскар. Свернув в первый же переулок, они бросились бежать.

Позади раздались крики. Через несколько кварталов погоня отстала.

— Ну и развлеченьица у вас, — съязвила Дорис, пытаясь отдышаться.

— Да уж, — согласился Оскар. — К сожалению, я заблудился. — Он пожал плечами. — Ну и ладно.

Чтобы выйти к дому Салли, понадобилось около часа. Оскар еле волочил ноги.

— Лично я сыт по горло, — заявил он, открывая входную дверь, прошел внутрь и плюхнулся на кушетку. — Между прочим, нечто подобное случается всякий раз, когда я приезжаю к Салли. Все, забыли. Комната для гостей прямо по коридору.

Кевин отправился в душ. Вернувшись в комнату, он обнаружил, что там только одна кровать, к тому же не слишком широкая.

— Все в порядке, — с запинкой проговорила Дорис, которая уже начала раздеваться. — Думаю, мы оба уместимся.

— Гм-м... — Кевин помедлил. — Знаешь, я, кажется, видел в гостиной диванчик...

Дорис обняла его, прижалась всем телом.

— Иди ко мне, — прошептала она. — Мы ведь знаем друг друга...

Да, подумалось Кевину, знаем. Ему и впрямь доводилось держать ее в объятиях, вдыхать аромат черных волос. Хотя... Он неуклюже поцеловал Дорис; сказывалось выпитое виски — о том, что будет завтра, думать не хотелось. Они упали на кровать.

Обратный путь получился долгим и утомительным. Кевину до смерти надоело смотреть в окно на бесконечную пустыню Мохаве, а с Дорис он чувствовал себя

неловко, поэтому предпочитал молчать. Задремавший Оскар напоминал спящего Будду. Дорис глядела в окно и размышляла о чем-то своем.

Внезапно Кевину вспомнилась Салли Толлхок: вот она рассказывает по лужайке, на которой разбит лагерь; лучи заходящего солнца падают на широкоскулое лицо. Оживленно жестикулируя, она рассказывает о воде, что движется под землей, собирается в резервуары, пробирается к морю. Громовый пик на фоне лазурного неба, темный базальт в некоторых местах прочерчивают белые полосы... То ли сон, то ли явь: Салли танцует на берегу черного озера, подхватывает Оскара и бросает того в воду, а он скользит по поверхности будто по льду...

Кевин проснулся. Снова попробовал задремать под монотонный гул двигателя. Справа показалось призрачное сияние; значит, там расположен микроволновый приемник — похожая на огромную стереоколонку штуковина, которая улавливает космические лучи, музыку фотонов, что передается на планету с солнечных батарей. Когда их смонтируют на орбите в нужном количестве, родители вернутся на Землю. Чем они тогда, интересно, займутся? И вернутся ли вообще? Космос для них — второй дом; что им делать тут? Кевин скучал по ним, чувствовал порой, что ему необходим родительский совет. Может, они подскажут, как быть, и все станет просто и понятно, словно в детстве?

Нет, не станет. Но позвонить им нужно. Им и сестре.

Дома Кевин неловко пожелал доброй ночи Дорис и направился в свою комнату, притворившись, будто не замечает взгляда женщины. Еще в дверях он увидел мерцающий экран телевизора. Значит, пришло сообщение. Любопытно, от кого?

— Ну конечно, — проговорил он, когда на экране появилось лицо Джилл. Подобные совпадения в их семье

случались сплошь и рядом. Стоило Кевину подумать о сестре — и нате вам пожалуйста.

Они с Джилл были похожи, но не слишком: Кевин выглядел типичным провинциалом, а Джилл производила впечатление истинной горожанки. Такое часто бывает между родственниками — едва заметная разница во внешности превращает обыкновенную привлекательность в красоту. Вздернутый кверху нос, пухлые губы, веснушки, широко расставленные голубые глаза, светлые брови и ресницы, золотистые, выгоревшие на азиатском солнце волосы... Джилл произнесла с экрана знакомым хриплым голосом:

— Привет! Звоню тебе второй день подряд, никак не могу дозвониться. Я уезжаю из Дакки в Атгаон, это на северо-востоке, недалеко от индийской границы. Буду там изучать местные способы борьбы с тропическими болезнями. По правде говоря, я уже переехала, — вернулась, чтобы забрать остаток вещей и уладить все формальности. Ты не поверишь, что тут за бардак; по сравнению с ним Калифорния — райское местечко. Жутко хочется поговорить с тобой, а приходится посылать запись, чего я, как тебе известно, терпеть не могу. Атгаон находится на территории Бангладеш, но от Дакки до него пилить и пилить: поезд идет целый день — по новой колее, которую проложили по насыпи, чтобы не затопило паводком. Мостов, наверно, штук сто; здесь куда ни посмотри, кругом вода.

Атгаон стоит на реке Тиста, которая течет с гор Сиккима. Городок небольшой, но в нем расположена клиника, филиал Института тропических болезней. Между прочим, тут ведутся научные исследования, и, в частности, именно специалисты клиники создали таблетки от малярии, которых хватает на целый год. Все началось благодаря кооперативному обществу «Безземельный Раджасан», это нечто вроде хорошо организованной партии реформаторов. Они проделали колоссальную работу, провели ряд исследований и добились неплохих результатов.

Я собираюсь изучать гепатит-Б-два, а заодно буду помогать местным врачам. Словом, хлопот не оберешься, но мне нравится: люди замечательные и можно узнать много нового.

Я живу в маленьком, зато своем собственном бунгало на территории клиники. Домик очень удобный; правда, меня ожидали кое-какие сюрпризы. Вечером в день приезда я включила свет, швырнула на постель сумку и вдруг из-под нее вылезает гигантская многоножка! Я схватила швабру, разрубила мерзкую тварь пополам... А эти половинки взяли и поползли в разные стороны. Представляешь? Одну я придавила ножкой кровати, а вторую расплющила ручкой швабры. Брр!.. Потом мне сказали, что нужно проверять постельное белье и одежду, а я ответила, что уже поняла.

Сестра улыбнулась. Кевин рассмеялся. Господи, до чего же хочется с ней поговорить!

Он нажал на паузу, снял телефонную трубку, попытался позвонить в Бангладеш. Ничего не вышло, поскольку в Дакке Джилл, разумеется, не было.

Ощущая себя несколько не в своей тарелке, Кевин снова включил воспроизведение.

— Небось, подпрыгнешь до потолка, если я скажу, что тут существует женская софтбольная лига? С ума сойти! Наверно, здешние медсестры летали стажироваться на Гуам, а наши приезжали сюда, и с них-то все и началось, а дальше пошло само собой, по накатанной дорожке. Теперь есть и поля, и лига, в которой играют команды из пяти деревень, и все такое прочее. Правда, атгаонского поля я еще не видела, но по слухам оно вполне приличное. Местные гордятся тем, что лига женская; понимаешь, недавно здесь наконец-то упразднили шариат, и женщины теперь работают наравне с мужчинами, занимаются политикой, то есть через пару-тройку лет выяснится, что без женщин — никуда. Спортом увлекаются все поголовно, по тем же самым причинам. Командный дух, и так далее. Основной вид спорта, конечно, крикет, но софтбол тоже в почете.

В общем, они решили, что раз я американка, значит, должна играть в софтбол, и вытащили на поле. В результате меня назначили главным судьей сезона, поскольку со своими судьями у них проблемы: те продаются направо и налево. Сам понимаешь, ничего подобного я не ожидала. Впрочем, особо удивляться нечему; почему бы им здесь, в самом деле, не играть в софтбол? В конце концов, мир движется к единообразию, разве не так?

Ну ладно, мне пора. Откровенно говоря, жаль покидать Дакку. В Атгаоне телефона нет, точнее, есть приемник, но нет передатчика, поэтому сообщений можно ждать только с оказией. Если соберешься позвонить, оставь запись в Дакке; я ее как-нибудь заберу. Звони, Кевин, пообщаемся хотя бы так. Всем привет. Люблю тебя.

Экран погас.

Кевин сидел в темноте, глядя, как тускнеет след на экране телевизора. За стеной барабанил по клавиатуре компьютера Томас. Можно пойти потолковать с ним, ради разговора он оторвется от работы. А может, лучше спуститься на кухню? Там сейчас наверняка Донна и Синди. Или же Сэм и Сильвия. Попивают чаек, говорят по видеосвязи со знакомыми... Порой друзья становятся ближе родственников (если тех, кроме родства, ничто не связывает). Но до чего же хочется поговорить с сестрой!

Глава 5

Май. На ветвях набухают почки, почти непрерывно льет дождь. Я не помню, выдался ли в апреле хоть один солнечный день.

Вчера вечером Памела пришла домой совершенно измотанная: ей пришлось проводить одновременно два эксперимента. Она надеется, что скоро закончит исследования, а отчет собирается писать в Штатах — чтобы не затягивать разлуку. Бедная моя женушка! Я приготовил

ужин, а она с отвращением отшвырнула газету и начала рассказывать о работе.

— Образцы экспериментального соединения и стандартные компоненты, содержащиеся в воде, диффундируют из воды в камеру до наступления равновесия между жидкостной и газовой фазами.

— Понятно.

— А оно зависит от растворяющей способности воды и летучести обоих составов.

Она продолжала говорить, а я молча смотрел на нее. Что химики рассказывают супругам? Что те понимают? Тра-ля-ля, Том, тра-ля-ля.

Заметив выражение моего лица, на котором, очевидно, была написана собачья покорность судьбе, Памела улыбнулась.

— Как твой роман?

— Все так же. — Признаться, я слукавил. Непонятно, зачем. Ведь Памела для меня — первый и самый главный критик. — Правда, возникла одна идея... Может, имеет смысл вставлять между главами нечто вроде эссе, в которых обсуждались бы экономические и политические проблемы?

— Господи! — Памела поморщилась так, словно из холодильника пахнуло тухлятиной.

— Ты чего? Я всего лишь следую примеру Уэллса. Он написал книгу...

— Какую именно?

— Ну, один из своих утопических романов...

— Его переиздают?

— Нет.

— А в библиотеках он есть?

— В университетских.

— Фантастику Уэллса до сих пор можно встретить в любой библиотеке, найти в любом книжном магазине, а про его утопический роман с эссе внутри давным-давно забыли. Ведь даже ты не помнишь названия, так?

Я поспешил сменить тему.

Бог с ними, с эссе.

Полгода. Четыре месяца. Три? Прошу вас, таинственные эксперименты моей жены, завершайтесь поскорее. Ну пожалуйста!

Кевину приснилась огромная птица, которая стояла в прозрачной воде быстрого потока. Раскинув широкие крылья, чтобы сохранить равновесие, она заскользила по поверхности воды... Он проснулся, потряс головой, отгоняя остатки сна, усмехнулся и произнес, выделяя каждый слог: «Салли Толлхок». Все, что она советовала, мгновенно всплыло в памяти, и Кевин, чувствуя себя полным сил и энергии, решил заглянуть перед работой к Джин Аурелиано и обсудить положение дел.

Дом Джин стоял в распадке между Ориндж-Хилл и Чапмен-Хилл. Промчавшись по дороге, Кевин резко нажал на тормоза велосипеда, слез и поднялся по ступенькам на маленькую террасу. Дом представлял собой анфиладу комнат вокруг каменного сада, крышу над которым украшали четыре миниатюрные пагоды (в свое время Кевин приложил руку и к дизайну, и к строительству). Увидев на пороге кабинета гостя, Джин, которая говорила по телефону, улыбнулась и указала на кресло. Но Кевин садиться не стал — прошелся по комнате, разглядывая китайские пейзажи в стиле династии Мин, золотистые штрихи на зелено-голубом фоне. Джин продолжала разговаривать, что-то кому-то доказывая. Волосы у нее были серо-стальные, коротко подстриженные, они изящно обрамляли миловидное лицо. Несмотря на широкую кость и плотное сложение, двигалась она грациозно, как и подобает обладателю черного пояса в каратэ. На протяжении многих лет никого сильнее Джин не было не только в Эль-Модене, но едва ли не во всем округе Ориндж; надо признать, она до сих пор производила весьма внушительное впечатление. Судя по тяжелому взгляду, собеседник на том конце провода безмерно ее раздражал; Кевин от души порадовался, что этот взгляд предназначался вовсе не ему.

— Какого черта? — воскликнула Джин, перебивая тоненький голосок, доносившийся из трубки. — Движение «зеленых» разваливается именно из-за экстремистов вроде вас. Мы живем в другом мире... Нет, не надо меня убеждать, возврата быть не может. Все разговоры о водном суверенитете — полная чушь, неудивительно, что против него протестуют все подряд. Благодаря вам, Дамасо, мы утрачиваем единство и теряем мандаты. Политика — искусство возможного; если политик ставит себе недостижимые цели, какой от него толк? Что? Нет, вы ошибаетесь. Существуют два Маркса, историк и пророк. Как историк, он действительно велик, и мы каждый день пользуемся его выводами, но как пророк он никуда не годится. У любого, кто считает себя марксистом с этой точки зрения, явно не в порядке мозги. Дамасо, порой я просто отказываюсь понимать! Чего вы добьетесь своей балканизацией? Сам такой! — Последовала длинная тирада на испанском, затем Джин бросила трубку. — Чего тебе? — спросила она у Кевина, не поднимая головы.

Тот объяснил, путаясь от волнения в словах.

— А, грандиозный план Альфредо. Венец творения! Я слежу за вами с Дорис. По-моему, вы действуете плохо.

— Спасибо за комплимент, — отозвался Кевин. — Но нам хотелось бы сделать больше. Мы проконсультировались у одного юриста из Бишопа...

— У Салли Толлхок?

— Да.

— Что ж, неплохой выбор. И что она посоветовала?

— Сказала, что в лоб чего-то добиться вряд ли удастся.

— Правильно, — кивнула Джин. — Ведь голоса «за» и «против» в совете разделились поровну.

— Она предложила попробовать другие варианты. В частности, использовать акт штата Калифорния об охране окружающей среды. Оскар утверждает, что тебе известно, каким образом это лучше всего сделать.

— Он прав. Я обязательно попытаюсь, но дело в том, что комиссия вполне может поддержать Альфредо. Маленький холмик на окраине парка Сантьяго, все остальные холмы застроены... — Джин махнула рукой.

— А то, что он такой остался один, не играет нам на руку?

— Они вряд ли захотят создавать прецедент. Ну да ладно, посмотрим.

— По словам Оскара, если партия «зеленых» поддержит нас с Дорис...

— Предложение Альфредо не пройдет наверняка. Я согласна с Оскаром целиком и полностью и приложу все усилия, чтобы так и случилось. — Джин поднялась из-за стола, прошла по кабинету, распахнула дверь и выглянула наружу. — Однако, если дойдет до референдума... Понимаешь, каковы будут результаты голосования, невозможно даже предположить. Большинство горожан, безусловно, одобрит любую затею, которая сулит Эль-Модене дополнительные средства, поэтому требовать референдума, по-моему, себе дороже. Нужно провалить предложение Альфредо на Совете. Следовательно, вам с Дорис необходимо уломать тех, кто воздержался. Я тоже постараюсь помочь.

Воздержавшихся было трое — Хироко Вашингтон, Сьюзен Майер и Джерри Гейгер. Джин, которая хорошо знала всех троих (она тесно сотрудничала с ними в бытность мэром), считала, что шансы на успех достаточно велики. Во всяком случае, попытка, как говорится, не пытка.

— Нужно всего два голоса. Действовать будем сообща; надеюсь, сумеем чего-то добиться.

Лицо Джин приобрело упрямое, суровое выражение, словно ей вновь предстояла схватка за черный пояс.

Обнадеженный, Кевин попрощался с Джин и покатил к дому Оскара. Там его уже поджидали Хэнк и Габриэла. Они занимались тем, что сносили внутренние

перегородки. Из библиотеки — посмотреть, что творится в его доме, — время от времени появлялся Оскар.

— Похоже, вам это доставляет удовольствие, — заметил он, глядя на облако пыли под потолком.

— Точно! — подтвердила Габриэла, отдирая кусок штукатурки. — Трах! Бах! Тарарах!

— Габриэла, ты анархистка.

— Нигилистка, — поправила девушка.

— Мне тоже нравится, — признался Хэнк, который изучал перегородку, и стукнул по ней кулаком.

— Почему? — полюбопытствовал Оскар.

— Ну... — Хэнк прищурился. — Плотницкое ремесло требует точности. Нужно все измерять, подгонять друг к другу, чтобы никакое безобразие нигде не выпирало... По крайней мере чтобы не было заметно. — Он окинул взглядом помещение, словно провожая глазами залетевшую в комнату птицу. — Поэтому, когда ломаешь...

— Бах! Бах! Посторонись! — Удары следовали один за другим.

— Понятно, — проговорил Оскар.

— Когда Расс со своими приятелями отправляется по выходным стрелять уток... Наверно, ими движет то же чувство.

— Шизофреники! — фыркнула Габриэла. — Меня как-то угораздило присоединиться к ним. Они настреляли кучу уток, а одну, которую ранили в крыло, забрали домой, чтобы подлечить, — посадили в коробку и положили в багажник рядом с мешком, куда запихнули всех тех, кого уложили наповал.

— Понятно, — повторил Оскар. — Никто не нарушает закон охотнее адвокатов.

— Нам нравится ломать, — заявила Габриэла. — Вроде как солдатам. По-вашему, как генералы становятся генералами? Они просто-напросто ломают и крушат все подряд.

— Значит, нам тебя надо называть генерал Габриэла? — справился Хэнк.

— Генералиссимус Габриэлозима! — прорычала девушка и с размаху ударила по стене.

Около полудня Оскар накормил бригаду бутербродами, а затем принялся обсуждать с Кевином план переделки дома. Он закидал Кевина вопросами, причем каждый ответ вызывал новый град вопросов. То же самое повторилось и на следующий день, а в конце концов разговор стал напоминать перекрестный допрос.

— Что вас не устраивает в старых домах?

— Прежде всего — неудачная архитектура. И потом, они мертвы.

— То есть?

— То есть не дома, а коробки, которые всего лишь защищают людей от непогоды, не более того. Обыкновенные коробки.

— А новые дома, которые вы строите, они живые?

— Да. В них все аккуратно, все на месте. Взять, к примеру, вот эту штуку. — Кевин подобрал рулон прозрачной ткани, развернул, скатал обратно. — Если наложить ее на стены или на крышу, в помещении всегда будет прохладно. Когда температура воздуха поднимется градусов до двадцати, ткань начнет мутнеть, а когда подскочит до тридцати, она станет белой и будет отражать солнечные лучи. Нечто вроде облачного покрова над планетой. Маленький, симпатичный термостат.

— Космическая технология?

— Верно. Если применять ее с умом — разумеется, вместе с другими материалами, — можно превратить любой дом в оранжерею. Вмонтировать в стены датчики домашнего компьютера, провести вентиляцию, установить на крыше парочку фотоэлектрических элементов, которые обеспечивали бы дом энергией, а солнечный свет использовать для обогрева и для разведения растений и рыб... В общем, если захочется, можно обеспечить себе максимум удобств. В любом случае эта технология экономит кучу денег.

— А как насчет стиля? Неужели мой дом превратится в лабораторию?

— Все очень просто. Множество типов панелей, внутренний двор, террасы, балконы, двустворчатые окна до пола, — уверяю вас, вы затруднитесь сказать, где находитесь, внутри или снаружи. Такая архитектура мне нравится. — Кевин постучал пальцем по плану, разложенному на кухонном столе. — В Коста-Месе строят плавучие дома, они плавают в маленьких бассейнах, которые регулируют температуру и позволяют домам вращаться следом за солнцем. Вдобавок на дне бассейна можно выращивать...

— А как добираться до входной двери? Вплавь?

— Нет, по мостику.

— Выкопать, что ли, бассейн?

— Как скажете.

— Но зачем мне дом-оранжерея?

— Как зачем? Вы разве не любите покушать?

— По мне прекрасно видно, что люблю. Но выращивать еду в собственном доме!.. На мой взгляд, это глупая мода.

— Согласен, это мода, как и любой архитектурный стиль. Но не глупая, а вполне разумная. В южных помещениях дома, при здешней-то жаре, будет накапливаться избыток тепла; поскольку домашний компьютер способен справиться с объемом работы, гораздо большим, чем тот, какой он выполняет сейчас, почему бы не использовать его возможности и то самое лишнее тепло? Смотрите, вот три маленьких комнаты с южной стороны дома. В них можно выращивать что угодно, регулируя температуру и уничтожая вредителей.

— Еще чего не хватало! Чтобы в моем доме завелись всякие жуки!

— Ничего не поделаешь, оранжерея есть оранжерея. Не волнуйтесь, компьютер, как правило, без труда их выводит. А вот бассейн на центральной террасе. Крыша прозрачная; к тому же ее всегда можно снять.

— Мне не нужна никакая центральная терраса.

— Пока не нужна. Мы собираемся проделать в потолке дырочку...

— Здоровенную дырищу! — поправила проходившая мимо Габриэла. — Вы его не слушайте, а то он совсем запудрит вам мозги. Когда закончим, от вашего потолка останется вот такусенький козыречек!

— Не обращайтесь на нее внимания. Видите, над бассейном та самая прозрачная ткань...

— Честно говоря, мне не слишком хочется обзаводиться бассейном.

— Он нужен прежде всего потому, что регулирует температуру. Вдобавок вы сможете разводить рыб, и в вашем рационе будет достаточное количество протеинов.

— Терпеть не могу ловить рыбу.

— Ловить ее будет компьютер, вам останется только доставать из холодильника филе. Обычно в такие бассейны запускают китайских карпов.

— Значит, предлагаете мне питаться домашними животными?

— Ему не нравится, — донеслось из соседней комнаты, — что компьютер станет убивать тех, кто живет с ним под одной крышей.

— Тонко подмечено.

— Вы привыкнете, — заверил Кевин. — Вот здесь, под гаражом, будут столовая и оранжерея. Грушу мы сохраним, она смотрится просто великолепно.

— Я начинаю понимать, чем вас привлекает ваша работа.

— Я обожаю переделывать дома, оживлять их. Знаете, Оскар, мне доводилось бывать в кварталах старой застройки. Боже мой! Шестьсот квадратных футов площади — и крошечные комнатки с белыми стенами, низкие потолки, дешевые коврики на фанерных полах, никакого света... Настоящие тюремные камеры! Не могу поверить, что люди — причем далеко не бедные — могут жить в таких условиях. Крысы и то бы не выдержали! Неужели они не могли найти жилья получше?

— Наверно, могли, — отозвался прокурор, пожав плечами.

— Выходит, не захотели! Но вот появляемся мы — ломаем стены, переворачиваем все вверх дном, а в итоге люди получают дом, в котором приятно жить, несмотря на то что он, по большому счету, так и остался муравейником.

— Теснота — далеко не главное из неудобств, — возразил Оскар. — И потом, на свете ведь немало таких, кто не переносит одиночества.

— Я всегда составляю план с таким расчетом, чтобы у каждого человека была своя комната.

— А как насчет кухонь, гостиных и тому подобного? Чтобы осуществить все, что вы предлагаете, необходимо изменить социальную организацию.

— Как говорит Дорис, каждый ценит в жизни что-то свое.

— Думаю, она права.

— Что ж, для меня дом — живой организм. А если удастся сделать его красивым...

— Это искусство.

— Да, искусство, которым я живу. А если человек живет искусством, оно его преобразует. Оно... — Кевин покачал головой, не в силах выразить мысль.

— Оно дарит радость.

— Что-что? — крикнула из соседней комнаты Габриэла.

— Радость, — сказал Оскар. — Эстетика повседневности.

— Точно! Как раз это я и хотела сказать.

В дверном проеме появился Хэнк. Он держал в руках пилу и деревянный брусок.

— Как у китайцев с их маленькими садиками, раздвижными панелями и прочими штучками. Жить нос к носу, воспринимать повседневность как искусство... Они живут так тысячи лет.

— Верно, — согласился Кевин. — Между прочим, мне нравится китайская архитектура.

Хэнк зачарованно уставился на деревянный брусок.

— Кривовато я его отпилил, — пробормотал он наконец, состроил гримасу, поддернул штаны и шагнул в коридор.

Как-то раз после работы они купили пива и отправились на Рэттлснейк-Хилл — поискать редких животных. Идея пришла в голову Кевину; несмотря на возражения и насмешки друзей, он не пожелал от нее отказаться.

— Послушайте, это едва ли не самый надежный способ раз и навсегда покончить с планом Альфредо. Несколькими годами назад через Ньюпортские холмы хотели проложить шоссе, но ничего не вышло, поскольку выяснилось, что там водятся какие-то рогатые ящерицы. А вдруг нам тоже повезет?

Поддавшись на его уговоры, компания села на велосипеды и покатила к Рэттлснейк-Хиллу. По дороге они часто останавливались: во-первых, Джоди и Рамоне, двоим биологам, то и дело приходилось давать консультации, а во-вторых, день выдался жаркий и всем хотелось пива.

— Что это за дерево? Кажется, я никогда таких не видел.

Вопрос относился к чахлому деревцу, серая кора которого была испещрена вертикальными линиями.

— Шелковица, — ответила Джоди.

— Да ну? Как-то странно она выглядит.

— Ничего особенного. Передай мне, пожалуйста, пиво.

— А это что? — поинтересовался Кевин, показывая на травяной куст, который весь словно топорщился иголками.

— Полынь! — воскликнула хором вся компания.

— Серебристая полынь, — уточнила Джоди. — А еще в наших краях растет черная и серая.

— И все они такие же редкие, как грязь на дорогах, — добавил Хэнк.

— Ладно, ладно. Поехали, ребята, нам надо облазить весь холм.

Поднявшись на вершину, они продолжили поиски. Кевин неумоимо рвался вперед, Джоди называла одно растение за другим, Габриэла, Хэнк, Оскар и Рамона в основном попивали пиво. Невысокое дерево с плоскими, овальной формы листьями оказалось лавровым сухомом. Кустарник с длинными иголками — испанским дроком. «Был бы повыше, сошел бы за лисохвост», — заметил Хэнк. Рамона старалась не отставать от Джоди: она опознала максамосейку, шандру, барвинок с его широкими листьями и лиловыми цветками, покрывавший ковром северный склон холма, какую-то диковинную сосну; а на вершине холма, в роще, которую давным-давно помогал сажать Том Барнард, — черный орех: кора будто потрескалась, маленькие зеленые листья выстроились, как на параде...

На западном склоне холма было несколько глубоких оврагов, вдававшихся в каньон Кроуфорда. Их тоже добросовестно обследовали, пытаясь сохранить равновесие на песке, который сыпался вниз из-под ног.

— Как насчет этого кактуса? — справился Кевин.

— Господи, Кевин, это опунция, — отозвалась Джоди. — Мексиканский деликатес.

— Точно! — воскликнула Габриэла. — Опунция стала настолько популярна, что ее вывели почти повсюду, а у нас она растет до сих пор! Годится?

— Замолчи, — бросил Кевин.

— Эй, я кое-что нашел! — крикнул Хэнк, который, стоя на четвереньках, внимательно рассматривал землю.

— Наверно, муравьев, — предположила Габриэла. — Гурманы обожают муравьев в шоколаде, поэтому...

— Какие муравьи? Тритон!

Это и впрямь оказался крошечный бурый тритончик, который полз по земле от одного куста полыни к другому.

— До чего же медленно он ползет! И похож на резиновую игрушку.

— Редкая разновидность тритона, выведенная специально для Кевина.

— Искусственно выведенная.

— Он такой неповоротливый! — Тритон полз, поочередно переставляя лапы, что получалось у него ужасно медленно; даже моргал так, словно всякий раз думал, стоит ли. — Лично я не удивлюсь, если их в конце концов всех передавят.

— Может, у него просто села батарейка?

— Шутники, — буркнул Кевин и пошел вниз по склону.

Остальные потянулись за ним.

— Все в порядке, Кевин, — проговорила Рамона. — Не забудь, завтра игра.

— Я помню, — отозвался Кевин, вскидывая голову.

— Ты по-прежнему выбиваешь тысячу?

— Кончай, Габби. Сколько можно?

— Значит, выбиваешь? Небось тридцать из тридцати?

— Тридцать шесть из тридцати шести, — поправила Рамона. — Но говорить об этом не надо, плохая примета.

— Да ладно, — пробормотал Кевин. — Ничего страшного. Просто я всегда нервничаю.

И в самом деле, в его результативности было что-то неестественное. Как бы здорово ты ни играл, некоторые твои подачи все равно должны принимать. То, что мячи раз за разом пролетали мимо принимающих, казалось весьма странным и Кевина это отчасти даже пугало. А тут еще постоянные подначки соперников и товарищей по команде. Мистер Тысяча, мистер Совершенство, Божественный Кевин... Жуть!

— Подавай за линию, — предложил Хэнк. — Я бы на твоём месте поступал так.

— Черта с два!

Все расхохотались.

Стоило Кевину выйти на поле — неважно, с кем предстояла игра, — стоило встать у лунки, помахивая битой и не сводя взгляда с мяча в руке питчера (большого, черно-

белого, круглого мяча, похожего на упавшую с неба полную луну), как все мысли мгновенно куда-то пропали, исчезали без следа; он отбивал и бежал к следующей лунке, продолжая чувствовать силу своего удара, который нанес бы, наверное, даже против собственной воли.

В другой день, тоже после работы, Рамона спросила у Кевина:

— Пойдешь на пляж?

— Конечно, — отозвался тот, проглотив внезапно вставший в горле комок.

Сев на велосипеды, они выехали на ньюпортскую трассу. Задувал прохладный ветерок, трасса пустовала; Кевин принялся усердно крутить педали, однако Рамона не отстала — наоборот, какое-то время спустя вырвалась вперед. Дорога пошла под уклон; велосипедисты мчались с такой скоростью, что даже обгоняли автомобили. Затем начались узкие улочки Коста-Месы и Ньюпорт-Бич и пришлось притормозить, чтобы не угодить под колеса какой-нибудь машины. Вдоль улиц, которыми они ехали, выстроились высотные, отделанные яркими, разноцветными панелями многоэтажки. Как ни старались власти полуострова Бальбоа, сократить численность населения на побережье не удавалось: ведь под боком был океан. Правда, местные жители, похоже, не возражали против подобной тесноты — охотно селились в многоэтажках и в больших палаточных лагерях. Кооперативы, племена, большие семейства, туристические группы... Тут присутствовали все без исключения формы социальной организации.

Рамона и Кевин доехали до мыса Клин. Над головами шелестели зеленой листвой пальмы, с океана дул бриз. Здесь располагался всемирно известный пляж, прибежище любителей кататься на волнах без досок. Волны накатывались с запада под углом к длинному молу Ньюпортской гавани и, приближаясь к берегу, обрушивали

массу воды на разбросанные по пляжу камни. Затем вода отступала, ловила на противоходе следующую волну, и на поверхности на мгновение образовывались бесчисленные пенные водовороты. Невольно складывалось впечатление, что на твоих глазах проводится некий физический опыт. Популярность пляжа среди серфингистов объяснялась очень просто: всем хотелось испытать те острые ощущения, что возникали в момент столкновения двух волн. Добавьте сюда элемент риска — глубина воды у берега, как правило, составляла всего около трех футов; буквально каждый, кого бы вы ни спросили, мог рассказать о несчастных случаях, произошедших у него на глазах, — и вам станет ясно, что именно привлекало на этот пляж тех, у кого бурлила в жилах кровь.

Впрочем, в тот день Тихий океан оправдывал свое название: зеркальная бирюзовая гладь, никаких тебе пенных гребней. Рамона и Кевин ничуть не огорчились, им как раз хотелось просто поплавать. Привкус соли на губах, непередаваемый восторг погружения, возвращения в море, чудесная легкость во всем теле... Кевин, ловкий, как акула, нырнул к самому дну, поднял голову. На поверхности воды, будто в зеркале, отражались одновременно небо и золотистый песок, устилавший мягкими складками океанское дно. В ореоле серебристых пузырьков промелькнуло стройное тело в темно-красном купальнике. Женщины похожи на дельфинов, подумалось вдруг Кевину. Он усмехнулся, почувствовал, что ему не хватает воздуха, и рванулся вверх, к ослепительно белому небосводу. Глаза словно обожгло пламенем. «Лови!» — крикнула Рамона; она пошутила — волн не было и в помине: сверкающая гладь упиралась в далекий горизонт. Они еще долго нежились в воде у берега, потом обнаружили, что в купальник и плавки набился песок, и поплыли его смывать.

В конце концов они вышли из воды и уселись на песок. Соляная корочка на гладкой бронзовой коже, запах водорослей, свежий ветерок...

— Не хочешь пройтись по молу?

Кевин, то и дело поглядывая под ноги, чтобы не оступиться, взобрался на огромный валун из числа тех, что образовывали мол. Серые, черные, белые, красноватые, бурые камни тускло поблескивали на солнце. В промежутках между ними, причмокивая, плескалась вода.

— В детстве мы частенько прибежали сюда целой компанией.

— Мы тоже, — откликнулась Рамона. — Всем домом. Только не на этот мол, а на другой, в Корона-дель-Мар, куда предпочитала ходить моя мама. — Ньюпортскую гавань защищали два мола, расстояние по воде между которыми составляло приблизительно двести ярдов. — Когда собирались, говорили друг другу: «Пошли плясать на камнях».

— Нет, мы ходили только на Клин. Для меня в нем было что-то загадочное, волшебное. Я будто отправлялся в путешествие на край света.

Они осторожно переступали с камня на камень — раскидывали в стороны руки, чтобы сохранить равновесие, иногда сталкивались, поддразнивали друг друга, говорили обо всем на свете, и Кевин чувствовал, как потихоньку исчезает то, что совсем недавно их разделяло. Правда, Рамона все же избегала некоторых тем. Детство, развлечения, работа, общие знакомые... Камни под ногами шевелились как живые. Интересно, откуда взялись эти валуны? Какая разница? Не все ли равно, о чем говорить наедине с любимой? Все кажется сущей ерундой. Незаданные вопросы — кто ты? о чем думаешь? я тебе нравлюсь? полюбишь ли ты меня? Безмолвные ответы — я такая, какая есть; я похожа на тебя; ты мне нравишься.

— Помню, мы бегали по камням наперегонки. Сумасшедшие дети!

— Да, — с усмешкой отозвалась Рамона, — теперь мы ведем себя куда разумнее.

Они добрались до конца мола: каменная гряда обрывалась в море. Тонкую полоску горизонта затягивала светлая дымка. Солнечные лучи дробились на поверхно-

сти воды на тысячи бликов, что мерцали точно крошечные золотые зеркала, передающие сигналы новой, бесконечно сложной азбуки Морзе.

Рамона села, оперлась руками о камень. Кевин, пристроившийся рядом, заметил, как напряглись, заиграли у нее под кожей мышцы.

— Как дела дома?

— Как обычно, — ответил Кевин. — Андреа мается со спиной, Йоши до смерти надоело преподавать английский, Сильвия беспокоится за детей, которые, возможно, заболели ветрянкой. Донна и Синди по-прежнему слишком много пьют, а Томас не встает из-за компьютера. В общем, все как всегда. Готов поспорить, Надежде кажется, что она попала в больницу для умалишенных.

— Симпатичная женщина, верно?

— Верно. Однако иногда, когда мы начинаем, что называется, ходить на головах, у нее на лице появляется такое выражение...

— Неужели здесь хуже, чем в Индии?

— Может быть. А может, я приписываю ей собственные ощущения. Знаешь, когда ребяшня начинает беситься, мне кажется, что жить в одиночестве, своей семьей, гораздо лучше.

— Ничего подобного, — возразила Рамона. — Когда живешь один, сам по себе... Брр!

— Зато никто не трогает, все тихо и спокойно.

— И что с того? Ну да, у тебя есть своя комната, но когда во всем доме только ты с партнером и дети... Представь себе, к примеру, что Розы и Джош живут отдельно. Розы и так практически не обращает внимания на Дуга и Джинджер, она либо работает, либо проводит время на пляже. Получается, что ребята окажутся предоставленными самим себе, а Джош, насколько я его знаю, просто-напросто чокнется от одиночества. Он и так-то...

— Тоже мне, отец называется.

— А так он просит присмотреть за детьми меня или мою маму, а сам идет купаться или куда-нибудь еще, потом возвращается, изливает нам душу, приходит в

хорошее настроение, и, когда дома появляется Роза, ему уже на все плевать — если, конечно, она его чем-то не задела. В общем, они более-менее уживаются друг с другом, а вот если бы жили в отдельном доме, их брак, по-моему, распался бы давным-давно.

— Согласен, — проговорил Кевин. — Но как насчет других пар? Послушать тебя, так браки сегодня потому становятся менее прочными, что люди стремятся жить большими группами. Но как быть с теми браками, где все хорошо? Не кажется ли тебе, что прочность таких союзов следует всячески оберегать?

— Может быть, — ответила Рамона. — Но прочность брака ничуть не пострадает, если супруги поделятся своими чувствами с другими.

— Неужели? — удивился Кевин. Ему вдруг захотелось спросить: «Может, проверим?» До сих пор он как-то не задумывался о женитьбе. Впрочем, у нее уже был опыт: пятнадцать лет жизни с Альфредо... Что там у них разладилось? — На мой взгляд, пострадает, и достаточно сильно.

Рамона задумалась, нахмурила брови. На воде, у большого, покрытого ракушками камня, покачивались водоросли. Солнце по-прежнему припекало. Вскоре они заговорили о другом.

— Смотри, — сказала Рамона, показывая на север. — Два больших корабля.

— Мне всегда нравилось за ними наблюдать. — Кевин приподнялся, заслонила глаза ладонью. Из-за горизонта показались два парусника; они приближались к гавани чуть ли не под одним и тем же углом: первый шел со стороны Сан-Педро, а второй огибал с севера Каталину. Оба несли как прямые, так и косые паруса (сейчас с подобной оснасткой строилось большинство кораблей). Они напоминали громадные баркентины, построенные на закате эпохи парусных судов; однако на тех косые паруса вовсе не были жестко зафиксированы на своих местах. Оба корабля были пятимачтовыми; у того, который шел мимо Каталины, фок-мачта состояла из двух длинных, расположенных под углом друг к другу стрел.

Внезапно на обоих кораблях развернулись все до единого паруса, под бушпритами вскипела вода.

— Они идут наперегонки! — воскликнул Кевин. — Видишь?

Рамона встала. Бриз усиливался; он дул в сторону берега, поэтому наполненные ветром паруса кораблей развернулись к пляжу. На клотиках расцвели лисели; издалека казалось, будто корабли летят над водой, точно огромные пеликаны. На самом деле двигались они не слишком быстро, поскольку принадлежали к классу грузовых судов. Но эти белые, упругие паруса! Похожие одновременно на реактивные лайнеры и на бумажных змеев, парусники мчались к гавани, стараясь опередить один другого. Кевин прикинул, что корабль, который шел с наветренной стороны, может слегка подрезать соперника. Так и случилось: второму паруснику пришлось пойти в бейдевинд, в результате чего нос корабля повернулся к пляжу. Возможно, капитан пытался обойти противника, поменяться с ним местами; в любом случае его маневр выглядел весьма рискованным.

— Каталина прижимает Сан-Педро к берегу, — заметила Рамона.

— Да. По-моему, она победит.

— Не думаю. Мне кажется, Сан-Педро пройдет вплотную к молу. Если захотим, можно перескочить на палубу.

— Спорим?

— Давай.

На конце другого мола появилась компания ребят; подростки тоже наблюдали за состязанием парусников. Кевин вскинул руки, чтобы почувствовать ветер. Невероятно! Как люди сумели подчинить себе это вольное, дикое явление природы? И до чего же элегантны корабли!

«Жми, Каталина!» «Наддай, Сан-Педро!» Рамона и Кевин кричали и подпрыгивали на камнях точь-в-точь как подростки на втором молу. Корабли приближались, и постепенно становилось видно, какие они огромные. Казалось, паруса, похожие на серебристые крылья кондора, достанут от одного мола до другого. Обе команды

выстроились на наветренных бортах своих кораблей и осыпали друг друга оскорблениями. Расстояние между парусниками неумолимо сокращалось; невольно складывалось впечатление, что к гавани они подойдут одновременно (в таком случае, согласно морскому кодексу, Каталине придется посторониться). Рамона принялась было жаловаться на судьбу, но тут с правого борта Каталины вдруг выдвинулся длинный металлический стержень, и в воздухе громадным парашютом раскрылся разноцветный спинакер, который потащил за собой корабль. «Дорогу!» — донеслось до зрителей, и Сан-Педро отвалил в сторону. На нем сразу же убрали лиселя и прочие паруса, и корабль неожиданно застыл, будто моторная лодка, у которой отказал двигатель. Каталина под восторженные крики наблюдателей вошла в проход между правым и левым молотом; на ней тоже принялись убирать паруса. Все делалось автоматически, экипаж не принимал в этом ни малейшего участия. Корабль величественно двигался по проходу со скоростью пять миль в час; лишённые парусов мачты выглядели необыкновенно высокими на фоне холмов Корона-дель-Мар. Следом за Каталиной в проход вошел и Сан-Педро. Моряки махали руками зрителям.

— Здорово, — проговорил Кевин.

— Наверно, Надежда уплывет на одном из них. Ей ведь скоро уезжать.

Они снова сели, прислонившись спинами к теплому камню и касаясь друг друга плечами. Задувал ветер, ярко светило солнце; чудилось, что все вокруг — море, изящные корабли, каменный мол, зеленый маяк на конце второго мола, бакены, что покачиваются на воде, длинный песчаный пляж, здание спасательной службы, над которым развеваются флаги, далекие силуэты многоэтажек, многочисленные пальмы — окутано ослепительно белым светом, находится в ауре соленого тумана, в эфирной пелене фотонного дождя. В каждое мгновение бытия...

— Замечательный день, — сказал Кевин, потягиваясь, словно сонный кот.

Рамона, иссиня-черные волосы которой сверкнули на солнце, нагнулась и поцеловала его в губы.

Ситуация с Рэттлснейк-Хиллом потихоньку прояснялась — правда, настолько медленно, что порой казалось, будто на самом деле ничего не происходит. Из лос-анджелесского УВС пришло письмо, в котором обосновывалась необходимость покупать больше воды. Городская комиссия по землеустройству немедленно обратилась за консультацией в службу водоснабжения округа Ориндж. Расчет был простой: Эль-Модена покупает воду у Лос-Анджелеса, а избыток сливает в подземный резервуар округа, а последний предоставляет городу кредиты на выплату налогов, что в конечном счете приведет к существенной экономии средств.

Услышав об этом, Оскар покачал головой.

— Пожалуй, стоило бы кое-что проверить, — пробормотал он. Прежде всего, сообщил прокурор Кевину, мэру придется либо отменить резолюцию Совета номер 2022, либо каким-то образом ее обойти; ни того ни другого нельзя сделать без голосования. А поскольку суть затеи состоит в том, чтобы начать торговать водой, Эль-Моденой наверняка заинтересуется Управление по охране водных ресурсов штата, которое, конечно, запросит мнение окружной службы, но принимать решение будет самостоятельно. Если же дело дойдет до городского референдума, может быть, стоит воспользоваться советом Салли насчет округа Иньо. Сегодня Иньо владеет водой, которая когда-то принадлежала Лос-Анджелесу; вполне возможно, покупать воду у них окажется гораздо дешевле, а если грамотно составить договор о покупке, идея Альфредо насчет промышленного центра так и останется на бумаге. Иньо изрядно пострадал от Лос-Анджелеса, поэтому его власти, вне сомнения, оценят

иронию момента и ухватятся за возможность изменить положение дел в Южной Калифорнии.

В общем, работы было предостаточно. Кевин решил навестить Хироко, Сьюзен и Джерри и выяснить, можно ли на них рассчитывать. Как выяснилось, Джерри окончательно забросил свою адвокатскую практику и уделял все время маленькой компьютерной фирме, что располагалась в здании на пересечении Сантьяго-Крик и Тастин-авеню. Выбрав день, Кевин заглянул к Гейгеру и застал того в обеденный перерыв.

Узнав, что речь идет о холме, Джерри — коренастый мужчина лет шестидесяти с хвостиком — пожал плечами:

— Все зависит от того, что именно планирует Альфредо и что это даст городу. — На первый взгляд он казался спокойным и весьма рассудительным, однако, присмотревшись, можно было заметить хитроватый прищур, единственный признак той глубоко спрятанной бесшабашной веселости, что прославила Джерри на всю Эль-Модену.

— Джерри, Рэттлснейк — последний незастроенный холм в округе! С какой стати мы должны отдавать его Альфредо? Или ты настолько зарылся в свои компьютеры, что остальное тебя не волнует?

— Ошибаешься, — ответил Джерри, проглотив кусок бутерброда. — Как знать, а вдруг я рассчитываю, что Альфредо выделит мне пару-тройку комнат в своем новом здании?

— Да ладно, перестань. Я ведь знаю, тебе наш город нравится таким, какой он есть, иначе ты бы не обедал здесь, на берегу речки.

— Я тут родился.

— Вот именно. — Кевин вздохнул. Убедить в чем-то Джерри всегда было невероятно сложно. — Тем более ты должен защищать Рэттлснейк. Просто чудо, что служба водоснабжения так долго держалась за холм; а теперь, когда он достался городу, нельзя допустить, чтобы его изуродовали, как все прочие. Подумай об этом.

— Подумаю, — пообещал Джерри. — Знаешь, что я слышал?

— Что?

— По слухам, Альфредо действует не самостоятельно. Пляшет под чью-то дудку.

Попрошавшись с Джерри, Кевин отправился к Сьюзен Майер, главному специалисту местной птицефабрики, которая обеспечивала цыплятами северную часть округа Ориндж. По дороге он размышлял над последними словами Гейгера. Сьюзен, атлетически сложенная женщина лет сорока, великолепная пловчиха, оказалась в лаборатории.

— Кевин, извини, но у меня сейчас нет времени на подобные разговоры, — она показала ему какой-то документ, который изучала перед его приходом. — Впрочем, уверяю тебя, — я разделяю твою тревогу. Альфредо парень неплохой и много сделал для города, но порой мне кажется, что ему следовало быть мэром Анахайма или Ирвина: там ставки гораздо выше. А теперь прости, работы невпроворот, такое впечатление, что в одном из инкубаторов вот-вот выведутся птенцы. В любом случае дело терпит, верно? Сначала необходимо выяснить все, что только можно.

Кевин со вздохом согласился и поехал к Хироко Вашингтон, ботанику, садоводу и специалисту по садово-парковой архитектуре. Дома Хироко не было, однако Кевин ее все же разыскал, помог вырыть яму, которую она копала во дворе очередного клиента, а за работой они поговорили по душам.

Поскольку стаж Хироко в городском Совете составлял без малого двадцать лет, женщину уже не слишком заботило происходящее: она успела привыкнуть ко всему. Тем не менее Кевин расстался с ней в хорошем настроении: она как будто сочувствовала ему и его друзьям и была не в восторге от «грандиозных планов» Альфредо. Что ж, если считать, что Хироко удалось привлечь на свою сторону, значит, остается раздобыть всего один

голос. Либо Сьюзен, либо Джерри; никто из них в открытую не отказался, следовательно...

Дома Кевин передал Дорис слова Джерри насчет того, что Альфредо действует не по своей воле.

— Да-а, — протянула Дорис. — Ладно, постараюсь вытянуть что-нибудь из Джона. — Она имела в виду своего приятеля, который работал в финансовом отделе «Авендинга» — ее фирмы, куда стекалось множество слухов. А другой приятель Дорис, который работал в «Хиртеке», знал даже больше, чем Джон. Женщина не упускала случая вызнать у них обоих самые свежие новости.

Через несколько дней Дорис встретила и поговорила с Джоном. Тот подтвердил, что Альфредо выполняет чей-то заказ. Деньги поступают со стороны. Так было всегда, вот почему «Хиртек», собственно, и вырос как на дрожжах.

По всей видимости, таинственный благодетель оказал «Хиртеку» немалую помощь. В частности, именно он, наверное, забирал часть доходов, что позволяло фирме не превышать установленных законом пределов и избегать проверок. По крайней мере так утверждала молва. «Энн говорит, что они — только верхушка айсберга», — понизив голос, сообщил Дорис Джон.

— Невероятно, — вырвалось у Дорис. Если это правда, значит, у них в руках мощнейшее оружие, благодаря которому они без труда сорвут планы Альфредо. Если это правда... — Но когда начнется строительство, все тайное непременно станет явным. «Хиртек» наверняка обратится за помощью к правительству или попытается найти партнера, поскольку сам явно не потянет...

— Верно, — сказал Джон при встрече неделю спустя. — Дорис, мне очень жаль, но...

«Милая Клер!

...Да, я ездил в Бишоп на открытие сезона, и мы с Салли, как обычно, развлекали публику. На нашем поединке присутствовали Кевин и Дорис. Суровая Дорис

была чуть ли не в шоке — то ли от ужаса, то ли от омерзения; кажется, она сама не знает, от чего точно. Правда, всласть поиздеваться над Великим Спортсом ей не удалось, поскольку они с Кевином потратили часть выходных на восстановление былых отношений. Надежда сказала мне, что когда-то они были любовниками, а сейчас Дорис, по-моему, и тянется к Кевину, и злится на него, в то время как он, сам того не сознавая, во многом просто полагается на нее. Они провели ночь в комнате для гостей в доме Салли, а впоследствии все настолько перепуталось, что, как говорится, черт ногу сломит. Кевин, скажем, с энтузиазмом изучает возможности, которые открылись перед ним, когда обрела свободу красотка Рамона...

...Да, Надежда еще здесь, но скоро уедет: ее корабль уже стоит в Ньюпортской гавани, которую покинет через две-три недели. Это будет печальный день. Нам с ней есть о чем вспомнить. Она часто звонит и предлагает покататься по городу; если я соглашаюсь, меня таскают за собой по всему округу Ориндж... Этаким Бен Франклин в юбке*. А что здесь? А почему именно так, а не иначе? А правда, что дикая горчица растет у вас испокон веку? Может, нам стоит применить другой способ? Как по-моему, не слишком ли торопится мэр? А правда то, что рассказывают о Кевине с Рамоной? Надежда забрасывает вопросами всех подряд, потом садится на велосипед и уезжает, бормоча себе под нос что-то насчет скудоумия и невежества. Настоящие зомби, возмущается она, овцы, а не люди! Если же ей удастся найти тех, кто знает, чем занимается, и не прочь поговорить о своей работе, она готова толковать с ними хоть целый день, а когда уезжает, вся так и светится от радости. Какой ум, какая сила, какое мужество, восклицает она, сверкая глазами.

* Бенджамин Франклин (1706—1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый, а также мыловар, печатник, электротехник, начальник почтового отделения, дипломат; отличался неумным любопытством, хотел знать все на свете.

Поэтому местные жители одновременно любят Надежду Катаеву и слегка побаиваются. С ее многочисленными талантами и опытом она представляется порой некоей высшей формой жизни, следующим шагом в развитии человечества. Стара, но молода. Должно быть, лекарства от старости — и впрямь замечательная штука. Начать, что ли, принимать?

Разумеется, присутствие Надежды не могло не отразиться на Томе Барнарде, который до ее приезда вел в холмах жизнь отшельника. Теперь он регулярно появляется в городе. Его здесь знают многие, особенно старшее поколение; усилиями Надежды Том снова занялся городскими делами — естественно, на пару с ней. Кроме того, мы привлекли старика к борьбе за Рэттлснейк-Хилл.

Приготовления к схватке, что называется, в разгаре. Кевин и Дорис пытаются осуществить на практике советы Салли. Возможно, они даже пробурят артезианскую скважину. Салли, конечно же, пошутила, однако ты знаешь, как она шутит — с каменной индейской физиономией, поэтому люди обычно принимают ее слова всерьез. Впрочем, я не собираюсь от чего-либо отговаривать Кевина и не подумаю объяснить, что скважина, если дело дойдет до застройки холма, никого не остановит.

Дорис как-то вернулась домой в жутком состоянии — рычала на всех подряд, хлопала дверями. А я как раз заглянул к ним, чтобы перекинуться парой слов с Кевинном, и уже собирался уйти, не застав никого из взрослых. В итоге получилось (чего не хотелось ни мне, ни, уверен, Дорис), что поплакаться в жилетку она могла только противному толстяку Оскару.

Я поинтересовался, что стряслось. Оказалось, приятель Дорис из финансового отдела «Авендинга» — той компании, где она работает, сказал ей, что ее фирма сотрудничает с «Хиртеком», компанией Альфредо, и строить в Эль-Модене новый промышленный центр они

собираются вместе. А мы гадали, кого Альфредо возьмет в партнеры. Как выяснилось, ларчик открывался просто.

Ничего, сказал я, зато вам будет рукой подать до работы. Дорис посмотрела на меня, что твоя Медуза Горгона. Весьма впечатляет. Потом заявила, что увольняется. Не желает больше там работать.

Почему-то мне захотелось обратить все в шутку. Любопытно было бы узнать, подумал я, насколько серьезно она настроена. Я высказался в том смысле, что сначала надо, мол, выяснить планы врага.

Дорис озадаченно уставилась на меня.

Я утвердительно кивнул.

Она сказала, что в одиночку не справится, что ей потребуется помощь.

Я пообещал помочь, чем немало удивил ее и самого себя.

Она позвонила своему приятелю и проговорила с ним около получаса. А потом в сопровождении твоего покорного слуги Дорис Яростная отправилась в Санта-Ану, в «Авендинг».

Мы свернули с трассы, миновали будку с охранником — Дорис представила меня как друга — и оказались на территории небольшого научно-промышленного комплекса.

Очутившись в лаборатории, я принялся озираться по сторонам. В тот вечер сюрпризов этот был наиболее ошеломляющим. Представь себе лабораторию, наполвленную заставленную скульптурами — большими, маленькими, абстрактными, вполне узнаваемыми и прочими, прочими... Скульптуры из металла, из керамики, из какого-то неведомого материала.

— Что сие такое? — спросил я.

— Мы разрабатываем новые материалы, — ответила она. — Сверхпроводниковые и другие. А то, что вы видите перед собой, — отходы экспериментов.

— Вы хотите сказать, они с самого начала имели такую форму.

Дорис хмыкнула, но промолчала.

— Или форму им придали вы? — не отступался я.

— Да, — призналась она и прибавила, что собиралась отвезти все домой.

В тот момент меня можно было сбить с ног птичьим перышком — на худой конец подушкой. Кто знает, что еще таится в этих калифорнийских омутах? Один неосторожный шаг — и ты уже по горло в воде...

Дорис села к компьютеру, и вскоре принтер начал выдавать нам одну страницу текста за другой. Остальное, сказала Дорис, в кабинете Джона. Придется рискнуть: она-то часто работает по ночам, а вот в его кабинете ей, собственно, делать нечего. Мне было велено стоять на стреме и опасаться охранников и роботов-уборщиков.

Мы на цыпочках прокрались по коридору в кабинет ее приятеля. Снова за компьютер, снова распечатка. Я дежурил в коридоре, а Дорис ксерокопировала документы, которые нашла в письменном столе.

Она уже заканчивала, когда в коридоре появился робот-уборщик. Я лихорадочно заметался из стороны в сторону, распахнул дверь другого кабинета, набросал на пол бумаг, но увернуться не успел, и робот врезался в меня в дверном проеме.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я убираюсь.

— Все в порядке, парень. Может, приберешь сначала здесь?

— Прошу прощения. Я убираюсь. — Он вкатился в кабинет и чем-то там щелкнул, должно быть, раздосадованный беспорядком, который я учинил. Я проскользнул мимо него и побежал к Дорис.

Часа два спустя мы вытащили на автостоянку перед зданием несколько ящиков с документами, причем едва-едва успевали до того, как в лаборатории появился робот.

Снаружи нас поджидал велосипед-танDEM с большим трейлером. Мы забили трейлер коробками до такой степени, что он и не подумал сдвинуться с места. Вообрази себе двоих похитителей подноготной фирмы, которые не могут увезти похищенное! Мы принялись давить на

педали. Без толку. Воры, удирающие со скоростью ноль километров в час. Какой подарок для охраны!

Пришлось мне слезть и применить к трейлеру мой коронный приемчик, затем вскочить в седло и снова жать на педали, которые вращались не быстрее часовой стрелки. К несчастью, когда мы свернули с шоссе на городскую улицу, трейлер вновь замер, и понадобилось три «атомных прыжка», чтобы он покатился дальше. Правда, после, разогнавшись до пяти миль в час, мы могли за него не волноваться.

На следующий день Дорис уволилась. Теперь она на пару с Томом, которого усадила себе помогать, изучает украденные материалы. Пока не ясно, найдется ли там что-либо полезное для нас, однако Том считает, что обе компании, вполне возможно, имеют нелегальный источник финансирования или намерены использовать его при строительстве нового центра. Кроме того, некоторые документы навели старика на мысль, что тут, может быть, замешан Гонконг. В общем, рисковали мы не напрасно. Слава несгибаемой Дорис!

В знак благодарности она подарила мне одну из своих скульптур, довольно большую, из зелено-голубого керамического сплава: женщина подбрасывает в воздух птицу. Движение передано просто замечательно. Мы оба уставились на статую и некоторое время глядели на нее, не произнося ни слова.

— И давно вы этим занимаетесь? — наконец любопытствовал я.

— Несколько лет.

— Если не секрет, что вас побудило начать?

— Ну... Я проводила эксперимент, проверяла, как материалы реагируют на давление. Из печи появилось нечто весьма необычное, в чем я увидела форму. Обычно форму видят в облаках, а я разглядела ее тут и стала помогать ей проявиться.

Я сказал, что поставлю статуэтку у себя на террасе, когда Кевин ее достроит.

...Работа по перепланировке дома продолжается. Сейчас мой дом сильно смахивает на Парфенон: крыши нет, стен, в общем и целом, тоже. Меня уверяют, что скоро все станет на свои места. Надеюсь, что так, ибо со мной, когда я дома один, начали происходить достаточно странные вещи; быть может, когда дом достроят, это прекратится.

...Естественно, я по-прежнему чувствую себя не в своей тарелке. Однако постепенно возникает новая оболочка, создается новая жизнь. Чикаго все чаще представляется мне сном — продолжительным, необычайно ярким, но сном, который мало-помалу блекнет и забывается. Такие вот дела. Человек живет и полагает, что реальнее этого ничего быть не может. Потом это превращается в зыбкое воспоминание, а ему на смену приходит новая действительность, реальнее которой, разумеется, не может ничего быть. Никак не привыкну. Ну ладно, пиши. Жутко по тебе скучаю.

Твой Оскар».

Глава 6

Четыре часа в воздухе. Лидди наконец-то заснула. Я барабаню по клавиатуре портативного компьютера — не столько работаю, сколько пытаюсь отвлечься от надоедливых мыслей.

Стратегии изменения истории... Нужно придумать, как перейти из этого мира (пожалуйста, поскорее!) в мир книги. Главное — утопия.

Слова на дисплее появляются и исчезают, будто дни.

Линкольна не убивали, ничего подобного, нам известно, что все было иначе, что мировая история просто не могла избрать то направление... Кажется, нас кто-то ведет; но нет, теория Великого Вождя не проходит, ибо человечество не спасет никакой индивидуалист. Либо все вместе, либо...

Все или ничего. Ах, Памела...

Некая группа, которая то ли обладает влиянием, то ли нет, однако все ее члены — скажем, юристы — действуют сообща. Никак не могу отделаться от ощущения — несмотря на собственный опыт последних месяцев, — что спасти человечество может именно Закон. Допустим, выпускники юридического колледжа в Гарварде занимают наиболее важные посты в правительстве, МВФ, Всемирном банке, Пентагоне и спасают двадцать первый век. Похоже на правду? Не слишком, но, по крайней мере, возможно. Что нам мешает это осуществить? Только инерция, идеология, отсутствие воображения. У нас есть педагоги и проповедники, однако политически активных людей среди них, как и среди представителей иных профессий, раз-два и обчелся. А ведь нужно согласовать программу действий... Насколько невыполнимым должно стать то или иное дело, чтобы его осуществление оказалось никому не нужным? Нечто вроде теории конспирации, которая мало кого интересует.

Историю изменяет популярная книга, утопическое произведение, которое читают все подряд, читают и задумываются — во всяком случае пытаются, пускай даже неосознанно. Книга изменяет образ мыслей, и каждый человек начинает мечтать о новом, лучшем мире, и что-то делать...

Я прихожу в отчаяние. Как говорил Маркузе*: «Один из главных признаков опасности — то, что мы не можем представить дорогу, которая привела бы нас в утопию. Нам туда не добраться».

Нужно сделать только первый шаг, и ты уже там. Процесс, динамика, в движении жизнь... Мы должны найти дорогу. Наше воображение развито сильнее, чем у предков. Стоит сделать один-единственный шаг, и мы окажемся на дороге.

И что с того? Книга-то о чем?

* Герберт Маркузе (1898—1979) — немецкий социолог и философ, призывал к отказу от всех социальных ценностей.

Я смотрю на дисплей. Моя дочь вздыхает во сне. Какое у нее лицо... Если человек не может прикоснуться к другому, которого любит, не может его увидеть...

Мы находимся в тридцати пяти тысячах футов над поверхностью планеты. Пассажиры лайнера смотрят кино. Я смотрю в иллюминатор. Земля кажется нам неизмеримо громадной, но стоит подняться над ней...

Слова появляются и исчезают, будто...

«Марсианскую» вечеринку, на которую Хэнк пригласил всю компанию, было решено устроить на природе. Они все вместе выехали из города и покатали в сторону холмов; велосипедные фары напоминали в темноте вереницу мотыльков. «Лобос», Оскар, Надежда и Том Барнард на tandeme, который так и рыскал по дороге... У каньона Черная Звезда шоссе закончилось. Оставив велосипеды у начала тропинки, дальше они отправились пешком. В рюкзаке Хэнка, который шел впереди всех, что-то позвякивало.

— Люди высадились на знаменитой красной планете, — пробормотал Оскар, в очередной раз споткнувшись, — а мы собираемся отметить это событие, блуждая во тьме, точно дикари. Космическая одиссея наоборот!

Было тепло, время от времени принимался дуть ветерок, под порывами которого вздрагивали ветви карликовых дубов, что росли на стенах каньона. То был северный ветер из Санта-Аны, который, промчавшись над Сан-Хоакином, растерял всю свою влагу и сделался горячим и сухим.

— Санта-Ана, — проговорил, принохиваясь, Том, повернулся к Надежде и взял ее за руку. Женщина подпрыгнула. — Статическое электричество. Хороший знак.

Электрощок при каждом прикосновении.

Приблизительно через полчаса они добрались до Горячих Источников — неширокой травянистой равнины, по которой были разбросаны крохотные озера. Тут и там виднелись платаны, дубы, ореховые деревья, кото-

рые словно охраняли озеро. На берегу самого большого из озер стоял низенький домик с павильоном. Хэнк, арендовавший этот дом на одну ночь, открыл дверь и включил внутри свет. Сразу стало видно, как лопаются на поверхности озера пузырьки. Деревья шелестели листвою, скрипели в полумраке ветвями.

— Горячо, однако!

Озеро с домом на берегу располагалось достаточно близко к самому источнику, от которого его отделяли лишь два озерца поменьше. Футов двадцати в поперечнике, от трех до пяти — глубиной. Под воду, к бетонной скамье, уводили бетонные же ступеньки, дно было усыпано песчаником, который по жесткости мало чем отличался от бетона. Короче, все, что нужно, имелось в наличии.

Хэнк, Джоди, Майк и Оскар пошли в дом, класть в холодильник продукты. А остальные, сбросив с себя одежду, попрыгали в воду. Плеск, визг, восторженные вопли... Вода обжигала, но не слишком сильно; стоило коже привыкнуть, как по всему телу разливалось блаженство.

Какое-то время спустя на берегу появился Оскар — огромное белое пятно в ночной темноте. «Осторожно!» — крикнул Кевин. Оскар казался в эту минуту сказочным великаном — раза в три выше любого человека, широкоплечий, с голой грудью, громадным животом и толстыми, как стволы деревьев, ногами. Те, кто сидел в воде, не сводили с него глаз. Он вскинул голову, внезапно присел на корточки, широко раскинул руки и сделал вид, будто прыгает в озеро, летит и падает, точно гигантское пушечное ядро. «Не надо! Вода выйдет из берегов! Или дно треснет!» Оскар топнул ногой, яростно потряс черными кудрями, отбежал чуть назад, рванулся вперед, снова назад; во всех его движениях ощущалась та самая носорожья грация, которую Кевин и Дорис наблюдали в Бишопе. Из домика, привлеченные шумом, выскочили Хэнк, Джоди и Майк. Оскар неожиданно взмыл в воздух таким большим белым китом, на мгновение завис над озером, а затем плюхнулся в воду, подняв кучу брызг.

— Господи! — воскликнула Габриэла. — Озеро-то обмелело!

— А если Оскар вылезет...

— Оскар, на берег мы вас не пустим, — выдавила сквозь смех Дорис.

Оскар выпустил изо рта струю воды, будто изображая из себя статую-фонтан.

— С какой скоростью заполняется озеро? — поинтересовался Майк. — Десять галлонов в минуту? Значит, к утру вода поднимется до прежнего уровня.

— Надо подлить в озеро текилы, — заявил Хэнк, который держал в руках поднос с бутылками и стаканами. — Это будет жертвоприношение. Давайте разбирайте.

Джоди принялась передавать стаканы.

— Эй, Джоди, мы сами справимся, сядь отдохни!

— Хэнк уже несет маски, надо поспешить.

Хэнк и впрямь разложил на берегу с десяток собственноручно изготовленных из папье-маше масок.

— Здорово, Хэнк!

— Еще бы! Я провозился с ними целых два месяца.

Он начал раздавать маски, тщательно выбирая, кому какую. Кевин получил лошадиную, Рамона — орлиную, Габриэле выпало стать петухом, Майку — рыбой; Том превратился в черепаху, Надежда — в кошку, Оскар — в лягушку; Дорис стала вороном, Джоди — тигром, а сам Хэнк надел маску койота. Во всех масках были прорези для глаз и для рта — чтобы можно было пить. Отовсюду доносились возгласы и смех: люди изучали друг друга в новом обличье — причудливом, диковинном, отчасти хищном.

— Хей-хей!

Все хором повторили фразу.

Джоди спустилась по ступенькам в озеро, присвистнула, ощутив температуру воды. Стройное тело, увенчанное тигриной маской, изогнулось так, словно Джоди и впрямь превратилась в тигрицу. Хэнк расхаживал по берегу, предлагая на выбор стаканы или бутылки.

— Текила у Хэнка своя, — сообщил Том Надежде. — Он выращивает кактусы у себя в саду, сам экстрагирует, ферментирует, перегоняет. — Том отхлебнул из стакана. — Бр-р, ну и гадость! Эй, Хэнк, плесни-ка мне еще.

— По-моему, очень вкусно. — Надежда вдруг закашлялась.

— Да, текила — напиток богов, — с усмешкой заметил Том.

Хэнк замер на берегу. Выглядел он совершенно естественно, будто всю жизнь ходил без одежды и в маске койота. «Слушайте ветер!» Сквозь журчание воды, если прислушаться, можно было различить шелест ветра; внезапно в ночи словно вспыхнул яркий свет, и каньон стал виден как на ладони: узкая горловина, высокие каменные стены — обо всем этом рассказывал ветер. Хэнк сдвинулся с места, принялся бормотать себе под нос; время от времени к нему присоединялись и другие, и тогда над озером звучало великое слово «Аум». Фразы, что срывались с губ Хэнка, представлялись одновременно бессмысленными и исполненными глубокой мудрости. «Мы приходим от земли, мы — часть земли». Затем началась песня: «Ийя-ух, ийя-ух, а-умм!» Нет, то была не песня — Хэнк читал нараспев поэму, написанную на языке, которого не знал никто из присутствующих. «Мы приходим от земли, как вода, что проливается в мир. Мы — пузыри земли. Пузыри земли». Слова тарабарщина — то ли санскрит, то ли язык шошонов (какой именно, было ведомо лишь шаману). Хэнк крался по берегу озера точно койот, приближающийся к курятнику. Остальные стояли по пояс в воде и пели, отчетливо ощущая, что должны подчиняться койоту. Неожиданно койот завыл, а следом за ним все, как могли, громко залаяли на небосвод.

— Черт возьми! — воскликнул Хэнк, прыгнув в пруд. — Когда весь мокрый, на ветру холодновато.

— Прими текилы, — посоветовал Том.

— Отличная мысль.

Джоди пошла в дом, чтобы принести еще спиртного. Войдя внутрь, она включила телевизор, однако убрала звук. Экран засветился наподобие лампы, мелькавшие на нем фигуры казались разноцветными абстракциями. Джоди набрала музыкальную программу, и к шелесту ветра присоединилась мелодия, которую вели арфы и флейты. На черном небе мерцали звезды, над макушками деревьев сверкала, будто самоцвет, будто десять Юпитеров, выведенная на орбиту гигантская солнечная батарея. Луна должна была взойти не раньше, чем через час.

— Вода становится слишком горячей, — проговорила Рамона (широкоплечий орел с гладкой мокрой кожей, стоявший на мелководье). — Стоит из нее вылезти, тут же замерзаешь. И ветер вдобавок... Никак не приспособиться.

— Мне почему-то вспоминается рассказ о том, как Мюир ночевал на Шасте*, — отозвалась черепаха. — Он был сыном священника-кальвиниста, который не давал ему спуска, поэтому вырос привычным ко всему и Сьерра ничуть его не пугала. Но однажды они с приятелем поднялись на Шасту, и на вершине их застала пурга. Мюир наверняка бы погиб, однако в те дни на Шасте еще имелись горячие источники, и вот Мюир с приятелем разыскали на вершине озеро и прыгнули в воду. Но та оказалась жутко горячей, градусов шестьдесят пять; к тому же от нее разлило сероводородом. Они вылезли на берег и, естественно, мгновенно замерзли. Хорошенький выбор — свариться заживо или превратиться в ледышку, верно? Им оставалось лишь одно: они всю ночь то прыгали в воду, то вылетали на берег, пока не оупели настолько, что перестали различать жару и холод. Впоследствии Мюир говорил, что ночь выдалась тяжелой, из чего следует, что ночка и впрямь была о-го-го, раз о ней так отзывался Джон Мюир.

— Он смахивает на нашего Хэнка, — сказал тигр. — Мы как-то отправились в горы, внезапно разразилась

* Потухший вулкан в Северной Калифорнии.

гроза, я повернулась к Хэнку и вижу — он лезет на дерево. Я кричу: «Какого черта? Ты куда?» А он отвечает, что хочет полюбоваться молниями.

— А когда мы были в Йосемитской долине и поднялись к водопадам, Хэнк забрел по колено в воду и подошел к самому обрыву, и наплевать ему было, что лететь в случае чего придется целых три тысячи футов! — прибавил петух.

— Ну да, — отозвался Хэнк, — ведь иначе я ничего бы не увидел.

Все рассмеялись.

— И потом, дело было в октябре, вода стояла низко.

— А помнишь водонапорную башню в Колорадо? Мы залезли на самый верх, и тут появляются какие-то чудачки, которые принимаются с нее нырять. А до воды футов пятьдесят—шестьдесят! Ну вот, они все нырнули, и тут Хэнк встает на край, чтобы получше разглядеть, целы они или нет, и, разумеется, летит вниз!

— Я бы нырнул и раньше, — откликнулся койот, — но сообразил, что можно, только когда увидел этих ребят.

— А как-то раз мы ехали на подъемнике на вершину Биг-Бейр, — продолжал рассказывать петух, справившись с приступом смеха, — и Хэнк сказал: «Слушай, до чего же хочется взять и полететь! Шикарное, должно быть, ощущение». Я не успела и рта раскрыть, как он прыгнул с подъемника, пролетел футов тридцать и шлепнулся на склон горы!

— И оцарапал лыжами лицо, — добавил Хэнк. — При чем не знаю как.

— А когда ты заставил Дамасо взобраться на Джошуа-Три...

— Я погорячился, — признался койот. — Он испугался, оступился, когда мы шли по уступу, и покатился вниз, да так быстро, что я едва успел схватить его за волосы. Представляете картинку: человек висит над пропастью, а другой вцепился ему в волосы!

— Я согрелась, — сообщил орел, погрузившись в воду по самую маску, и передвинулся поближе к лошади. От прикосновения Рамоны у Кевина забурлила в жилах кровь, а женщина и не думала отодвигаться. Кровь прилиwała к сердцу, грозила разорвать сосуды; Кевин судорожно сглотнул. Магия прикосновения... Из воды на миг показалось плечо Рамоны, такое же горячее, как сама вода. Пар, что поднимался над озером, вдруг приобрел розовый оттенок — по телевизору начали передавать отчет о высадке на Марс. Интересно, подумалось Кевину, можно ли испытать оргазм через прикосновение?

Оскар и Дорис, лягушка и ворон, выясняли — естественно, в шутку, — кто из них был в своей жизни ближе к гибели и что страшнее — угодить под свалившуюся откуда-то железку, летать с Рамоной, бороться с Ванкуверскими Девственницами или вытаскивать из охваченного пожаром помещения важные документы... Тем, кто слышал этот разговор, оставалось только удивляться, как люди могут похваляться собственной глупостью. Кошка пихнула в бок черепаху и показала на лягушку. Черепаха покачала головой и кивнула в сторону орла с лошадей. Кошка пожалала плечами.

— По-моему, пора, — заявил койот. — Марс, кажется, приближается.

— Сделать громче?

— Нет.

Арфы, флейты, шелест листвы словно аккомпанировали отчету о высадке людей на другую планету. Экспедиция долго откладывалась, то и дело возникали всякие неувязки, но сейчас она наконец-то близилась к завершению, которое, впрочем, было одновременно началом — началом чего-то такого, что не суждено было увидеть никому из ныне живущих, но от того ничуть не менее важного. Экран телевизора стал на мгновение окном в новый мир, в новую историю.

...С орбиты было запущено несколько автоматических зондов, которые совершили посадку в бассейне

Эллада, именно там, где планировал посадить корабль начальник экспедиции. На всех зондах имелись телекамеры, которые в данный момент и передавали изображение садящегося корабля. Режиссерам трансляции было из чего выбирать, и они время от времени выводили на экран картинку сразу с двух или трех камер. Эллада, наиболее крупный кратер на поверхности Марса, росла на глазах, ее выстланное красноватым песком, усыпанное камнями дно постепенно приближалось. Потом появлялась иная картинка: розовое небо и черная, окруженная белым нимбом точка, которая увеличивалась с каждой секундой. Вот она превратилась в модуль с парашютом, внезапно ослепительно засверкала — сработали тормозные двигатели. Теперь на экране возник вид с орбиты: посадочный модуль, похожий сверху на пух чертополоха, опускается в кратер. Кадры, которые непременно станут достоянием истории, срез настоящего, лишь в котором все и происходит. Экран телевизора как будто сделался невероятно большим.

Шаман-койот снова завел свой речитатив, к нему присоединились и некоторые другие маски. Буквально все — мерцающие звезды, черная листва, черное же небо, шелест ветра, журчание воды, таинственная мелодия, голоса, привкус текилы, телеэкран, от которого исходило красное сияние, темный силуэт павильона, — все слилось воедино, возникло нечто цельное, не поддающееся разъединению. Черепаха, на мгновение вынырнув из пелены мистики, не могла не восхититься явно присущим шаману чувством обстановки. Как иначе можно было ощутить себя в этот великий миг заодно с человечеством? Тем временем модуль приблизился к поверхности Марса почти вплотную, и они увидели, как взвихрился красный песок, словно поднятый ветром — таким, как тот, что задувал над озером; их голоса стали громче, черепаха вдруг ощутила в сердце то, о чем, казалось, давным-давно забыла. Усмехаясь под маской, Том пел вместе с остальными. Модуль скрылся в облаках

алой пыли. «Хей! Хей!» — закричали маски, прыгая в воде.

Люди высадились на Марсе.

Изображение красной планеты исчезло, на экране появились комментаторы, которые принялись задавать вопросы гостям телестудии. Хэнк сходил в дом и вернулся с парой больших надувных мячей, которые бросил в воду. Маски играли в нечто вроде водного поло, разговаривали, потягивали текилу, время от времени поглядывая на экран, где мелькали лица астронавтов.

— Интересно, каковы были их первые слова?

— Если они опять сморозили какую-нибудь глупость, как на Луне, меня вывернет наизнанку!

— Как насчет: «Что ж, мы на месте»?

— Наконец-то дома!

— Марсиане приземлились!

— Отведите нас к вашему начальству!

— Если не включим звук, так и не узнаем.

— Вот это фраза так фраза!

— Не надо, слушаем завтра в новостях. Тем более говорить красиво они наверняка не умеют: ты же знаешь астронавтов.

Посреди озера, видимо, подгоняемый паром, что поднимался причудливой формы струйками над поверхностью воды, медленно вращался один из мячей. Призрачный желтый свет. Поднятые руки, обнаженные тела, звериные маски. Тела светились в темноте, будто внутри каждого горел огонек.

Вскоре голоса стихли. Люди отдыхали, наслаждались покоем, ощущали кожей течение воды и дуновение ветра. Вслед за мышцами расслабилось и сознание. Орел снова придвинулся к лошади — неторопливо, точно вальсируя в клубах пара. Внезапно на воду спланировала дюжина-другая листьев платана, которые на какой-то миг словно зависли в воздухе рядом с орлом. Рамона повернулась и села, прижавшись к Кевину. Широкие плечи, мускулистые руки, плоская грудь... Один листок опустился ей на голову.

Общая беседа расстроилась, теперь каждый разговаривал со своим соседом. Петух и рыба, взяв полотенца, растаяли в темноте. Том с Надеждой обсудили высадку на Марс, вспомнили общих знакомых из числа тех, кто имел отношение к экспедиции... Койот и тигр выбрались на берег, сели лицом к лицу, взявшись за руки и подпевая музыке: Хэнк маленький и жилистый, Джоди высокая, с пышными бедрами и роскошной грудью. Кевин и Рамона молча наблюдали за ними.

Лягушка и ворон, что сидели в озере друг напротив друга, изредка перебрасывались мячом, не давая тому уплыть вниз по течению, и обменивались порой ничего не значащими фразами. Ворон то и дело искоса поглядывал на лошадь и орла. А Том и Надежда, которые, казалось, с увлечением предавались воспоминаниям, на самом деле внимательно следили за всеми сразу.

— Посмотри на мои пальцы, — проговорила лошадь. — Лиловеют прямо на глазах.

— Мои тоже, — отозвался орел. — И не только пальцы. — Рамона вылезла из воды, уселась на бетонный бордюр, сняла маску и трянула волосами. Кевину подумалось, что с масками эффект получился обратным тому, которого, должно быть, добивался Хэнк: лицо без маски выглядело бесконечно более нагим, нежели обнаженное тело.

— Я запарилась, — сказала Рамона, кинув на Кевина взгляд, от которого у того перехватило дыхание. — Может, пойдем проветримся?

— С удовольствием, — отозвался он, ощущая, как жеребец внутри его становится на дыбы. — Луна, похоже, вот-вот взойдет. Можно подняться на гребень, встретить ее восход.

— Договорились.

Они зашли в дом, вытерлись, оделись, затем вернулись к озеру.

— Пойдем погуляем, — сообщила Рамона.

Вскоре после их ухода Дорис тоже выбралась из воды. Ее тело по сравнению с телом Рамоны выглядело едва ли не рыхлым.

— Жарко, — произнесла она сдавленным голосом, не обращая ни к кому в отдельности, встала и быстрым шагом направилась к дому. Лягушка молча проводила ее взглядом.

— А вам не хочется последовать за ней? — тихо поинтересовалась у Оскара кошка.

— Ни в коей мере, — ответила лягушка, глядя на воду. — Если бы она жаждала моей компании, то наверняка сказала бы об этом.

— Совсем не обязательно. Возможно, она просто постеснялась...

— Не думаю. Она... Черт побери! — Оскар взял с бордюра бутылку, допил то, что в ней оставалось. — Фью! — Нырнул, вызвав небольшое цунами, подплыл к столику на другом берегу, приложился к другой бутылке, повернулся — и увидел, что Дорис исчезла.

Тогда Оскар снял маску, вылез на берег, оделся. На дне озера, чудилось, пульсирует загадочный свет, который пробивается сквозь пелену красного пара. Рябь на поверхности напоминала что-то такое... Но где же Дорис? Оскар вздохнул, почувствовал, как сходит с лица улыбка. Может быть, она и впрямь хотела, чтобы он к ней присоединился? Дала хотя бы знать...

Ветер приятно охлаждал разгоряченное тело, несмотря на то что сам по себе был сухим и горячим. А тело радовалось новым ощущениям. Может быть... Что ж, надо найти Дорис, и чем скорее, тем лучше. Оскар обулся, подошел к озеру, присел на корточки и вполголоса сообщил Надежде:

— Пойду поищу.

— Она выбрала ту же тропинку, что и Кевин с Рамонной. Идите. Думаю, она вам обрадуется.

Оскар выпрямился, посмотрел на росший на берегу платан. Внезапно у него слегка закружилась голова. Столько веток на фоне звезд! Каждая раскачивается в

своим собственном ритме, который зависит от того, насколько далеко она расположена от ствола... Ладно, еще один глоток текилы, и вперед. Поглядев под ноги, он увидел тропу так отчетливо, словно она была вымощена желтым кирпичом, и двинулся по ней в лес.

Том и Надежда сидели рядом, сняв маски и подставив лица ветру. Хэнк и Джоди по-прежнему что-то напевали, словно упорядочивая ночные звуки. Тому захотелось присоединиться к ним, и он произнес: «Аум». Песчаник под ногами был одновременно скользким и жестким, небо на востоке чуть посветлело — вставала луна. Хэнк и Джоди поднялись — небольшого роста мужчина, высокая женщина — и рука в руке направились к павильону, прихватив по дороге полотенца.

— Вот так, — проговорил Том и засмеялся. Телеэкран показывал посадочный модуль на каменистом дне кратера Эллада. — Диковинная инопланетная штучка.

— Именно это они сказали, когда вышли наружу?

— Нет, — покачал головой Том. — Это сказал я.

— Понятно, — кивнула Надежда. — Думаю, они изрекли нечто похожее. А почему бы нам не распить еще одну бутылку текилы? Мне она начинает нравиться.

— Неужели? — Том взял со стоявшего на берегу столика полную бутылку. — Признаться, у меня немножко шумит в голове.

— У меня тоже, если, конечно, мы говорим не о разных вещах. Замечательная штука, хоть и крепкая.

— Не так давно вы рассуждали иначе.

— Что было, то прошло. Знаете, я почему-то все сильнее мерзну. Наверно, пересидела...

— Можно подняться выше по течению. Там вода горячее.

— Если вы не против.

Надежда встала и мелкими, осторожными шажками направилась вверх по руслу ручья. Ее серебристые волосы словно светились в темноте, а благодаря стройной

фигуре она выглядела совсем молодой. Том моргнул, крепко стиснул в кулаке горлышко бутылки и последовал за Надеждой.

До чего же странно, когда вода теплее, чем воздух! Надежда скрылась за деревьями, лишь поблескивали иногда во мраке волосы. Том невольно вздрогнул, пораженный чудесным зрелищем: нагая женщина бредет ночью по воде, над которой поднимаются едва различимые струйки пара. По берегам ручья выстроились папоротники.

Добравшись до следующего озерца, Том увидел, что Надежда стоит у берега, по колена в воде и по пояс в пару. Над восточной стеной каньона показалась луна; привыкшим к темноте глазам ее свет почудился непереносимо ярким, однако они быстро приспособились, и луна стала обычной — бледной и тусклой.

— Вы были правы, — заметила Надежда, — здесь теплее.

— Отлично.

Они сели на бордюр, опустив в воду ноги. Ветер почти мгновенно высушил кожу, стало прохладно, и они соскользнули в озеро.

— Надеюсь, Оскар найдет Дорис, — сказала Надежда, забирая у Тома бутылку с текилой.

— Может быть.

— Во всяком случае, пускай попытается. — Она рассмехалась. — Какие, кстати, красивые тела!

— Да, особенно у Рамоны и Джоди.

— А у Кевина с Хэнком? — лукаво поинтересовалась женщина и пихнула Тома локтем в бок.

— Конечно-конечно.

— А у Габби, у Майка, Дорис и Оскара?

Том не выдержал и засмеялся.

— По правде говоря, все они кажутся мне не до конца сформировавшимися, — произнесла Надежда, придвигаясь поближе. — Как у подростков. По-настоящему красивое тело должно быть немножко другим. У них черес-

чур гладкая кожа, какая-то безжизненная. Не то что у вас, — прибавила она, ущипнув Тома за руку.

— Да, им не помешает пара-тройка морщин, — со смешком согласился Том. Ну и дела, подумалось ему, ну и дела. — Морщины добавляют характера.

— Чего-чего, а характера у меня в избытке. — Надежда усмехнулась.

— Взаимно.

— И потом, они почему-то не любят разноцветных волос.

— Вам хочется разнообразия? «Богатство даровал Господь...»

— Именно разнообразия. Или сундука с сокровищами. — Пальцы Надежды пробежались по его руке.

Том нащупал на дне песок, набрал горсть, написал им на груди Надежды свои инициалы.

— Т. Б. Неплохо, но непонятно. — Он заменил буквы пустыми квадратиками.

Надежда тоже набрала песку, разрисовала Тому лоб, скулы и щеки.

— Какой у вас грозный вид! Ни дать ни взять индейский воин.

— Улюлю! — Том, в свою очередь, разукрасил лицо Надежды, нанес на каждую щеку по две полоски. — Жуть!

— Готова поспорить, они и целоваться не умеют, — проговорила женщина и прильнула к Тому.

Когда поцелуй закончился, Барнард засмеялся.

— Да, — согласился он, — до такого им далеко.

Они продолжали рисовать на телах друг друга узоры, не забывая и о других развлечениях. То и дело звучали фразы вроде: «И этому их надо учить», «И этому», «И... вот... этому»...

При свете луны Том отчетливо видел Надежду, ее испещренное песчаными разводами теплое тело, по которому вдруг пробежала дрожь. Нагнулся, поцеловал сначала одну грудь, потом другую. На зубах заскрипел песок, однако Том не обратил на подобную мелочь ни

малейшего внимания. Шелест листвы, журчание воды, зависшая в небе половинка луны, яркие звезды, женское тело в его руках... Почему-то захотелось сравнить ребра, что прощупывались под кожей, со штакетинами забора.

Издали донесся лай койотов, удивительное глоссандо, которого не повторить ни одной собаке, — странно мелодичное, восторженное, полубезумное. Со стороны хижины долетел не то крик, не то стон; Надежда и Том переглянулись и засмеялись: все складывалось в причудливый узор, который возник совершенно неожиданно и вряд ли сможет возникнуть снова. Такое бывает раз в жизни и никогда больше не повторяется. Койоты продолжали лаять; заскрипели под ветром деревья; Надежда притянула Тома к себе.

Когда они вернулись к действительности, женщина улыбнулась.

— Мы с тобой всех их благословили.

Кевин с Рамоной, лошадь и орел, поднялись по каньону над источником и углубились во мрак ночного леса. Если тут где-то и была тропинка, они ее не заметили. Кевин улыбался: ему нравилось лавировать между деревьями, переступать через поваленные стволы. До чего же хорошо, что дует ветер — внутри все чуть ли не спеклось, лицо до сих пор в поту!

У разветвления каньона Кевин остановился. Рамона встала рядом, прижалась к нему. В детстве он облазил все окрестные каньоны и знал их как свои пять пальцев, но сейчас, в призрачном полумраке, никак не мог сосредоточиться и вспомнить, не мог сообразить, куда идти. Все понятно — лес, ночь... Скоро взойдет луна, тогда ориентироваться станет легче. А пока... Кевин свернул налево. В любом случае они не заблудятся, рано или поздно выберутся на гребень.

Идти стало немного тяжелее, словно они шагали по лестнице с изрядно выщербленными ступенями. Иногда

приходилось даже подтягиваться на руках. Наконец они выбрались на широкий гребень, что полого поднимался в направлении Седельной горы. Под ногами зашелестела палая листва, прикрывавшая голый песчаник. Кое-где росли чахлые дубки; если присмотреться, можно было различить редкие кустики полыни.

Небо на востоке посерело, затем стало снежно-белым. Взошла луна. Звезды мгновенно потускнели, небосвод приобрел пепельный оттенок, пролегли тени, и гребень словно преобразился. Кустики полыни напоминали теперь припавших к земле животных, дубки качались на ветру: казалось, они тянут к людям руки с длинными пальцами.

Внезапно на фоне луны — большой, яркой настолько, что можно было разглядеть и темную половину, — промелькнула тень. «Что такое?» — изумился Кевин. Тут он сообразил, что тень двигалась не по воздуху, а по гребню. И была не одна. Животные вскинули к небу узкие морды; несколько долгих секунд спустя донесся вой.

Койоты. «Быстро же они откликнулись на зов Хэн-ка», — прошептала Рамона. Ее шепот прозвучал на удивление таинственно; ночь балансировала на грани возможного, койоты тьякали то вместе, хором, то по отдельности. Кевин невольно вздрогнул, по спине побежали мурашки. Инстинктивно привлек к себе Рамону (шок прикосновения); они обнялись. Подобное в Эль-Модене среди друзей было в порядке вещей, однако ни Кевин, ни Рамона раньше не позволяли себе чего-то такого. Сейчас это произошло впервые. Они попятнулись, каждый в свою сторону, уставились друг на друга: даже в призрачном лунном свете Кевин видел, какая гладкая, прямо-таки бархатная у Рамоны кожа. Иссиня-черные волосы, поблескивающие в полумраке глаза... белые зубы, закусившие нижнюю губу, когда они поцеловались. Изнутри рвались звуки, похожие на восторженное

тявканье койотов. Первый поцелуй! Кровь в жилах Кевина преобразилась в нечто более кипучее, яростное, свободное. Его кровь стала ветром.

С Дорис все было иначе. Она шла, не разбирая дороги, вне себя от злости. Знала только, что шагает приблизительно в том же направлении, в каком ушли Кевин с Рамоной. Зачем она их преследует? Глупо, смешно, нелепо. Если бы Кевин был один, она бы догнала его и спросила — крикнула бы так, чтобы у него зазвенело в ушах: «Почему? Почему не я? Ведь мы много раз занимались любовью, были добрыми друзьями, жили по соседству столько лет, что и не сосчитать. Но ты никогда не смотрел на меня так, как смотришь на нее. Да, мы смеялись, развлекались, занимались любовью, вроде бы наслаждались жизнью, но частичка тебя все время была в каком-то другом месте. Со мной ты был не страстным любовником, а всего лишь хорошим другом». «Чтоб тебе пусто было!» — воскликнула Дорис. Естественно, за шумом ветра, который смутно напоминал звуки флейты, ее никто не услышал. У них с ветром и каньоном словно вдруг составилась заговор: они прикрывали, защищали друг друга. Поэтому никто посторонний не мог услышать слов Дорис, если, конечно, она не начнет кричать, а этого не будет. «Я не из тех, кто кричит. Да, я могу повысить голос, резко оборвать, осадить. Но истерик Дорис Накайма не закатывает. Ааа! — внезапно взвизгнула Дорис, тут же прижала к губам ладонь, укусила себя за палец, криво усмехнулась, шмыгнула носом. Сплюнула, размазала по щекам слезы. Как хорошо бежать по ночному лесу, врезаться в деревья, ломиться сквозь кусты! — Дурак! Ну да, Рамона высокая, красивая, умная и в постели, наверняка, хороша. Но чему она может тебя научить? Два сапога пара. Нет, не сапога. Два тупых башмака. На двоих у вас не больше ума, чем у камня на дороге. Теперь я понимаю, почему ты предпочел ее мне».

Очутившись у развилки, Дорис не раздумывая кинулась влево, вверх по крутому склону. Она атаковала склон столь решительно, словно тот был ее личным врагом. Должно быть, подумалось ей, ты просто перегрелась. Бормоча что-то себе под нос, женщина продралась сквозь кустарник; из-под ног у нее вспорхнули голуби. Далеко птицы не улетели, опустились на соседний куст. Дорис еще долго слышала их воркование. Она ловила запах полыни — аромат холмов и самого округа Ориндж. Здесь пахло полынью за много-много лет до появления людей, лабораторий, апельсинов и эвкалиптов. Дорис растерла между пальцами полынный стебелек, понюхала ладонь.

Почему-то ей вспомнился Хэнк с его идиотским ритуалом. Она пробормотала: «Аум». Эти холмы принадлежат ей, что бы там ни утверждали остальные.

Дорис поднялась на гребень в тот самый миг, когда койоты затянули свою безумную песню. Различив в полумраке человеческие фигуры, женщина юркнула в кусты, испугавшись, что Кевин с Рамоной подумают, будто она за ними шпионит. Всякие мысли насчет того, чтобы застать Кевина одного, мгновенно куда-то исчезли. Наконец она рискнула пошевелиться, выглянула из-за куста — и увидела, как они обнялись и поцеловались: стройные силуэты на фоне неба, словно вышивка в стиле девятнадцатого века — серебро на черном — под названием «Влюбленные». Дорис вскочила и, не обращая внимания на шум и треск, что сопровождали ее движения, бросилась вниз.

— Что это было? — спросила Рамона, отодвигаясь от Кевина.

— Что?

— Ты не слышал? Мне показалось, я заметила краем глаза какое-то движение. В той стороне, откуда мы пришли.

— Очередной койот.

— Слишком большой для койота.

— Гм-м...

Кевину вдруг вспомнилась тень, которую он видел в ночь после первого заседания нового городского Совета. Странно, очень странно... Поговаривают, будто в горах Санта-Ана вновь появились пумы; правда, ему до сих пор ни одна не попадалась. Вряд ли пума подошла бы так близко к людям, и потом, они, как правило, не спускаются на равнину... В любом случае при Рамоне ни о чем таком упоминать не надо, не стоит портить ночь.

— Может, это пума? — задумчиво произнесла Рамона.

— Нет. — Кевин кашлянул. — По крайней мере мне так не кажется.

Неожиданно почудилось, будто в тьяканье койотов можно разобрать слова: «Ну и зря! Ну и зря!»

— Давай спустимся в другой каньон, — предложила Рамона.

Кевин утвердительно кивнул. Они двинулись по гребню, обходя редкие деревья; вскоре луна уже светила им в спины, а впереди скользили длинные, густые тени. Ветер ерошил волосы, приятно охлаждал лица. Они часто останавливались и целовались, и каждый поцелуй был продолжительнее и неистовее предыдущего и заключал в себе целый мир.

Справа, в той стороне, где прятались во мраке горячие источники, можно было разглядеть неглубокий и довольно широкий каньон.

— Смотри! — воскликнула Рамона. На дне каньона виднелось несколько платанов, самый высокий из которых напоминал часового, что охраняет каньон; с его ветки свисало нечто вроде лианы. — Качели! Это Качельный каньон!

— Угу, — подтвердил Кевин. — Теперь я знаю, где мы.

— Пошли покачаемся, — проговорила Рамона, оглянувшись на него с лукавой девичьей улыбкой.

Спустившись в каньон, они обнаружили, что качели остались точно такими же, какими запомнились с детства: толстая веревка, привязанная к ветке на достаточ-

ном удалении от могучего ствола. Дно каньона шло под уклон, и можно было схватить веревку за узел на конце, разбежаться и прыгнуть, а там, если будет желание, встать на деревянную поперечину, что располагалась чуть выше узла. А потом — взмыть по дуге над землей, над деревьями и кустарником...

Они качались по очереди. Кевин наслаждался полетом, вкусом поцелуев на губах, прикосновениями — в те моменты, когда они останавливали качели и помогали друг другу слезть. Ветер, призрачный свет, длинные тени... Он будто утрачивал вес, сбрасывал с себя некое бремя, давившее прежде на плечи, мало-помалу преодолел притяжение Земли. Ветер дул в спину, словно подгоняя, помогая достичь звезд; когда же качели начинали двигаться обратно, до чего же здорово было раскинуть руки, прыгнуть, не ощущая в теле никакого веса, и очутиться, приземлившись, в крепких руках Рамоны.

Они словно присоединились к тем, кто высадился на Марсе, и летали сейчас при силе тяжести в две пятых той, к которой привыкли с детства.

— Кевин, — выдохнула Рамона после очередного полета, — мы можем качаться вместе. Нужно всего-навсего встать с разных сторон доски. — Они снова поцеловались; руки жадно ласкали тела. — Как думаешь, получится?

— Наверняка! Давай попробуем.

Кевин схватился за веревку, Рамона взялась немного выше. Они разбежались, а когда оторвались от земли, взобрались на доску, которая так и норовила вырваться из-под ног. Наконец им удалось обрести равновесие. Стоя лицом к лицу на доске, летящей сквозь ночь, обдуваемой сухим, горячим ветром, они поцеловались. Языки говорили между собой на, если допустимо такое выражение, наречии прикосновений, куда более выразительном, нежели обыкновенные слова; Кевину показалось, он рискует навсегда забыть речь. Рамона засмеялась, плотнее прижалась к нему. Доска медленно вращалась. «Ты помнишь, как мы с тобой целовались в третьем

классе на заднем дворе школы?» — прошептала она. Кевин изумленно помотал головой. Неужели это было на самом деле? Рамона поцеловала его в ухо, пощекотала языком. По телу Кевина словно пробежал электрический разряд, и он едва не свалился с доски. Положил руки ей на ягодицы; Рамона прижималась все сильнее. «Я хочу расцеловать тебя всего!» Она расстегнула ширинку на брюках Кевина, сунула руку внутрь, крепко сжала; Кевин даже задохнулся от неожиданности и боли. Рамона скинула с себя белье, которое улетело в ночь. Лишенные веса, они целовались на вращающейся доске, парили, точно пух одуванчика...

— С возвращением, — сказал Кевин. Они соскользнули с качелей, выпустили из рук веревку, повалились наземь. Внезапно Кевин обнаружил, что белье Рамоны на месте, как, впрочем, и его собственное. Что за шутки? Мысли опережают действия... Зато какое наслаждение погладить ее по упругому бедру, оттянуть резинку... Раздевание по второму кругу? А что, неплохая идея. В конце концов, мало что сравнится с удовольствием, какое любовники получают, раздевая друг друга: расстегивают пуговицы, срывают одежды, освобождают естество. Обнаженные, внутри мы по-прежнему одеты, однако буйство плоти, что вибрирует под твоими ладонями, жажда близости, магия прикосновения (кожа к коже, тело к телу) уничтожают покровы без следа. Проникнуть в нее, стать мужской частью нового существа, что возникло из двоих людей, ощутить себя поглощенным женской половиной...

Кевин поднял голову. Веревка лениво раскачивалась на ветру, время от времени задевая барвинок, которым порос ствол платана. Лепестки и целые цветки взмывали в воздух и мягко планировали на землю, падали вокруг, опускались на лицо Рамоны (глаза зажмурены, рот приоткрыт, словно она чему-то удивляется), щекотали ему спину, накрывали их волшебным одеялом. Он увидел возле дерева черную пуму, которая прыгнула на ниж-

ную ветку, улеглась, свесив лапы, и уставилась на них громадными, как плоски, глазами; животное негромко урчало, звук напоминал шорох прибоя. Это урчание окутывало ночь заодно с шелестом ветра, пронизывало насквозь тело, увлекало в забвение, в вечное «сейчас». Мир поплыл перед глазами Кевина...

Оскар почти сразу сбился с тропинки, чуть было не свалился в источник, но отделался тем, что обжег колено. По лицу хлестнули ветки. Он зачарованно уставился на бурлящую поверхность озера: казалось, на дне лежит шланг, из которого бьет струя воды. Так странно.... Пустынное побережье, кругом сплошные скалы, и на тебе — столько воды. Причем жутко горячей. Впрочем, ничего удивительного, если вспомнить, чему учили в колледже — сколько, оказывается, надо всего знать, чтобы разбираться в законах! Прошло много лет, а то, что говорила на занятиях насчет подземных вод Салли, до сих пор сидит в памяти. У него под ногами древние холмы, сквозь пористый камень которых вода проникает без малейшего труда. Таким образом, почва здесь достаточно влажная — на глубину в несколько футов (или несколько сот — зависит от рельефа местности). Вода течет под землей по многочисленным тайным руслам, иногда поднимаясь к поверхности. К примеру, тут, где она выходит через трещину в скале. Водопад наоборот. А горячая она потому, что недра планеты согревают ее своим теплом. Господи Боже, неужели под землей и впрямь так жарко? Ну да, толщина земной коры составляет от силы десяток километров, а расстояние между ней и ядром — сотни миль. Получается, он стоит на кипящей лаве, от которой его отделяет нечто вроде тонкого слоя алюминиевой фольги.

Оскар опустил в источник ладонь; вода обожгла пальцы, и он торопливо отдернул руку, а затем, опасливо поглядывая на струйки пара, которые вдруг начали слабо светиться розовым, побрел вверх по каньону, размышляя

о Пеллюсидаре*, что бурлил под ногами: перед мысленным взором прокурора возникали призрачные видения — ярко-желтые потоки расплавленного металла... Правда, если рассуждать по-научному, в действительности он шагал по камням, которые с точки зрения геологии не были ни жидкими, ни твердыми. Ничтожное изменение гравитационного или магнитного поля — и ночь взорвется заодно с планетой. Каково жить на свете тому, кто осведомлен о возможности подобного исхода?

В лесу было темным-темно. Оскар то и дело натывался на ветки, которые так и норовили ёго исцарапать. Интересно, как ориентируются в такой темноте остальные? Он постоянно наступал на что-то мягкое, отчего к горлу всякий раз подкатывала тошнота. До чего же плохо без фонаря. Однажды он гостил у приятеля в Виргинии, и тот повел Оскара на экскурсию в одну из пещер горы Шенандоа; в один прекрасный момент ему вздумалось выключить фонарик, чтобы гость на собственном опыте убедился, что означает полное отсутствие света. Мрак полностью соответствовал выражению «хоть выколи глаз» — черная, непроницаемая пелена.

Сейчас все было несколько иначе. Сквозь листву над головой проглядывали звезды, на западе сверкала над горизонтом искорка солнечной батареи, похожая на далекий уличный фонарь. Какой-никакой, а свет. Любопытно, сколько свечей в звезде? Прикинем: считается, что зажженную свечу можно разглядеть с расстояния около восьми миль. В детстве они пытались проверить правильность этого мнения: отправились в пустыню, зажгли свечу, и один из них пошел прочь, чтобы установить, на каком именно удалении перестанет различать свет. Кажется, восьми миль там не было и в помине. Кстати, а что вообще мешает видеть свет? Что встает у него на пути? Оскар вдруг живо представил себе, как

* Мир внутри Земли, созданный воображением американского писателя Э. Берроуза (1875—1950).

бродит по пустыне мальчишка, стараясь отыскать в темноте тусклый огонек...

Если поднести к лицу ладонь, можно пересчитать пальцы. Жуть! Во мраке рука напоминает черного осьминога. А что впереди? Что это за черные тени, чуть более светлые, чем фон, на котором они проступают? Того и гляди врежешься в дерево. Ну вот, пожалуйста, что и требовалось доказать. В конце концов Оскар решил уподобиться лунатику и идти, выставив перед собой руки.

Ничего не видно, зато сколько всего слышно! Шелест ветра, иногда переходящий в протяжный вой; шуршание листвы, плеск воды — и множество других звуков, гораздо более отчетливых... Скрип ветвей (эвкалипты любят поскрипеть, весьма разговорчивые деревья), непонятные шорохи в траве... Оскар стал двигаться еще осторожнее. Очевидно, при его приближении разбегались в разные стороны ночные животные — как люди в японских фильмах про Годзиллу. Может быть, среди них найдутся экземпляры, вооруженные чем-нибудь вроде змеиного яда. Поэтому спешить не стоит. Дадим им время спрятаться.

Чуть погода он пошел быстрее. Гремучие змеи наверняка дрыхнут, а опасны во всей округе они одни. Может быть. Во всяком случае, надо поторапливаться. А чтобы обезопасить себя от возможных неприятностей, следует производить побольше шума. Оскар подобрал с земли палку и принялся размахивать ею, время от времени попадая по деревьям. Замечательно. Ему вспомнился рассказ знакомого: тот шел детской ночью по берегу озера в Восточном Техасе, постоянно слышал чмокающий звук, и наконец до него дошло, что он давит спящих под ногами лягушек. Такие дела. В темноте лучше всего двигаться на ощупь и ориентироваться по звукам.

Оскар уперся в каменную стену. Похоже, здесь развилка. Он свернул направо, и вскоре ему пришлось продираться сквозь кусты, карабкаясь вверх по склону. Среди кустов изредка попадалась некая разновидность юкки

с острыми, точно бритва, листьями. Ее следовало всячески избегать. Если вдуматься, он сваял изрядного дурака. Куда лезет? Что рассчитывает найти? Ясно ведь, что никому другому просто не придет в голову изображать из себя бульдозер.

Тем не менее Оскар продолжал сражаться с кустарником. Те, кто путешествует в одиночку, получают очень важное преимущество перед теми, кто направляется куда-то вдвоем или в более многочисленной компании: можно не стесняясь вытворять невероятные глупости. Толокнянка? Мескистовое дерево? Какая разница, главное, что тут не поможет и палка. Ветки будто железные. Ладно, обойдем. Пускай его заставляет идти дальше ослиное упрямство, он не остановится, пока не достигнет цели. Конечно, уже двадцать раз можно было бы повернуться и пойти обратно, к источнику, но зачем? Раз вышел на дорогу — иди. По инерции. Следуй обезумевшему гироскопу духа. Оскару вспомнилось, как они с приятелями пытались когда-то оценивать всех знакомых по трем параметрам — безумности, шарму и удачливости, причем по шкале от единицы до десяти для каждой категории; он единственный удостоился трех десятков. Хорошие были друзья. Но сейчас безумие явно перевалило за сотню.

Бей, ломай, круши! Честно говоря, чем не жизнь — блуждать в гордом одиночестве во мраке, продираться, размахивая палкой, сквозь стальной кустарник высотой по колено, а то и в человеческий рост? Великолепная аллегория. Осел в джунглях.

Взошла луна, и местность волшебным образом изменилась. Каньон словно наполнился густым, полупрозрачным белым сиропом, на фоне которого стали отчетливо различимы все деревья. Своего рода черно-белая фотография моря или заснеженного леса — или чего-то еще. Эвкалипты лениво покачивали листьями, поскрипывали на ветру, а прямо перед Оскаром возвышалось пыльное деревце, почему-то напомнившее прокурору бак-

терию под микроскопом. Бациллус дубовус. Дуб означает мужество. «Мужества ему не занимать», — сказал Хэнк, рекомендуя Оскара на должность городского прокурора. Интересно, неужели в каждом городе перед тем, как назначать прокурора, советуются с таким вот Хэнком? Чудеса да и только. По земле стелились тени, пускавшие порой в призрачный пляс. Оскар видел ровно настолько, чтобы заметить, что все вокруг движется. А ветер не слишком ведь сильный... Тягучий лунный свет, аромат полыни...

Сама луна казалась ослепительно белой, испещренной бесчисленными метками. Кролик мешает в миске рис, говорят китайцы. У луны, как и у него, Оскара, есть свое лицо. Сестра луна. Стоит наклонить голову вправо — и пожалуйста: видны длинные, отведенные назад кроличьи уши. Миска риса — а может быть, тарелка пудинга. Но кролик вот он, смотрит вниз, на Землю.

Зашелестела листва, ветер принес издалека звук, похожий на стон терзаемой адскими муками души. Такой звук получается, если подуть через дырку в камне... Жуть. Внезапно слева кольхнулись тени, и Оскару почудилось — луна словно придавала остроту его зрению, — он заметил среди деревьев какое-то движение. Точно! Кто это там, такой большой?..

Мчится прямо на него!

— Эй! — воскликнул Оскар, машинально выставляя вперед руки.

— Ааа! — Существо с воплем отпрыгнуло назад.

— Дорис! — Оскар опомнился первым. — Извините меня...

— Что?!

— Это я!

— Кто? — Ее голос выражал страх и злость.

— Оскар. Помните, мы вместе купались...

— Не смейте надо мной шутить! — крикнула она. Провела ладонью по лицу. Похоже, ее разозлило вовсе не

внезапное появление Оскара. — Почему вы следите за мной?

— Ничего подобного! Я... — С языка рвалась дюжина объяснений. Следовало решить, какое лучше всего соответствует настроению Дорис. — Я просто пошел погулять. Подумал, что, если мы встретимся, вдвоем нам будет веселее...

— Мне никто не нужен! Слышите? Оставьте меня в покое! — С этими словами Дорис пробежала мимо Оскара и ринулась напролом через кусты.

Он глядел ей вслед, пораженный ненавистью, прозвучавшей в голосе женщины. В ушах отдавался стук сердца, доносившийся словно из-под земли. Обидно, черт возьми! Взяла и все испортила. Между прочим, так не честно. Впрочем, Оскар быстро справился со своими чувствами.

— Что ж, — произнес он голосом Джона Уэйна, — сдается мне, лезть на гору придется одному. — И двинулся дальше, разговаривая сам с собой голосами всех киноактеров, каких только помнил. — Жуткие заросли, верно, капитан? Верно, сынок, но они закрывают нас от индейцев. Попадись мы пайютам, нам не миновать космических ястребов.

Склон стал круче, и Оскару пришлось опуститься на четвереньки, чтобы пробраться под переплетением ветвей, а затем и вовсе лечь на живот и ползти, не обращая внимания на грязь — сухую, чистую грязь, что забивалась под рубашку. Аромат полыни стал настолько сильным, что ему показалось: вдохни — и задохнешься. Эй, капитан, должно быть, кто-то уронил мешок с пряностями.

Наконец он выбрался на залитый лунным светом гребень. Глазам предстал монохромный пейзаж: волны костлявых серых холмов накатывались на Седельную гору. Между ними черными провалами зияли каньоны. Луну окутывало облако белого света, которое заслоняло собой звезды. Кое-где виднелись макушки деревьев, такие черные виселицы на развалинах старинных домов. Ветер

задул сильнее. Внезапно Оскар уловил краем глаза какое-то движение.

Он повернулся в ту сторону, ничего не увидел, однако был уверен, что ему не померещилось. Неужели вернулась Дорис? Решила, что обошлась с ним недостаточно круто? Или же — глупо, конечно, даже надеяться — собралась извиниться? «Дорис?» Надежда умерла, едва родившись. Не глупи, Оскар. Помимо всего прочего...

Вот оно, снова! Меж кустов промелькнула тень. Серая тень в лунном свете.

Животное.

Издали донеслось диковинное тьяканье, сопровождаемое тонким воем — своего рода тирольский распев. Похоже на тот звук, который он принял за стон... Волки?

— Не может быть, Джонс, — прошептал Оскар. — Волков прикончили еще во времена молодости моего дедушки.

Как бы то ни было, он поспешно взобрался повыше. Оттуда наверняка лучше видно. Черт, как не вовремя разболелась нога! Гребень венчали несколько взгромоздившихся друг на друга валунов, которые словно тянулись к небу. Неплохое убежище — и отличный наблюдательный пункт.

Но добраться до камней оказалось не так-то просто. Лавируя между деревьями и кустами, Оскар чуть было не свалился с гребня. Потом в него буквально вцепился розовый куст, распускающиеся цветки которого выглядели в полумраке светло-серыми, но, когда Оскар начал вырываться, они дружно раскрылись, стали опадать, явив взгляду свой истинный, желтый цвет, различимый даже на фоне черно-белого мира. Перепуганный прокурор рванул из всех сил, освободился, кинулся наверх, споткнулся и упал. Две лежавшие на земле сросшиеся ветки проскрипели: «Берегись! Берегись!» Он подобрал их, обломал сучки, превратил в деревянный меч. А за спиной мелькали черные тени с ярко горящими во тьме глазами, скользили над землей, точно ртуть по стеклу.

Оскар выкарабкался на открытое место, увидел валуны, что образовывали почти правильный круг. Десятка два, наверное, все черные, как их собственные тени. Один из валунов пошевелился, забил крыльями, беззвучно взмыл в воздух. Должно быть, сова.

Неожиданно пик, к которому он стремился, показался Оскару ловушкой, западней, из которой уже не вырваться. Ужаснувшись этой мысли, Оскар развернулся и побежал вниз. Влетел во мрак под деревьями и рухнул наземь. Тело пронзила боль, ладони горели. Над ним возвышалось темное дерево, размахивающее шишковатыми ветвями, словно пытаясь схватить человека. Костлявые пальцы. «Что есть у тебя? — пропел он про себя. — Костля-а-а-вые пальцы». Он откатился в сторону. Хрустнули ветки, зашуршала палая листва. Темно. В темноте тускло светилось кольцо грибов, похожее на кольцо каменной наверху. Розовый куст... Оскара вновь захлестнул ужас. Он вскочил и помчался прочь.

Местность стала ровнее. Лужайка под сенью эвкалиптов. Деревья роняют с ветвей гербицид, который уничтожает на лужайке все живое кроме них самих. Идти легко и приятно. Вдруг возле ног замелькали призрачно-белые тени. Оскар испуганно вскрикнул. Тени, светившиеся, будто грибы, недовольно загоготали. Утки? Нет, те поменьше. Гуси! Оскар облегченно расхохотался, а птицы, продолжая гоготать, принялись щипать его за икры.

Гусей было штук десять. Нетерпеливо гогоча, они устремились в ночь, и Оскар последовал за ними. Налево, вверх по пологому склону, к стене каньона, над которой виднеется небо. Еще выше. Куда ни посмотри, повсюду видны макушки деревьев. Океан крон. Гуси вывели Оскара на широкий, усыпанный серебристым песком уступ. Послышалось знакомое тьяканье, птицы вновь загоготали — и спрятались за человека, словно прося у того защиты. На краю уступа возникли тени с длинными, как у лисы, хвостами. Гуси и лисы! Птицы дружно зашипели на хищников. Нет, не лисы — койоты. Гуси и койоты, причем последние действуют точно ов-

чарки, что собирают в стадо разбредшихся по лугу овец. Овцы похожи на гусей, только гуси гораздо умнее.

Койоты вынудили Оскара заодно с гусями отступить к стене каньона. В песке сверкали крупницы слюды; гуси, похожие на комки ваты, бегали по нему с жалобными криками, время от времени поворачивались к койотам и высказывали все, что о них думают, весьма выразительно и эмоционально. По крайней мере Оскар, дышавший, как загнанная лошадь, прекрасно их понимал. Что касается койотов, те говорили на совершенно незнакомом языке. Лай животных походил на звуки, издаваемые электрогитарой. Как это у них получается?

Гуси понемногу успокоились, завозились в песке, принялись вычищать клювами перья, выгибая шеи под самыми невероятными углами. Толика внимания досталась и койотам, что разлеглись среди птиц, внимательно наблюдая за происходящим. Оскар тяжело опустился на песок, скрестил ноги. Подошедший койот улегся так, что уперся спиной в спину человеку. Оскар понял, что засыпает, что уже не в силах разглядеть ничего, кроме плывущих перед глазами белых пятен. Луна куда-то пропала, однако света было вполне достаточно: светились гуси. Койот, который прижимался к Оскару, тяжело вздохнул и тихонько, по-собачьи, тявкнул: дескать, до чего же удобно. Из полумрака возникло еще двое или трое животных, которые, судя по всему, слышали тьяканье. Ветер заполнил легкие Оскара, и прокурор даже испугался, что либо вот-вот взорвется, либо воспарит над землей большим воздушным шаром. В глазах ощущалась резь, нос, похоже, был плотно забит. Он выпустил воздух через рот, пытаясь избавиться от засевшего в легких ветра. Койот кончиком хвоста пощекотал ему лодыжку. Оскар внезапно преисполнился блаженства, стал артезианской скважиной удовлетворенности. На свете нет ничего мягче гусиных перьев. Когда они всем довольны, гуси щелкают клювами... Оскар лег на бок, чувствуя, как тело заполняется подземной водой, которая размывает мышцы. Нечто подобное он ощущал в

детстве, пятилетним ребенком, когда однажды ночью увидел на полу комнаты тень дерева, что росло за окном. Тогда он понял, насколько велик и многообразен мир, понял, что все в мире имеет значение. Это ощущение заставляет человека дышать глубоко и ритмично, раз-два, раз-два. Гуси спят, засунув голову под крыло...

Оскар проснулся — нет, очнулся, ибо не спал, а погрузился в забытие, где все было настолько ярким и живым, что, открыв глаза, он словно шагнул из действительности в некий призрачный мир. Очнулся и обнаружил, что лежит на песке. В памяти запечатлелись ночные блуждания, стая гусей, пастухи-койоты. Однако сейчас на уступе никого не было, хотя на песке виднелись многочисленные отпечатки лап.

Застонав, он кое-как сел. Небо было того же цвета, что его жемчужно-серый костюм; затянутое облаками, в разрывах между которыми, будто напоминая о том, что на самом деле небосвод — хрустальный купол, поблескивали звезды, оно нависало над землей. Близился рассвет. Красок по-прежнему не наблюдалось, лишь миллионы, миллиарды оттенков серого. Там, где песок заканчивался, росла какая-то колючая трава. В каньоне запела птица, ее тут же поддержали другие.

Оскар кряхтя поднялся, слез с уступа. Как... Мысль ушла, не успев оформиться. События ночи опустошили мозг. Слава Богу, хоть легкие освободились от ветра. На душе было тихо и спокойно. Вокруг, точно высокие, молчаливые святые, стояли деревья. Оскар пошел куда понесли ноги. Рано или поздно он выйдет к людям. Время от времени ему казалось, что он все еще спит; в обратном не мог убедить даже ушибленный палец. Тепло, хорошо...

В том месте, где каньон соединялся с другим, который был гораздо шире и протяженнее, Оскар наткнулся на огромный платан. В его ветвях, нахохлившись, спали вороны. Исполинское древнее дерево, больше чем наполовину мертвое, начисто лишённое листвы, если не считать одного-единственного побега, и буквально унизанное неподвижными черными птицами.

— Минуточку, — проговорил Оскар. Ущипнул себя за руку. Нет, он не спит. Никаких сомнений. Рассвет в каньоне в горах Санта-Ана. И так, он не спит, но почему тогда... Впрочем, ничего удивительного. Ворон хватает и в городе, там они тоже собираются в стаи. Горластые птицы, пернатые чудовища, такие крылатые татаро-монголы, способные добиться чего угодно... Ему доводилось видеть, как стая ворон садится на дерево (причем птицы садились далеко не на всякое дерево, нет, у них имелись излюбленные места). То было нечто вроде обязательного ритуала на пути к ночлегу. То есть сюда. И вот теперь вороны мирно спят на кривых ветвях древнего платана, диковинные черные плоды на фоне серого неба. Кажется, светает. Во всяком случае, листья на молодом побеге слегка позеленели.

Оскар глубоко вздохнул, покачал головой, чувствуя себя совершенно выбитым из колеи. Он знал, что не спит, почти трезв и мыслит более или менее здраво, однако никак не мог постичь, какой же смысл скрывается за этим невероятным, неповторимым зрелищем.

Осенней идеей, он приблизился к дереву, встал, широко расставив ноги, поднял голову, взмахнул руками и крикнул:

— Эй!

Дерево буквально взорвалось птицами! Бешено хлопая крыльями, вороны взмыли в небо — черные тени на фоне изящного узора голых серых ветвей. Стая покружилась над деревом, а затем устремилась на запад. Причудливой формы облако крылатых черных теней... Оскар застыл как вкопанный, глядя им вслед с разинутым от удивления ртом.

Глава 7

Последняя неделя протекала, будто в ночном кошмаре. Не успел сесть в аэропорту Даллес, как сразу был задержан Иммиграционной службой по списку обвиняемых

в нарушении Акта Хайеса—Грина. Видимо, о моем приезде сообщили из правительственных учреждений Швейцарии. Номер рейса и все остальное.

— Да как вы смеете?! — кричал я на раздувшегося от спеси чиновника. — Я гражданин Америки! Никаких законов не нарушал.

Мне бы высказать свои оправдания не столь замысловато и человеческим языком, без шума; но все, накопившееся за прошедшее время и загнанное внутрь, вырвалось по пустяковому поводу. Облегчить душу и разрядиться, конечно, очень здорово, но сейчас это было ошибкой, потому что чиновник сразу меня невзлюбил.

— Подпадаете под статью о пропаганде свержения правительства Соединенных Штатов.

— Что вы такое говорите?.. Я никогда не занимался ничем подобным!

— А членство в движении «Калифорнийские юристы за охрану окружающей среды»? И еще — работа в организации «Американские социалисты за легальные действия»?

— Что в этом противозаконного? Мы никогда не призывали никого свергать, лишь ратовали за перемены.

Чиновник презрительно усмехнулся. «Поймали голубчика», — прочел я в его ненавидящем взгляде. Да, он меня буквально ненавидел.

Я затребовал адвоката, но, пока тот еще не прибыл, меня прогнали через «психичку» и взяли пробу крови. Велели дать подписку о невыезде. А назавтра сообщили, что обнаружена положительная реакция на вирус HIV. Я убежден, что это вранье — в Швейцарии проверяют иностранцев каждые четыре месяца, и там не возникало никаких вопросов. Я так и сказал надутому чиновнику, а мне велели оставаться на месте, пока не будут закончены все анализы. Задержали багаж. Если результаты окажутся положительными, посадят на карантин.

Адвокат сообщил, что в настоящее время закон, о котором упоминал чиновник Иммиграционной службы, оспаривается в правительстве и может быть отозван. Тем временем я поселился в мотеле неподалеку от конторы моего адвоката. Говорил с Памелой, она предложила послать Лидди за кем-нибудь из округа Ориндж, чтобы мне побыстрее распутаться со здешними крючкотворами. Посадил Лидди на самолет; бедняжка убивается о Памеле и обо мне. Результатов анализа осталось ждать еще два дня.

Работать! Не прекращать труд. Местная библиотека, старинная ручная пишмашинка. Книга насмехается надо мной: «Как ты, червяк недодавленный, вздумал замахнуться на такое?» Но я все равно работаю. В известном смысле, это единственное, что мне осталось.

Меня продолжает волновать история подобных проблем. Не личных невзгод, конечно, нет. И тем более не моих собственных. Экономическая депрессия, война, СПИД. Страшно. И с каждым разом все становится хуже и хуже. Через двенадцать лет после начала тысячелетия... Может быть, автор Апокалипсиса немного напутал в цифрах? Может быть, до конца света осталось совсем немного?

Иногда я читаю написанное с горечью — для них все так легко. Если бы я мог быть рассказчиком, который, расположившись в кресле, холодно, иронично и беспристрастно описывает частную жизнь своих героев, потому что жизнь эта — важна! Когда жизнь человека важна — это и есть утопия. Я представляю такого писателя, усевшегося на лесистой вершине холма в округе Ориндж. Он сидит за столом под сенью оливкового дерева и смотрит вниз на заросшую садами равнину и на Тихий океан, сверкающий вдали солнечными блестками. Или — вижу его на Марсе (а почему нет?), строчащего хроники рождения нового мира, вырастающего из остатков того здорового, что еще сохранилось на старушке Земле, — там,

где сам я завяз в 2012 году с предписанием не покидать округа, как выразился шериф. Между мной и моей женой — океан, между мной и моей дочерью — континент, и жизни наши ни для кого не важны, никому не интересны.

Шли дни, но Кевин так и не приходил в свое прежнее, равновесное состояние. В конце той недели Кевин смотрел новости о высадке на Марс, и неожиданно до него дошло, что он никогда не вернется в себя — того, каким был раньше. Эта мысль напугала его, болезненно обеспокоила.

Не то чтобы Кевин не был счастлив. При воспоминании о ночи на холмах и о Рамоне ему становилось легче, психологически легче, особенно когда он работал или плавал. Радость победы над гравитацией, как будто это она оказывала прямое противодействие. Несколько экстравагантный оборот речи «прогулки по воздуху» являлся, пожалуй, самым точным определением реальности, в которой сейчас существовал Кевин. Удивительно...

Но то была очень странная ночь. Похожая на сон. Части этого сна ускользали из памяти, как только он сосредотачивался на других деталях. Кевин вообще боялся думать о чем-либо, чтобы не потерять свежесть ощущения той ночи.

Когда он вновь увидел Рамону — в раскопе на вскрытом перекрестке, — сердце его подпрыгнуло и он поспешно спрятал глаза. А она — помнит ли она?.. И вообще, было ли это на самом деле или нет?

Когда Кевин все-таки навел норовящий уползти в сторону взгляд на разрытую яму, первое, что он увидел, — улыбка Рамоны. Черные глаза ее светили Кевину двумя маяками бухты радости. Она помнила! И если то был лишь сон, выходит, снился он им обоим.

Кевин ощутил легкость совершенно необыкновенную; вонзая кирку во взломанный асфальт, он всякий

раз ожидал, что от толчка взлетит в воздух, словно детский шарик.

Да, он действительно любил — без конца и без края. Впервые в жизни. Вот уж приподнился! Большинство нормальных людей впервые знакомятся с этой штукой, когда им нет и двадцати. Первая любовь — побочный продукт силы, брызжущей из молодого организма, силы прорастания; вот юное существо и влюбляется, не тратя лишнего времени на выбор и поиски, в кого-либо из школьных знакомых, причем вовсе не из-за его (ее) необычайных достоинств, а просто по причине непреодолимого стремления любить. Юношеская влюбленность — один из этапов созревания души. Но, хоть истинные качества любимого не играют большой роли, это не значит, что первая любовь — чувство преходящее или слабое. Наоборот, вследствие своей новизны, наверное, оно переживается с особой остротой. Большинство взрослых забывает о первой любви в водовороте событий, куда их окунула жизнь; а может быть, они просто не желают вспоминать моменты (или годы), когда их поведение — так они теперь это понимают — было сплошной глупостью, неловкостью и стыдом... Достаточно часто наша первая любовь угловата, направлена на совсем неподходящий объект или же как-то бедно и коряво выражена, и почти никогда не бывает награждена взаимностью; словом — лучше о ней не вспоминать. Но наберитесь храбрости обратиться взглядом в то время — и вы опять почувствуете всепобеждающую мощь своего первого чувства. Мало после него случается событий, заставляющих ощутить, что вы не просто существуете на свете, а живете — полно, ярко, ощущая счастье, испытывая боль.

Герою нашему, однако, не пришлось влюбиться в юности. Да и позже, если говорить честно, любовь его не посещала. Желание никогда не разливало огонь по жилам Кевина Клейборна; ни одна из встреч не вдохновила Кевина на сильное чувство. Кевин шел по жизни, беря понемногу из колодца плотской любви, но что-то он

упускал. Таково было его смутное ощущение. Сердитые попытки Дорис сказать ему об этом несколько лет назад насторожили сердце Кевина — оказывается, кто-то чувствует то, что Кевин не в силах ощутить... Кевин тогда очень смутился душой — ведь он тоже любил. А что, разве нет? Он многих любил: Дорис, друзей, семью, соседей, ребят из софтбольной команды. Но это, похоже, совсем не та любовь.

Так или иначе, но связь Кевина с Дорис прекратилась, почти не успев начаться. И вот теперь, когда Кевин впервые испытал романтическую любовь, он был изрядным переростком. Возраст за три десятка, годы работы — и дома, и вдали от него, тысячи знакомств. Чувство его не являлось запоздало стусившимся до реальной плотности детским желанием любить кого-нибудь. Не было оно и просто порывом души, хотя, без сомнения, движения в Кевине, в самом его духе, происходили. Душа человека всегда изменяется, пусть даже и с примороженной медлительностью.

Рамона воплощала в себе самые прекрасные женские черты, каковые когда-то и где-то впечатались в душу Кевина. Рамона Санчес, его друг. И когда неожиданно она стала свободна и обратила на него свое внимание — вернее, обратила к нему свои чувства, — вот тут душа Кевина показала себя, как тот аляскинский ледник, что полз себе, прибавляя по одному метру за столетие, а в один прекрасный год прыгнул сразу на сотню, перекрыв своим языком бухту.

Удивительная штука влюбленность. Любовь изменила все. Когда Кевин работал, любовь давала ему дополнительное, чувственное, что ли, удовлетворение от работы; он спешил трудиться. Когда Кевин был дома, любовь давала ему качества хорошего соседа и друга. Люди отдыхали душой рядом с ним; проводить с Кевином время было просто приятно. С ним можно было поговорить. Правда, это и раньше не представляло больших трудностей, но теперь Кевин гораздо охотнее отдавался беседе.

В бассейне он плавал теперь, как чемпион, летя по воде, словно по воздуху. Кевин любил выкладываться. Да и в мяч он стал играть лучше прежнего. Это была полоса побед, и ширилась она как будто без усилий с его стороны. Просто все происходило само собой. Наконец очередь дошла и до софтбола. Скрытый удар, отличное чувство игры, мощный напор на линии — все эти таланты с неизбежностью постигли нашего влюбленного. Теперь он делал сорок три из сорока трех и на площадке его величали не иначе, как «мистер Тысячник» или «реактивная бита». Кевин смеялся, он не относился с излишней серьезностью к своему победному шествию, и от этого его успех еще возрастал.

А когда рядом была Рамона... В то утро на раскопанном перекрестке, где они отправляли общественные обязанности, Кевин понял, что значит для любящего сердца, когда его вторая половинка рядом. Рамона была здесь, стоило лишь оглянуться; он мог посмотреть на нее, когда захочет, — вот она, грациозная, сильная, даже не представляющая себе, до чего прекрасна. А когда она смотрела на него, он знал, что ее глаза говорят: «Я все помню. Я твоя!»

Бог мой! Это была любовь.

Для Дорис дни после той вечеринки были отмечены немислимо затянувшимся тяжким похмельем. Она чувствовала себя тошнотно, плохо понимала, где находится и что вокруг происходит, была крайне раздражительна. Однажды вечером, когда Хэнк поднялся к ужину, она зло произнесла:

— Черт возьми, Хэнк, тебе всегда удается влить в меня раз в десять больше проклятой текилы, чем я могу выпить. Зачем ты так поступаешь?

— Ну... знаешь, — ответил Хэнк, моргая с застенчивостью идиота, — я всегда стараюсь жить по правилу древних греков, гласящему: «Умеренность во всем».

— Это у тебя такая умеренность? — воскликнула Дорис, чувствуя, как из глубины желудка поднимается тошнота.

Все сидящие за столом просто взвыли от восторга, услышав новую теорию Хэнка.

— Умеренность во всем! — смеялся Рафаэль. — Молодчина, Хэнк, это ты в самую точку!

Надежда подала голос:

— Однажды я была на Родосе — там, где родилась эта фраза. Автор мысли — Клеобул, а высказал ее он в 650 году до нашей эры. В путеводителе, который я купила, был дан такой перевод: «Мера есть во всем хорошем».

— Тоже колечко, да не то же, — усмехнулся Андрес.

— Что за чушь ты болтаешь, Хэнк? — продолжала сердиться Дорис. — Неужели воздержанность во всем подразумевает уничтожение двадцати пяти бутылей ужасающей текилы?

— Ну, понимаешь, когда говорят — умеренность во всех вещах, то среди этих вещей непременно подразумевают и саму умеренность. Ты проникаешь в мою мысль? Чтобы было понятнее, скажу так: иногда надо немного доходить до сумасшествия.

Затем явился Том; после ужина он и Дорис приступили к разбору записей, которые Дорис утащила со своей работы.

Том покрутил головой:

— Тут почти все, похоже, зашифровано. Конечно, может быть, они воспользовались простым шифром. Но если это засекречено путем дополнительного кодирования, тогда черта с два мы чего добьемся. — Дорис сердито нахмурилась. — Это во-первых, — продолжал Том. — А во-вторых, даже если мы расколем код и все будет расшифровано, для меня эти записи так и останутся загадкой. Я не бухгалтер-аналитик. И до пенсии не был им.

— Я подумала, что, может быть, вы усмотрите какие-то следы, зацепки... — промолвила Дорис. Запал ее понемногу испарялся.

— Ну, допустим, смогу. Но, понимаешь, твой приятель Джон, похоже, не был допущен к секретам фирмы, тем более если она замешана в сомнительных делишках. Видно у него не слишком высокая форма допуска.

— Дер-рьмо! — раздельно произнесла Дорис. — Кой черт дернул меня схватить именно эту папку!

— Ты меня спрашиваешь?

Надежда задумчиво взглянула на Тома:

— А не осталось у тебя друзей в Вашингтоне, кто смыслил бы в подобных делах?

Том довольно долго переваривал идею, затем открыл рот:

— Может быть, и остались. Надо позвонить. А вы пока рассортируйте кипу — в одну сторону то, что на человеческом языке, в другую шифровки. Если, конечно, поймете разницу.

— И все-таки у Джона очень высокая форма допуска, — сказала Дорис, принимаясь за бумаги.

Том лишь покачал головой и пошел к видеофону. Некоторое время он беседовал с миниатюрной седой негритяжкой, сидевшей откинувшись на спинку кресла; затем на экране появился длинный мужчина с блестящей лысиной. Несколько разговоров Том провел с пустым экраном. Как всегда бывает, когда обновляются старые, давно забытые знакомства, дело не обошлось без курьезов:

— Привет, Нильфония, это я, Том Барнард.

— Привет, с какого ты света? Я была уверена, что ты умер.

В общем, очень мило. Под конец Том долго разговаривал с сильно законспирированной женщиной — экран был темен. Несколько раз беседа прерывалась смехом.

— Да ведь это займет несколько часов, — говорил Том. — У нас тут тысячи страниц!

— Это твоя проблема, — был ответ. — Действуйте. Если хотите облегчить нам работу, шлите все страницы подряд. Присобачьте их как-нибудь перед экраном, а я со своего конца сфотографирую. Сейчас схожу перекусить, а вы пока подготовьтесь.

— Думаешь, стоит так напрягаться?

— Почему я знаю? Судя по твоему рассказу, можно выкопать нечто любопытное. Такая прорва данных просто обязана раскрыть финансовое лицо компании. Если даже ребята и подзапятали кое-какие концы, это будет ясно из того, какие дела они оставили снаружи. Мы дадим вам знать.

— А как же... Там ведь все зашифровано?

Секретный экран рассмеялся звонким голосом.

— Ну, спасибо тебе большущее, Эм. — Том обернулся к Дорис и Надежде: — Так, девочки, помещаем каждый лист перед экраном, но в строгом порядке. Так будет легче их анализировать.

Все приступили к работе, подошедший Кевин присоединился к ним. Каждый лист держали перед экраном до тех пор, пока с принимающей стороны не давали сигнал. Вскоре команда сыгралась и на лист уходило не больше секунды; но все равно фотографирование затянулось до глубокой ночи.

— Учитывая, что основная масса этой макулатуры бесполезна... — ворчала Дорис.

— Это хуже для моих друзей, чем для нас, — ответил Том.

— Им надо будет заплатить? — спросила Дорис.

— Конечно. Правда, мы подключили к работе такую кучу народа, что... Некоторые из них обязаны мне. Придумаем что-нибудь позже, когда появится ясность со всей этой бухгалтерией.

— А что они конкретно должны обнаружить? — поинтересовался Кевин.

— Нарушения законов о размерах компании, распределении капитала и тому подобное. Законодательство о корпорациях — гигантский кодекс. Причем очень слож-

ный. — Тома понесло: — Основная цель двадцати четырех международных соглашений — ограничить размеры корпораций. Рассечь их на отдельные компании. Чтобы этот закон реально заработал, его шлифовали четверть века. Раздробили корпорации на массу мелких самостоятельных компаний и ассоциаций. Хорошо, казалось бы; но ведь существуют проекты, требующие огромных вложений, и для их финансирования требуются подходящие механизмы, новые банковские методы и программы совместной деятельности компаний. Вот где самые что ни есть законодательные джунгли. Юристы, которых нанял Альфредо, несомненно, обнюхали все их уголки, и не исключено, что эта фирма действует в легальных рамках. Но, возможно, они проделывают и незаконные штучки — что-нибудь наподобие корпоративной собственности. С одной стороны, почему бы не использовать законные способы, это не столь уж трудно и, главное, намного безопаснее для проекта. Но, с другой, может, они второпях «срезают углы» на бегу. И, возможно, не сами, а под чьим-то давлением. Способы, которыми Альфредо пропихивает свои предложения по водоснабжению, наводят на такие мысли.

Несколькими днями позже «Хиггинз, Рамирес и Бретнер» зарегистрировали заключение о воздействии на окружающую среду. Текст заключения был помещен в городской компьютер, чтобы каждый желающий мог с ним ознакомиться. Кевин прочел его, когда перекусывал на крыше дома Оскара, и, пока читал, потерял аппетит.

Он изящно положил надкушенный бутерброд на доску, служившую обеденным столом. В эти дни он даже гневаться начал красиво:

— Что они говорят такое про эрозию почвы на западном склоне? Там никогда не было никакой эрозии!

— Так ведь овраги, — отозвался сидевший рядом Хэнк. — А раз овраги, то должна быть эрозия. А ты как думал?

— Ну да, но это процесс природный. Я хочу сказать, что он не ускоряется. Мне знаком каждый метр земли холма, и там незаметно никаких необычных эрозийных явлений!

В кухню, на потолке которой сидели собеседники, вошел Оскар, тоже с намерением подкрепиться.

— А, ХРБ наносят очередной удар. Это вполне в их духе — назвать эрозией естественный процесс образования складок местности. Они бы еще приплели сюда засорение угодий и неправильное землепользование! — Сооружая себе многоэтажный сэндвич, Оскар начал вслух читать текст, глядя на экран, и добавлять собственные комментарии: — «Рассмотрим четвертую альтернативу, которую искаженно трактуют в заинтересованных кругах. Возведение коммерческого центра, дороги к вершине...» — это, пожалуй, самое лучшее из всего, задуманного господином Альфредо Блэром за время его пребывания в эшелонах власти города. «Стоянка автомобилей в начале каньона Кроуфорд. Она должна помочь остановить эрозию западного склона холма, прекратить засорение вершины, придать зрелищность ландшафту, поднять престиж города».

— Дерьмо! — вставил Кевин.

— Хм-м! Альтернативные варианты, как я понимаю, отвергнуты. Но как они сумели откинуть вариант превращения холма в парк? А-а, вот оно: «Это дает лишь небольшую прибавку площади парка Сантьяго, который уже действует и составляет около 17% городских земельных угодий». Действительно.

— Дьявол! — произнес Кевин.

Оскар внимательно осматривал сооруженный им памятник кулинарии.

— Заключение о воздействии на окружающую среду сильно эволюционировало по сравнению с прежними днями, — пояснял он паре, сидящей у него над головой. — Не так давно УВС Лос-Анджелеса подал одно за другим четыре неприемлемых заключения подряд, пытаясь скрыть, что чрезмерное потребление грунтовых вод в

Оуэнс-Вэлли грозит уничтожить даже пустынную растительность, единственную выжившую там после отвода поверхностной воды. Очевидная тенденциозность заключений определила победу округа Иньо над Лос-Анджелесом в городском суде Сакраменто. Все конторы, промышленяющие написанием такого рода заключений, урок усвоили. Теперь альтернативные варианты просматриваются в деталях. Очевидные разрушительные воздействия игнорировать не смеют, короче, стараются, хотя бы формально, провести полное и сбалансированное исследование. — Разжевав последний кусок необъятного бутерброда, Оскар закончил: — Прошли дни заключений типа «А здесь вообще нет окружающей среды!» Консультативные фирмы типа ХРБ очень поднаторели, пишут такие отчеты — комар носа не подточит! С виду объективные, но работа выполнена, как заказывали. Результат соответствует ожиданиям.

— Ну, собаки!.. — только и смог произнести Кевин.

Как нельзя кстати случившаяся тут Габриэла — она вошла в кухню, собираясь лезть на потолок, — полюбопытствовала:

— Что, Кевин, не пора ли отравить ему кровь? Окунай перо в чернила.

Этим вечером Кевин готовил ужин — жарил цыплят. Остальная компания занималась изучением законодательства штата Калифорния об охране окружающей среды и просматривала городской устав в поисках способа опротестовать заключение ХРБ.

— Загляните в раздел о землевладении, ведь земли холма принадлежат народу! — крикнул из кухни Кевин, перекрывая шипение сковородки.

Том скривился в усмешке:

— Идея не проходит. В городе десять тысяч населения, и мы составляем три десятитысячных от числа всех землевладельцев.

— Маловато для голосования, — сокрушенно вздохнула Дорис.

— Прямо сейчас — да. Надо бороться за голоса всех других хозяев нашей земли. Остальным жителям штата, страны, мира, пожалуй, мало дела до Рэттлснейк-Хилла.

Оскар довольно часто ужинал у них в доме, потому что его собственная кухня в настоящее время была жертвой архитектурного гения Кевина. Как-то вечером Оскар появился в доме у подножия холма, неся на лице эдакий тонкий намек на улыбку. Увидев такое, Кевин воскликнул:

— Эй, что произошло?

Оскар приподнял одну бровь и произнес следующее:

— Итак, вы знаете, что я был кое-где и сделал оттуда запрос в Управление по охране водных ресурсов штата.

— Ну да, ну да... — наперебой зашумели все.

Оскар замолк. Сначала он принял от Дорис стакан воды, затем тяжело уселся в кресло на краю бассейна и только потом продолжил повествование. В Сакраменто, рассказал он, приключилась изрядная суматоха. С одной стороны, шум нокаута, которым округ Иньо уложил водоначальников Лос-Анджелеса, прозвучал по всему штату; теперь каждый округ — хозяин грунтовых вод на своей территории. Но! — тут Оскар снова поднял бровь:

— Грунтовые воды чихать хотели на границы округов. У их бассейнов свои границы. Вывод: пользование грунтовыми водами в большинстве случаев будет определяться в судебном порядке. Контроль штата еще более ужесточился. Просто-напросто воды больше, чем возможностей местной власти эффективно ею распоряжаться. Все это дало довольно пеструю картину: одни округа теперь имеют собственный контроль над водой, которую раньше кто ни попадя качал из их недр, а другие неожиданно почувствовали себя обделенными. И к сему винегрету добавился новый источник воды на севере, контролируемый штатом. Эта вода поступает по каналам старого проекта централизованного водоснабжения. Путаница, беспорядок, другими словами, типичная для Ка-

лифорнии ситуация с водой в полном своем расцвете. И много новых особенностей. Так вот, — продолжал Оскар. — Мне удалось выяснить, как отнесется Управление по охране водных ресурсов к предложению Альфредо покупать воду у УВС, а затем продавать неизрасходованный остаток отделу водоснабжения нашего округа. Никто в Управлении не расположен рассуждать насчет гипотетических ситуаций, их достаточно напрягают реальные случаи, а теоретические варианты обычно слишком неопределенны — а если мы так, а если они эдак... Но на одну из членов совета вывела меня Салли — они вместе там работали. Я загнал эту даму в угол, она довольно долго пыталась уклониться от ответов; слухи это или факты, она так и не сказала, но в конце концов я понял, что подобного дела ни за что не допустят.

— Великолепно!

— Как она это объяснила? — поинтересовался Том.

— Покупка воды и ее перепродажа или использование для кредитных операций отныне муниципалам запрещены. Это стало прерогативой штата.

— А как же Лос-Анджелес?

— Их УВС превращено в некое подобие бесприбыльной расчетной палаты.

— Ты хочешь сказать, что после всех лет махинаций с водой и ограбления долины Оуэнс-Вэлли, а заодно других территорий к югу от нее, Лос-Анджелес теперь распределяет воду бесплатно, как уличный гидрант? Точнее, без накрутки в свою пользу?

— Именно так.

Том захохотал. Оскар выбрался из кресла и прошел на кухню налить еще воды.

— Нет трясины страшнее, чем это водоснабженческое законодательство, — бормотал он под смех задыхающегося от приступа веселья Тома.

После известия, принесенного Оскаром, мир для Кевина стал прекрасным абсолютно во всех отношениях.

Однажды, ближе к вечеру, после напряженного трудового дня на месте, которое раньше называлось домом Оскара, Кевин позвонил Рамоне, чтобы пригласить съездить на берег полюбоваться закатом. Та с охотой приняла предложение. Вот как все просто и легко!

— Слушай, Рамона, ведь скоро твой день рождения?

Она засмеялась:

— Завтра, если быть точной.

— Я так и думал! Можно отметить. Пойдем ужинать в «Крабовую палочку»?

— Отличная мысль.

Кевин несся на велосипеде, словно подвесил на него ракетный двигатель.

Вечер на побережье возле Ньюпорта был чудесен. Они гуляли по длинной мели западнее Пятнадцатой улицы; ходили, балансируя, по каменным ребрам волнолома. Дул слабый вечерний бриз. В воздухе расплывалось желтое марево. Солнце оранжевым пятном медленно скрывалось за горами. Утесы, за которыми пролегла автострада, были темными и мохнатыми. Казалось, этот кусочек берега отделен от остального мира и принадлежит только им двоим. Появились звезды, пробуя соленый воздух своими острыми лучиками-щупальцами. Кевин и Рамона рука об руку брели по щиколотку в теплом песке. Внизу, на самом берегу, костер лизал края бетонной ямы; желтые сполохи высвечивали силуэты мальчишек, выставивших в огонь сосиски, которые они нанизали на распрямленные проволочные вешалки для одежды. Оттеснив сырой дух водорослей, донесся острый смешанный запах жареного мяса и баллонного газа. Волны подбегали к берегу под углом, спешили на сушу, все в пенных завитках, и с шипением отступали, оставляя после себя пузыри на мокром песке. «Раз, только лишь раз был наш радостный час...» — крутились в голове слова.

Около устья речки Санта-Ана они остановились. Вышка, на которой днем сидят спасатели, трудилась даже ночью. Стояла, слепо вглядываясь в мерцающую блика-

ми темную даль вод. Кевин с Рамоной забрались наверх по семи деревянным ступеням — их спасатели преодолевают одним прыжком. Сидели на влажной крашеной фанере, смотрели на волны и целовались. У Кевина закружилась голова. Они улеглись и продолжали ласкать друг друга, пока все вокруг не исчезло. Как хорош шум прибоя. Снова потянуло жареным мясом.

— Голоден?

— Очень.

Неспешно крутя педали по пути к «Крабовой палочке», Кевин вслушивался в себя и находил, что так замечательно ему еще никогда не было. Счастье было таким полным, что, казалось, Кевин физически осязает его.

С волчьей прозорливостью Кевин умял салат, хлеб и крабьи ноги. Белое вино побежало по жилам не хуже текилы Хэнка. Все время вспоминались руки Рамоны, обнимающие его, и ее губы, когда он целовал их. Ах, Рамона!

Под конец ужина они заказали кофе, сидели и больше молчали, нежели беседовали, сосредоточившись на том, что принадлежало только им — им двоим, что выдержало проверку многолетней дружбой. Они выделяли это чувство, отфильтровывали его от других; праздновали свою любовь.

Прохлада ночи окружала их, неторопливо ехавших до дома почти час по резервной полосе ньюпортской трассы. Рамона была впереди, ведя Кевина в Фэрхевен, к своему дому, стоявшему за планерной площадкой, старинному квадратному жилому блоку, ныне переделанному. Они поставили машины в стойла; Рамона взяла Кевина за руку и повлекла в дом, через двор мимо бассейна, наверх по лестнице на внутреннюю балюстраду, за угол и снова наверх, в свою комнату.

Кевин никогда не был у Рамоны. Небольшая квадратная, под стать дому, комната, достаточно просторная для двоих, располагалась в самом конце этого крыла здания, как в башенке, так что окна глядели на все четыре стороны.

— Ох ты, прелесть, — сказал Кевин, оценив архитектуру. — Здорово придумано.

Большая кровать в одном углу, письменный стол в другом; по обе стороны стола шли стеллажи. Пустые пространства между книгами тут и там указывали на недавний уход отсюда второго жильца. Кевин видел это, но не хотел замечать. Третий угол помещения был занят сооружением наподобие гигантского шкафа с двумя дверьми — ванная и кладовка. На полу валялась какая-то одежда, безделушки, в общем, всякая ерунда. Нижнюю полку стеллажа занимала стереосистема, но ей в тот вечер не повезло: Рамона не стала включать проигрыватель.

Они уселись на пол и опять целовались до одури. Нацеловавшись, растянулись там же, на полу, один подле другого, и начали потихоньку стаскивать одежду.

Кевин «плыл». На время кожа стала корой его мозга; кожей он мыслил, и все мысли его были осязательными. Затем что-то произошло, видимо, они прекратили ласкать друг друга, и Кевин увидел свои пальцы, запутавшиеся в черных волосах Рамоны, и ковер, на котором она лежала головой. Это место на ковре было светло-коричневым, с вытертым ворсом.

Женщина прошептала что-то почти беззвучно и задвигалась под Кевином. «Это Рамона, — думал он. — Рамона Санчес». Душевный импульс, который давала мысль, возбуждал его даже сильнее, чем физическое удовольствие, растекающееся по жилам, а вместе две эти вещи были... Он никогда раньше не ощущал такого. Вот почему просто секс был настолько... Кевин потерял мысль. Путешествуя с Рамоной по ковру, он уперся головой в стену и глухо стучался ею при каждом движении. Рамона слабо вскрикивала, когда он входил в нее, и это побуждало двигаться еще быстрее. Вот она яростно заметалась под ним, по-тигриному вонзив зубы в плечо... Он сжимал подругу в объятиях, стуча головой о стенку — бум, бум, бум; приближался тот самый послед-

ний миг, последнее движение. Дыхание его участилось, и неистово, беззвучно он шептал, и весь его организм кричал в такт движениям: Рамона! Рамона! Рамона!

Кевин лежал в ее жарких объятиях, и пот высыхал на спине. Зарывшись лицом в благоухающие черные волосы, касаясь губами теплого, такого нестерпимо упругого уха, он повторял — то ли вслух, то ли мысленно: «Люблю. Люблю». Сила собственных переживаний потрясла Кевина. Всю жизнь, думал он, его счастье было не больше чем животным удовольствием, как у кошки, растянувшейся под солнцем. Плотничанье на крыше при ветерке в ясный день, забивание хорошего гвоздя хорошим молотком. Замах битой и четкий звук мяча, стучающегося об нее. Животные ощущения — чем они плохи сами по себе? Но сейчас в Кевине что-то изменилось, и, неспособный ясно выразить это «что-то», он все же чувствовал, что никогда не станет прежним. Да он и не хотел возвращаться назад; он попал в совершенно новый мир. Так думал Кевин, лежа на старом рыжем ковре рядом с любимой, упираясь головой в стенку.

— Пойдем на кровать, — прошептала Рамона.

Кевин сел и наблюдал, как она встает и направляется в ванную. Какое чудесное, крепкое тело!

Она вернулась, подняла Кевина и повела к кровати. Сбросила покрывало; они залезли в постель и накрылись простыней. Простая эта реальность, незамысловатая домашность наполнили Кевина новыми силами, и снова весь мир отступил куда-то, и наступила любовь, но теперь она не была всепоглощающей, оставляя место игре. Они прыгали на кровати, как на батуте, и накатывались друг на друга. Все внутри пело — вот он, самый радостный час!

Та их ночь на холмах была все же очень странной; Кевин даже не знал, как о ней думать. Может быть, виновата магия, проникшая лишь раз в его жизнь, влияние Марса; а вдобавок — текила Хэнка, да и сами полынно-шалфейные холмы, опьянявшие просто своим присутствием. Но сегодняшняя ночь — самая обычная,

и постель Рамоны — тоже обыкновенная, с белыми простынями, на которых ее чудесное тело кажется темным, как патока, и таким же ароматным, сладким, и невозможно отлепиться... И все такое реальное — вот он и вот она, и она лежит рядом, одна стройная нога поверх его ног, другая спряталась под простыней. Действительность. Ночная реальность любви.

Дыхание Рамоны стало медленным.

— Помнишь Качельное дерево? — произнесла она сонным голосом.

— Да?

— Тот полет — сколько он длился?

— Я думаю, может быть, целый час.

Она тихонько засмеялась.

— Целую ночь... Кажется, мы все успели сделать за это время, за один размах качелей. — Немного помолчав, добавила: — Я думала, мы разделись и... было все.

— Я тоже.

— Так удивительно... Такой долгий полет.

— С днем рождения, — шепотом сказал Кевин.

— Спасибо. Подарки были чудесны.

С этими словами Рамона провалилась в сон. Кевин рассматривал ее; глаза привыкли к темноте. Где-то далеко в доме хлопнула дверь, послышались голоса. Кто-то вернулся поздно. Затем все стихло.

Время шло; Кевин продолжал смотреть на любимую, впитывал ее глазами, лежа на боку и подперев голову рукою. Рамона спала на спине, слегка отвернув лицо, рот полуоткрыт. Как ребенок. Кевин прикрыл глаза, но понял, что спать не хочет. Он хотел глядеть на нее.

Вот уж у кого мощные плечи, думал Кевин. Есть с чего мячу лететь со скоростью пули. Забавно маленькая грудь. Все, что выдавалось наружу, — это темные соски. Кевин вспомнил, как она, смеясь, рассказывала, что Альфредо заглядывается на грудастых теток. Но все равно Рамона выглядела необыкновенно женственной. Ее грудь, пусть и маленькая, зато не отвлекает внимание от осиной талии, бедер, ягодиц... Ног. Рамона была сложена пропорционально, как... как Рамона.

Кевин совершенно не чувствовал себя усталым. Он даже хотел разбудить Рамону. С единственной целью. И чтобы потом она снова уснула, а он мог разглядывать ее. А потом еще раз... Неожиданно, видимо, из-за напряженной работы фабрик семени, сильная дрожь пробежала по всему его телу, даже кровать заходила ходуном. Кевин подумал, что сейчас Рамона проснется. Но нет, она отсутствовала.

Рука Кевина затекла, и он положил голову на подушку, по которой струились волосы Рамоны — черный шелк на белой наволочке. Наверное, он вздремнул; пошевелился и почувствовал ее тело рядом с собой, и снова смотрел и смотрел.

Бывало, по телевизору показывали разные любовные истории. «Я обожаю вас!..» «Я преклоняюсь перед вами!..» Кевин глядел в такие моменты на экран и удивлялся, до чего здесь все страсти преувеличены. «Обож-жаю!..» А ведь, оказывается, телевизор не мог отобразить даже малую толику реальной силы страсти; бледная репродукция... И слова — какие серые, немощные слова!.. «Обожаю» — какая чушь! Просто слово, которым пытаются заменить слово «люблю» и которое ничего не объясняет. Но — само «люблю»?.. Он любил сестру, любил родителей, любил своих друзей. Нет, для того, что он испытал и понял сегодня, нужно другое слово. Без сомнения.

Комната посветлела. Близился рассвет. «Нет! — мысленно просил Кевин. — Не так скоро!»

В медленно рассеивающемся сумраке предметы обрели свои очертания, как бы просвечивая один на фоне другого — вот перед столом возник стул, а вот перед ним — горка его одежды. Словно весь мир сделан из дымчатого стекла.

При сероватом, немного таинственном освещении спящая Рамона казалась темным, чувственным, из глубины подсознания Кевина вырвавшимся мыслеобразом, постепенно обретающим плоть. Рамона заворочалась, что-то произнесла во сне. Кевин неотрывно смотрел на нее,

пил ее всеми порами своей души; пил ее чудесную кожу, родинки на ее теле, запечатлевал в памяти плавные очертания фигуры. Птичий щебет.

День пришел. Зачем так скоро? Солнце вынырнуло из-за холмов, и маленькая комната-студия оказалась пронизана насквозь светом. Любимая зашевелилась, потянулась сладко, вздохнула и открыла глаза.

Прощай, ночь.

Они по очереди заскочили в туалет. Когда Кевин вышел, он увидел, что Рамона уже одета в шорты и тенниску.

— А душ? — спросил он.

Рамона отрицательно покачала головой:

— Иди, я пока приготовлю кофе.

Кевин включил душ, мечтая, чтобы рядом под струей теплой воды стояли они вместе. Почему бы и нет?

Потом он сидел на полу и следил за кофеваркой, а Рамона быстро прошла в ванную.

Что за черт, думал Кевин. Ведь он предлагал... Ну ладно, ерунда. Может, ей больше нравится быть наедине с душевой сеткой.

Рамона вышла, волосы зачесаны назад и заколоты гребнем, полотенце висит на шее. Оделась. Оба они сели на полу, там, где солнце начертило желтые теплые квадраты, и пили кофе, который, ворча, цедила в стеклянную емкость маленькая машинка.

Рамона спросила, что сегодня Кевин собирается делать. Он рассказал немного о вивисекции, которую учинил дому Оскара.

— Работа в самом разгаре. — Эти слова Кевин произнес не без самодовольства.

В дверь постучали. На лице Рамоны отразилось удивление — часы не показывали и восьми. С кофейной чашкой в руке она подошла к двери и отперла.

— С днем рождения! — гулко прозвучал голос с лестничной площадки.

Альфредо.

— Благодарю. — Рамона вышла на лестницу и прикрыла дверь за собой.

Желудок Кевина сжался в маленький твердый узел, и диафрагма больно билась об него. Кевин попытался ослабить живот, насильно сделав большущий глоток кофе, и смотрел на дверь, словно желая просверлить ее взглядом.

В конце концов, когда-нибудь Альфредо должен узнать... Однако положение не из приятных. С лестницы приглушенно донеслись звуки разговора. Неожиданно дверь отворилась; Кевин даже подскочил, едва не расплескав кофе. В щель просунулась голова Рамоны:

— Подожди секундочку, Кевин. Пришел Альфредо.

— Я уже понял, — ответил Кевин закрывающейся двери.

Послышался голос Альфредо; тон его был напряженно-расстроенный. Двое на площадке старались говорить негромко.

О чем? Кевин встал и приблизился к двери, но слов по-прежнему разобрать не мог, только интонации. Альфредо расстроен, похоже, просит о чем-то. Задает вопросы... Рамона произносит слова отказа, отвечает односложно...

Кевин отошел от двери, чувствуя, как нарастает неловкость. Испуг и самоуверенность счастливого любовника толкали в нем друг друга; явного результата эта внутренняя борьба не давала. Только легкие колебания да смятение чувств. Душевный дискомфорт. Странно, думал Кевин. Очень странно... Все предметы в комнате казались какими-то потусторонними, как бывает, когда не спал всю ночь. Кевин подошел к столу, на котором лежали книги. Словари, толковый Уэбстера и испано-английский, книжка в ярко-желтом переплете. Несколько книг на испанском. Томик сонетов Петрарки — Кевин раскрыл его и водил глазами, но не мог сосредоточиться, чтобы понять хоть строчку.

Что-то Амброза Бирса. Шкатулка со швейными принадлежностями. Шесть или семь маленьких морских раковин; под ними несколько крупинок песка. Настольная лампа с длинной раздвижной ногой...

Из этого окна видны ветки сосны, что растет во внутреннем дворе... О чем они говорят?..

Минут, наверное, через пятнадцать открылась дверь и вошла Рамона. Одна. Она направилась прямо к Кевину; коснулась его руки с видом обеспокоенным и строгим.

— Слушай, Кевин. Нам с Альфредо необходимо поговорить. О вещах, про которые мы никогда не беседовали; а сейчас это необходимо. Он так расстроен, и я должна объяснить ему насчет тебя и меня. — Она сжала его руку. — Мне не хочется, чтобы ты сидел тут взаперти среди кучи хлама.

Кевин кивнул.

— Понятно, — пробормотал он. Обдумать слова ответа и произнести что-то внятное не было ни времени, ни сил.

— Ступай, наверное, на работу. А я потом загляну.

— Хорошо, — бессмысленно ответил Кевин.

Рамона проводила его к дверям.

Альфредо увидит его мокрые волосы и наверняка решит, что они вместе были в ванной. Да... В любом случае ясно, где Кевин провел ночь.

Ну и ладно. Кевин остановил Рамону, уже отпирившую замок, и поцеловал. Она явно думала о чем-то, но ласково улыбнулась ему, и к Кевину на мгновение вернулось ощущение минувшей ночи.

Затем Рамона отворила дверь, и Кевин вышел на лестницу. На дальней стороне площадки Альфредо, облокотившись о перила, смотрел вниз. Кевин притормозил на верхней ступеньке и взглянул на Альфредо. Тот поднял глаза; Кевин кивнул ему — привет, Фредо. Альфредо ответил ему коротким кивком. Лицо его было печально. Затем взгляд Альфредо скользнул в сторону, туда, где в проеме открытой двери маячила фигура Рамон-

ны. Кевин сошел по ступеням; когда он посмотрел наверх, Альфредо на площадке уже не было. Дверь захлопнулась.

В доме Оскара Кевин, Хэнк и Габриэла трудились на крыше, снимая старую потрескавшуюся черепицу, чтобы сделать проемы для световых люков, которые было задумано устроить на потолке комнат южного фасада. Весь день Кевин ждал появления Рамоны, едущей на велосипеде по улице, что спускается от Проспекта. Каждую минуту. И следующую минуту, и еще...

Время шло медленно. Воспоминания прошлой ночи стучали в голову так сильно, что иногда Кевин забывал, чем занимается, и застывал с неподвижным взглядом прямо посреди какого-нибудь дела, удерживая равновесие, как лунатик. Пару раз в моменты таких приступов рядом с ним оказывался Хэнк.

— Черт, Кевин, ты чего-то сегодня работаешь очень задумчиво; совсем как я. Что случилось?

— А? Нет, ничего.

— У тебя все в порядке?

— Да... Да, в полном порядке.

— Воспоминания гложут душу грешную?

— Похоже, так.

Единственный, кто появился на дороге у дома, — это Оскар. Он прикатил подкинуть немного в желудок. Оскар постоял внизу, глядя, как троица рушит крышу его дома, а затем вошел внутрь и приготовил завтрак для всех.

Когда они подкрепились, Оскар спросил что-то по поводу сегодняшней работы и влез по жалобно затрепавшей под ним лестнице на крышу — бросить взгляд. Потом он уехал на своем велосипеде, и работа продолжалась.

А Рамоны все не было... Может, она не знает, что Кевин у Оскара? Да нет, это ей известно. Странно... А кстати, разве она сегодня не учит детей в школе?

Конечно, как он мог забыть! Значит, появится не раньше трех-четырёх. Сколько сейчас времени?

Вторая половина дня проходила, вернее, проползала улиткой по бестолковому лабиринту тревожного смятения. Что там Рамона и Альфредо наговорили друг другу? Если... Наверное, Альфредо как молотом по башке ударило — наткнуться у Рамоны на рассеявшегося с комфортом любовничка. Он ведь не ожидал ничего подобного. Разве только кто-то из тех, кто был на горячих источниках, разболтал — ну, и слух полетел дальше. Дело в Эль-Модене обычное. Но все же насчет сегодняшней ночи или утра — об этом-то откуда можно было узнать? С каких катушек Альфредо принесся поздравлять Рамону в несусветную рань?

— Да что это с тобой? Продолжаешь настаивать, что все в порядке? — раздался над ухом голос Хэнка. Они в это время как раз складывали инструмент в сарай, расположенный в приусадебном саду.

— Да... Да, отстань.

Кевин приехал домой, съел ужин, не замечая, что на вилке. Затем минут десять бестолково простоял на дворе и наконец поехал к дому Санчесов, не в силах с собой справиться.

Нерешительно Кевин постучал в дверь кухни; заглянул внутрь. Педро, отец Рамоны, мыл тарелки. Занятие для латиноамериканского мужчины немного странное.

— Входи, — сказал он.

— Простите. Спасибо. А Рамона дома?

— Скорее всего нет. Она не приходила ужинать.

— Вы не знаете, где ее можно найти?

— Ни малейшего. Я, честно признаться, думал, что она у тебя. У вас в доме. Ее сегодня здесь вообще видно не было.

— А... — Кевин неловко двинул плечом. Отчасти его интересовало, как много известно папаше Педро; но больше занимала мысль — куда ушла Рамона? Беседа не клеилась.

Ростом Педро был пониже дочери, но масть имел такую же, разве что волосы теперь не сплошь черные, а с проседью. Красивый мужчина. Манера его разговора напоминала Кевину речь Рамоны. Хочешь узнать, какой будет женщина через годы — посмотри на ее родителей. Точно такая же вертикальная складка меж бровей; легкое их нахмуривание при разговоре — признак внимания к собеседнику.

— Я, наверное, завтра снова зайду, — сказал Кевин. — Вы ей передайте, пожалуйста.

— Конечно, конечно. Может, сказать, чтобы она тебе позвонила, когда придет?

— О, — с благодарностью выдохнул Кевин, — если не трудно.

Это оказалось изрядной промашкой. Ибо он просидел у аппарата весь вечер, ожидая, когда тот зазвонит. Да и ночь Кевин тоже не спал, превратившись в одно большое ухо. Звонка не было.

На следующий день Кевин с утра работал у Оскара, а после обеда пошел к деду чинить сломавшийся насос. Пока Кевин крутил гаечными ключами, Тома позвали к телефону, и он битых полчаса сидел в комнате и разговаривал.

Наконец Том вышел, чтобы присоединиться к битве с насосом.

— Мои друзья считают, что существует какая-то внешняя нить, связующая «Хиртек» с «Авендингом». Точнее, дергающая их обоих.

— Непонятно...

— Похоже на то, что средства «Авендинга» или «Хиртека» черпаются из незаконного источника. Может быть, у нас на континенте. А может, в Гонконге; есть сигналы и оттуда, и оттуда.

— Гонконг?..

— Гонконг — монетный двор Китая. Точнее, химчистка для денег. Китай управляет там всеми теневыми конгломератами, несмотря на то что официально признал международные протоколы, ставящие такие конгломераты

вне закона. Заправляет — значит, защищает от набегов финансовой полиции. А за это состригает с «теневиков» изрядную долю их прибыли.

— Значит, у нас появились кое-какие зацепки? Это очень хорошо.

— Хорошо?.. Если мои друзья подколют свинку, все остальное, вплоть до сдирания шкуры, придется делать тебе, дружок! С чего это столько лишней энергии, а?

— Да нет, ни с чего. Просто мне интересно, как все дальше пойдет, вот и вся недолга. Скажи, дед, где ты потерял Надежду? — поспешил Кевин сменить тему.

— Поехала на свой любимый корабль. Они так долго все отплывают и отплывают; я думаю, будет отсрочка. Ждут какой-то груз из Миннесоты.

Кевин некоторое время улавливал нить беседы, но вдруг в его мыслях произошел затор, и он сказал что-то невпопад. Внимательно посмотрев на Кевина, Том произнес:

— Иди-ка домой, малыш. Ты, похоже, переутомился. Отдохни немного.

Дома Кевина ждала неожиданность — на кухне сидела Рамона, помогая Дениз и Джой делать домашнее задание. Рамона с улыбкой взглянула на Кевина. Тот почувствовал, как камень валится у него с души; охватила такая слабость, что захотелось сесть. Кевин раньше и не предполагал, что можно так сильно беспокоиться об отсутствии человека.

Рамона велела детям продолжать самим и вышла с Кевином во двор. Кевин схватил ее в темноте и заключил в объятия. Она ответила, но какая-то напряженность сквозила во всем ее облике; поцелуев она избегала. Кевин, нахмурясь, отпустил Рамону; снова почувствовал, как внутри сжимается тугий узел.

Рамона, увидев выражение его лица, рассмеялась:

— Ну что ты, что ты!.. — И, прильнув, коротко поцеловала.

— Что случилось? Где ты пропадала? Что было нужно ему? Почему ты не позвонила? — Кевин выпаливал вопросы один за другим, не в силах сдержать себя. Сказывалось напряжение этих суток.

Рамона снова засмеялась, взяла его за руку и повела к бассейну. Они уселись в низкие кресла у воды.

— Я беседовала с Альфредо. Догадываюсь, что это ответ сразу на все твои вопросы. Альфредо приехал вчера утром обсудить кое-какие вещи. Увидев тебя, он понял, что ночью мы были вместе, а он... отпал. Но ему надо было поговорить со мной, а в такой ситуации даже еще более необходимо.

— О чем?..

— Обо мне и о нем; ты прекрасно понимаешь. О том, что произошло, о том, что было между нами неправильно.

— Он хочет, чтобы вы снова были вместе? — Голос Кевина прозвучал с сухой напряженностью; Кевин сам это заметил.

— Ну... — Рамона отвела глаза. — Может быть... Впрочем, я не уверена, даже после нашей с ним беседы.

— А ты?.. Ты хочешь этого? — Кевин доводил разговор до крайней точки, слишком взвинченный, чтобы ходить вокруг да около.

Рамона, протянув руку, положила ладонь на руку Кевина.

— Я... Я не знаю, чего я хочу.

Он чувствовал такое стеснение в груди, что почти не мог дышать. «Боже мой! Боже мой...»

— Пойми, пожалуйста, — начала она. — Альфредо и я были вместе очень долго. И прошли вдвоем через многое. Жаль, что в этом было столько плохого. Плохого... — Рамона вздохнула. — А с тобой у меня... Ты знаешь мои чувства, Кевин. Я люблю тебя. Мне приятно быть близкой с тобой. Я не испытывала того, что испытала за последнюю неделю, уже очень давно.

«А я никогда!» — хотел воскликнуть Кевин, но, побоявшись этих слов, лишь судорожно вздохнул.

— И в общем, — продолжала Рамона, стискивая его руку, — я не знаю, что и думать. Не разберусь в своем отношении к Альфредо. Он говорит, что хочет снова быть вместе, но я не...

— Увидел, что ты со мной, вот и... — резковато произнес Кевин.

— Да, я понимаю, возможно. Поверь мне... — Неожиданно она часто заморгала, близкая к тому, чтобы заплакать. Почему? Настороженность Кевина возросла.

— Я не знаю, что мне делать, — объявила Рамона с болью в голосе. — Я не могу быть уверена в Альфредо. И боюсь иметь что-то с тобой. Всегда боялась, с самого начала.

Вот оно! Кевин непроизвольно стиснул руку Рамоны. Не допускай этого! Надо ли что-то говорить, или это будет просто еще большим давлением?

Он подвинул свое кресло поближе и попытался обнять Рамону.

— Но, — сказала она, подавшись к нему и прикрыв его руку своей, как бы предупреждая, — что случилось, то случилось... Просто взять и все отбросить — невозможно. Я подразумеваю пятнадцать лет моей жизни. Нельзя сказать ему — оставь меня в покое. После того, что было, нельзя. Особенно, — снова в ее голосе зазвучали потерянности и отчаяние, — когда я не понимаю, что творится у меня внутри! — Рамона порывисто повернулась лицом к Кевину: — Неужели ты этого не видишь?!

— Вижу. — Кевин с трудом глотнул и поднялся. Под ребрами вместо диафрагмы застряла деревянная доска. — Но, Рамона... — Остановиться он был не в силах. — Я люблю тебя.

— Ах! — вскрикнула она, словно Кевин уколол ее булавкой; и неожиданно он ужаснулся.

Рамона, рванувшись вон из кресла, вскочила, будто хотела бежать, и бессильно обвисла на Кевине, обхватив руками и уронив голову ему на грудь. Она дышала прерывисто; почти рыдала. Кевин поддерживал Рамону, чув-

ствуя беззащитное тепло ее тела, испуганный так, как не был никогда раньше. Еще одно новое чувство! Словно обитатель пустыни, попавший в большой город, Кевин неожиданно очутился в целом огромном мире, доселе неизвестном ему, мире эмоций. И он не был уверен, что хотел бы там остаться, потому что эта самая любовь, которая заставляет его столь крепко цепляться за Рамону, она же делает его таким уязвимым... А если Рамона уйдет?.. Кевин даже не мог думать о таком. Значит, любовь и страх неразделимы?

— Пойдем наверх, — сказал он, ощущая губами ее волосы.

— Нет. — Она закуталась в кофту. — Нет.

Силы возвращались к Рамоне. Она задышала ровнее, держалась чуть отстраненно, поступь стала уверенной. Встретив взгляд Кевина, она твердо посмотрела ему в лицо, не мигая влажными от недавних слез глазами.

— Я пока не буду ни с кем. Это слишком... Слишком много. Мне надо разобраться в себе. В своих чувствах; в том, чего я хочу. Мне необходимо побыть одной. Понимаешь?

— Понимаю... — Слово еле выкарабкалось из уст Кевина. Какой жуткий страх...

— Я действительно люблю тебя. — Она убеждает его в этом, словно он сомневался. Невыносимо!

— Я знаю, — слабо отозвался Кевин. Он не находил, что сказать. Новый мир, обвалившись на него, насмерть придавил способность Кевина размышлять.

Рамона посмотрела в его лицо, кивнула.

— Ты должен знать, — твердо произнесла она. Затем, помолчав секунду, добавила: — Я пойду домой. Увидимся на площадке или на раскопках — в общем, где-нибудь. Не беспокойся.

Он отрывисто, коротко засмеялся:

— «Не беспокойся»!

— Пожалуйста.

Кевин замолчал и глубоко вздохнул.

— Ох, Рамона... — Голос не слушался, горло сжимал спазм. — Я ничего не могу с собой поделать, — выдавил Кевин.

Она вздохнула.

— Мне жаль. Но нужно немного времени! — Последние слова она почти выкрикнула, быстро клюнула Кевина в губы и метнулась через темный двор за ворота.

Потянулись долгие дни. Никогда раньше Кевин не испытывал такого душевного напряжения; это шло вразрез со всем его характером. Временами он ловил себя на желании, чтобы Рамона с Альфредо никогда не порывали, и он бы не видел, что Рамона свободна, и не летал с ней на планере, не гулял ночью по холмам, не был в ее доме, в ее постели... Чтобы не было ничего. Лучше бы он оставался таким, как раньше, удовлетворенный самим собой, своей жизнью. Жить, когда твое счастье, свобода действий зависят от кого-то другого, он не хотел.

Через два или три дня Кевин узнал, что Рамона уехала в Сан-Диего погостить у друзей. Она оставила короткую записку на компьютере у себя дома. В школе ее подменяла Джоди; она полагала, что это — на неделю. «Дьявол, — думал Кевин, читая записку. — Почему она мне не сказала? Зачем так поступила? Она решила!.. Всю мою жизнь подвесила на крючок...»

И все же существовать, зная, что ее нет в городе, стало как-то легче. Он не мог видеться с нею, и не надо было заставлять себя не искать встреч. Альфредо тоже не мог к ней приходить. Теперь было не так трудно делать вид, что все нормально, и жить своей повседневной жизнью.

В частности, к этой повседневной жизни относилось и очередное заседание Совета. У дверей висела повестка дня. Все как обычно: отчет о расходах на противопожарное оборудование, судьба старых дубов у Проспекта и в Фэрхевене, проблема енотов на ручье Сантьяго-Крик, разрешение на открытие магазина. И так далее.

Альфредо вел заседание со своей обычной сноровкой, но без самодовольных шуточек и прочего. Кевину он показался витающим где-то не здесь, лицо имело болезненное выражение. Альфредо ни разу прямо не посмотрел на Кевина, а обращался к нему, постукивая карандашом по столу и глядя в свои бумаги. Кевин, в свою очередь, старался выглядеть спокойным, насколько возможно, даже слегка шутил. Но давалось это ему с изрядной натугой; в действительности он чувствовал себя так же нервозно, как, похоже, и Альфредо.

Кевин думал: а сколько народу на заседании знает о происшедшем? Многим в городе было известно о его сближении с Рамоной. Например, Оскару. Вон его луноподобная бесстрастная физиономия парит над столиком в стороне. Нет, Оскар не будет болтать с людьми об этом. Так же и Хэнк, и Том, и Надежда. Джоди? Или Габриэла, или Майк? Достаточно просочиться одному лишь слову, и слух облетит весь город. Эль-Модена живет подобной болтовней. Кто из публики пришел сегодня поглазеть, как Кевин и Альфредо будут кусать друг друга? Ох... Неудивительно, что Альфредо так настороженно выглядит. Ладно. Плевать. Не стоит об этом беспокоиться; повестка дня по ведомству слухов и без того полна.

Кевин вспомнил, как Том говорил ему: «Каждый вопрос на заседании отныне необходимо рассматривать в связи с аферой по изменению зонирования, потому что ты — один из семи членов Совета, и эффективность твоих выступлений зависит от рабочих взаимоотношений с остальными шестью заседателями. Кто-то будет оппонентом, что бы ты ни делал, но другие занимают нейтральную позицию. Они пока не решили, с кем идти. Вот этих и надо обрабатывать. Необходимо проявлять внимание к вещам, которые их более всего волнуют. Это известный прием. В ненавязчивой манере поддерживать их замечания, подкреплять сказанное ими, задавать вопросы, которые продемонстрировали бы окружающим высокую компетентность выступающего. Действуй таким

образом. Но — очень и очень тонко. И постоянно. Надо шевелить мозгами, Кевин. Дипломатия — тяжелый труд».

И вот сейчас Кевин прихлебывал разнесенный кофе и трудился. Широко Вашингтон с явным нетерпением опрашивала тех, кто требовал, чтобы енотов с ручья Сантьяго-Крик оставили в покое.

— А вы сами где живете? — задавала она вопросы. — У вас там есть дети?

Джерри Гейгер, кажется, тоже был погружен в енотовую проблему. Сомнительно, чтобы поддакивание Гейгеру смогло как-то воздействовать на его мнение по следующим вопросам повестки; памяти у Джерри хватало лишь на один пункт повестки. Но сейчас на мушке сидели сразу два зайца — Джерри и Широко.

— У нас есть данные по численности енотов? — спросил Кевин у представителя отдела рыболовства и охоты.

— Только старые.

— А по старым вы можете сказать что-то определенное?

— Ну...

— Скажите, не превышала ли уже тогда популяция максимальную цифру, после которой рост численности приводит к вредным последствиям?

— Да, без сомнения.

— Скорее всего и сейчас мы близки к этому числу. Стало быть, отстрел некоторого количества енотов пойдет им на пользу?

— Совершенно верно.

— А сколько времени займет работа по подсчету популяции?

И так далее. Раз или два Кевин замечал, что Широко энергично кивает — это ведь она предлагала провести новый подсчет пушистых хвостов на берегах Сантьяго-Крик. Джерри вторил ей.

Отлично. Дипломатия в действии. Рука руку моет. Кевин поджал губы, чувствуя себя жутким циником. Да, дипломатия цинична. Он начал понимать это.

Затем пришел черед магазинчика мелочей. Кевин растерял концентрацию; дело казалось ему примитивным. Бог ты мой, и это называется исполнять гражданские обязанности в системе демократии? На что Кевин тратит вечера своей единственной, неповторимой жизни? Все остальные мировые проблемы уже утрясены, осталось лишь спорить о том, разрешать или нет строительство мелочной лавки!..

Так для Кевина и шло время заседания. Напряженное внимание перемежалось дремотной расслабленностью.

До чего же медленно течет время! Часы тянутся, словно дни. Кевин спал тревожно, ночи казались нестерпимо долгими. Какая огромная часть жизни теряется впустую. Лежишь, как коматозный больной. Временами, не в силах уснуть, он ненавидел само слово — сон; ненавидел это природное приспособление, данное организму, чтобы пополнить силы для следующего дня.

На работе он так и продолжал забывать, что за дело предстоит ему через минуту. Пасмурный июнь сменился таким же июлем; каждый день с моря приходили тучи. Часто Кевин, приходя в себя из оцепенения, обнаруживал, что стоит на крыше, дрожит и смотрит на облака.

Хэнк и Габриэла, знавшие, что происходит, не трогали Кевина. Порой Хэнк притаскивал по паре пива, и в конце дня они с Кевином усаживались на штабеля досок, пили и молчали. А затем приходила бесконечная ненавистная ночь в пустой комнате...

Кевин много времени проводил у экрана телевизора, беседуя с разбросанными по всему свету родственниками работницы, убиравшей их дом. Их рассказы о делах отвлекали его. И почему только, думал Кевин, люди столь старательно не замечают тех, кто появляется на их экранах всего-то раз в месяц? Нет, конечно, разговоры иногда ведутся — когда семья сидит за столом и убежать некуда; но чаще всего люди по обе стороны экрана стремились уклониться от обязанностей, которые накладывает

на них такое экранное общение. О, как они были сложны, эти обязанности! Оказать внимание собеседнику, проявить к нему интерес, просто сказать: «Привет!» Срабатывала машина-переводчик, и вот ты уже в другом месте, участвуешь в чужой жизни. Кевин сейчас нуждался в этом. Он включал звук, садился, глядя на экран, и говорил: «Здравствуйте, как поживаете?» И люди делились своими проблемами.

Пара из Индонезии неосторожно родила третьего ребенка и теперь металась в поисках денег на оплату услуг специалиста по эвтаназии. Они называли его проще: киллер. Семья южноафриканцев сетовала на бестолковые законы в их стране, мешающие их торговому ремеслу. Предмет торговли назвать они отчего-то постеснялись. Большое русское семейство, целый род, поселившийся в Подмосковье, пристраивало крыло к своему дому, и Кевин беседовал по этому поводу часа, наверное, два, а затем пообещал через месяц заявиться к ним, посмотреть, как идут дела.

А потом экран на многие ночи погас, и Кевину остались лишь беседы со своими домочадцами. Ему было все равно, с кем говорить, лишь бы не сбегали; какое-никакое, а облегчение, хотя больше всего он любил общество Тома. Но, увы, у того был более интересный во всех отношениях партнер — Надежда, и он либо уединялся с нею, либо куда-нибудь исчезал. Хорошо бы сестра позвонила... Кевин сам пытался поймать ее, но, когда бы он ни заказывал Дакку, там никто не подходил.

С родителями о своих проблемах Кевину разговаривать не хотелось. С Джилл — совсем другое дело. Ему очень не хватало сестры, но та все время оказывалась в отъезде. Оставалось лишь наговаривать на автоответчик...

Жизнь дала трещину. Полоса побед, опрокидывающая все законы случайности и везения, превратилась в воспоминание с оттенком издевательства над собою самим. Кевин ненавидел эти воспоминания и боялся их. И, самое скверное, ему казалось жизненно важным, что-

бы успех продолжался, как будто, если везение прекратится, кончится и он сам. Теперь Кевин брал в руки биты со страхом, представляя с неправдоподобной отчетливостью, что вот сейчас он пошлет мяч в аут. В одной игре Кевин совершил сразу три оплошности. При первом своем ударе «на биты» он принял мяч, но ухитрился залепить в аут. Другой раз взял бросок «на полный счет» с таким нелепым скачком куда-то в сторону, что у всех ребят вытянулись физиономии. Правда, Фред Сполдинг милостиво засчитал мяч. В третий раз Кевин отбил подачу свечой прямо вверх над площадкой; пулею рванулся к первой базе с мыслью: «Мяч еще вверху, еще вверху!» Но, как ему потом рассказали, Джо Сэмпсон, ловящий «Тигров», с которыми шла игра, поскользнулся и шмякнулся ничком прямо в траву, не достав буквально дюйма до мяча. А раз полевой игрок не коснулся мяча, это не может быть засчитано как ошибка; подача «Тигров» оказалась выигранной, хоть мяч не пролетел и четырех футов.

— Елки-палки, — говорил после игры Хэнк. — Это была самая кретинская разыгровка «два на два» во всей Галактике!

Кевин понуро опустил голову. А как тут не согласиться? Фортуна измывалась над ним; удача покинула Кевина, и это приводило в бешенство. Лучше бы уж все кончилось насовсем... И тут ему в голову пришла идея. Действительно, что может быть легче? Надо просто выйти на подачу и пару раз промазать по мячу. Вот все и будет кончено.

Кевин решил совершить этот подвиг в ближайшей игре. «Удачеубийство» — такое название он дал своей выходке. Когда пришла очередь Кевина принимать «на биты», он накрепко зажмурил глаза, подождал немного, замахнулся вслепую и железно промазал. На трибунах заржали. Кевин стоял, стиснув зубы, и с тошнотой переживал отвратительную ситуацию. В следующий раз он зажмурился еще крепче и со стоном звезданул битой по воздуху. Бац! Кевин изумленно открыл очи. Первый

полевой, подпрыгнув на одной ноге, отправлял мяч на площадку. Ребята закричали Кевину: «Рви!» Он затрусил к первой базе, находясь в полном недоумении, словно человек, выкинувшийся с небоскреба и попавший в спасательную сеть, возникшую из ничего.

Конечно, можно промазать и с открытыми глазами, но Кевин побоялся сделать еще одну попытку.

Когда разыгровка закончилась и он шел за своей перчаткой, Джоди спросила:

— Что, снова полоса удач?

— Нет! — чуть не со слезами выкрикнул Кевин.

Смеются.

— Да нет же, нет! — Кевин почувствовал, как пылает лицо.

Смех усилился.

— Ладно, все здорово получилось, — сказала Джоди. — Я чуть с ума не сошла. Почему бы тебе и в следующий раз не выйти вот так, угробить две подачи, а потом вытащить всю игру?

— Не выйдет! — крикнул Кевин, отскакивая подальше. А вдруг она видела, что он играл с закрытыми глазами? И все видели тоже?

Ребята ободряюще смеялись.

— Вот что значит сильный дух. — Стейси, проходя мимо, хлопнул Кевина по плечу. — Молодчина!

Все переключились на болтовню, и коленце, которое выкинул Кевин, было забыто. Но сам-то он не мог этого забыть. Он продолжал игру, чувствуя, что все внутренности превратились в твердый болезненный ком.

Прошел месяц, а может быть, день — Кевин потерял счет времени. Хотя, если судить по тому, что на сегодня назначено очередное заседание Совета, минула неделя.

Кевин, изнывая от скуки, полубессознательно сидел за зеленым сукном стола, оставив попытки сосредоточиться. Собрание текло гладко. Уже перед самым концом Мэтт Чанг сказал:

— Мы получили необходимую информацию по вопросу касательно приобретения водных ресурсов. Может

быть, коли уж осталось время, рассмотрим сегодня это дело? Все равно через две недели пришлось бы заниматься им по плану.

Никто не возражал. Вот так, совершенно неожиданно началось обсуждение, покупать дополнительную воду у Лос-Анджелеса или нет.

Кевин лихорадочно собирал мысли, лениво расползшиеся в темные уголки дремотного мозга. Это ему почти совсем удалось, когда с места поднялась Дорис.

— Альфредо, а что мы будем делать с лишней водой, которая несомненно появится? — нежнейшим голоском произнесла она.

Альфредо еще раз терпеливо разъяснил, насколько будет умно — в финансовом смысле — заполнить свой бассейн грунтовых вод, а затем получать деньги, сбрасывая ее округу.

Дорис удовлетворенно кивнула:

— Простите меня, мистер Балдарамма, вы занимались изучением законности таких действий?

Оскар наклонил голову.

— И?..

— Секундочку. — Альфредо вмешался в слаженный дуэт, наставив темные глаза на Оскара. — С какой стати вы занимались этим вопросом?

Оскар спокойно встретил взгляд и безразличным тоном ответил:

— Насколько я понимаю обязанности городского прокурора, ему вменяется в долг надзирать за соблюдением закона в действиях Совета...

— Но пока еще не было никаких действий!

— Предложение — это уже действие.

— Ни в коем случае! Мы лишь обсуждаем возможный вариант.

— И при этом не желаете быть проинформированным о степени его законности?

— Нет, почему же, я не возражаю... Просто, кажется, вы несколько торопитесь.

Оскар пожал плечами:

— Рамки моей деятельности можно обсудить после заседания, если вам угодно. А теперь послушайте, пожалуйста, сведения относительно юридического статуса идеи перепродажи воды.

Оскар положил перед собой листок бумаги, оглядел присутствующих:

— Недавно Управление по охране водных ресурсов в соответствии с новым законодательством штата Калифорния утвердило новые правила торговли водой. В этих правилах оговаривается, что ни один муниципалитет штата не может покупать воду с целью ее последующей перепродажи или использования как средства кредитования, если он сначала не сделает эту воду доступной для внутреннего потребления, а в последнем случае — продажа разрешается лишь в течение того времени, пока означенный муниципалитет не расплатится за приобретенную воду. Право на покупку и последующую продажу воды без ее использования принадлежит только штату. — Оскар поднял глаза от бумаги и поводит ими, озирая собрание.

— Итак, мы не можем покупать воду в количестве, превышающем наши потребности, — быстро подытожила Дорис.

— Совершенно верно, — качнул головой городской прокурор.

— Значит, мы обязаны использовать всю воду, которую купим?

— Или же безвозмездно отдавать излишек округу.

В зале наступила тишина. Дорис продолжала наступление:

— Итак, нам вода не нужна, и, если мы будем ее покупать, это не будет экономически разумным шагом, ибо продавать воду права у нас нет. Кроме того, это противоречит постановлению Совета за номером 2022, в котором указывается, что Эль-Модена должна делать все возможное для уменьшения зависимости от водных ресурсов штата. Предлагаю проголосовать по этому вопросу и закрыть его. Нам эта вода не нужна.

— Погодите, — встал Альфредо. — Я требую продолжить обсуждение.

Но дискуссия с этого момента вышла из-под его контроля. Дорис устроила жесткий прессинг, в каждой паузе требуя голосовать или же ядовито прося говорить по существу. Довольно скоро Альфредо вынужден был поставить вопрос на голосование. Он и Мэтт проголосовали за покупку воды. Все остальные — против.

Кевин и Дорис шли домой в чудесном расположении духа. Событие требовалось отметить.

— Отлично сработано! — говорил Кевин, в то время как кто-то внутри шептал тоном грустного ослика: «Слава Богу, хоть что-то идет хорошо...» — Видала, какую Альфредо скорчил рожу, когда Оскар вдул ему? Ха-ха!

Дорис низким голосом произнесла:

— Так, значит, вы не желаете быть проинформированным о законности вашего предложения? — И засмеялась во весь голос.

Том и Надежда сегодня были дома. Они сидели у бассейна вместе с Рафаэлем, Донной и Синди. Кевин и Дорис рассказали им об успехе на Совете. Кевин взял пиво, сорвал крышку и одним махом опустошил банку.

— Конец возне вокруг нашего холма!

— Полно тебе, — усмехнулся Том. — Не думай, что все кончено. Они теперь сменят тактику.

— Как понять?.. — Кевин немного поскущел.

— Они пыгались заложить фундамент для своего монстра на Рэтгслснейк-Хилле, перед тем как заявить о его строительстве, чтобы дело прошло более гладко. Теперь, когда попытка провалилась, они все равно предложат осваивать холм и постараются убедить город, что это хорошо. Если получится, потом можно будет сказать: «Братцы, нам нужна вода, много воды; просим изменить зонирование». Ну а раз основная идея одобрена, то и остальное пройдет успешно.

— Да-а... — Кевин тоскливо изучал пустую банку из-под пива.

— Не горюй. — Том хлопнул Кевина по плечу. — То, что вы сделали сегодня, — уже неплохо. Дали толчок, понимаешь? Но знай: выигран бой, а не вся война.

Спустя дня четыре из разговора Стейси со Сьюзен Кевин случайно подслушал, что Рамона вернулась в город. То, что весть эта дошла до него таким образом, разбредило душу Кевина, и он поспешил домой, насили справляясь с ударившими вновь в голову грудями, бедрами и прочими прелестями. Рамона приехала и не общила, не пришла к нему первому...

Кевин позвонил Санчесам. Ответил отец. Он пошел звать Рамону; та подошла, появилась на экране.

— Я слышал, ты вернулась... — Фразы умнее Кевин придумать не сумел.

— Да, я только утром сегодня приехала, на рассвете. — Рамона улыбалась, как будто в этом не было ничего особенного. Но ведь скоро закат! Рамона настороженно поглядела на него и сказала: — Может, ты придешь? Будет удобнее разговаривать.

Кевин выключил экран и рванул в Фэрхевен. Рамона встретила его во дворе; они повернули и двинулись по тропинке, ведущей к ручью Сантьяго-Крик. На девушке были джинсы, вытертые до белизны, с бахромой внизу, и белая блузка с воротником-хомутом.

Неожиданно Рамона остановилась, повернувшись лицом к Кевину, взяла его ладони в свои. Смешно... Неужели из рук можно возвести барьер?

— Кевин! Мы с Альфредо собираемся снова быть вместе. Остаемся вместе. Он желает этого, и я тоже.

Кевин освободил свои руки.

— Но... — Он не знал, какое слово сказать. Не мог думать. — Но ты ведь решила порвать с ним... — услышал Кевин свои слова как бы со стороны. — Ты же столько лет пыталась наладить свои с ним дела, и ничего

не выходило. Ничего не изменилось с тех пор. Кроме лишь того, что... Что мы с тобой начали... Мы ведь только начали!

— Я знаю. — Рамона глядела в землю, покусывая губы. — Но... — Она встряхнула волосами. — Я не хочу, чтобы было так. — Она посмотрела мимо Кевина, куда-то в сторону. — Альфредо приезжал в Сан-Диего, и мы с ним долго говорили.

— Что? Альфредо был в Сан-Диего?

Глаза Рамоны блеснули в сумерках.

— Да.

— Но... — Кевин весь поджался, даже ребра втянулись внутрь. — Вот так дела! Ты сказала, что уезжаешь от нас обоих, чтобы все обдумать, и я так и полагал! А ты была там вместе с ним!

— Я действительно хотела остаться одна, но он поехал следом; нашел, где я остановилась. Я просила его удалиться, но он отказался. Так и продолжал стоять на лужайке. Он сказал, что должен поговорить и поэтому не может уйти, и простоит здесь всю ночь. В общем, начался разговор, и мы...

Дальше Кевин уже не слышал. Он широкими шагами шел прочь.

— Кевин!..

Он побежал, и бежал все быстрее, чувствуя, как напряженно работают мышцы ног. Словно на стометровке, несся Кевин к Чапмену и дальше — к холмам. Повинуясь неожиданному импульсу, инстинкту животного, ищущего укрытия, он рванулся через кусты напролом к Рэттлснейк-Хиллу, в свою нору...

Кевин сидел под сикомором, росшим на вершине, и ощущал, как течет время; то и дело поглядывал на ветви перед собой, черные на фоне неба, обрывал листья и втыкал их стебельками в землю у ног. Может быть, он шевелил губами, а может, даже шептал вслух сокрушающие фразы, которые сейчас приходили ему в голову; Кевин вел нескончаемый спор с Рамоной. Затем просто сидел, без всяких мыслей.

Совсем поздно Кевин двинулся домой, вниз, сквозь холодную сырость полночи, измочаленный, с едва бьющимся сердцем. И вдруг у заднего крыльца своего дома увидел Рамону, которая сидела прямо на земле, уткнувши лицо в колени. Это было уже слишком...

Рамона подняла голову. На лице ее были видны следы слез.

— Я не хочу, чтобы так получалось... Я люблю тебя, Кевин, неужели ты не чувствуешь этого?..

— Как я могу чувствовать? Если бы ты любила, то осталась бы со мной.

Рамона ладонями сжала виски.

— Я... Мне страшно хочется быть с тобой, Кевин. Но ведь мы с Альфредо столько времени прожили вместе... И сейчас он так несчастен. Он действительно хочет, чтобы я была с ним. Я столько отдала, чтобы наладить наши отношения с ним. Я так старалась. Я просто не могу выбросить все эти годы, понимаешь?

— Это бессмысленно. Ты все годы пыталась сделать что-то, старалась, и что из этого вышло? Оба вы несчастливы. Почему же сейчас все должно измениться? Какая разница?

Рамона зябко повела плечами:

— Кое-что изменилось.

— Мы с тобой сошлись — вот и все перемены! Альфредо разревновался. Ты ему не нужна, но то, что у тебя появился другой...

Рамона энергично затрясла головой, отвергая слова Кевина:

— Нет, Кевин, все гораздо сложнее. Альфредо, когда он приехал утром в мой день рождения, говорил то же самое, что и впоследствии. А ведь в тот момент он понятия не имел, в каких мы с тобой отношениях.

— Это он тебе так говорит.

— Я верю ему.

— Ну и что же теперь я такое? Как мне называться? Чего ты, в конце концов, хочешь?

Рамона набрала воздуха, как перед прыжком в воду.

— Я хочу попытаться еще раз начать жизнь с Альфредо. Я должна сделать это. Я его люблю, Кевин. Всегда его любила. Он — часть моей жизни. Я хочу заставить их работать, все эти годы, эту часть меня самой... — губы ее задрожали. — Он — часть меня...

— Значит, я — словно бревно, я... я был чем-то вроде лаги, с помощью которой ты надеялась приподнять лежащий...

Слезы выступили на глазах Рамоны и заблестели на щеках.

— Зачем ты так говоришь! Я не хотела этого! Я не собиралась делать так нарочно!..

Кевин слушал ее тоскливые оправдания и испытывал угрюмое удовлетворение. Он хотел увидеть Рамону несчастной, жалкой, и он добился этого...

Рамона поднялась с земли.

— Прости меня. Я не могу больше это выносить. — Рамона собиралась уйти, но Кевин цепко ухватил ее за руку. Рамона вырвалась: — Ну пожалуйста! Прости меня, прошу, не мучь меня больше!

— Я мучаю тебя?!

Но Рамона была уже далеко. Ее белая блузка мелькала между темными силуэтами деревьев.

Удовлетворение Кевина рассыпалось в прах, и он почувствовал себя очень скверно. Конечно же, она не хотела этого.

Но все равно Кевин был очень зол на Рамону, и чем больше он думал, тем сильнее злился. Подумать, Альфредо помчался вслед за нею в Сан-Диего, разыскал дом, стоял одиноко на лужайке! Вонючий лицемер. Плевать ему было на Рамону, пока та находилась под левым боком, ближе к стенке, и только после того, как место там остыло, когда он обнаружил, что теряет Рамону, вот тут забота о ней так и хлынула из щедрого сердца! Ревнивец поганый, и ничего больше. Дерьмовый ревнивый усач. И значит, она совершенная дура, что возвращается к такому человеку. Кевин разозлился еще больше. Рамоне следовало послать Альфредо куда подальше, лишь

только он показал свою рожу в Сан-Диего! Вот что она должна была сделать, если бы хотела поступить честно. А вместо этого — разговоры... Много разговоров. И, наконец, счастливый итог: примирение и кровать с крахмальными простынями где-то в Сан-Диего.

Спать этой ночью он не мог. По всему телу бродила тупая боль. Помимо этой боли, Кевин ничего не чувствовал.

Через два дня «Лобос» выступал в матче. Кевин появился поздно: он ехал берегом и на полпути поломал велосипед. Рамона прибыла сразу после него. Все остальные ребята уже разбились на пары и начали разминку. Не произнося ни слова, Кевин и Рамона переоделись. Так же молча вышли они на поле и начали кидать друг другу мяч. Без единого слова.

Край софтбольной площадки. Двое работают в пас. Мужчина и женщина. В вечернем солнце их тела отбрасывают длинные тени. Мужчина кидает мяч все сильнее и сильнее с каждым броском, будто они играют «на вылет». Но женщина не произносит слов возражения, не сдается и не отступает. Она выбрасывает руку в перчатке и ловит мяч точно «в карман». Раздаются звонкие удары; они приходится по тоненькой в этом месте коже перчатки, едва защищающей ладонь. Шлеп! Шлеп! Мужчина сильнее посылает мяч. Женщина, закусив нижнюю губу, швыряет мяч обратно почти так же резко; слышно, как щелкнуло что-то у нее в запястье. Мужчина бьет еще сильнее.

Белый мяч молнией летает между ними. Словно маленькое пушечное ядро. Туда — сюда. Шлеп! Шлеп!

Глава 8

Лагерь, Виргиния. Я интернирован. Перечить чиновнику Иммиграционной службы было большой ошибкой. Надо же, чтобы пустяковая стычка привела к такому!

Конечно, тут кроется нечто более серьезное. Приливная волна ужаса. Адвокат говорит, что все анализы, которые я сдал частным образом, отрицательны, так что это — просто уловка для задержания меня здесь, пока не соберут материал, чтобы подвести дело под Акт Хайеса—Грина. Фальсифицируют результаты тестирования...

Здесь что-то вроде концлагеря. Ряды деревянных бараков, пожухлая трава, пыльные бейсбольные площадки, скамейки, ограждение. Само собой, из «колючки». Город умирающих. Подделывают анализы, сволочи. Масса людей говорит то же самое. Некоторые из них явно не правы.

Типичное виргинское лето; жарко, душно. Грозы с молниями и градом. Ежедневный блицкриг новостей. Война заливает Балканы, по пятам следуя за скверным летом. Телевизионный апокалипсис. Над Атлантикой взорваны четыре самолета, так что скоро международное авиасообщение будет резко ограничено. Памеле придется плыть, если она вообще сможет вернуться домой. Мир становится больше, распадаясь на куски. Больше писать не могу.

Как Том и предсказывал, Альфредо оказался вынужден обнаружить свои планы в отношении Рэттлснейк-Хилла. Они с Мэттом заказали время на городском телеканале, за час до еженедельного, по средам, вечернего заседания Совета, и там объявили свои предложения, расхаживая около большого макета холма — как он станет выглядеть, если будет застроен в соответствии с их проектом. Склоны макета ершились густо-зелеными деревьями. Особенно заросшей сделали вершину — перелесок на ней решено было частично оставить. Низкие сооружения, венчая верхушку холма наподобие короны, шли ступенчатыми террасами, а в некоторых местах, похоже, продолжались в глубь холма. Материалом для зданий служил опалово-белый кирпич. Место, не застроенное домами, занимали газоны. Что и говорить,

замечательный макет; он привлекал к себе, как любая миниатюра — бесхитростный, опрятный, с микроскопическими деталями.

Мэтт прошелся по поводу городских финансов, сравнив акции Эль-Модены с акциями окрестных населенных пунктов и заведя дискуссию насчет их падения в течение последних 10 лет. Помахал указкой в сторону плакатов, демонстрирующих, какой вклад внесет новый комплекс в городскую казну, а затем кратко пояснил, откуда «Хиртек» и «Авендинг» возьмут деньги на строительство. Были даже показаны графики строительных работ, целое расписание.

Под занавес выступил Альфредо:

— В конце концов, это ваш город, ваша земля; вам и только вам принимать решение. Мы лишь можем предложить и ждать ответа горожан. Свое дело мы сделали, очередь за вами. Считаю, что проект будет реальным вкладом в благоустройство Эль-Модены. Рестораны, магазины и бульвары наверху сделают холм пригодным для землепользования. И, конечно, подобные заведения внизу ничуть не пострадают. Мы внесли в Совет предложения касательно зонирования и водных ресурсов, что обеспечит самый нижний, инфраструктурный уровень проекта. Сделан прогноз экологической нагрузки, он очень ясно показывает (мы и не отрицали этого), что холм претерпит изменения, но не разрушительного свойства. Около четверти городских угодий — парковые земли вроде Рэтгслейк-Хилла, они лежат сразу за ним. Мы можем застроить холм и воспользоваться его известностью в географии округа Ориндж, чтобы создать городу солидную репутацию гражданской, градостроительной и финансовой единицы.

— Вот мозги-то полощут, — сказал Кевин, глядя на экран. — Что за лепет!

Том рассмеялся:

— Улавливаешь, малыш.

Альфредо и Мэтт закончили просьбой к тем, кто сейчас у телеэкрана, сообщить другим, потому что ведь

немного горожан скорее всего смотрит этот канал, и высказаться перед своими депутатами в защиту предложения, если зрители заинтересовались. Обещали дать подробную информацию, планы, корректировки, письма...

— Отлично, начало положено, — сказал Том. — Настала пора позадавать на Совете каверзные вопросы. Можно прямо там спокойненько тормознуть все дело, если предложения по зонированию не пройдут. А ежели людям проект понравится, придется переизбирать Совет. Это значит, что, по крайней мере, будет выиграно время.

— Да, но, если людям понравится, городской Совет наверняка будет «за».

— Может быть. Все зависит от членов Совета — они не обязаны беспрекословно слушаться избирателей, наказывающих им делать то, чего они не хотят. В конце концов, у нас правительство представителей. По крайней мере в подобных вопросах.

— Да, конечно...

Кевин с трудом поддерживал разговор. Дело в том, что после беседы с Рамоной ему стало наплевать и на холм, и вообще на все. Он словно впал в оцепенение. Никаких новых слов и чувств. Только бегство, бегство в свою скорлупу. Оглушенная оцепенелость.

Однажды вечером Тому позвонила его старинная подруга Эмма.

— Послушай, мы зацепили неплохой хвостик в том деле с «Хиртеком», что ты на нас взвалил. Пока что не все дорожки прослежены, но ясна реальная, тесная связь между этой компанией и Американской ассоциацией медицинских технологий.

— Что это за штука?

— Ну, в основном она служит прикрытием всех старых платных больниц страны; масса связей с Гонконгом.

— Ага! — Том сел. — Звучит многообещающе.

— Очень. Эта ААМТ подключена к множеству строительных программ на восточном побережье, и, по сути, именно через нее строители пытаются выкачать все, что могут, из медицинской промышленности.

— Понятно. Ну а я что-нибудь могу сделать?

— Нет. Мы передали все Крис, она намерена заняться этим в рамках своего федерального расследования, так что машина закрутилась. Но — послушай, что я хочу сказать тебе, — мы сорвали маскировку, чтобы увидеть под ней дыру.

— Они знают, что ведется расследование?

— Совершенно отчетливо. И если Гонконг — их часть, это плохие новости. Некоторые из гонконгских банков работают очень грубо.

— Хорошо, буду держать ухо востро.

— Желательно. Я еще позвоню, когда появятся новости, а Крис, наверное, будет контактировать с тобой непосредственно.

— Хорошо. Спасибо, Эм.

— На здоровье. Рада была снова пообщаться с тобой, Том.

Дорис сердилась. В основном на себя. Нет, это не совсем правда. В основном она злилась на Кевина. Она видела, что Кевин явно страдает от этой связи с Рамонной, и сердце Дорис переполнялось жалостью, злостью и презрением. Безнадежный дурак, втюриться в человека, который явно влюблен в другого! Из той же породы, что и сама Дорис. Да, она злилась на себя, на собственную непроходимую глупость. К чему беспокоиться об идиоте?

И еще она сердилась на себя за ту ее грубость с Оскаром вечером, на холмах. Дорис понимала: тогда произошло смещение, перенесение с большой головы на здоровую. Оскар не заслужил такого обхождения.

Это было очень важно. Если человек заслуживал грубости, Дорис не чувствовала угрызений. Просто она была такой, вот и все. Энн, мать Дорис, воспитывала ее иначе, учила, что вежливость — одна из главных добродетелей, точно так же, как сама Энн была воспитана своей матерью, а та — своей и так далее вверх по течению вплоть до самой Японии. Но Дорис не приняла этого, подобный стиль шел вразрез с ее натурой. Дорис не была терпеливой и мягкой. Скорее наоборот — острой на язык и жесткой по отношению к людям, которые не поспевали за ней. Наверное, она и с Кевином вела себя резко, пыталась уколоть его, а он никогда не показывал виду; но кто знает? Без сомнения, Дорис делала ему больно. Да, уроки матери еще сидели внутри, превратившись во что-то наподобие: «Не изливай свой гнев на людей, которые его не заслужили». Она нарушила эту заповедь, притом не раз и не два. Но никогда не делала этого с таким эффектом, как в случае с Оскаром там, на холмах.

Что и было особенно обидно. Две картины того вечера застряли у Дорис перед глазами — выгоревшие пятна на сетчатке после прямого взгляда на слепящее солнце ее собственных чувств. Первая: Кевин и Рамона обнимаются на фоне крыши в лунном свете... Целуются — все, хватит об этом, что тут она может сделать? И вторая — большое круглое лицо Оскара, когда она дала ему пощечину и убежала. Лицо — шокированное, непонимающее, выражающее боль. Никогда она не видела ничего подобного, даже отдаленно напоминающего эту страдальческую мину. Обычно Оскар будто бы носил маску; торжественно-бесстрастная или гротескно гримасничающая, все равно это была маска. А в тот вечер Дорис увидела настоящее лицо, скрывавшееся под ней.

Итак, весьма недовольная собой, в конфликте с генетическим императивом «будь вежливой с людьми», однажды вечером после работы Дорис оседлала велосипед и отправилась к дому Оскара.

Входная дверь отсутствовала — весь южный фасад дома был разворочен в ходе инноваций, затеянных Кевином. Дорис обогнула дом, вошла в боковую дверь, ведущую через каморку для стирки белья в кухню, и постучала.

Дверь открыл Оскар. В первый момент, когда он увидел, кто явился, брови его сошлись на переносице. Но — не более того. Всем своим видом Оскар заявлял: «Я абсолютно спокоен».

Да, тогда она видела другое лицо. Ошеломленное лицо человека, заработавшего лунный удар. (Дорис была уверена, что такой существует; он даже болезненнее солнечного.)

— Послушай, Оскар, я сожалею о том вечере на холмах, — единым духом выпалила Дорис. — Я тогда была сама не своя...

Оскар поднял руку, останавливая пулеметную очередь слов-горошинок.

— Входи, — коротко сказал он. — Я тут общаюсь с родственниками из Армении.

Дорис проследовала за ним. В комнате мерцал телеэкран; на нем виден был двор, освещение давали несколько лампочек, развешанных, словно иллюминация, на ветвях дерева. Белый стол уставлен бутылками и бокалами; вокруг стола сидит целая шайка бандитского вида усатых мужчин, рядом женщины с черными, как смоль, волосами. Все как один уставились с экрана прямо на Дорис, лишь та вошла в комнату. Смутившись от неожиданности, Дорис произнесла:

— Там сейчас, должно быть, полночь...

Она услышала свое замечание в компьютерном переводе на армянский. Люди за столом рассмеялись, один что-то сказал. Телевизор в комнате Оскара, немного подумав, отчеканил синтезированным голосом:

— Когда лето, мы днем спим, а бодрствуем ночью; спасаемся от жары.

Дорис кивнула — мол, понятно. Оскар, глядя в зрачок над экраном, произнес задушевым тоном:

— Друзья мои, до чего приятно было всех увидеть! Но сейчас я расстанусь с вами. Надо ехать. До встречи через месяц! Люди на экране заулыбались, заговорили наперебой: «До встречи, Оскар!», прощально махали руками. Оскар отключил звук.

— Люблю я эту банду, — сказал Оскар по пути из комнаты в кухню. — Они без устали приглашают приехать, навестить... Согласись я, пришлось бы пробыть там целый год, чтобы, не обидев никого, погостить в каждом доме.

Дорис снова кивнула и сказала:

— У меня самой есть такие же родичи. Заботливые родственники — всегда хорошо. Но еще лучше такие, которые вообще не дают о себе знать: — Затем опять приступила к делу: — Послушай, я серьезно сожалею о позавчерашнем...

— Уже слышал, — грубовато прервал Оскар. — Извинения приняты, хотя в этом совсем нет нужды. Тот вечер оказался для меня прекрасным.

— Неужели? Про себя я бы такого не сказала. Что же с тобой такое превосходное случилось?

Оскар лишь посмотрел на нее бесстрастным взором.

«Ага, — догадалась Дорис, — наверное, он сердится на меня — там, под маской».

— Можно я выгащу тебя пообедать? — вслух произнесла она.

— Нет. — Он моргнул. — Во всяком случае, не сегодня. Ты же слышала, я сказал только что — уезжаю. На гонки.

— Гонки?

— Если пойдешь со мной, мы, может, что-нибудь сообразим. Например, там есть хот догс.

— Хот догс?.. — протянула она.

— Такие маленькие говяжьи сосиски.

— Мне известно, что это такое! — рывкнула Дорис.

— Значит, тебе известно достаточно, чтобы решить, едешь ты со мной или нет.

На самом деле Дорис не знала, что такое «хот догс», просто ей не хотелось доставлять Оскару удовольствие видеть ее любопытство.

— Хорошо, — произнесла она. — Пошли.

Оскар уговорил Дорис ехать на машине, чтобы не пропустить начало. Оскар припарковался в южном Ирвине на краю до отказа набитой стоянки, расположенной позади вытянутого стадиона. Из его бетонной чаши доносился низкий рокот.

— Шум как от завода, — сказала Дорис. — На чем они гоняют?

— На драгах.

— Это... автомобили?

— Угадала.

— Но ведь они работают на бензине! — с возмущением воскликнула Дорис.

Рев моторов со стадиона заглушил ответ Оскара. «Вот черт, — подумала Дорис, — он просто дико зол на меня. Притащил сюда именно потому, что знает — мне не понравится!»

— ...На спирту! — услышала она голос Оскара во внезапной паузе моторного грохота.

— Машины или люди?

— И те и другие.

— Но ведь они никуда не приезжают! Носятся за своим хвостом. В шоссейных гонках хотя бы есть пункт назначения...

Оскар поглядел на нее:

— Зато они едут в никуда очень быстро.

«Ладно, — приказала себе Дорис. — Спокойно. Не дай ему поддеть себя. Если уйдешь сейчас, Оскар решит, что ты, как он всегда и считал, просто нашпигованная моралью сучонка и он победил. Какого дьявола, он вовсе не собирался побеждать, по крайней мере — сегодня», — сама собой возникла мысль.

Оскар купил билеты, и они пошли на стадион. Люди толпились на трибунах, надрываясь, перекрикивали шум

моторов, пили пиво из банок и бумажных стаканчиков. Масса потертых синих джинсов, джинсовых жилеток и курток. Многие одеты в черную кожу. И многие толсты, по крайней мере очень упитанны. Может, именно поэтому Оскару здесь нравилось?

Они уселись на верхние скамейки с пронумерованными местами. Оскар купил у разносчика пиво. Неожиданно он поднялся на ноги и заревел, все наращивая силу своего баритона:

— Международные гонки округа Ориндж, ура-а!

Когда Оскар начал орать слово «гонки!», вся толпа взревела вместе с ним; получилось что-то вроде гимна. Люди с разинутыми в крике ртами поворачивали лица к Оскару; один из них бесцеремонно спросил:

— Это кто такая с тобой?

— Дорис Накаяма! — провозгласил Оскар, словно объявляя выход борца-профессионала. — Впервые на арене!

Человек тридцать приветственно закричали:

— Здорово, Дорис!

В ответ она подняла руку и вяло пошевелила пальцами в воздухе. На длинную полосу окрашенного в черный цвет бетона начали выкатываться машины. Поднялся такой грохот, что стало невозможно слышать соседа.

— Вот это машины, а? — крикнул Оскар в самое ухо Дорис.

И впрямь автомобили выглядели впечатляюще — толстенные задние шины, вытянутые фюзеляжи, черные с серебром громады ревущих двигателей. Передние колеса крепились на торчащей вперед и в стороны трубчатой раме — конструкция под стать велосипедной, только гораздо более мощная. Гонщик протискивался в машину через узкую щель впереди мотора. Действительно громадины — Дорис осознала это, увидев, какими маленькими кажутся головы в шлемах, торчащие из водительских люков. Даже на холостых оборотах двигатели издавали безумный рев, а уж когда гонщик давал перегазовку,

мотор словно превращался в бомбу непрерывного взрыва и выплевывал протуберанцы пламени через широченные выхлопные трубы, расположенные сзади по бокам корпуса. Дорис животом чувствовала неприятные вибрации — грохот сотрясал внутренности.

— Четверть мили! — орал ей в ухо Оскар. — Разгоняется до двухсот в час! Немыслимая приемистость!

Стадионные приятели Оскара, наклоняясь к ней, наперебой выкрикивали пояснения. Дорис энергично кивала, стараясь выглядеть заинтересованной.

Гонщики начали прикидку старта. Задние колеса буксовали по бетону с отвратительным визгом, пуская дымок; машины пугающе вихлялись из стороны в сторону, когда колеса «схватывали» дорогу. Вонь паленой резины смешивалась с запахом не до конца сторевшего пшеничного спирта.

— Жгут резину! — кричали Дорис «преподаватели». — Шины нагреваются и — хрюк, хрюк, уи-и-и! — сцепление с бетоном!

— Оскар делает на своем велосипеде то же самое, когда тормозит! — крикнула Дорис.

Смех. Два автомобиля, грохоча и харкая огненными выхлопами, вышли на стартовую позицию, разделенные столбом с вертикальной цепочкой огней; когда машины, бешено взревев, стали неподвижно, огни быстрой чередой пробежали снизу вверх, и машины прыгнули вперед, визжа резиной по бетону. Толпа вскочила на ноги и визжала в унисон с колесами; машины летели по черной дороге к финишной линии перед трибунами, молнией мелькнули мимо и с ревом пронеслись дальше, выпустив небольшие парашюты.

— Помогает замедлить скорость, — сказал Оскар, показывая вслед тормозящим машинам.

— Нет, серьезно? — громко крикнула Дорис.

К линии старта подкатила следующая пара.

Так вечер и проходил — рвущий уши грохот, затем перерыв, во время которого Оскар с друзьями объясняли

Дорис разные гоночные вещи, а та давала собственные комментарии. Грубая мощь машин подавляла — и только.

— Как это все глупо! — воскликнула Дорис один раз.

Оскар усмехнулся своей скупой улыбкой.

— Вот бы ты вел одну из них! — сказала она в другой раз.

— Да ему туда не втиснуться!..

— Вот смеху будет, если все-таки залезешь.

— Просто ему нужна машина посolidнее, — сказала Дорис. — Оскарomobilь.

Оскар выставил вперед руки, крутя воображаемую баранку, с комично сведенными к переносице выпученными глазами.

— Так что же, выходит, — поинтересовалась Дорис, — этим машинам нужен большой вес на задние колеса?

Все бросились объяснять, почему сие отнюдь не обязательно.

— Трудный спорт, — говорил Оскар. — Ты должен переключать скорости, не пользуясь сцеплением, и делать это очень быстро. И потом, машину все время «уводит» в сторону, так что надо сосредоточиться на рулежке, а одновременно переключать передачи.

— Две вещи одновременно? — переспросила Дорис.

— Ха, этот спорт не только резину с колес, он и шкуру с водителя спускает. Гонщик должен уметь концентрироваться на главных вещах. Так сказать, вычлeнять их.

Потом на арене появились автомобили, больше смахивающие на обычные; дымя и пихаясь, они занимали место на старте. Забавные машинки — просто стеклопластиковые оболочки на мощных моторах. Когда две такие машины сорвались с места, Дорис, наконец, получила удовольствие от того, насколько они быстры. Синие букашки мчались раза в четыре скорее, чем любой из виденных ею в жизни автомобилей.

— Ух ты! — Этим коротким восклицанием она заработала полное и всеобщее расположение окружающих.

Когда гонки закончились, зрители повставали с мест и началась тусовка. Оскар был центром группы. Дорис познакомили со столькими людьми, что запомнить все имена она просто не могла. У нее аж круги стояли перед глазами. Оскар ввязался в нескончаемый спор о шансах гонщиков на выигрыш в чемпионате следующего месяца. Кое-кто из друзей поддевал его насчет «оскаромобиля», и Дорис быстренько набросала карандашом на клочке бумаги предполагаемую конструкцию. Вышла сигара с шаровидным вздутием сзади между широко расставленными огромными колесами.

— Ты знаешь, как это надо назвать? Трехъяйцевый хреномобиль!

— Так и задумано.

— Ого, значит, вы с Оскаром хорошо знаете друг друга?

— Ну, не настолько...

Смех.

Простая одежда. Экипировка в стиле «американца»: синие джинсы, ковбойские башмаки, автомобильные эмблемы на свитерах машинной вязки... Дорис подумала, что развлечения Оскара, похоже, требуют частого переодевания. Маски, маски — на все части души и тела. Некоторые из друзей звали его «Носорог», так что, вероятно, миры его увлечений имели что-то общее. Профессиональная борьба, автогонки — да, одно к одному. Тупые, несовременные, ностальгические виды спорта. Похоже на Оскара! Дорис даже засмеялась.

Когда они покидали стадион, то, возвращаясь к машине, прошли мимо кучки молодых людей, затянутых в черную кожу или щеголяющих в причудливо залатанных джинсовых жилетках, в блестящих черным дегтем ковбойских сапогах — ну и так далее. Девушки все в побрякушках. Дорис стала рассматривать эту группу, направившуюся к месту стоянки мотоциклов. Многие парни даже толще, чем Оскар; их длинные волосы и бороды косматились немытыми прядями. Руки разукрашены черной татуировкой. (Дорис заметила, что пролитое пиво

смывает роскошные рисунки без следа.) Гигант с длинным «конским хвостом», очевидно, вожак, подошел к парапету и отомкнул цепочку, которой была прикована его машина — совсем обычный мотоцикл; оседлал своего мустанга, явно низкорослого для детины; седоку пришлось растопырить согнутые ноги, так что колени торчали в стороны, наподобие дуг безопасности. Сзади к парню притиснулась подружка; обтянутая джинсами попка свисала с коротковатого для двоих сиденья. Рама бедного железного коня просела чуть не до земли, задняя шина уныло сплющилась. Вожак кивнул сподвижникам, что-то выкрикнул — наверно, задорные слова — и лягнул свой мотоцикл, понукая ожить двигатель. Десяти-сильный мотор завертелся, издавая звук швейной машинки. Остальная команда тоже затрещала выхлопами и вывалилась, словно рой, со стоянки, направляясь по дороге к Сэнд-каньону с сумасшедшей скоростью пять миль в час.

— Кто они? — спросила Дорис.

— «Адские ангелы».

— Это?.. Эти?..

— Да. — Оскар поджал губы. — Вот что может натворить ограничение на мощность двигателя...

Оскар фыркнул. Дорис просто лопалась от смеха. Оскар посмотрел на нее и громко захохотал, задрав голову к небу. Так они стояли вдвоем и глупейшим образом ржали.

Том и Надежда проводили дни вместе, наезжая временами в Эль-Модену встретиться со старыми друзьями Тома. Они осмотрели птицеферму Сьюзен Майер, потрудились в приусадебных садах вместе с Рафаэлем, Андреа и Донной, завтракали в столовой городской ратуши с Фрэнком, Йоши и Бобом; это — не считая бесед с целой кучей людей, работающих в городских службах. Все говорили, что им очень приятно вновь увидеть Тома, общаться с ним. Том понял, что, наверно, ущемил

какие-то чувства окружающих своей самовольной изоляцией. А может быть, даже повредил канву, переплетение социальных нитей мира, частью которого он был в течение стольких лет, до того как спрятался в своей хижине в лесу. Странное ощущение — наблюдать себя со стороны, будто ты — какой-то другой человек. Радость на лице Фрэна:

— О, Том, это просто здорово — беседовать с тобой снова!

Приветливые слова других людей на том конце стола.

— А я, словно паучиха, пытаюсь его уволочь, — сказала Надежда.

Том, смущаясь, рассказал о предложении Надежды, чтобы он соединился с ней. Но это все-таки не то же самое, что скрываться в своей конуре, и собеседники нашли идею превосходной.

— Это надо сделать, Том, безусловно!

— Ох, не знаю.

Однажды они с Надеждой колесили по округу на маленьких горных велосипедах со сверхвысоким рулем — чтобы не терзать позвонки, и сверхнизкой передачей, чтобы легче было взбираться на холмы. Том таскал Надежду по разным любимым местам своей юности, ныне совершенно изменившимся, и рассказывал о них, как археолог о раскопках древности.

Спустились к Ньюпортской гавани посмотреть на корабль — вещь совершенно замечательную. Вблизи корабль выглядел просто огромным. Классических форм, как у старинных клиперов, судно, правда, не имело. Нос его был широким, а очертания корпуса — громоздкими; корабль строился так, чтобы вмещать большую команду и иметь максимальный объем грузовых трюмов. Зато современные материалы дали возможность значительно увеличить парусную оснастку, поэтому корабль обладал быстроходностью клипера. Во многом он походил на известные по рисункам и фото парусные корабли девятнадцатого века, но блеск титана, компьютеризованная руб-

ка управления и ажурные очертания рангоута делали внешний вид корабля новым и странным.

Надежда снова напомнила Тому о своей просьбе присоединиться к ней на судне; Том ответил:

— Я хочу, чтобы ты побольше мне показала.

Выглядел он, да и чувствовал себя в этот момент весьма сомневающимся.

— Я бесполезен как моряк, — говорил он, окидывая взглядом паутину оснастки.

— Я тоже, но мы идем туда не для этого. Мы станем учителями.

«Ганеш» являлся филиалом Калькуттского университета; здесь давались степени по морской биологии, экологии, экономике и истории. Большинство инструкторов оставалось в Калькутте, но на борту было по нескольку преподавателей каждой из дисциплин. Надежду пригласили преподавать на историческом факультете.

— Не знаю, смогу ли я поучать, — в раздумье говорил Том.

— Ерунда, ты каждый день занимаешься этим в Эль-Модене.

— Не знаю, люблю ли я читать лекции. Вряд ли.

Надежда вздохнула. Том посмотрел вниз и потер ладонью шею, чувствуя смятение. Да, омолаживающие лекарства оказывают иногда действие — особенно при передозировке.

Надежда водила Тома по кораблю. В рубке управления такелажем Том растерянно оглядывал оборудование: мощные лебедки, автоматика, компьютер для расчета оптимальной парусной оснастки в зависимости от направления и силы ветра... Он кивал, слушая объяснения, а воображение рисовало маленькие фигурки, по-паучьи карабкающиеся на ванты, чтобы взять рифы на верхних парусах. Мореходы...

— Что касается расчета оснастки, наш капитан даст компьютеру сто очков вперед.

— Какой-то один раз или в течение всего плавания?

— И так, и так. Бьет машину в хвост и в гриву.

— Как здорово узнавать о подобных людях! Теперь таких осталось очень мало.

— На море — хватает.

Нажимая на педали, они ехали через Ирвинские холмы, что позади университета, в глубь округа. Солнце жгло спину, снова давало себя знать дыхание Санта-Аны. Том перечислял причины, по которым не может уехать, а Надежда отбрасывала их одну за другой. За пчелами будет ухаживать Кевин. Сражение за Рэттлснейк-Хилл — борьба на языках, Том может вести ее и с борта. Ощущение необходимости остаться — не более чем проявление трусости.

Они ехали по круговой дорожке, вливающейся в транспортную магистраль. Том сказал:

— Здесь надо повнимательнее. Эти кольцевые развязки опасны, в прошлом месяце тут погиб один парень.

Надежда будто не слышала Тома.

— Я хочу, чтобы ты был со мной в плаванье.

— Ну а мне бы понравилось, если бы ты осталась здесь.

Надежда в ответ скорчила рожицу. Том рассмеялся.

На окраине Ирвина Том затормозил и прислонил велосипед к ограждению обочины.

— Однажды мы с женой летали сюда навестить моих родителей. Трассы были битком набиты, и отец повез нас домой в объезд, что в то время означало — прямо вперед, по просекам, а то и без. Мне кажется, он хотел сделать поездку запоминающейся или, может быть, желал таким образом самовыразиться. В те времена здешние края были местом, где встречались город и пригород. Апельсиновые рощи и целые земляничные лужайки, перемежающиеся ветрозащитными полосами эвкалиптовых деревьев; теперь все повыкорчевано и уничтожено по приказам погнавшихся за дешевой землей умников из муниципальных Советов. Ведь как было: куда ни брось взгляд — возводятся гигантские проекты, бульдозеры рычат на улицах, скреперы, краны подъем-

ные торчат всюду, озера цементной грязи... Улицы перекрывали целиком, приходилось искать объезд. Мне прямо-таки тошно было. Я воочию видел, как гибнет округ Ориндж.

Том засмеялся.

Надежда сказала:

— Видишь, никогда ничего нельзя предсказывать с определенностью.

Они покатали дальше по промышленной зоне, между длинными зданиями, крытыми стеклом с оттенками бирюзы, меди, золота, а иногда — изумрудным или кристально-прозрачным. Здания окружали зеленые газоны, на которых стояли красиво стриженные деревья.

— Похоже на Диснейленд, — сказала Надежда.

Том ехал впереди. Пошли жилые кварталы; здесь стояли уютные домики, выкрашенные в пастельные и охряные тона.

— Ассоциация «Окрестности Ирвина» выпустила предписание о внешнем виде жилых домов. Хотят красиво выглядеть. Получилось прямо как в этнографическом музее или в Диснейленде.

— Тебе не нравится?

— Нет. Здесь и ностальгией сквозит, и неприятием нового, и претенциозностью... Не знаю точно, чем больше. Живут под колпаком, а сами делают вид, что на дворе шестидесятые прошлого века!

— Мне кажется, тебе лучше сесть на «Ганеш» и уехать от всех этих раздражающих вещей.

Том что-то пробурчал.

А потом северную часть неба заполонила стая змеев и привязных баллонов на горячем воздухе, рвущихся со своих поводков под свежим напором Санта-Аны.

— Вот где лекарство от раздражительности, — воспрянул духом Том.

— Эль-Торо — поселок любителей деревьев. Когда дует Санта-Ана, их воздушный флот порхает надо всем Ирвином.

Они въехали под сень внушительных сикоморов — плода геной инженерии. Том остановился под одной из множества арок, образованных деревьями, и, подняв голову, впился взглядом в переплетение ветвей, глубже — туда, где прятались висячие мостки и маленькие деревянные хижины.

— Эй, Хьянг! Ты дома?

Вместо ответа из зеленой путаницы листьев показалась и поплыла к земле корзина — лифт. Навстречу ей ввысь пополз массивный чугунный противовес. Том с Надеждой забрались в корзину и взмыли на шестидесятифутовую высоту. На этом «этаже» Хьянг Нгуен встречал гостей. Возрастом Хьянг был под стать Надежде; оказалось, они знакомы — участвовали в конференции в Хошимине лет тридцать пять тому назад.

— Да, тесен мир, — весело сказал Том. — Могу поклясться, он специально так устроен, чтобы каждый мог встретиться с каждым.

Хьянг кивнул, улыбаясь желтым лицом:

— Считают, что через цепочку из пяти знакомых — не более — человек оказывается связанным со всеми людьми, живущими на Земле.

Они уселись на открытой террасе, еле заметно колышущейся в воздухе вместе с огромной ветвью — опорой террасы, пили зеленый чай и беседовали.

Хьянг исполнял обязанности мэра Эль-Торо и являлся главной фигурой в городском планировании. Он с увлечением рассказывал о своих делах и замыслах. Под началом Хьянга несколько тысяч человек, живущих в роще сикоморов подобно белкам на ветках, изо всех сил трудились над технологией создания жизнеспособного генного комплекса.

Надежда рассмеялась:

— Опять Диснейленд, правда? Беличий домик для шведской семьи из десятка любовников.

— Совершенно верно, — непринужденным тоном отозвался Хьянг. — Я рос в Малом Сайгоне, что над Садовой рощей, и поездки в Диснейленд запомнил как луч-

шие дни детских лет. Это было поистине волшебное царство. И хижины на деревьях мне сызмальства нравились. — Он запел простенький мотив, который без конца повторялся в дереве-баньяне Диснейленда (сотворено дерево было из бетона и пластика, но маленького Хьянга это вовсе не смущало). Том подхватил мелодию. — Я мечтал спрятаться где-нибудь, когда парк будет закрываться, и провести целую ночь в хижине на этом чудесном дереве.

— Я тоже! — воскликнул Том, прослезившись.

— А вот теперь я сплю в такой хижине все ночи. Ни я, ни мои соседи — никто не жалуется, — с улыбкой заключил Хьянг.

Надежда поинтересовалась, как у них все начиналось, и Хьянг рассказал эволюцию любителей деревьев. Апельсиновые плантации, база морской авиации, опытный ботанический участок правительственного подчинения, станция генной инженерии — все эти заведения решились на подвиг: объединиться в Эль-Торо. Часть апельсиновых садов уже существовала. Группа, руководимая Хьянгом, убедила городские власти позволить строиться на деревьях, и воздушные хижины быстро стали геральдикой города.

— Растительное существование или, если быть более серьезным, обитание на деревьях — наша философия, образ бытия, — говорил Хьянг. — Теперь по всей стране расплодились наши последователи, есть даже Всемирная ассоциация древесных городов.

— Ну уж если вы сумели сделать такое, — сказала Надежда, — то наверняка сумеете помочь спасти один малюсенький холм в Эль-Модене.

Надежда и Том стали объяснять Хьянгу ситуацию, тот закивал головой:

— Да, чертовски с вами согласен, просто чертовски. Это дело не юридической возни, здесь необходимо — да и достаточно — завоевать мнение горожан.

— Я знаю, — отвечал Том. — Тут-то как раз и сидит закавыка. Предложение о застройке холма внес сам мэр,

а он пользуется популярностью. И почти наверняка сможет набрать большинство голосов в свою пользу.

Хьянг хмыкнул.

— Тогда вам не повезло. Но главная заковыка, вернее, главная действующая пружина, таится совсем не там, где вы думаете. Не в Совете она спрятана и не в суде, она — они, ваши действующие или противодействующие силы, сидят по своим домам. — Хьянг снова растянул губы в улыбке. — Хорошая штука демократия, когда ты в большинстве, точно?

— Ладно, ладно... Есть ведь законы, защищающие права меньшинств. Должны быть. Охрана меньшинств, земли, животного мира...

— Есть, конечно. Да только можно ли их применить к вашему случаю?

Том в задумчивой неуверенности со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Вам надо начать широкую общественную кампанию. Сделать обсуждение публичным настолько, насколько возможно. Мне кажется, это сработает лучше всего...

— Хм-м.

И опять рот Хьянга расплылся в тонкой восточной ухмылке:

— ...Если только не окажет обратного эффекта.

Зазвонил телефон; Хьянг спустился по трехпролетной лестнице, покинув комнату с множеством окон, которую поддерживала, сгибаясь и пружиня под ее весом, огромная ветвь. Гости, оставшись одни, глазели по сторонам; чувствовалось, как легкий ветерок колышет жилище. Ощущение, что ты на высоте, не покидало ни на секунду; солнечные лучи рассеивались зеленой листвой. В какое окно ни глянь, огромные деревья заслоняют ближний вид, а там, дальше — местами рощи, местами открытое пространство: хочешь, разбей сад; хочешь, проложи тропинку... Прямо-таки улада для рецепторов, зрительных и слуховых.

— Здешнее место привлекает своим младенческим, даже зачаточным обликом, — заметила Надежда. — Про-

стога, безыскусственность рельефа, структурная прозрачность, какое-то непонятное очарование...

— Это в тебе говорят гены, — откликнулся Том. — Миллионы лет деревья служили нам домом, убежищем в саванне, полной опасностей. Так что, дорогая, твоя неожиданная любовь к древесному образу жизни, можно сказать, изначально запаяна в мозг; со временем сверху выросли новые нервные ткани, а древолюбие осталось под ними, как глубокая внутренняя структура, и мы никогда не утратим ее, не забудем, какими бы радужно-яркими зайчиками ни пускали в нас, пытаясь ослепить блеском стекла и металла. Может быть, нам стоит перебраться жить сюда...

— Может быть.

В комнату поспешно вернулся Хьянг. Вид у него был озабоченный.

— Пожар на холмах к востоку отсюда. Огонь быстро движется. Похоже, в ваших местах.

И правда, они разглядели белый дым над холмами, влекомый сюда ветром. Том поднялся на ноги:

— Нам надо идти.

— Конечно. Берите машину, за велосипедами вернетесь потом. Я позвонил, на станции готовят автомобиль. — Хьянг нажал кнопку подъемника, и громоздкий черный противовес пополз с земли вверх.

Низовой пожар в калифорнийских предгорьях летом — явление страшное. И не только потому, что растительность на склонах позасыхала, но еще из-за ее, растительности, более чем превосходной горючести, ибо деревья и кустарники здесь очень смолистые — это помогает им пережить долгое время засухи. Когда случается пожар, мексиканский кустарник, манзанита, кустарниковый дуб, а из травянистых — полынь и многие другие растения даже не горят, а буквально взрываются. Особенно когда дует ветер. Он снабжает пожар дополнительным кислородом и перебрасывает огонь на все новые кусты, уже

накаленные солнцем чуть ли не до температуры самовозгорания, когда достаточно малой искры, чтобы их охватило бушующее пламя. При сильном ветре создается впечатление, будто склон полит бензином, так быстро все на нем вспыхивает.

Трехколесный вездеход, набитый оборудованием, в котором ехали Надежда с Томом в сопровождении нескольких людей с научной станции, преодолел последний поворот тропы, ведущей к хижине Тома, и остановился. Взоры всех сидящих в машине были прикованы к зрелищу пожара.

— Ой-ей-ей, — вздохнула Надежда.

Овражистый склон холма к востоку от дома, где жил Том, почернел и курился дымом; неровная линия, отделяющая этот новый мертвый цвет от обычного, зеленовато-серого, мерцала яростными огненными переливами от густо-красного до прозрачно-оранжевого. Оттуда, из зоны огня, валил сизый дым, загораживая солнце и вытесняя воздух с подветренной стороны. Солнечные лучи, фильтруясь сквозь дым, давали какое-то странное, зловещее освещение. Временами из зоны пожара вырывались огненные языки — вверх по склону, в направлении жилища Тома. Можно было видеть шарообразные сгустки пламени, перемещающиеся сами по себе, подобно перекасти-полю. При подходе огня деревья и кусты вдруг вспыхивали и с шумом исчезали в пламени, подобно шутихам. Стоял непрерывный треск и грохот.

Том как вкопанный вдруг встал посреди тропинки (Надежда едва не ткнула носом в его спину), пристально глядя сквозь незнакомый, мутно светящийся воздух, оценивая степень опасности.

— Проклятье, — встревоженно сказал он. И добавил: — Пчелы!

Подбежал Хэнк с группой людей.

— Пошли, — сказал он, — с расстояния одолеть пожар не удастся.

Появился Кевин с лопатой, его лицо и руки были в боевой, черной с коричневым, раскраске, сделанной сажой и глиной.

— Мы погрузили ульи на тележку и увезли. Неизвестно, много ли в них сейчас сидит пчел. Куры тоже эвакуированы. Поливаем водой твою крышу, а они там, — Кевин обернулся и бросил быстрый взгляд в сторону хижины Тома, — обрубают склон овражка, чтобы не подпустить к дому огонь. Не знаю, удастся ли сохранить дом, ветер очень силен. Лучше бы тебе вытащить оттуда все, что нужно... — Последние слова Кевин договаривал уже на бегу.

Том рысцой заспешил по тропинке к своему домику; Надежда тоже не отставала. Воздух был жарким и плотным, как бы жирным от дыма и копоти. Пахло польнью и горячей смолой. Над головой летели тлеющие веточки, листья, куски коры. У восточной стены домика толпа народа орудовала кирками, лопатами и топорами, расширяя и перекапывая старую огнезащитную полосу. Эта полоса издавна окружала домик, и теоретически все должно быть хорошо, но внушал сильное сомнение слишком узкий овраг; местность вокруг тоже задавала хлопот защитникам дома — кочковатая, изрезанная. Надежда сразу заметила, как тяжело приходится людям. Западный, более высокий гребень оврага имел лучшие шансы; там тоже работали люди, рядом стояли небольшие грузовички-пикапы.

Сверху послышался звук, перекрывающий шум пожара, как будто сотня лесорубов работала в небесах топорами. Над головами людей показались четыре вертолета. Габриэла что-то кричала в миниатюрный передатчик, видимо, посылая пилотов в нужное место; вид у нее был очень боевой. Вертолеты, громыхая, пошли низко над горящим лесом и начали сбрасывать большие емкости с белым огнегасящим порошком. Одна из винтокрылых машин обрушила на пожар цистерну с водой. К небесам поднялись облака дыма и пара, ветер относил их на восток. Вертолеты зависли в воздухе, развернулись и

сделали второй заход, затем улетели. И снова стал слышен, заполняя собой все, рев пламени. В овраге, что шел ниже домика по склону холма, огонь, похоже, затух, но по другую сторону оврага все так же, как и раньше, взрывались вспышками отдельно стоящие деревья и кусты, превращаясь мгновенно в факелы пламени и добавляя свою партию ударных в какофонию лесного пожара.

Здесь, у огнезащитной полосы, Надежда увидела почти всех, с кем встречалась в Эль-Модене. Люди занимались тем, что обрубали ветви и тащили их вниз по гребню на запад. Лезвия взлетающих топоров хищно блестели в жутковатом, inferнальном освещении, которое давал огонь. Двое женщин работали пожарными рукавами, но давление воды было слабым, и длинной струи не получалось. Женщины разбрасывали белые водяные брызги всюду, куда могли достать, поливали пожарных, свежееобнаженную землю защитной полосы, отброшенные в сторону ветки.

Кевин работал киркой близ домика, ниже по склону. Он с размаху подрубал под корень кусты зарослей шалфея; рядом с ним тем же занимался Альфредо. Они взмахивали своими орудиями в таком согласованном ритме, что, казалось, работали на пару много лет, и ненавидели друг друга, и погружали кирки в землю с такой силой, будто это была грудь соперника и каждый хотел выкорчевать сердце другого из этой груди... Вывернутый с комом земли куст отлетал в сторону, и оба бросались к следующему, чтобы начать следующий раунд схватки.

Надежда стряхнула с себя наваждение зрелища и поспешила к домику вслед за Томом. Внутри хозяйничала Рамона и куча остальных Санчесов; Рамона тащила в руках целую охапку одежды.

— Эй, Том, уноси то, что нужно, и поскорее!

Было душно; через окно кухни Надежда увидела, как мимо пролетают тлеющие угольки. За опустевшей пасекой возвышались, как забор, панели солнечных батарей —

сейчас их щиты покоробились, на глазах деформируясь и оплавляясь от жара.

— Брось тряпки! — приказал Том и, неожиданно вспомнив, ахнул: — Фотоальбомы! — Он метнулся в маленькую комнатку, что за спальней.

— Все из дома! — раздался голос с улицы. Усиленный мегафоном, голос звучал будто в сновидении — металлический, замедленный: — Все из дома и уходите за огнезащитную полосу! Немедленно!

Тома пришлось буквально выволакивать из домика, он упирался и бранил спасателей. Исполинский рокот сотрясал воздух; знаками пунктуации, придающими членораздельность голосу самовыражающейся природы, служили бесчисленные отдельные малые взрывы и воздушные толчки. Огонь уже охватил весь склон холма между оврагом и гребнем. Дальние холмы, казалось, всплывают и опадают, колыхаясь в волнах горячего воздуха. Люди устремились вниз, к только что сделанной огнезащитной полосе; те, кто был в домике, выскочив, побежали за ними.

Том стоял, пошатываясь, глядя себе под ноги, альбом с фотографиями крепко прижат к груди. Альфредо и Кевин спорили, присев над картой; Кевин тыкал в карту пальцем, на котором запеклась кровь:

— Вот где естественная полоса защиты! — И он показал на запад. — Единственная польза, для которой послужит эта сторона каньона Питера. Надо послать туда всех людей — расширить овраг, очистить склоны. Тогда мы остановим огонь.

— Возможно, — ответил Альфредо, пожав плечами. — Хорошо, давай сделаем так, как ты предлагаешь.

Они оба поспешили вниз по тропинке, Альфредо на ходу выкрикивал указания, да так громко, что Габриэла перестала на время говорить в микрофон рации. Белый дым горящей листвы расплывался в воздухе; стало трудно дышать. Свет дня померк, предметы потеряли свои краски.

Люди тесно сгрудились на дорожке, выдолбленной в каменистом склоне, и смотрели назад, где хижина Тома осталась стоять одна посреди пламени. Домик упорно не желал сдаваться; правда, панели солнечных батарей оплавившись и выглядели как подпорченные леденцы. От них валил черный вонючий дым — горела пластмасса. Трава во дворе уже запылала, «дедушкины часы» гордо высились среди огня, словно нераскаившийся еретик, которого казнят на костре. Гонт с одного угла крыши охватило пламенем — весь сразу, словно по мановению волшебной палочки. Вспышка — это занялась стена, целиком, как газета в костре. Надежда цепко держала Тома под руку, а тот пытался вывернуться и напряженно глядел на картину гибели своего жилища, так и не выпуская накрепко прижатого к груди альбома с фотографиями — лицо в морщинах, перепачканное сажей, покрасневшие от едкого дыма глаза, дико растрепанные косматые волосы, опаленные сбоку пролетевшим угольком так, что завились в колечки, губы плотно сжаты с каким-то презрительным выражением.

— Это всего лишь вещи; всего лишь вещи, — хрипло и сердито твердил Том. — Только лишь вещи...

Но, проходя мимо севшего на землю маленького роя окуренных дымом пожара пчел, он страдальчески вздохнул.

Том захотел принять участие в сооружении огнезащитной полосы на западе, и Надежда поехала с ним, втиснувшись в кузов пикапа, наполненный до отказа закопченными, потными людьми. Создавалось впечатление, что они жизнерадостно смеются и подшучивают друг над другом. Если бы это еще не касалось Тома и его домика...

На месте все попрыгали из кузова на землю и присоединились к большой толпе уже работавших здесь жителей Эль-Модены. Полоса, устроенная на длинном, ровном и широком гребне, была совсем недавно расчищена, и люди бешено работали, чтобы сделать ее шире. Шевелящееся покрывало дыма со зловещим оранжевым под-

боем ползло к ним, приближаясь с каждой минутой. Чернота, которую оно оставляло после себя, простиралась до самого горизонта. От этого казалось, что сгорел уже весь мир и остался лишь тот его зеленый кусочек, где находились Надежда и Том и который они так лихорадочно пытались спасти...

Голоса людей — хриплые, яростные. Холмы, овраги, расщелины — все заволокло дымом. Никаких красок, кроме черной и коричневой; лишь оранжево светилась извивающаяся по земле линия.

Вертолеты устроили в небе настоящий воздушный парад — вначале гражданские машины, а затем и внушительные аппараты морской пехоты и береговой охраны. При их появлении люди приободрялись. Вертолеты высказывали из-за горизонта сродни фантастическим драконам, неподобающе стремительные для таких с виду корявых воздушных машин, и, летя низко над самыми верхушками деревьев, бомбили огонь емкостями с гасящим порошком. Надежда подумала, что этот белый порошок должен быть очень тяжелым, иначе бы его уносило поднимающимся потоком горячего воздуха, как сажу и угольки.

Оказывается, она обожгла щеку; не сообразить, когда и где это произошло. Надежда таскала тачку от работающих к грузовичку и обратно, ощущая непонятную, яростную радость, заставляя себя работать, до тех пор пока не начала давиться дымным воздухом. Один раз ее обдал водой вертолет.

Появились маленькие бульдозеры, похожие на московские снегоуборочные машины со скребком. Они быстро расширили защитную полосу, и лента голой красноватой земли достигла тридцатиметровой ширины, протянувшись вдоль гребня на несколько километров. Смотрелась защитная полоса неплохо, но из-за сильного ветра не было уверенности, что пожар удастся остановить. Кто победит — люди или огонь — определял проклятый ветер. Если он утихнет, все хорошо. Если усилится, тогда каньон Питера пропал. А если останется

таким же, как сейчас... — тогда исход неясен. Единственное, что можно сказать наверняка, — надо торопиться изо всех сил, чтобы успеть сделать полосу еще шире. Час или два люди с лихорадочной поспешностью выкорчевывали растительность, чтобы не дать пищи огню, и наблюдали, как неумолимо он приближается, и веселили лицами, одобрительно кивая, когда слышали, как вертолеты идут на очередной заход.

Кевин, появившись за спиной Надежды, сказал:

— Похоже, вертолеты смогут сделать дело. — Помолчал и добавил: — Возьмите хоть какие-нибудь рукавицы...

Каждый занимался своим делом. Надежда, передыхая, пока грузили тачку, смотрела вниз, на вытянувшуюся огнезащитную полосу. Габриэла орудовала рычагами бульдозера и забавно ругала куст, с которым она сражалась, пытаясь выворотить из земли. Рамона и Хэнк, идя со шлангами в руках вслед за автоцистерной, поливали свеже-расчищенный участок полосы. Альфредо, чуть поодаль, бился на топорах с кустарниковым дубом. Стейси и Джоди бегом таскали ветки к грузовику — то же самое только что делала и Надежда. И еще было очень много незнакомых людей. Над полосой огнезащиты трудились, наверное, человек сто, а то и двести. Имелись раненые, их отводили к машине медпомощи. Надежда пошла искать Тома.

— Это что, вся ваша добровольная пожарная команда собралась здесь? — спросила она врача у санитарной машины.

— Наша — кто? А, пожарная команда! Нет, просто все горожане, которые узнали о несчастье и смогли прийти на помощь. Понимаете?

Надежда кивнула.

Огнезащитная полоса выстояла.

Хэнк подошел к Тому и взял его за руку.

— Дом горит.

Незадолго до заката Хэнк и Кевин зашли к Алисе Эбреш, командиру крохотной пожарной команды горо-

да, и вместе с ней отправились на пикапе по дороге к каньону Черной звезды поискать причину пожара. Когда дует постоянный ветер с такой силой, как сейчас, это сделать довольно просто — надо добраться до самого начала горелой земли на востоке, а потом внимательно посмотреть вокруг.

Место возникновения пожара оказалось почти на вершине маленького холма в изрезанной ущельями местности восточнее хижины Тома. Веерообразно, вершинами на запад, валялись сгоревшие деревья. Отсюда, с высоты холмика, можно было видеть весь размах случившегося.

— Некоторые растения нуждаются в подобных пожарах, как части цикла своего развития, — философствовал Хэнк.

— Это в Сьерре, — отсутствующим тоном сказала Алиса, осматривая почву. Она подобрала немного земли, размяла в пальцах, понюхала, набрала в пластиковые пакеты.

— Многие деревья выживут. Но выглядит все отнюдь не утешительно.

— Должно быть, несколько сот акров, не меньше, — произнес Кевин.

— Ты так считаешь?

— Понюхайте, — сказала Алиса. Хэнк с Кевином прикинули носами к комку земли. — Здесь самое начало пожара; мне кажется, земля пахнет керосином.

Все трое уставились друг на друга.

— Может, кто-то оставил непогашенный костер? — предположил Кевин.

— Очень неудачное место для разведения костра; Том наверняка оценил бы это именно так, — произнес Хэнк. — Точно по ветру на него.

Кевин покрутил головой:

— Не могу поверить, чтобы пожар устроили нарочно.

— Конечно. Все пожары случаются нечаянно, — согласился Хэнк.

Алиса, в свою очередь покачав головой, сказала:

— Может быть, какая-то авария... Надо, пожалуй, сообщить полиции.

Этой ночью Том остался в доме у подножия Рэттлснейк-Хилла, в комнате для гостей, что под спальней Надежды. Когда стало ясно, что вторая огнезащитная полоса остановила пожар, их с Надеждой проводили вниз, в дом, однако после душа и еды будто сам черт вытащил Тома на улицу и гонял весь вечер неизвестно по каким местам. Заходили люди, неся Тому еду и одежду, но его не было, и хозяева от имени свежеепеченного погорельца благодарили за помощь.

Вернулся Том совсем поздно, усталый. Поставил себе стул около бассейна во внутреннем дворике. Надежда, закончив мыть посуду, вышла посидеть рядышком.

На столе позади Тома лежал альбом с фотографиями. Старик показал на него:

— Я много фотографий вытащил отсюда и развесил на стенах. Давно... Теперь их не вернуть. — И он уставился неподвижным взглядом в пространство перед собой.

Надежда произнесла:

— Однажды я потеряла целых четыре коробки из-под ботинок — там хранились рисунки. Даже не знаю где и когда. Как-то раз собралась посмотреть — а их нигде нет... — Она встала, принесла с кухни бутылку шотландского виски и пару стаканчиков. — Выпьем.

— Спасибо, налей. — Том вздохнул. — Ну и денек!

— Все произошло так быстро. Надо же, только утром мы катались на велосипедах, дела шли нормально...

— Да... — Том отхлебнул. — Это жизнь. — Он стукнул кулаком по альбому: — Просто вещи. Всего лишь.

— Ты не хочешь показать мне фото?

— Пожалуй, хочу. А тебе интересно?

— Конечно.

Том, показывая фотографии одну за другой, объяснял Надежде, где карточка была снята и кто на ней изображен. Он в подробностях помнил почти все обстоятельства, лишь в отношении некоторых снимков был не совсем уверен:

— Это — квартира в Сан-Диего. Или в Санта-Крус... Они очень похожи.

Несколько раз он замолкал и просто смотрел, затем переворачивал большую страницу с шевелящимися на ней фотографиями. Довольно быстро он долистал до последней страницы альбома; та была пустой. Том долго глядел на нее.

— Всего лишь вещи...

— Не совсем, — мягко сказала Надежда. — Но — почти.

Они чокнулись и выпили. На небе показались звезды. Запах дыма все еще чувствовался. Они налили по второй.

И тут, наконец, Том решил поставить точку. Он опрокинул в рот свой стаканчик и поглядел на Надежду с кривоватой усмешкой:

— Ну, так когда отбывает твой корабль?

«Странно, — думал Кевин, — сражаться с огнем, носиться по кустарнику с топором до тех пор, пока воздух не начал обжигать легкие, а в душе ничегошеньки не испытывать. Совершенно бесстрастно наблюдать, как гибнет в пламени домик деда, размышляя, насколько больше дыма дает пластмасса, чем дерево...»

Оцепенение. Кевин все эти дни работал очень много. Обкладывал кафелем место для терминала домашнего компьютера в кухне Оскара — с начала до конца собственными руками. Вникал в малейшие детали ремонта и реконструкции, отделявал, подкрашивал. Можно навсегда завязнуть в подобной кутерьме, стремясь к совершенству,

которое без микроскопа и не оценишь. Похоже, Кевин сам хотел этого.

Раньше жилище Оскара было заурядным домом стандартного типа. Зато теперь, объединив комнаты на южной стороне в общую залу и прорезав в верхней части стен этих комнат окна, Кевин добился того, что череда клетушек трансформировалась в просторное, залитое светом помещение, где по его совету установили множество горшков с растениями. Напротив залы Кевин оставил жилые комнаты; стены их тоже не доходили до потолка, а кончались окнами. Получилось, что эти комнаты — библиотеку, гостиную, столовую — заливал через верхние стекла теплый свет с зеленым оттенком из полной растений залы. Такая архитектура, по замыслу Кевина, должна давать приятное ощущение простора в доме. Пол в некоторых местах был перестелен на разные уровни, а бассейн под центральным световым куполом окружен большими фикусами вперемешку с черными полыми столбами, наполненными водой. Все это образовало очень симпатичный центральный холл. Кевин всегда стремился к тому, чтобы в доме человек чувствовал себя как бы одновременно и на открытом пространстве, и защищенным от стихии.

Кевин часами бродил по дому, кое-где подкрашивая, или сидел и пытался вообразить, как будут выглядеть комнаты, когда их обставят. У него стало привычкой делать так перед завершением работы. Приятно — еще один дом сделан, еще одному пространству придана форма.

С Рамоной он больше не виделся — нигде, кроме как на играх; на поле она, как всегда, приветствовала его улыбкой, яркой, но безличной — улыбкой, не говорящей ничего, разве только, что, возможно, Кевин занимает пока в ее сознании какое-то место. Он не обращал внимания.

Он избегал разогреваться в паре с Рамоной. Как-то раз на тренировке они отрабатывали в четверках точность передачи мяча «навесом». Рамона разговаривала

очень странно; слова ее были какими-то ходульными, наподобие лозунгов, даже когда она подбадривала Кевина со скамьи. Нарочитая, неловкая речь — совершенно на Рамону непохоже! Ну и ладно.

Фортуна выдавала Кевину одну зуботычину за другой, будто кто-то наслал на него неизбывное заклятие. Сплошной чередой тянулись дни, исковерканные, раздранные в клочья... Но ему было плевать, и в этом крылся ключ к его терпению. Когда тебе все безразлично, какое может быть давление судьбы?

Потом произошел случай, когда Кевин на бегу столкнулся с Рамоной у Фрэна в булочной, а та отскочила, как в испуге. «Боже, — подумал Кевин тогда, — спаси и сохрани! Да пошла она куда подальше, если чувствует себя виноватой, а сама ничего не делает, чтобы изменить положение».

Раз ты не действуешь — значит, это не настоящее чувство. Одна из любимых фраз Хэнка в репертуаре его бессчетных несвязных проповедей. Если поговорка не врет и если Рамона ничего... Ох, ладно. Наплевать.

Лучше всего он чувствовал себя, когда был занят работой. Сделать помещение столовой под старым гаражом светлым и озеленить, насколько возможно. Поставить световые люки — своеобразные короба — на крыше, на короба водрузить колпаки из молочного стекла, законопатить щели, сделать все так чисто и аккуратно, чтобы через много лет, когда придут кровельщики ремонтировать крышу, они бы, увидев его работу, сказали: «Вот это мастер!» Протянуть проводку аппарата терморегуляции — нервной системы дома. Побольше кафеля на кухне, мозаики всех сортов. Декоративное искусство — тоже искусство. Пилить доски, заколачивать гвоздь за шесть-семь ударов, каждый чуть-чуть сильнее предыдущего — плотницкий ритм; такт его мечты... Вальс в ритме гвоздя — тук-тук-тук, тук-тук-тук. Положить заново крышу на северной стороне, а заодно построить крыльцо под ней...

Трудясь над злополучным крыльцом, Кевин на мгновение зазевался и вывалился на землю из проема. Больно зашиб локоть. Габриэла носит эластичный налокотник от растяжения связок — такими пользуются плотники; совсем молоденькая девчонка... Все постарели. В спальне должно быть прохладно во что бы то ни стало.

Однажды после рабочего дня Хэнк извлек из багажной сумки своего велосипеда «шестерню», иначе — упаковку из шести банок пива, и плюхнул ее под нос Кевину, расшнуровававшему, сидя на скамеечке, рабочие ботинки.

— Будем? — Они молча хлопнули крышками банок, немного посидели, глядя по сторонам. Затем Хэнк открыл рот: — Ну что, говорят, Рамона вернулась к своему...

— М-гм.

— Скверно.

Кевин кивнул. Хэнк с сочувственным видом заглывал пиво. Кевин не удержался, чтобы сказать, что теперь жизнь Рамоны будет ложной, что они с Альфредо не могут быть по-настоящему счастливы.

— Наверное... — Хэнк поводил глазами. — Трудно сказать. Со стороны никогда нельзя судить безошибочно. Интимная жизнь, понимаешь...

— Тоже верно. — Кевин долго изучал банку в своей руке. Наконец, убедившись с достоверностью, что она пуста, взял следующую. Хэнк сделал то же.

— Вообще, все это бабушка надвое вилами писала, — выразился Хэнк. — Может быть, меж ними такая штука не в последний раз, и ты сможешь продолжить отношения с Рамоной с того места, где сейчас они у вас прервались, когда Рамона и Альфредо сами поймут перспективы, которые ты для них только что обрисовал. А отчасти все зависит от того, как ты поведешь себя сейчас, понимаешь? Я имею в виду, что, раз уж вы друзья, ты не должен шляться вокруг, пытаясь испортить ей настроение. В конце концов, она ведь просто делает то, что кажется ей правильным.

— Угу.

— Короче, я имею в виду, что, если чего-то хочешь, нужно потрудиться.

— Не хочу я играть никакой роли в этой пьесе!

— Это не роль, Кевин. Просто работа. То, что мы все делаем. Если ты, конечно, всерьез намерен получить то, что хочешь. Безусловно, страшновато, ибо можно и не получить желаемого, а задницу подставишь, это уж точно. Да так, что лучше бы вообще ничего не делать — безопаснее. Но если ты действительно хочешь... — Хэнк со значением помотал носом.

— ...Раз ты не действуешь, значит, чувство твое — не настоящее! — произнес Кевин, передразнивая Хэнка.

— Совершенно верно, парень! Именно это я и хотел сказать. — Хэнк, похоже, не уловил интонации Кевина.

— Угу.

(Поэтому-то Альфредо и ездил в Сан-Диего.)

— Слушай, парень, жизнь сложная штука. Ты замечал это? И дело не только в этом; дело в том, что жизнь течет подобным образом годы и годы. Если даже ты и прав в отношении Альфредо и Рамоны, может пройти мно-о-го времени, прежде чем они сами это поймут.

— Ох, дружище, подбодри ты меня, на кого я еще обопрусь?

— Конечно, Кевин, само собой, я помогу!

— Ради Бога, Хэнк. Ты хоть постарайся не выбить меня из колеи в один прекрасный день, хорошо? Не уверен, что смогу вытерпеть эти твои... — Кевин вовремя остановился.

Годы и годы. Годы, и годы, и годы... Его единственной жизни. Боже...

«Терпение, — как однажды выразился Хэнк, стоя на крыше и постукивая легонько себя по голове молотком. — Тер-рпение...»

И снова — колотить гвозди, красить наличники, отскрести стекла от краски, стелить половое покрытие, запрограммировать термостат — с рассвета до сумерек; от восхода солнца и до заката... Каждый вечер проплывать четыре километра...

Он и не догадывался, насколько зависит от работы, поглощающей время и мысли, пока не подошла очередь следить за соседскими ребятами днем, когда взрослые трудятся. Такая обязанность выпадала каждому примерно раз в месяц; учитывалось расписание основной работы, а также личное желание. Кевин смотрел, пока готовил завтрак, как взрослые уходят на работу, потом загнал малышей в дом Макдоусов и затеял импровизированные игры, которые обычно сами приходили ему в голову. Время ползло так медленно, что просто не верилось. Сегодня ему досталось шестеро поднадзорных, все детсадовского возраста — от трех и до семи. Дети совершенно необузданные. Но все равно оставалось слишком много свободного времени, а значит, много лишних мыслей. Часов около десяти он собрал детвору и устроил им познавательную игру, которая заключалась в хождении по тропинкам. Все тропинки почему-то приводили к дому Оскара. В доме было пусто — строители, зная, что Кевина сегодня не будет, пошли в другое место, начинать новый проект в Вилла-Парке. Кевин предложил детям таскать черепицу из штабелей на дороге к подъезнику. Игра очень понравилась, а когда черепица кончилась, он придумал другую — чистить от краски стекла окон теплицы. Потом было еще что-то... Удивительно, как легко серьезная мужская работа превращалась в детское развлечение. Кевин даже фыркнул, когда ему пришло в голову, что он, оказывается, все время занимается игрушками. «Рекомендуется для детей в возрасте от 3 до 7 лет».

На холмы напозли тучи, клубившиеся все утро над береговой полосой; потемнело. Стало моросить. Дождь! Сначала — лишь мелкие брызги, а затем припустил по-настоящему. Дети, вскрикивая, носились в радостном возбуждении, с мокрыми, липнувшими на лоб волосами. Немалых трудов стоило Кевину отогнать свое стадо домой. Жаль, нет овчарки. Когда суматошная орава гомонящим клубком подкатилась к дому, взрослые хлопотали на улице, налаживая влагоуловители, имеющие вид

зонтиков, поставленных вверх ногами, над бочками, цистернами и всяческими другими емкостями для сбора воды. Некоторые «зонтики» были на автоматике, но большинство приходилось раскрывать вручную.

— Поднять все паруса! — закричали мальчишки и тут же полезли на бочки — крутить рукоятки. Так продолжалось до тех пор, пока Кевин не сбежал в дом, достал и раскатал по траве длинную и широкую полосу окрашенного в радужные цвета пластика. Дождь испещрил ее миллионами капель, каждая в форме совершенной полусферы. Кевин орал даже громче своих подопечных, когда все вместе они катились кто на чем: на заду, на коленях, на пузе, кто умел — на ногах. Взрослые, закончив разворачивание своих антизонтиков, тоже начали кататься по дорожке. Кое-кто ушел в дом — пить пиво. И все наперебой пели, орали и визжали: «Дождик, дождик! Вода!» Праздничный прием в честь гостя с неба; гостя нечастого в здешних местах. Вода лилась из туч щедрым потоком — чудо на побережье с пустынным климатом.

Кевин и следил одним глазом за ребятней, и организовал соревнование — кто дальше проедет, и поправил скривившийся на сторону зонтик, через край которого вода проливалась мимо резервуара. Но не только это он успевал делать. Он еще успевал принимать длинные пасы от Хэнка, который крутил педали и разбрасывал направо и налево банки с пивом и мороженое, а велосипед его, не желая отставать в щедрости от хозяина, раскидывал по сторонам крылья белых брызг, окатывая всех, кто не успел отскочить. И Кевин со всеми орал: «Вода!», и звучало это как благодарственная молитва.

И все это время он не испытал ни малейшего трепета чувств. Шел дождь. А под дождем шел Кевин. Двигался сквозь движение, скользил по пластиковой тропке под немислимым душем; не тормозя, плавно, как во сне, он двигался к невидимому «домику» от третьей базы после толчка, который, видать, хорошо удался; вот-вот, и он спасен! И — никаких чувств. Вообще.

Кевин сидел на мокрой траве, косолапо расставив ноги, сверху было мокро, внутри — пусто, как в тыкве.

В тот вечер после бесцельного хождения по холмам Кевин вернулся домой и заметил мигающий огонек на панели телевизора — есть сообщение. Включил аппарат; на экране появилось лицо Джилл:

— Привет!

Кевин уселся перед экраном.

— ...меня трудно перехватить — была в Атгаоне, а потом в Дарджилинге. Час назад кое-как добралась в Дакку, надо бы заснуть, да не могу. — Непонятная мешанина чувств, смех наполовину с плачем. — Днем судила игру в Атгаоне. Обязательно надо рассказать, а то действительно спать не буду. — Щеки Джилл пылали. На столике рядом стоял недопитый стаканчик чего-то. Неожиданно Джилл встала и начала расхаживать по комнате. — У них там женская софтбольная лига, я тебе рассказывала раньше; площадка на заднем дворе клиники. Такая дурацкая, слева кусты, а справа чуть ли не на самом игровом поле скамья для зрителей. — Смех; брат с сестрой вместе, весь мир в стороне. — На поле почти все время грязь, а постоянный «домик» вообще оказался в луже, так что пришлось разметить место для него метра на полтора спереди и играть с этого места как из «домика». И вот что сегодня произошло. — Она отпила из стаканчика, часто заморгала. — Была крупная игра. Местная команда принимала чемпионов Саидпура, это крупный город. Землевладельцы из Саидпура заправляют всеми тамошними площадями, хотя считается, что это территория правительственного подчинения. Само собой, местные на них имеют зуб; короче, непримиримое соперничество. Так вот, прибыли чемпионы. Крупные такие тетки, все в одинаковой форме. Ну, знаешь, как обычно выглядит команда из центра — будто они в самом деле играть умеют. Местные посмотрели на этих и затряслись. Классическая ситуация встречи двух собак —

кто страшнее выглядит, тот, считай, и победил. Местные, между прочим, очень неплохая команда. Хоть и выглядят оборвышами, но играют сильно. И эти, саидпурские, тоже хорошие игроки, как потом выяснилось. Принимающая у них толстенная бабища, какая-то нервная с виду, все время орала на подающую. Но играть умеет. И вот прошли первые несколько подач, и стало ясно, что центровые прут как на комод со своей огневой мощью. Местные организовали глухую защиту, оборонялись просто великолепно. Их девчонка с третьей базы перехватила несколько бросков ниже линии, да и руку имеет хорошую, хотя так дрожала, что почти все подачи отбивала соперникам, но у тех каждый раз получался аут. В общем, крепкая оборона позволила местным держаться. Несколько сетов они сдали, но сколько-то выиграли, когда их центральная полевая встала с двумя девчатами в «домик» и несколько раз ка-ак заделает настилом мяч прямо под скамейку! Зрителей вмиг поразметало в стороны от такого расстрела. — Джилл засмеялась. — Беднягам пришлось сделать пробег в «домик».

Она отхлебнула из стакана.

— Короче, стало четыре — три в пользу приезжих. Играли жестко; так и шло вплоть до самого конца. Знаешь, какое напряжение у всех перед закрытием игры: толпа беснуется, обе команды взвинчены. Ну, так вот. — Джилл снова уделила внимание стаканчику. — Шотландское виски, — передернувшись, сообщила она. — Итак, уже кончается девятый, у местных остался последний шанс. Первая отбивающая вылетает в аут, вторая шмякается на землю. И появляется с битой та, что с третьей базы. Все как заорут на нее, и я увидела: у девчонки совершенно белые глаза. Она ступила в квадрат и взяла сет; подающий сделал удар, и девчонка моя — она просто расквасила мяч! Она дала такой драйв над головой левого полевого — прямо в кусты. Ну-у, прекрасно! Публика визжит, а девчонка с бешеной скоростью заканчивает «домики», но левая полевая гостей обегает кругом,

влетает прямо в кусты и ловит мяч, я даже представить себе не могла, что такое возможно... И она швыряет мяч из кустов девчонке, которая «шортстоп», та разворачивается и посылает снаряд над головой ловящей прямо в девчонку на «заднем стопе», а точнехонько в этот момент та, что с третьей базы, ну, с белыми шарами, пятнает «домик»!

Джилл уставилась с экрана на Кевина, вращая глазами.

— Однако! В таком волнении эта чума запятнала старый «домик», постоянный, тот, что в луже! Все это видят, и, пока она летит вперед, ее подружки хором кричат, руками размахивают, орут ей — нет, не тот «домик», назад! — и зрители тоже визжат что-то, и вообще такой шум стоит, что она ничего не может разобрать. Я думаю, она поняла — что-то не так, но не знала, что именно. Ловящая — бочка саидпурская — рванула вокруг «заднего стопа» за мячом, и, когда та, с третьей базы, увидела, что игра еще идет, она буквально пролетела по воздуху назад и приехала лицом по грязи точно-преточно снова в старый «домик»! И тут толстая задница ловит мяч и приземляется прямехонько на ту — а та лежит, ясное дело, физиономией в землю.

Джилл с шумом перевела дух, отхлебнула виски.

— Ну, я ее отзываю. Я ведь обязана была это сделать, верно? Она так и не коснулась «домика», с которым шла игра! И вот тут вся ее команда выбегает и орет на меня, и все болельщики тоже орут; мне самой ужасно неприятно, но что тут поделаешь? Единственное, что я могла — ходить и всем кричать в уши: «Она была в ауте! Она не коснулась этого проклятого “домика”, который был обозначен для сегодняшней игры! Игра кончена! Она была в ауте! Я тут не виновата!» А они хором орали, визжали, плакали, и несчастный тренер меня умолял, и старик один, он из Окланда, он их учил всему, говорил так: «Она делала пробег в “домик”, и ты понимаешь, что это именно был пробег в “домик”, судья, ты ведь сама видела. Эти “домики” — одно и то же». И так далее, и тому подобное. А я твердила: «Нет, она была в ауте, таковы

правила, на площадке только один “домик”, и она не коснулась его, ничего не могу поделать, к сожалению». Мы спорили, наверное, минут двадцать — видишь, до сих пор хриплю. И все это время толстухи из Саидпура бегали по полю, и обнимались, и поздравляли друг дружку с победой, будто на самом деле в справедливой борьбе выиграли матч, а не по несчастному стечению обстоятельств. Смотреть было тошно! Они действительно противные, эти бабищи. Но я ничего не могла поделать... В конце концов мы остались один на один с тренером хозяев поля стоять у бугорка, откуда подают. Чувствую я себя ужасно. Девчата сидят на скамейке, рыдают. А та, третья базовая, исчезла. Не видно ее нигде, и все. Тренер покачал головой и сказал, что у нее надрыв сердечный произошел. Надрыв сердца...

Кевин вырубил ящик и выскочил из дома в ночь, весь трясущийся, с подступающим к горлу комком, ощущая себя бесчувственным тупицей, — если бы только не этот пьяный, страдальческий взгляд сестры!

Третья базовая... Он тоже третий базовый. «Это надорвало ее сердце».

Войти в квадрат в критической ситуации, сделать удар — такой удар, которым можно потом гордиться, — можно было бы!.. И вдруг все перевертывается.

Ночь. Шелест эвкалиптовых листьев. Когда наши успехи рикошетом бьют по нам же, когда хорошее столь тесно переплетается с плохим — это нечестно со стороны судьбы. Конечно, так устроена жизнь, но испытать подобное самому? Сердце надывается от такого. Надрыв сердечный.

Кевин это испытал.

Глава 9

Ночь в общежитии. Темно и душно. Шумное дыхание спящих, сухой кашель, стоны одолеваемых ночными кошмарами, ужас бессонницы. Запах пота, тошнотворная вонь... Это для нас сумели организовать. Из дальнего

конца доносится шум — кого-то колотит лихорадка. Один из симптомов. Кровоточащие десны, жар, вялость, потеря ориентировки. Стало быть, у него все признаки. Старается не шуметь. Ему втолковывают, что надо вызвать медиков, ехать в больницу. Он, конечно же, не хочет. А вы бы хотели на его месте? Оттуда не возвращаются. Вот что заставляет людей желать оставаться здесь. Запах; запах страха. Парень действительно плох. Кто-то включил лампочку в ванной — хоть слабый свет. Все стараются не создавать шума; каждый из нас лежит на своих нарах с широко открытыми глазами и прислушивается. Появились медики. Убить бы их всех! Шепотом совещаются, затем кладут беднягу на носилки. Тот рыдает, пока его несут между рядами кроватей, где молча лежат люди, широко раскрыв глаза в темноте. Никто не знает, что сказать; наконец один находчивый выдавливает из себя: «Еще увидимся, Стив». Несколько человек подхватывают его слова. Носилки исчезают за дверьми. Стив «ушел».

Кевин поднимался по еле видной тропке, ведущей на вершину Рэттлснейк-Хилл. Сквозь разрывы в облаках пробивалось позднее солнце, столбы света наклонно падали с неба на зеленый ковер, покрывающий равнину. Эвкалиптовая куща, росшая на южной, более низкой макушке двуглавого холма, выглядела как не слишком хорошо ухоженный парк — деревья далеко отстоят друг от друга, подлеска нет, земля такая, будто тут вволю попаслись козы. В общем, ничего нет, кроме утопанной сырой земли и нетленных опавших эвкалиптовых листьев. Нетленных — из-за фитонцидов, которыми они питаны и которые убивают всю конкурирующую растительность. «До чего смышленные деревяшки!» — думал Кевин, ступая по мягким зеленым желудям и опавшим листьям. Вот и люди такие же существуют на свете. Они несут вред всему рядом с собой, создавая личное чистое «пространство для маневра». Да и целые страны, обладающие способностью убивать малых соседей, тоже суще-

ствуют. Такова, например, Америка. А из людей — Альфредо. Высокие, красивые, стройные деревья. Корни, правда, поверхностные. Зато обладают противогрибковыми свойствами — не гниют и после смерти. И так, все чужаки в «зоне интересов» подавлены, жизненное пространство обеспечено. Теперь это пространство надо защищать. Задать работу своей медицинской технологии. Расширяться! Всенепременно расширяться.

Каждый из нас — как дерево своей породы, — философовал Кевин. — Дорис — цитрусовое, но только не лимон — ни в коем случае! Старый Том — корявый можжевельник, цепляющийся за проходящую мимо жизнь даже самыми засохшими своими веточками. Оскар — сикомор из тех, что растут в Эль-Торо. Хэнк... Ну, это — карликовая яблоня, манзанита, озадачивающее всех, созданное природой растение-бонсаи, диковинка местных холмов. А сам Кевин?.. Кустарниковый дуб — ветвистый, непрерывно линияющий; с виду — разваливающийся на множество отдельных побегов, но в сердцевине своей очень и очень цельный.

Вверх по скользким корням — почувствовать гудение в мышцах ног; побродить по широкой плоской макушке, посидеть часок-другой, наблюдая закат, а потом смотреть, как земля погружается во тьму и по небу кто-то разливает чернила.

Теперь — вниз, сквозь заросли авокадо. Кевин был сейчас слишком непоседлив, чтобы идти в дом; он вытащил велосипед и покатил на нем по дорожкам у подножия холма сквозь прохладу ночи.

Встречный ветер выдул из головы Кевина все мысли, пока тот колесил окольными тропками по местам, где Футхилл встречается с Ньюпортом. Когда, совершенно позабыв о своих несчастьях, Кевин берегом катил к Ньюпорту по дороге от каньона Кроуфорд, он вдруг увидел едущего навстречу Альфредо. Тот вскинул и быстро вновь опустил глаза. Кевин уловил во взгляде промелькнувшего мимо Альфредо — да и во всем его

виде — отражение целой смеси чувств, но главное, что прямо-таки распирало Альфредо, — это был триумф. Эмоция неприкрытого триумфа, вырвавшаяся наружу и тут же загнанная обратно.

В этот момент Кевин возненавидел Альфредо Блэра больше, чем кого-либо в своей жизни.

Кевин изумился силе своей ненависти, тому, насколько она подминает под себя все остальные мысли и чувства. Он крутил и крутил педали, но через пятки озлобленность не выходила. Если б встретиться с Альфредо еще разок на софтбольной площадке — что бы Кевин с ним сделал!.. Ненависть — мощнейший стимулятор, ядовитый похлеще амфетамина — вызывала в мозгу Кевина вихрь мыслей, даже не мыслей, а уродливых фантазий о справедливости, реванше, возмездии. Мщение! В своем воображении Кевин вступал в свирепую схватку — неважно, словесную или физическую, и всегда где-то рядом была Рамона. Психоналитики знают, что человек, дерущийся в мечтах, не агрессивен наяву. В своей фантазии Кевин дошел до того, что подстерег Альфредо ночью, когда вокруг никого не было, как сегодня, снес его велосипедом, навалился и душил, душил до смерти — вот как досталось бедняге за один лишь взгляд триумфатора.

Потом мозг Кевина вновь занялся проработкой сценариев, в которых Кевин защищал — либо себя, либо Рамону, либо спасал целый город в борьбе с Альфредо, злокозненным узурпатором, неистово пытающимся подчинить себе все и вся... Ох и врезать бы ему по роже твердо сжатым кулаком — такая мысль заставила Кевина сгорбиться, словно боксера. Врезать. Врезать. Врезать.

Вернулся он домой очень поздно. Шел через сад на негнущихся, чужих ногах, и вдруг...

Какое-то движение в глубине деревьев. Та же фигура! Молнией мелькнуло — керосин на земле, там, где начало пожара... Поджигатель?.. Взломщик?.. Ночной вор?..

А может, это злорадствующий Альфредо — вот ему и конец!

— Эй! — резко окликнул Кевин темноту и рванулся к деревьям, перепрыгивая через кусты помидоров, вдогонку за движущейся призрачной тенью, черной на темном фоне. Что-то мелькнуло меж уродливо раскоряченных стволов авокадо, где на возделанной земле, подобно древним пушечным ядрам, валялись упавшие с веток плоды. Мелькнуло и пропало. Раздался хруст, и Кевин снова сорвался с места, стараясь бесшумно двигаться на слабый треск ломаемых кем-то сухих веточек.

Неожиданно Кевин увидел темную фигуру в пятнадцати рядах деревьев впереди, молчаливую и огромную. Послышался странный звук, похожий на сдавленное хихиканье, и гнев Кевина уступил место страху, электрической дрожью пробежавшему по позвоночнику: что это? Однако Кевин продолжал преследовать это нечто, а оно вдруг скользнуло влево и вниз по склону холма. Кевин вперился в темные ряды деревьев — ни движения, ни звука.

Пустой тихий сад, черные деревья в черной ночи. Кевин, пробираемый дрожью, обливаясь потом, метал вокруг настороженные взгляды.

Как-то раз Кевин, забравшись на холм, заметил в гуще леса Тома, удобно устроившегося с Надеждой под самым высоким сикомором. Парочка приветливо помахала ему; Кевин приблизился.

— Ну, как дела? — спросил Том.

— В порядке. А ваши?

— Превосходно. Корабль уже взял груз, скоро отплытие. Я, наверное, уеду на нем.

— Правильно делаешь, Том. — Кевин улыбнулся обоним, чувствуя неожиданно подступившую грусть. — Я всегда думал, что ты все же решишься.

— Только одна поездка! На большее время я его не заберу, — сказала Надежда.

Кевин махнул рукой — мол, чего уж там! — и уселся рядом.

Беседа зашла о холме.

— Слышите, мне недавно позвонили друзья, — сказал Том. — По поводу информации из «Авендинга». Кажется, я теперь знаю, почему Альфредо все это сделал.

— Да?! — воскликнул Кевин.

— Это долгая история. — Том подобрал с земли пригоршню прошлогодних листьев и сидел, роняя их по одному обратно. — «Хиртек» ведь чем занимается? Кардиостимуляторы, искусственная кровь, ну и так далее. Альфредо и Эд Мэйси восемь лет назад стали учредителями «Хиртека» — сразу после окончания института. Намеревались внедрить на рынок усовершенствованный сердечный клапан, который они изобрели. Для старта получили ссуду в Американской ассоциации медицинских технологий, одного из объединений, что рванулись заполнять дыру, оставшуюся после тридцатых, когда были пересмотрены законы о предпринимательстве. С годами, к сожалению, ААМТ стала притоном самых алчных до государственных денежек жучил от медицинского бизнеса. Остатки прежней Американской медицинской ассоциации, владельцы платных больниц — все они пробрались в ААМТ и снова принялись возводить здание своей власти. — Том невесело усмехнулся. — В обществе всегда находятся люди, для которых главная радость в жизни — обойти препятствия, объехать на кривой козе ограничения, установленные законом. Основное для них — ухватить больше власти, чем полагается. Больше, чем позволено! Вот что им нравится. — Том сделал паузу. — Однако Альфредо не из их числа, насколько я могу судить. Он хотел разрабатывать медицинские приборы, и все. Помнишь, как он говорил об этом, когда начинал. И ведь был сделан неплохой старт, неплохой. Но, как у множества малых компаний, начало оказалось трудным. Сперва никто не верил, что их сердечный клапан пре-

восходит известные модели, и Альфредо начал борьбу за место на рынке. Наступил такой момент, что казалось, Альфредо прогорит, и тут снова появляется ААМТ. — Очередной листок упал на землю. Том продолжал, глядя на него: — Альфредо и Эду предложили еще один кредит. По новым правилам это незаконно, но деятели из ААМТ сказали, что уверены в перспективах продукции «Хиртека» и хотят помочь. ААМТ завела «черный» счет для «Хиртека», и Альфредо получил точку опоры — место, куда он мог всегда обратиться за помощью. Ему предоставили депозитный фонд, о расходовании которого не надо было отчитываться. Ясное дело, Альфредо и Эд могли поискать другой путь, чтобы выплыть, но они не сделали этого. Пошли по дорожке, предложенной ААМТ.

Кевин присвистнул.

— Каким же образом твои друзья докопались до всего этого?

— Во-первых, поковыряли немного гонконгский банк ААМТ, который прикрывает большинство таких дел. А во-вторых, у них есть одна особа «на вживании» в ААМТ, с хорошими ушами. Ну, так вот, — Том простер руки, призывая к вниманию. — Трудное начало оказалось позади, «Хиртек» двинулся к процветанию. Поступили восторженные отзывы о новом сердечном клапане, его даже признали стандартом для лечения некоторых видов пороков сердца; «Хиртек» стал развивать производство новых изделий: Эту часть истории ты знаешь. Но — и это самое главное — «Хиртек» все глубже увязал в темных делах ААМТ, пользуясь ее фондом, а после того, как превзошел лимиты, установленные для компаний такого типа, подкармливаясь также и из банковских фондов. Альфредо, как говорится, видел лишь верхушку айсберга, не особо задумываясь о том, что таит в себе подводная часть... Львиная доля их сверхприбылей уходила на выплаты, однако кое-что они прятали в ААМТ, чтобы иметь возможность разрастаться дальше.

— Но зачем?.. — спросила Надежда. — Зачем так делать?

Том пожал плечами:

— Да из-за того же позыва, который заставил Альфредо начать дело, если ты спрашиваешь всерьез. Он верит в свои приборы, знает, что спасает жизни с их помощью, и хочет спасти еще больше. Помочь большему числу людей, сделать больше денег — в его бизнесе эти две вещи переплелись. И если ты захочешь ограничить его во втором, он воспримет это как попытку препятствовать ему делать первое.

Кевин в раздумье произнес:

— Но ведь он мог бы основать собственную ассоциацию и отдать на откуп малым фирмам — меньшим, чем «Хиртек», — часть прибылей... Обычно ведь поступают таким образом, верно?

— Да, конечно, мог бы. Мог, но не стал. Альфредо и Эд избрали легкий путь, а расплатой стало то, что они оказались в кармане у ААМТ.

— Фаустова сделка, — подытожила Надежда.

— Да уж точно. — Том загреб еще листьев. — Ему бы следовало сообразить. Должно быть, Альфредо почувствовал отчаяние, как в начале. А если нет, значит, он из тех красавчиков, которым природа взамен недодает ума. Или же он просто рвется к власти. Как растение к свету.

— Ты говоришь, за эту идею гигантизма ответственна ААМТ? — спросил Кевин.

Том кивнул:

— Они держат «карманные» малые компании в качестве передовых отрядов своей экспансии, финансируя по всей стране их разработки. В одном городке рядом с Олбани, штат Нью-Йорк, ААМТ встретила сопротивление своему нашествию; тогда они просто закупили весь городской Совет — незаконно сделали вклад в избирательную кампанию кандидатов от новых федералистов. Их марионетки победили, вошли в Совет и пропихнули то, что было выгодно ААМТ. И так по всей стране. А когда разработка внедрена, ААМТ использует ее. У них

много рычагов. Они заставляют свои компании строить медицинские центры и лаборатории, дающие прибыль, которую можно перекачать в Ассоциацию и пустить на делание новых денег, и так без конца. Не сомневайся, тебе заявят, что работают на благо национального здравоохранения, поднимают на невиданный уровень медицинское обслуживание. Может быть, это отчасти правда, но гораздо больше здесь неумной жажды власти. Размещают свои комплексы в известных, привлекательных местах — что это, как не стремление вылезти?

— Значит, это была идея ААМТ? — не вытерпел Кевин.

— Так сообщили моим друзьям. И еще им сказали, что Альфредо поначалу пытался сопротивляться...

— Ты шутишь?!

Том отрицательно покачал головой:

— Альфредо затея не понравилась, и он не хотел, чтобы «Хиртек» впутывался в это дело. Но... Он у них в кулаке, понимаешь? У них есть хорошенькие факты на него; короче, скрутили парня, как мочалку для мытья посуды. И все-таки он брыкался, старался препятствовать. Он говорил им, что холм охраняется законом, что это зонированная открытая земля, а кроме того, у города совсем нет лишней воды. Говорил, что пощупает управление по зонированию и водное начальство, посмотрит, как пойдет дело. Без их согласия все равно ничего не построить. А говорил он так, потому что четко знал — согласия не будет. Вот почему он затеял всю эту бурду задом наперед, понял? И, конечно, водяная афера не прошла. Он просто не был в состоянии повернуть дело. Тогда его взяли за шкирку и сказали: «Эй, маленький, будь проще! Предложи прямо, и увидишь, что все получится». Вот он сейчас этим и занимается.

— И как только твоим друзьям удалось разузнать такие вещи?.. — спросил изумленный Кевин.

— Наверное, их осведомительница в ААМТ немало знает. Во всяком случае, как мне сказали, она отвечает за свои слова.

— Ну, при таком раскладе... — На языке Кевина вертелось сразу несколько фраз, и он никак не мог дать ход какой-нибудь одной из них. — Тогда... Тогда он наш! Мы возьмем его голыми руками. Я имею в виду, когда вся история вылезет...

Том нахмурил брови:

— Это еще вопрос — как доказать? Нужно что-то по-серьезнее, чем просто слова. Мои друзья не собираются выводить своего информатора из игры ради одного мелкого случая. Нам нужны документы, чтобы подкрепить обвинение, иначе они — ААМТ и Альфредо — просто будут все отрицать, и ситуация станет выглядеть как типичная попытка дискредитировать людей и компании, буквально сгорающие от желания улучшить здоровье нации.

— Ну, так будут документы или нет?

— Не слишком много. Подобного рода вещи не фиксируют на бумаге и не держат в компьютере. Теневая экономика — игра без записи, здесь работают слова. В основном. Но мои друзья некоторые каналы отслеживают, преимущественно прохождение финансов. Они уверены, что выйдут на что-то определенное, пощупав гонконгский конец. Но пока еще ничего нет.

Некоторое время они сидели молча. Наконец Кевин произнес:

— Понятия не имел, что такое возможно.

— Я тоже.

— Теперь многое становится ясным, — медленно говорила Надежда. — А то ведь совершенно были непонятны мотивы столь сильного желания овладеть холмом, такой отчаянной воли к победе.

— Не знаю, не знаю, — отозвался Том. — Может быть, Альфредо теперь уже полюбил идею... В конце концов, высота сродни власти, а власть ему очень по душе. Но что верно, то верно — теперь мы знаем большую часть истории и можем видеть, что он... так сказать, сидит на собственной бомбе — до известной степени.

— Кто бы мог подумать...

— Мотивы, побуждающие людей к действию, очень запутанны, Кевин.

— Понимаю... — Кевин вздохнул. Немного погодя он вдруг сказал: — Мне бы не хотелось, чтобы ты уезжал.

— Я не собираюсь прекращать работать. Все мои дела — телефонные, я могу их делать и с борта.

— Твое присутствие здесь тоже имеет значение, — возразил Кевин.

Том спокойно рассматривал его.

— Значит, придется немного переиграть. Эту часть возьмешь на себя ты.

Кевин кивнул.

— У тебя получится.

Кевин снова кивнул, чувствуя сильное сомнение.

Они надолго замолчали. Затем Надежда, глядя на Кевина, спросила, что произошло у того с Рамоной.

Неловко запинаясь, Кевин стал рассказывать всю историю с самого начала. Воспоминания юности, игра, суперполет, вечер в холмах, день рождения, следующее утро... То небольшое, что произошло после.

Кевин чувствовал — это хорошо, что пришлось заговорить. Потому что история была его собственной, его — и больше ничьей. Рассказывая, он как бы обретал над ней контроль, ту власть над событиями, которой не обладал во время их свершения. В этом и состоит ценность исповеди, ценность, диаметрально противоположная ценности опыта. В опыте, событии, жизни важно то, что ими нельзя управлять, они протекают от мига к мигу, не подчиняясь твоему плану, а скорее по милости других людей. Исповедь же, рассказ хороши тем, что ты управляешь, контролируешь, придаешь некую форму своему событийному, стихийному опыту, начинаешь размышлять, что означает то или иное событие, расставляешь людей и факты на определенные места. Обе ценности дополняют друг друга, складываясь во

что-то большее, придающее вещам и событиям завершенность.

Поэтому он рассказывал, а Том с Надеждой сидели и слушали. Закончив, Кевин сел на корточки и задумался. Том смотрел на него пронзительным, как у птицы, взглядом.

— Ну, это еще не самое плохое, что может в жизни произойти.

— Понимаю, конечно... — «Но мне от этого не легче», — подумал он про себя.

Кевин вспомнил о долгих годах молчания Тома, о его бегстве на холмы после смерти бабушки. Годы и годы... Конечно, случаются вещи и похуже. Но, по крайней мере, у Тома была его собственная большая любовь, он прожил ее до естественного, природой уготованного конца, он ее пережил! У Кевина перехватило горло.

— Много хуже не бывает, — сказала Надежда, с упреком глядя на Тома, а затем, обратившись к Кевину, произнесла: — Время расставит все на свои места. Вот пройдет несколько лет...

— Я не смогу забыть! — выкрикнул Кевин.

— Да. Ты никогда этого не забудешь. Но ты переменишься. Станешь другим, даже если изо всех сил захочешь оставаться таким, как прежде.

Том засмеялся, подергивая седую прядь у виска:

— Это правда. Время меняет нас; даже большим числом способов, чем мы можем себе представить. Со временем в нас происходит нечто... Ты просто становишься другим, не тем. Понимаешь? — Голос его дрогнул. — Это не забвение, но то, что ты чувствуешь, когда вспоминаешь... Вот это меняется. — Он неожиданно поднялся, подошел к Кевину и коснулся его плеча: — Но может случиться более скверная вещь! Ты забываешь. Вот это гораздо хуже.

Том стоял рядом с Кевиним; Надежда сидела на земле подле них, обняв колени. И долгое время они оставались

в молчании, наблюдая, как солнце то там то тут просовывает прямые светлые пальцы сквозь дырки в облаках.

Вечером, когда готовили ужин, Кевин сказал:

— Меня всерьез задевает одна вещь. Похоже, в городе каждый знает обо мне и Рамоне. Ненавижу, когда люди переминают тебе косточки, обсуждают твои личные дела.

— От этого, братец, никуда не денешься, — ответил Том. — Точно так же болтают и обо мне с Надеждой, не сомневайся.

В кухню вошли Донна, Синди и Йоши.

— Погано, что моя борьба с Альфредо за холм выглядит, будто это все из-за Рамоны.

— Зря ты так думаешь. Каждый знает, что ты против освоения холма и все «зеленые» — тоже. А эта драма только прибавит сочувствующих. Наоборот, у тебя будет больше голосов.

Во время еды Кевин задумался о поездке Тома. Мексика, Центральная Америка, через Тихий океан до Манилы, потом Гонконг и Токио. По ветру и течению, как бесчисленное множество кораблей в прошлом... Да, звучит грандиозно. Хорошо Тому. А Джилл — в Азии, а родители — в космосе...

Кто же остается рядом? Хэнк — пока что. Габриэла. Ребята из команды. Йоши, Синди, ребяташки, остальные домочадцы. Дорис — тоже пока. Дорис...

Двумя днями позже Кевин провожал Тома и Надежду в Ньюпорт. Все остальные были заняты и попрощались утром, кто зайдя в дом, кто по телефону. «Как будто полгорода уезжает, — жалобным тоном сказал Джерри Гейнер. — Возвращайтесь, не сидите за морем слишком долго».

На машине добрались до Бальбоа, и Кевин помог поднять багаж на борт. Корабль показался Кевину гигантским. Густая сеть оснастки над головой выглядела хитросплетением нитей из детской игры «колыбель для кошки». Гигантская эта колыбель была подвешена между

мачтами. В небе крикливой стаей носились чайки, приняв корабль за рыболовное судно. Павильон на пристани был запружен толпой.

Наконец на «Ганеше» закончили приготовления. Кевин обнялся с Томом и Надеждой, полились обычные в таких случаях прощальные слова, но в сумятице криков и гудков Кевин мало что расслышал. Потом он стоял на пристани, махал рукой. Вокруг толпились другие провожающие и тоже махали, а сверху, с нависшего над площадкой борта, Кевину отвечали Том и Надежда.

«Ганеш» отвалил от пристани; одновременно развернулись верхние паруса на трех мачтах — фокс, гротс и бизань, — и, величественно покачнувшись, корабль двинулся вниз по каналу.

Чувствуя себя расстроенным из-за этого отъезда, Кевин шел берегом полуострова ко входу в гавань. Он шагал по камням мола, все время поглядывая назад — виден ли корабль.

И вот он появился; мачты мелькали среди пальм, растущих по извилистым берегам канала. Ветер дул с севера, так что можно было выплыть, пользуясь лишь течением. С развернутыми только верхними парусами — топселями, без основных, корабль двигался медленно и величаво. У Кевина хватило времени дойти до конца мола и усестыся на плоской скале. Он печально вспомнил, как в последний раз был здесь с Рамоной — они ездили смотреть регату. Не думай об этом. Не надо думать...

Косо поставленные паруса с подчеркнутой элегантностью толкали судно под углом к напору воздуха. Замечательно выглядит парусный корабль, идущий навстречу ветру... На том и другом моле стояли люди, глядя, как проплывает мимо «Ганеш».

Затем корабль оказался совсем рядом, и Кевин даже мог разглядеть надписи на рубке. Неожиданно он заметил своих путешественников; они стояли у бушприта. Кевин вскочил и сложил рупором ладони:

— Том! То-о-ом!!

Кевин не знал, услышали они или нет; басовитый рокот океана поглощал все звуки. Однако Надежда увидела Кевина и показала Тому. Они снова помахали друг другу.

«Ганеш» скользил на юг; расстояние превращается во время — таков закон движения. Паруса корабля стали точно под ветер, и тут вдруг развернулись все остальные паруса на мачтах — основной ходовой, брамсель и бом-брам-стенговый, кливер... Словно какое-то странное создание распустило огромные крылья. И в тот же момент корабль, слегка клюнув носом, рванулся вперед, круша набегающие волны, выстреливающие веерами брызг из-под правого борта.

Кевин махал и махал рукой. Корабль удалялся, становясь все меньше. От него расходились усы поразительно белого кильватерного следа. Может быть, Том и Надежда стоят на корме и тоже машут Кевину. А может, и нет. Кевин не опускал руку до тех пор, пока не перестал различать фигурки людей на корме корабля.

Вернувшись в Эль-Модену, Кевин принялся за кампанию против освоения Рэтлснейк-Хилла в точности, как предлагал Том. Они с Дорис пошли на городскую телестудию и сделали передачу, в которой рассмотрели один за одним все аргументы Альфредо. Для передачи соорудили другой макет холма со всеми результатами разработки его угодий; там были показаны дороги, которые придется проложить, а ландшафт изменен так, что стали видны истинные размеры зданий. Вел передачу Оскар; он добавлял свои веские слова к речам Кевина и Дорис, а большой текст касательно водных ресурсов, которых потребует новая структура, был написан Оскаром собственноручно. Дорис продемонстрировала графики затрат и ожидаемой окупаемости, отметила возможный рост населения, увеличение цен на жилье в результате этого.

— Мы установили долгосрочную городскую политику. Определена она в результате общественного соглашения относительно характера нашего города, его природы. Если теперь одобрить предложенное освоение Рэттлснейк-Хилла, все это будет перечеркнуто.

Каждый плакат освещал новый аспект ситуации, и Дорис переключала внимание зрителей с одного графика на следующий, ведя к неизбежному выводу.

Потом Кевин показал видеозарисовки, которые он сделал на холме: «На рассвете», «Во время дождя», «Вид сверху на равнину в ясный день», «Роща на вершине», «Рассвет среди шалфея и кактусов», «Ящерица и муравей». Птичьи трели сопровождали эти картинки, служа фоном к лаконичным комментариям Кевина. Идиллия временами нарушалась врезками — фотографиями Саут-Кост Пласа и других моллов* с их толпами, бетоном и яркой восковой зеленью, выглядящей искусственной, независимо от того, произошла она из недр литейного автомата или выросла на газоне.

Передача получилась хорошая, и отклик на нее был положительным. Альфредо и Мэтт выступили с ответным шоу, где основной упор сделали на экономические аргументы, но все равно Кевину казалось, что он выиграл первый раунд телебаталии, безусловно, один из решающих. Том посмотрел запись, пересланную на корабль, и в одном из частых своих звонков сказал, радостно кивая:

— Ты заработал себе голоса.

Затем, дистанционно понукаемый дедом, Кевин ходил от двери к двери, останавливался у каждого большого дома и беседовал с жильцами, сколько позволяло их терпение. Четыре вечера в неделю он заставлял себя делать это по два часа кряду. Такая деятельность выматывала. Когда Кевин изнемогал, он представлял себе вид холма на рассвете или вызывал в памяти рожу Альфредо — ту, во время велосипедной встречи ночью на дороге к

* Распространенное название торговых центров.

Ньюпорту. Одни люди были настроены дружелюбно и обещали всячески поддержать усилия Кевина; некоторые даже присоединялись к нему в обходах близлежащих кварталов. Других проблема холма просто не волновала. Некоторые говорили Кевину прямо в лицо, что он обыкновенный эгоист, защищает свое гнездышко, в то время как акции города падают. Раз кто-то обвинил его в ренегатстве, говоря, что Кевин отступил от курса своей партии. Кевин горячо отверг обвинение, но слова собеседника заставили его кое о чем задуматься. Партийная организация! Ведь она способна помочь, там много людей, которые наверняка и по домам пройдутся, и на телефоне посидят. Кевин решил повидаться по этому поводу с Джин.

— А, это ты, прекрасно, — сказала Джин, бросив с экрана видеофона на Кевина взгляд загруженного общественного деятеля. — Давай поднимайся ко мне.

Через несколько минут Кевин сидел в кресле напротив стола Джин Аурелиано. Та щелкнула выключателем микрофона:

— Извини, Хьянг, свяжусь с тобой позже. — Джин развернула кресло и села лицом к Кевину. — Послушай, мне кажется, тебе следует затихнуть по поводу предложения Альфредо. Он ведь хочет устроить в городе предприятие медицинской техники, а не оружейный завод. Мы потеряем лицо, если будем ему противодействовать.

— Неважно, что он там собрался производить, — отвечал Кевин, в душе изумившись. — Этот пустынный холм предполагается сделать частью заповедника у Седельной горы, ты ведь знаешь.

— Ну, сейчас холм — всего лишь зонированное открытое угодье. С предложением о заповеднике ничего не получилось.

— Это не моя вина, меня тогда не было в Совете.

— А я была. Ты это хочешь сказать? — Кевин промолчал. Джин крутнулась вместе с креслом, встала и подошла к окну. — Я думаю, надо прекратить кампанию против освоения холма. Вам обоим — тебе и Дорис.

— Почему? — спросил ошеломленный Кевин.

— Потому, что это раскольничество. Вы заняли крайнюю позицию и создаете впечатление, что «зеленые» — сплошь экстремисты; мы в такой ситуации не можем работать над действительно серьезными вещами.

— Да это же самая что ни есть реальная и серьезная вещь, — горячо возразил Кевин. Джин рассматривала его, стоя у окна. — Я считал, что задачи «зеленых» — замедлить безудержную технологическую экспансию, бороться за сохранение той земли и той жизни, которой мы здесь живем. Ведь именно наша партия сделала город таким, каков он сейчас!

— Да, это так. — Джин поглядела из окна на город внизу. — Но, Кевин, время движется. И, установив стиль жизни города, надо уметь сохранить этот стиль. А это значит, что мы должны занимать взвешенные, а не экстремистские позиции. Если будем строить тактику таким образом, то все текущие решения будут исходить от нас; чтобы управлять общественным мнением, надо держаться на его гребне. Находясь на каком-то одном из его краев, мы можем потерять влияние.

— Но борьба за сохранение земель в неприкосновенности — то, за что мы всегда стояли, один из краеугольных камней программы «зеленых»!

— А то мне это неизвестно! Мы не перестали выступать за это. Землю надо защищать. Но я думаю, что уголья Рэттлснейк-Хилла можно пустить в освоение и это принесет пользу другим землям вокруг города.

Больше Джин ничего добавить не успела. Кевин выскочил от нее в расстройстве, граничащем с яростью.

— Я просто не понимаю! — воскликнул Кевин, описывая встречу Оскару. — Какого черта она имела в виду, когда говорила о пользе для других земель? Да она сломалась, вот и все!

— Нет, Джин не сломалась. Я думаю, что они с Альфредо смогли договориться. Мне знакомы слухи, гуляющие по конторам городских служб. То, что мы сейчас затеяли, здорово давит на Альфредо, и, видимо, Джин

почуяла, что сейчас удобное время выжать из него кое-какие уступки. «Зеленые» сползают с Рэтллснейк-Хилла, а взамен Альфредо проводит остальные пункты их программы через Совет.

— Это что, шутка?

— Нет, я вполне серьезно.

— Так почему же она мне прямо не сказала?

— Наверное, решила, что ты не согласишься с таким вариантом.

— Молодец, правильно решила. Черт бы их всех побрал!..

Кевин чуть не бегом вернулся в кабинет Джин.

— Что это за сделка, которую, я слышал, ты собираешься провернуть с Альфредо? — спросил он со злостью, не успев даже переступить порог.

Джин окинула визитера спокойным взглядом:

— Сядь, Кевин. Поостынь немного, будь так добр. — Она снова подошла к окну и заговорила о неуклонном падении влияния «зеленых» в городе. — Политика — это искусство возможного, — ввернула она цитату в одном месте своей речи. — Дела обстоят следующим образом. — Джин наконец подошла к сути. — Проведено несколько опросов по поводу холма, и они показали, что, если дело дойдет до общегородского референдума, мы проиграем. — Джин выразительно поглядела на взерошенного Кевина. — Сейчас положение может измениться, но, по моему мнению, этого не произойдет. Хотя Альфредо почему-то не слишком уверен в своих силах. Короче, ситуация непредсказуемая. — («Альфредо знает вещи, которые тебе, дорогуша, неизвестны», — неожиданно подумал Кевин.) — Так вот, он занервничал, думая, что уязвим, и готов идти на компромисс. И тут надо крутиться — прямо сейчас, и именно сейчас. Не вчера и не завтра. Сегодня мы можем вынудить его пойти на уступки, которые он позже просто ни за что не согласится сделать. Разработка холма принесет городу пользу, причем вестись она будет так, чтобы не повредить твоему любимому прыщичку земли. А взамен мы заставляем Альфредо согласиться

протолкнуть и план, касающийся пригородных земель за холмом, и проект большой садовой полосы вдоль автомагистрали, и план дорог и пешеходных троп, и утвердить лимит населения. Он намерен пойти на все это. Теперь ты понял, что я имела в виду?

Кевин смотрел на Джин широко раскрытыми глазами.

— Я понял, что ты сдалась, — сказал он тусклым голосом, чувствуя, как внутри все сжимается. Мешал желудок, снова став угловатым твердым кусочком дерева. В голове метались разрозненные мысли, обрывки фраз. Кевин поднялся с таким ощущением, будто его тело состоит из отделенных друг от друга органов. — Мы не должны ничего принимать от Альфредо. Мы можем бороться за каждый пункт нашей программы, указывая на его достоинства.

— Не думаю.

— А я думаю! — Злость переполняла Кевина, выплескиваясь с каждым толчком сердца.

Джин смерила его взглядом:

— Послушай, Кевин, я здесь возглавляю партийную организацию; я разговаривала со всеми остальными лидерами...

— Плевал я на то, с кем ты разговаривала! Я не отдам Рэттлснейк-Хилл!

— Его и не надо отдавать! — выкрикнула Джин.

— И продавать холм я не согласен.

— Кевин, ты выбран, чтобы занимать кресло от нашей партии. Ты — член партии, ее представитель в Совете.

— Считаю, что с сегодняшнего дня это не так.

И он ушел.

Кевин шагнул к Оскару — рассказать о случившемся и спросить, законно ли, если он выйдет из партии, а будет занимать в Совете место ее представителя?

Оскар, обмозговав немного слова Кевина, произнес:

— Я вот как думаю. Дело в том, что когда ты «зеленый», то твоя политика в Совете — это политика «зеленых». Понимаешь, что я имею в виду? Тебе не нужно уходить из партии, ибо сейчас ты можешь просто заявлять: я провожу политику «зеленых». Кто-то станет возражать, у тебя возникнут затруднения с партией, и ты не будешь вписан в кандидаты на следующий срок. Зато — никаких проблем с законностью.

— Отлично. Я и не хочу переизбираться.

Но после того, что произошло в кабинете Джин, проводить вечернюю агитацию стало намного труднее. Многие просто не хотели вступать с Кевином в беседу — многие из тех, кто недавно желал идти вместе с ним. Им казалось, что Кевин сводит личные счеты, и они полагали, что знают причину этого.

Однажды вечером, после особенно утомительного хождения по дворам, Кевин, вернувшись домой, обнаружил, что внизу никого нет. Он стал подниматься к себе. Один... Рамона — с Альфредо, Том в море, Джилл в Бангладеше, родители — те вообще... От таких мыслей его стала бить дрожь, которая все усиливалась. Он еле успел зацепиться рукой за перила.

В проеме соседней комнаты показалась голова Томаса:

— Позднехонько возвращаешься!

— Томас! Что ты тут делаешь? Почему не топчешь клавиши?

— У меня переменка.

— У тебя? Не верится.

— Да-да, не шучу. Каждый иногда должен сделать перерыв.

— Позволь запишу твои слова, мы включим их, когда будем в очередной раз умолять тебя оторваться от монитора.

— Ну да, я, конечно, очень занят, и ты прекрасно это знаешь. Но недавно я обнаружил, что, если пересажу у экрана, правый глаз начинает дергаться. Как бы то ни

было, спустимся-ка в кухню — может, Донна и Синди оставили немного пива в холодильнике?

Они сидели на кухне и разговаривали — так, обо всем: о Бобе и Йоши, Рафаэле и Андреа, Сильвии и Сэме. О себе. Кевин подумал: «А ведь моя жизнь становится похожей на существование этого чудака, моего соседа». Он уже понял это.

В другой раз, после своих вечерних мытарств он зашел в ресторан ратуши поужинать, решив, что тушеное мясо с перечным соусом и пиво — это то, что сейчас ему нужно. Стоял конец лета; закатное августовское солнце запалило деревья и стену двора напротив. Тишина. Вкусная еда.

Он уже заканчивал. Делия забрала его тарелку и отправилась за последней порцией пива, когда под окном возник Альфредо — наверное, вышел из палаты заседаний, двери которой находились на той стороне двора. Уже пройдя в чугунные ворота замысловатого литья, он заметил сидящего в зале ресторана Кевина. Тот уперся взглядом в стол перед собой, но краешком глаза наблюдал, как Альфредо помедлил — рука ухватилась за створку ворот, — а затем повернул и направился к его столу. У Кевина заколотилось сердце.

— Не возражаешь, если я присяду?

Кевин промычал что-то неопределенное. Альфредо нерешительно стоял подле него. После нескольких секунд дурацкой паузы, когда оба они вдосталь насытились неловкостью ситуации, Кевин наконец шмыгнул носом, пожал плечами, махнул рукой и пробормотал:

— Пожалуйста...

Пришедший отодвинул стул из белого пластика и с видимым облегчением сел. Подошла Делия, неся пиво; Альфредо заказал маргариту*. Кевин, хоть и находился в полном расстройстве органов и чувств, все же заметил,

* Мексиканский напиток на основе текилы — кактусовой водки.

как Делия безуспешно пытается стереть изумление со своего лица. Да, они действительно были на устах всего города.

Официантка удалилась; Альфредо сдвинулся на краешек сиденья и положил на стол локти. Рассматривая свои ладони, начал:

— Послушай, пожалуйста, Кевин... Мне... Я действительно сожалею, что так все произошло. С Рамоной, ты понимаешь... — он звучно глотнул. — Дело в том... правда, что... — Его взгляд оторвался от рук и встретился со взором собеседника. — Я ее люблю.

— Ну... хорошо... — Кевин неловко отвел глаза. Услышал, будто со стороны, свои слова: — Верю.

Альфредо шумно откинувшись на спинку стула, всем своим видом снова выказывая облегчение. Отпил половину из бокала, который принесла Делия, и вновь опустил взгляд.

— Я будто перестал видеть, слышать... Ослеп. — Альфредо говорил тихим голосом. — Мне очень жаль. Догадываюсь, что именно это было причиной всего, что случилось. Понимаешь... — Он, похоже, никак не мог закончить мысль. — Мне очень...

— Пожалуй, там побольше, чем только это, — сказал Кевин и допил пиво. Ему совсем не хотелось вдаваться в детали.

Разговор о любви между американскими мужчинами — дело нечастое и тягостное, даже если беседуют они не об одной и той же женщине. А уж в таком случае, как сейчас... Короче, Кевин ощутил настоятельную потребность заказать целый кувшин маргариты — сгладить шершавость общения.

— Я понимаю, — вздохнул Альфредо, подавшись вперед. — Поверь, я не пытался отобрать что-то у тебя. Рамона совершенно расстроена тем, что... ну, тем, что наше... воссоединение, что ли, означает для тебя... и для нее.

— О... — нечленораздельно выдавил Кевин, полный ненависти к лепету, который издает любой влюбленный.

Прибыл кувшин с маргаритой. Мужчины стали озабоченно наполнять и опорожнять стаканы. Встречаться глазами они избегали.

— Я был просто дурак! — воскликнул Альфредо. — Заносчивая тупая дубина.

Снова, будто с расстояния соседнего столика, Кевин услышал свой голос:

— Мы все иногда теряем чутье — перестаем разбирать, что важно, а что нет. — Ему вспомнилось, что говорила однажды Дорис. — Мы делаем то, что чувствуем.

— Мне просто очень жаль, что так получилось.

Кевин шевельнул плечом:

— В этом нет ничьей вины.

Неужели он сам, а не кто-то другой произнес эти слова? Он совсем не был уверен в справедливости тех вещей, которые говорит кто-то его голосом, а он сам будто стоит рядом; но этот кто-то не желал прекращать и молот несудражицу. «А я здорово пьян», — подумалось Кевину.

Альфредо опорожнил стакан, налил снова и тут же выпил.

— Прости также за то столкновение на третьей базе.

Кевин отмахнулся:

— Мало ли что случается.

— Понимаешь, я должен был проскользнуть, но не рассчитал, когда вошел и обнаружил, что ты стоишь там...

— Это спорт.

Они молча выпили.

— Что...

— Я...

Неловкий смех.

— Я вот что собирался сказать. — Альфредо, похоже, стал обретать дар связной речи. — Ты меня прости, пожалуйста, за то, что наши личные дела переплелись таким скверным образом. Прости также, что налетел на тебя на площадке. Это все так. Но вот чего я совершенно понять не могу — это твоей позиции по отношению к

созданию первоклассного технического центра на Рэттлс-нейк-Хилле.

— Я как раз собирался задать тебе такой же вопрос, только чуть-чуть наоборот, — ответил Кевин. — Почему ты столь определенно решил строить свой центр на холме?

Альфредо замолк, и надолго. Кевин с интересом смотрел на него. Любопытно было видеть противника в новом свете, зная о его фирме, ААМТ и их взаимоотношениях.

— Не вижу здравого смысла, — увеличил нажим Кевин. — Если этот центр — такой, как ты говоришь, его лучше строить в черте города. А холм у нас — единственный с совершенно нетронутой природой. Это же просто чудо — холм оставался диким все годы, а тут вдруг стройка, нашествие людей... Я просто не понимаю.

Альфредо навалился на стол, чертя непонятные кривые на нем посреди испарины, просыпанной соли и пролитой жидкости:

— Я всего лишь хочу выполнить дело наилучшим образом. Люблю делать хорошо — такой уж я человек. Чем лучше будет созданный мною центр, тем лучше для меня. Может, это недостаток — лучшее враг хорошего, но не понимаю, почему я должен думать иначе. Подытожу: холм выбран мною из желания сделать дело как можно лучше.

До чего забавно было смотреть, как Альфредо, оправдываясь, философски шевелит красиво подстриженными усами, и видеть на дне его выразительных глаз, насколько он весь напрягся.

— Кое в чем я с тобой солидарен, — произнес Кевин. — Я тоже люблю быть первым из сотни, и мне нравится, когда работа сделана отлично. Но прекрасная работа предполагает также и ненанесение вреда городу, в котором ты живешь.

— Ты что же, хочешь сказать, что моя работа будет во вред городу? Построить центр, где передовое научно-техническое предприятие соседствует с рестораном, смотровой площадкой и концертным залом, — такая вещь

планируется обычно на годы и годы. С холмом познакомится небывало большое число людей.

— Больше не значит лучше. Наш округ уже хорошо доказал это. После определенной точки больше — хуже. А мы миновали такую точку давным-давно. Потребовались годы, чтобы наш жизненный размах уменьшился настолько, что количество населения и уровень нагрузки на природу стали соответствовать возможностям здешнего бассейна. Ты считаешь подобного рода ограничительные меры само собой разумеющимися; однако система твоих ценностей — также результат этих ограничений. Сегодня ты, довольный собой и своей работой, говоришь, что неплохо бы снова запустить машину роста. Но хорошо от этого не будет. Холм является открытой землей, он останется глушью, даже будучи частью наших задних дворов. Он — один из ничтожных клочков дикой природы, оставленной нами, людьми, в покое. Именно поэтому гораздо полезнее для людей будет сохранить его в диком состоянии, а не строить там деловой центр.

Кевин остановился перевести дух и посмотреть, как Альфредо станет отбиваться. Тот качал головой:

— У нас огромная неурбанизированная зона в глубь материка — от водохранилища в каньоне Питера и до каньона Черная звезда, не считая Ирвинского парка. Между прочим, твой холм находится по другую сторону города, между ним и прибрежной равниной. Создание моего детища на вершине холма сделает город первым из малых центров Южной Калифорнии, а это принесет неисчислимы блага!

Кевин слушал в уверенности, что точно те же слова говорили Блэру деятели из ААМТ, крепко держа его за галстук.

А ведь забирает, аргументация-то! Кевин смог лишь покрутить отрицательно головой. Альфредо, хороший психолог и оратор, стучал кулаком по столу, пытаясь вбить свое мнение в мозги Кевина. Он даже громкости прибавил:

— Это должно сработать! Наш город перейдет в совершенно новый статус!

— Мне все равно, — отвечал Кевин. — Пусть мой город останется в старом статусе.

— Безумство! — воскликнул Альфредо. — Ему все равно, видите ли.

— Мне наплевать на эти твои идеи и разработки. Они выглядят сошедшими со страниц делового журнала. Или еще откуда-то. — Последние слова Кевин произнес очень многозначительным тоном.

У Альфредо прервалось дыхание, брови съехались вместе, и он впился глазами в Кевина; тот спокойно выдержал взгляд.

— Ну хорошо, черт, — выговорил Альфредо. — В этом мы и различаемся. Я хочу, чтобы Эль-Модена стала заметным городом. Я и сам хочу быть заметным. И хочу что-то сделать для этого.

— Нетрудно видеть. — Где-то глубоко внутри себя, позади беспристрастного, почти академического интереса наблюдать за оправданиями Альфредо, Кевин почувствовал всплеск странным образом смешавшихся эмоций: ненависть, отвращение и непонятная какая-то симпатия, а может быть, сочувствие. «Я хочу что-то сделать...» — что заставило его выговорить вслух такое?

— Просто мне не хочется переходить на личности по этому поводу, — произнес Альфредо. Он подался вперед, голос принял умоляющий оттенок: — Я чувствую, что, похоже, в наших разногласиях кроются личные мотивы, и мне это не нравится. Лучше обойтись без выяснения отношений и просто смириться с твоим неприятием, ограничься фактом; без какой-либо вражды. Я... Мне не хочется сердиться на тебя, Кевин. И я не хочу, чтобы ты был зол на меня.

Кевин, пристально глядя на собеседника, глубоко втянул и выпустил воздух.

— Это, похоже, часть той цены, которую тебе придется платить. Мне не нравятся твои намерения, не нравится и способ, которым ты пытаешься их оправдать,

несмотря на аргументы против твоего плана, столь для меня очевидные. Значит, просто надо посмотреть, что произойдет дальше. Будем делать каждый то, что он делает. Так?

Альфредо сидел, не отвечая, откинувшись на спинку стула. Как он привык, что все всегда идет по его плану, — подумал Кевин.

Альфредо пожал плечами.

— Наверное, так, — холодно сказал он и осушил стакан.

«Дорогая Клэр!

Моя комната уже готова. Я получил кресло с торшером, установил его подле камина, а позади поставил книжный шкаф, полный томов прекрасных авторов. Сейчас осваиваю стопу книг под общим названием “Писатели Калифорнии” — надо ведь понять эти места, куда переехал, пробиться сквозь мифы и стереотипы, приобрести местный взгляд на вещи. Мэри Остин, Джек Лондон, Фрэнк Норрис, Джон Мюир, Робинсон Джефферс, Кеннет Рексрот, Гэри Снайдер, Урсула Ле Гуин, Сесилия Холланд, еще некоторые... Вместе они выражают видение мира, которым я все более восхищаюсь. “Философ-атлет” Мюира, его “университеты дикой природы” — эти идеи порождают целую традицию, результат которой — очень сильная, кристально ясная литература. Античные идеалы, любовь к земле, здоровый дух в здоровом теле — или, как говорит Хэнк, умеренность во всем, включая умеренность. Конечно (можешь не сомневаться), к физическому аспекту этой философии я отношусь с ограниченным энтузиазмом.

Да, политические страсти тут бушуют все сильнее. Пожар в каньонах к востоку от города уничтожил несколько сот гектаров леса и одно строение — дом Тома Барнарда. Возгорание не было природным — кто-то вызвал его; случайно или, может быть, намеренно. Кто? Никому сие не известно. Барнард теперь собрался уплыть в океан вместе с моей непревзойденной Надеждой.

Теперь снова немного в духе Макиавелли. Полиция за недостатком улик объявила, что пожар вызван случайной причиной, но дала информацию в отделение, занимающееся поджогами, на тот случай, если подобный загадочный феномен произойдет еще раз. Тем все и кончилось. У меня на этот счет свои подозрения.

Между тем растет накал “надковерной” части борьбы. Партия мэра затеяла возню, которая непременно приведет к общегородскому референдуму по той самой проблеме. Если они устроят голосование (на что весьма похоже) и выигрют, наши возможности легального маневрирования будут исчерпаны.

Я стараюсь сохранять оптимизм по отношению ко всему этому. И еще я утоляю горе от потери Надежды тем, что все более сближаюсь с Неистойвой Дорис. Да-да, в точности так, как ты говорила, с неуклонно возрастающим восхищением. Она пока остается твердой как камень, и резкой; ее костлявая угловатость мило дополняется изрядной долей ядовитой колкости — как у осы. Я, сколько мог, развлекал ее — давал возможность понаблюдать за моими тайнами и вел себя в это время как дурак. Это всегда было моей сильной стороной, когда нужно доставить людям приятное.

Дорис ответила любезностью на любезность, пригласив посмотреть ее новую лабораторию. Таким вот образом работает ее мысль. Развлечение оказалось высокого полета. Она получила новое место — в фирме, во многом похожей на “Авендинг”, но, по словам Дорис, лидирующей именно в той области, которая ее интересует. “Стало быть, — сказал я ей, — великая жертва — уход из “Авендинга” — на самом деле не что иное, как преследование собственных интересов?” “Оказывается, так”, — ответила она счастливым тоном.

Новый наниматель Дорис — компания под названием “СП-лабз”. Они там разрабатывают материалы для сверхпроводников, работающих при комнатной температуре, а не в ужасном жидком гелии, и тому подобную экзотику. Свои материалы они получают в виде сплавов

из керамики и редкоземельных металлов, лантанидов. Я специально разузнавал подробности, зная, что тебе будет интересно. Точные рецептуры материалов, конечно, держатся в строжайшем секрете. Большая часть лабораторий была для меня закрыта; по сути дела, я видел лишь комнату Дорис и кладовку, где она держит отбракованный материал, чтобы использовать его для своих скульптур. Глядя на исходное сырье для художественных занятий Дорис, я лучше понял ее слова о сохранении формы исходного объекта в завершенном произведении. В душе Дорис художник стимулируется ученым. Результаты превосходны. Я вложу в письмо фотографии, так что сможешь убедиться в этом сама.

Роман моего друга Кевина, увы, весь пошел наперекосяк; его возлюбленная Рамона вернулась к своему прежнему повелителю, оставив Кевина безутешным. Вряд ли видел я более несчастного человека. Сказать правду, я не ожидал такого; смотреть тяжело — раненый пес, не понимающий своей агонии.

По собственному опыту с Е. в прошлом году в Чикаго я представляю, через что ему пришлось пройти, и, хотя не слишком силен в подобного рода вещах, все же решился как-то приободрить беднягу. Помимо всего прочего, если бы я не отважился на это, приспособленность моего дома для жилья осталась бы под вопросом, возможно, навеки — работа по его реконструкции ужасно замедлилась.

Итак, я задумал сводить его в театр. Катарсис; пусть он попробует этого лекарства. Кстати, оказывается, я был не прав, в округе все-таки существует театр, я обнаружил его несколько недель назад. Последний из выживших ниже Коста-Месы; малюсенькая труппа, выступают в старом гараже. Помещается там человек пятьдесят—шестьдесят, и всегда зал полон.

Кевин раньше вообще не видел театра — здесь этим просто не интересуются. Но о драматургии он слышал. Пока ехали, я объяснял ему концепцию театрального представления. Воспользовались автомобилем и потому

прибыли ко входу не взмокшие от пота, а в сухих костюмах. На Кевина спектакль произвел большое впечатление.

Играли “Макбета”. Актеры исполняли по две-три роли каждый — очень маленький состав. Кевин слышал название пьесы, но знаком с ней не был. Незвестна ему оказалась и идея “сдваивания” ролей, поэтому в первых актах он сидел изрядно смущенный и то и дело наклонялся ко мне спросить, почему ведьма вдруг стала воинном и т.д., и т.п.

Но мало-помалу он вошел в курс дела! О, Клэр, если бы ты могла видеть его в эти моменты. Округ Ориндж — край говорунов, и Кевин вполне в том же духе. Он прекрасно воспринял многоречивость англичан елизаветинских времен, их культуру слова, идею монолога, отклонения от темы — для него это то же, что слушать Хэнка или Габриэлу, короче, дело совершенно естественное.

И он все еще не догадывался, что произойдет дальше! И труппа, маленькая, состоящая из юных, неопытных актеров, горящих тем огнем, который всегда есть в театральном люде, и два главных исполнителя, немного старше остальных, все были действительно хороши. Макбет — необычайно симпатичный, со своим каким-то очищенным, идеальным желанием быть королем. Леди Макбет — столь же честолюбивая, но жестче, властная и горячая. Когда они, собравшись вдвоем, спорят, убивать Дункана или нет — сколько пыли на лицах, каким напряжением дышит вся сцена! Веришь, что им впервые приходится принимать решение.

Для Кевина это и в самом деле было впервые. Я время от времени поглядывал на него и будто видел живое пособие по физиогномике. Как много эмоций может отразить лицо человека? Это была в своем роде проверка. Макбет впустил нас в свой внутренний мир, в свою душу, и мы были всецело на его стороне (что, я уверен, неперменное условие успеха пьесы); Кевин сидел, буквально болея за него — по крайней мере вначале. Но затем я наблюдал, как Кевин неотрывно в эмоциональном плане следовал за Макбетом. Когда царственные его

устремления стали жестокими, безумными, чудовищными, а он все-таки оставался тем же самым Макбетом, — Кевин тихо страдал от ужасного выбора, сделанного героем, поражаясь — во что тот превратился! Ужас, триумф, опасение, гримаса боли, отвращение, жалость, отчаяние из-за тщетности взлета честолюбия — все можно было прочесть на лице Кевина, меняющемся, будто он надевал все время разные греческие маски или имитировал роденовских персонажей; пьеса захватила его, он переживал так, словно все происходило в реальности. И все зрители как один были увлечены действием, трепетали, горели — и, скажу тебе, я сам начал видеть пьесу по-новому! Толстые скорлупы — опыта, традиционных ожиданий, привычек — треснули; и перед концом, когда Макбет стоит, глядя на Бирнамский лес, жена мертва, он повторяет: “Завтра, завтра, завтра” — я сидел на своем месте, содрогаясь столь же сильно, как и Кевин; вместе с ним. Наконец Макдуф убивает Макбета; но — кому кричать “ура”?.. Ведь это убили каждого из нас.

Когда зажегся свет, Кевин (он сидел позади меня) упал в кресло, рот полуоткрыт; измочаленный, вялый, без сил. Мы покидали гараж — зрительный зал, — поддерживая друг друга, чтобы удержать равновесие. Люди смотрели на нас с любопытствующими полуулыбками.

По дороге домой он сказал: “Мой Бог. Есть ли что-то сильнее этого?”

Я ответил — пожалуй, сильнее вещи нет. “Слава Богу”. Но, сказал я, несколько пьес Шекспира — на близком уровне. “И все они такие же печальные?” Я пояснил — трагедии всегда очень грустны; комедии — очень смешные. Проблемные пьесы — всегда очень проблемны. Закон жанра. “Ох, — произнес он. — Никогда не видел ничего подобного”. О ты, волшебная сила театра! Я воздал благодарение Южнобережной труппе в их маленьком гараже; мы с Кевином уговорились приехать сюда снова.

И еще вот какая вещь случилась со мной. Колеблюсь, рассказывать об этом или нет — очень странное событие. Не представляю себе, что и думать.

Однажды вечером я вышел на двор подобрать немного плодов авокадо. Неожиданно возникло странное чувство; будто кто-то заставил меня оглянуться назад, туда, где горели окна дома. И что же я увидел — при свете торшера в моей комнате сидит пара, читая газеты. Он — на кушетке, она в кресле. На коленях у женщины сиамская кошка.

Я испугался; прямо-таки пришел в ужас. Мужчина бросил поверх очков взгляд на женщину; и тут я почувствовал, как меня пронизывает волна, поток успокоения и ласки. Я вдруг понял, что меня приветствуют как гостяжданого, и просят войти, и двинулся к стеклянной двери, ведущей в дом, теперь уже без всякого страха. Но, отворив дверь, я никого внутри не увидел. Потрогал кушетку — холодная. Но почему такое спокойствие в душе?.. Сияющий поток, словно из артезианской скважины доброты и любви. Меня приглашали жить в этом доме...

Нет, наверное, не буду посылать это письмо. А то ты решишь — свихнулся. Определенно я на грани этого: чрезмерно много солнца, да и вообще — странное место Калифорния. Правда-правда. Слишком много меняется внутри меня. Я провел ночь с гусями и койотами; видел, как вороны шрапнельным взрывом разлетаются с дерева. И тоже не знаю, рассказывать ли об этом. Не уверен, что смогу.

Хотя — и это немаловажно — я счастлив. Счастлив! Знала бы ты, какое это достижение. Так что отныне, встретив призраков, я приглашу их. Они ведь меня пригласили!

Этот кусок всегда можно будет вычеркнуть.

Глава 10

Несколько ночей я почти не спал, проваливаясь лишь в неглубокую дрему, когда мозг вроде бы бодрствует, но неожиданно замечаешь, что, пока одна мысль сменила

другую, прошел добрый час. Около трех окончательно просыпался, чувствуя себя больным, неспособным вернуться даже в это жалкое полубессознательное состояние. Ворочался на кровати, думая и изо всех сил стараясь не делать этого; и все-таки мысли ползали по извилинам.

На рассвете, поднявшись с постели, шел в столовую, пил кофе и пытался работать. Целый день сидел над белым листком, отделяющим мир реальности от мира моей книги. Писал, пока не начинали дрожать руки... Я гляжу вокруг себя — гляжу на мою страну, способную сделать страшное. Вижу заголовки, которыми пестрят газеты. Вижу моих товарищей — в каком они состоянии.

И однажды я встал со своего места в столовой, собрал тетради и вышел наружу. Повернул за угол, к мусорным ящикам. Книгу свою я записывал в тетрадях — их было три, с листами, скрепленными толстой проволочной спиралью. Я сел, скрестив ноги, на бетон мусорной площадки, и стал выдирать страницы из спирального переплета — по десять за раз, — и рвать их, сначала поперек, потом вдоль. Вставал с кучкой бумажных клочьев и швырял обрывки в бачок. И так — пока не кончились листы. Затем оторвал от спиралей картонные обложки и уничтожил их. В руках остались лишь три перекореженные пружины.

Таким вот образом завершил я свою утопию...

Вернулся в столовую и сел там же, где и раньше; чувствовал я себя еще более погано. Но продолжать не было смысла. В самом деле, не было. Прошли времена, когда утопия могла сделать кому-то что-нибудь хорошее. Даже мне. Тем более — мне. Слишком велик разрыв с реальностью.

Итак, я сидел, пил кофе и смотрел в окно. Сосед — его койка под моей — подошел, неся свой завтрак.

— Эй, Барнъярд, — сказал он, — как твоя книга?

— Я ее прикончил.

— Как?.. О нет, — потрясенно воскликнул он. — Ты не мог сделать такое!

— Да вот смог.

На следующий день он появился с шариковой ручкой и лабораторной тетрадью из серой бумаги. Скорее всего стащил в больнице.

— Слушай, ты должен начать снова. — Сколько серьезности было в его взгляде! — Ты обязан рассказать, что здесь происходит. Если не ты, то кто? Ты должен, понимаешь? — Он положил на стол ручку с тетрадью и ушел.

Вот так... Не стану больше писать книгу. Эти заметки я кропаю, чтобы как-то убить время. Когда чем-нибудь занят, меньше охватывает отчаяние. Все лучше, чем просто сидеть и думать. Легче противостоять безнадежности, удержаться от паники. Может, удастся пристыдить остальных, выказывая присутствие духа. Здесь лагерь; американский лагерь для интернированных лиц. Каждый день людей забирают отсюда в больницу, а другие помогают их выносить. Здесь — место, где люди, стоящие на краю смертной бездны, шутят, помогают друг другу, делятся последним. Стремятся выжить. В этом аду они строят свою “утопию”».

Морская жизнь пришлась Тому по нраву. Они с Надеждой разместились в малюсенькой каюте, где на все натыкаешься, с полутораспальной койкой. По ночам тела их прижимало друг к другу в ритме качки, и постепенно сама Надежда стала для Тома олицетворением моря, а ее объятия — объятиями ветра и волн. А он забыл уже про эту простую радость — делить постель с женщиной.

На рассвете, когда Надежда еще спала, Том слезал с койки и выходил на палубу. Тусклый свет раннего утра; Том стоит посреди безбрежного океана, и скупая небесная палитра дополняется бесконечным богатством живо

переливающихся оттенков синего. Плыть по синему соленому миру! Боже, а ведь он чуть было не прожил жизнь, упустив это! И Том во весь голос засмеялся от радости.

На рассвете палуба принадлежала ему одному. Те, кого Том мог видеть, находились на мостике, в застекленной рубке перед бизань-мачтой. Раз только ему пришлось пройти мимо группы, простоявшей на палубе всю ночь, — люди хотели полюбоваться на «зеленый луч» во время восхода.

Команда корабля была смешанной — примерно поровну женщин и мужчин, средний возраст — лет двадцать пять. Их работа, игры и обучение незаметно переходили одно в другое; вечеринки продолжались допоздна, и, конечно же, не давала спать любовь. Таких веселых, жизнерадостных молодых парней и девушек Том вряд ли раньше встречал, и можно понять почему. Ведь здесь, на борту — такая жизнь!.. Особенно безудержно веселились молодые женщины. Еще бы — первый прорыв к самостоятельности. Вся молодежь бурно наслаждалась свободой, но некоторые понимали, что так было не спокон веку, что еще их родители в юности не имели подобной возможности. Вот почему девушки резвились, словно дельфины в носовой волне, во время волшебных сумерек на рассвете и закате — стройные, смуглые, с пышными черными волосами и четко очерченными бровями. Том рассматривал девушек как Энгр в бане, посмеиваясь над их юной сексуальностью. Чудесная смуглая кожа, мягкие очертания рук и ног, высокая грудь, обещающие прекрасное потомство бедра — женщины, сошедшие со страниц Камасутры и вдруг позабывшие о своем предназначении, став свободными, подобно дельфинам.

Время от времени Том спускался в рубку связи и звонил домой. Из разговоров с Кевином он узнавал о

последних городских событиях и давал советы, если Кевин об этом просил. Том также названивал своим друзьям — посовещаться по поводу поисков бухгалтерских книг «Хиртека». Нити связей между этой фирмой и ААМТ, хотя и еле заметные, мало-помалу нащупывались.

— Нам, наверное, придется ударить по ААМТ, чтобы добраться до «Хиртека», но это будет очень нелегко.

— Понимаю. Вы уж постарайтесь.

В небе, подчеркивая его глубину, росли грозовые облака, свинцово-серые внизу и белые сверху. На юге виднелась линия туч, угрожающая, словно строй галеонов, готовых к атаке; скоро «Ганеш» оказался под их сенью. Корабль взбирался на пологие холмы волн; ветер свистел в такелаже. Вахтенный убрал паруса, которые смотались в огромные рулоны после нажатия нескольких клавиш на необъятной панели управления в ходовой рубке. Корабль сложил крылья; со скрежетом сошлись вместе половинки металлических парусных кожухов.

Том и Надежда сидели в креслах позади и чуть выше вахтенных матросов, глядя в широкие окна рубки. В помещении спустился капитан, Гурдиал Бехагуна, прочел показания компаса, наклонившись над плечом женщины — штурвального на вахте. Покидая рубку, капитан приветливо кивнул Тому и Надежде.

— Как будто забежал сюда совершенно случайно, — заметил Том.

Надежда рассмеялась:

— Это лишь крохотный штормик, Том. Видел бы ты настоящую бурю — на севере Тихого.

Том посмотрел на веер брызг, вылетающих из-под корабельных скул и рассыпающихся под ветром в мельчайшую пыль, которая становилась совсем невидимой, долетев до окон рубки.

— Мы там пройдем на обратном пути, так? Значит, увижу.

Надежда улыбнулась, положив ладонь на его руку.

Днем позже неутомный Том поднимался на мачту с боцманом Сонэмом Сингхом, опоясанным портупеей с инструментами в кобурах, — боцман должен был отремонтировать такелажный блок по правому борту; блок этот удерживал на весу рей одного из грот-мачтовых парусов — шестого снизу, то есть самого верхнего — выше главного ходового, выше топселя, и брамселя, и остальных двух. Короче говоря, Том забрался на самую высокую точку корабля, куда только можно залезть, — двести сорок футов над палубой. Но впечатление создавалось, что смотришь вниз по крайней мере с тысячи футов. Том видел людей-мышек, ползающих по палубе миниатюрной модели корабля, и чувствовал, как руки сами собой вцепились в фал. Слава Богу, что лезть приходилось с наветренной стороны и воздушные струи били в спину, прижимая к вантам, а не норовили оторвать от них. Мачта колыхалась, описывая в свистящей пустоте восьмерку, а иногда довольно резко дергалась. Посмотрев назад, Том увидел широкий раздваивающийся кильватерный след — ярко-белые «усы» на сверкающей синеве океана. У плавных бортовых обводов судна причудливыми арабесками завивались маленькие водовороты. Горизонт исчезал в немыслимой дали; мир, охватываемый взором, был плоским, как тарелка, и совершенно синим.

— Зафиксируйтесь за этот конец, — Сингх указал на канат, прикрепленный с интервалом примерно в метр к неприятно тонкой перекладине — рею. — Теперь просуньте ноги вон в ту обвязку, — Том взглянул на петли, которыми оканчивалась двухметровая веревка, свисающая с рея, — и следуйте за мной. И, пожалуйста, держитесь покрепче за скобы, что набиты по верху перекладины. Не спеша. Не слишком широко перехватывайте руки, беритесь за каждую скобу!

Теперь Том был опутан сбруей, словно скалолаз, и принайтован к канату, что шел вдоль рея. Даже если бы он оскользнулся и отпустил руки, то все равно остался бы висеть в обвязке, стягивающей грудь, и болтаться над палубой.

— Не верится, что раньше моряки обходились без страховки, — пыхтел Том, в такт своему перемещению сдвигая по канату узел обвязки, в которой болтались его ноги.

— Да, рискованные были люди, — согласился Сингх, оглянувшись на Тома. — Все в порядке? Вы что, хотели бы попробовать как они?

— Хочу.

— Ну-ну. Морякам надо было стоять на петлях, будто на стременах, а не сидеть в них задом, как вы сейчас. При этом руки должны быть свободны для обработки парусов — взять или отпустить риф, либо перевязать заледеневший узел, нередко при очень дрянной погоде. Нечего и говорить о том, какими силачами они были. Обогнуть мыс Горн с востока на запад — вот испытание на профессиональную пригодность.

— Некоторые, должно быть, падали.

— Да, конечно, люди улетали за борт, можете не сомневаться. На одном корабле, проходившем мимо мыса Горн, сильный южный ветер сорвал одного за другим пять матросов, которых посылали наверх. Все там будем, рано или поздно... Вот, взгляните на этот блок — малый ролик, который должен сидеть внутри, выскочил в сторону. Производственный брак, если вам интересно знать причину. Теперь фал заело, и, если попытаться этот ролик вытянуть, фал будет перекушен; а так, как сейчас — ограничен ход катушки, навивающей трос. — Сингх, объясняя, внимательно рассматривал блок в поисках решения; затем предложил Тому: — Здесь вы можете чувствовать себя посвободнее — откиньтесь назад, если хотите; не обязательно так крепко держаться, обвязка вас не упустит.

— О... — Том пошевелился и откинулся удобнее в упряжи, чувствуя, как ветер и волны соревнуются между

собой — кто сильнее закрутит его тело в воздухе. Отсюда, сверху, виден был рисунок, который оставляют на воде волны, — длинные извилистые гребни, все в осколках слепящего глаза солнца. Синева... Том наблюдал за боцманом, пытающимся отремонтировать блок, и задавал разные вопросы, интересуясь подробностями. Сингх вполне доброжелательно объяснял:

— Этот канат позволяет опускать наш край паруса, то есть делать «пузо», без которого парусом вообще нельзя пользоваться.

Боцман на некоторое время замолк, сосредоточив все силы на работе: блок колыхался и не давал Сингху поймать жалом отвертки прорезь винта, крепящего злополучный ролик. Одержав верх над механизмом и отдышавшись, гид Тома немного рассказал о паутине такелаж, над которой они висели.

— Замечательный узор, правда? Нет, действительно, очень хорошая техника. Свобода передвижения при возможности принять на борт больше груза по сравнению с моторным судном. Трудно поверить, что парусники долгое время были в опале.

— А не опасен ли этот вид транспорта? Насколько я знаю, суда последнего поколения прежней эпохи парусников — крупные корабли с пятью-шестью мачтами — в большинстве своем потерпели крушение. Верно?

— Что верно, то верно; «Копенгаген» и «Карпфангер» исчезли в морской пучине. Но такой же трюк проделали и многие дизельные посудины. Что касается этого конкретного класса парусников, тут виноваты плохие материалы — других тогда не было, низкое качество метеопрогнозов и слишком большое количество парусов. Ну, и некоторые недостатки конструкции. Это просто очередной случай, когда столь любезный тогдашнему человечеству гигантизм продемонстрировал свою скверную сторону — корабли оказались чересчур большими. Когда вы сжигаете топливо для транспортировки груза — это, пожалуй, справедливо. И то до тех лишь пор, пока судно не напорется на рифы или на борту не возникнет

пожар. Зато при использовании энергии ветра, если вы заинтересованы в полной занятости, безопасности, короче — в эффективности в ее широком смысле, — не найти ничего лучше нашей красавицы. Она большая, но не чересчур крупна телом. Размеры ее фактически те же, что и у шестимачтовых судов, о которых вы вели речь, но конструкция и материалы с тех пор значительно усовершенствовались. Добавьте сюда радио, эхолот — для осмотра дна, радар — для осмотра окрестностей, спутниковую фотографию — для обзора неба и облаков, да еще компьютер для обработки всех этих данных... Нет, она у нас просто красавица!

Остановка в гавани Коринто, Никарагуа. Прождали целый день, чтобы подойти к докам, в длинной очереди точно таких же судов. Том с Надеждой прибились к группе сошедших на берег и провели день на рынке за доками. Купили фрукты, старинный секстант и одежду полегче, чтобы носить в тропиках. Том чуть ли не час стоял около торговцев птицами, очарованный фантастических цветов оперением живого товара в клетках.

— Неужто они всамделишные? — спросил он у Надежды.

— Попугаи, майны и кетцали — настоящие. Лори из Новой Гвинеи — тоже настоящие, хоть и не относятся к здешним аборигенам. Остальные — не настоящие, но в другом смысле, а не в том, в каком ты думаешь. Видел когда-нибудь колибри, выведенных в пробирке?

Цветные сполохи — шафранные, фиолетовые, розовые, нежно-голубые, алые, оранжевые...

— Не уверен.

— Побольше путешествуйте, друг мой! — Надежда засмеялась, увидев выражение лица Тома, чмокнула его, схватила за руку и повлекла дальше:

— Пошли, пошли! Здесь делают отличные велосипеды. В этом-то ты разбираешься.

Базарный день в разгаре. Острый аромат корицы и гвоздики; хрюканье свиньи; звуки гитары доносятся из

динамиков; жара, пыль, солнце, шум. Том, обалдев от всего этого, послушно следовал за Надеждой.

Наконец они истратили все деньги, взятые с собой на берег. «Ганеш» стоял у контейнерного терминала. Выгружали электронику, титан, марганец, вино. На борт брали кофе, стереоколонки, одежду и семена, улучшенные на местных станциях генной инженерии.

Следующий вечер был последний перед отплытием. Том с Надеждой сошли на берег и долго танцевали, мокрые от пота в духоте тропической ночи. Было уже совсем поздно; они стояли на танцплощадке, слегка покачиваясь в такт музыке, плотно прижавшись друг к другу, соприкасаясь лбами, будто бодались. А вокруг скользили в танце, вертелись и подпрыгивали разгоряченные тела.

Под парусами через необъятный Тихий океан. Дни за днями среди бескрайней сини. Том начал разбираться в облаках. Аптечка с омолаживающими препаратами стремительно худела. Коротая часы на носу корабля, Том наблюдал за китами и предавался величественным мечтам — например, когда миновали коралловый атолл, Том стал представлять себе, как бы он прожил здесь всю жизнь — жизнь, полную полинезийской чувственности, в мирной тишине лагуны.

Однажды, тихим нежно-розовым утром, Надежда собрала своих студентов на носу и Том повел рассказ о своем участии в борьбе за выработку международного соглашения по обузданию корпораций.

— Надо было создать что-то наподобие антитрестовского законодательства времен Теодора Рузвельта. Тогда люди решили, что монополия — это плохо, потому что она тормозит развитие бизнеса, прежде всего — нарушает свободу торговли, свободу конкуренции. Но многонациональная корпорация — та же монополия, только новой формы и в других масштабах. Такие корпорации

достаточно сильны, чтобы, заключив втихомолку сделки между собой, опутать весь мир щупальцами своего картеля. Правительства не любили многонациональные корпорации из-за их способности ускользать из-под контроля конкретного государства; простым людям эти корпорации тоже не нравились, потому что превращали их в винтики механизма делания денег для какого-то чужого дяди, которого никто и не видел никогда. Вроде бы неплохая расстановка сил. Но тогда мы чуть было не проиграли...

— Вы будто о войне рассказываете, — фыркнула Прави, лучшая ученица Надежды, начитанная, с живым умом, полная скепсиса по отношению к преподавателям вообще, а также к их воспоминаниям и склонностям в частности.

— А это и была война. — Том с любопытством взглянул на Прави. В сумерках белки ее глаз, казалось, фосфоресцировали; всем видом своим девушка походила на воинственную юную индуску, богиню Кали. — Они покупали людей, суды, газеты; уничтожали тех, кто пытался им мешать. И действительно, приходилось применять силу по отношению к тем странам, которые решали, что многонациональная корпорация — хороший источник дохода.

— Вы применяли силу! — сердито повторила Прави его слова. — Сверхдержавы, высокомерно приказывающие миру, каким образом себя вести, — что это, как не новая разновидность империализма? Заставлять другие страны поступать так, как вы сочли правильным, — вы решили это за них, и хоть трава не расти! Новая форма колониализма.

Том пожал плечами, пытаясь лучше разглядеть девушку в полутьме раннего утра.

— Хотя колониальные державы и утратили юридическую власть над колониями, они все равно сохранили свое влияние, действуя экономическими методами. Это получило название неоколониализма. Однако присмотритесь внимательнее — механизмы нажима и эксплуатации,

принятые при неокOLONиализме, точно такие же, как в корпорациях, о которых идет речь. Когда собственный рынок насыщен, становится необходимым вкладывать капитал за границей, чтобы сохранить рост прибыли; таким способом слаборазвитые страны вступают на путь интенсивного прогресса.

— Конечно.

— Рад, что вы согласны. А теперь разделите на части сверхкорпорации, раздайте их активы местным фирмам, которые ранее являлись составными частями гигантов — это равносильно крупному вливанию капитала в экономику третьих стран. В то время подобное перераспределение благ было в новинку; и вешать ярлык неокOLONиализма — значит смешивать совершенно разные вещи. В действительности производился демонтаж неокOLONиализма.

— Прогресс по указу! По команде супердержав, повелевающих остальному миру, как надо идти к процветанию, в стиле классического империализма! Положив железную длань на плечо малых соседей.

— Симпатичный у вас взгляд на вещи... Но, поймите, не всегда существовало такое международное согласие, которое мы имеем сегодня в ситуациях, когда затрагиваются интересы мира в целом. Власть Объединенных Наций — совсем недавнее достижение общества. Так что иногда принуждение со стороны мощных держав, объединившихся вместе, бывало политически необходимым. В то время, о котором я рассказываю, капитал был очень мобилен, его перекачивали из страны в страну без каких-либо ограничений. Если хотя бы одно государство решало стать «приютом» для такого капитала, то вся система сохранялась.

— Зато в таком случае страны третьего мира стали бы силой в глобальном масштабе и получили власть, а супердержавы превратились бы в заштатные колонии. А вы не позволили этому свершиться.

— Голубушка, страна, приютившая корпорацию, не могла получить власть. Ей, конечно, удавалось снимать

кое-какие вершки в виде налогов, но, в сущности, страна превращалась в «функционера» корпорации, которую она пригрела на своей груди. Настолько силен был корпоративный капитализм. Нынче такое даже представить себе невозможно.

— Мы знаем только одно: вы снова решили за нас нашу судьбу.

— Нет, это совсем не так. Чтобы сделать шаг, определивший впоследствии судьбу мира — и вашу, в том числе, — понадобилось согласие всех людей Земли, — сказал Том. — Консенсус, то есть единство мирового общественного мнения, правительств, прессы. Была совершена революция, восстание всего человечества, использованы рычаги власти — законность, полиция, армия — против маленькой кучки: класса владельцев и управляющих многонациональными корпорациями.

— Как вы сказали, революция? — заинтересовался один из студентов.

— Мы настолько сильно изменили законодательство, что иначе как переворотом это не назовешь. Расчленили корпорации. Арестовали активы тех из них, которые сопротивлялись и прыгали из одной страны-приюта в другую, и распределили эти деньги между подразделениями — блоками фундамента корпоративной пирамиды. Единственные транснациональные экономические связи, которые мы оставили в целости, — это те, что составляют канву ассоциаций, потому что ассоциация — это в большей мере общественный институт, причем не столь жестко организованный. Но что касается реальных прибылей каждой конкретной компании — в любом случае они оставались на месте и распределялись коллективно. Ничего не утекало постороннему дяде.

— Бархатная революция. — Надежда попыталась выручить лектора из затруднения, в которое тот попал с терминологией.

— Да, вот именно! Сами понимаете, все это заняло годы. Была принята поэтапная программа, так чтобы перемены не выглядели радикальными; срок — два поколения.

Но за это время бизнес изменился очень даже радикально — остались существовать только малые предприятия, рассредоточенные повсюду. По крайней мере, в сфере легального бизнеса.

Юная обвинительница торжественно провозгласила, указывая на Тома:

— И, стало быть, Соединенные Штаты пошли по социалистическому пути!

— Нет, ваше определение неточно. Мы лишь поставили преграду для самых крайних форм стяжательства.

— Путем национализации энергии, воды и земли! Что это, если не социализм?

— Да, верно. В этом вы правы. Но мы использовали национальные богатства так, чтобы дать каждому возможность идти вперед! Основные ресурсы были сделаны всеобщим достоянием и поставлены на службу долгосрочным интересам самого общества.

— Альтруизм во имя собственных интересов! — Прави сморщилась, изобразив гримасу отвращения на своей мордочке.

Тома раздражала ее агрессивная манера, ее нелюбовь к Америке; он даже затосковал от этого. Недруги — повсюду... Прошло столько лет, а недругов до сих пор полно; даже среди молодежи. Что посеял, то и пожнешь, подумал он. Вплоть до седьмого колена.

— Социобиологи говорят, что это нормально и было всегда, — сдержанно пояснил Том. — Ученые сомневаются в существовании альтруизма в чистом виде; он имеет право на жизнь лишь как замысловатой формы эгоизма.

— Адепты империализма всегда цинично относились к природе человека, — высокопарно произнесла Прави. — Вам ведь известно не хуже, чем мне, что гуманитарные науки базируются на философских убеждениях.

— Кто будет спорить? — Том поежился. — Ну и что вы хотите мне сказать? Экономическая система строилась в форме пирамиды, а деньги текли по ней снизу к макушке. Мы отсекли верх у пирамиды и оставили жить

только существенные ее элементы — те, что в основании. А те функции, которые выполняла верхушка, мы передали правительству — но без отсоса денег на что-либо, кроме общественных работ. Это либо альтруизм в масштабах, невиданных с древних времен, либо очень просвещенный эгоизм — он заключается в том, что, когда богатства перераспределены таким образом, войны и катастрофы, грозящие пирамиде разрушением, предотвращаются. Какую бы философию ни исповедовал каждый, ему придется сделать выбор из этих двух возможностей.

Прави сказала, отмахнувшись:

— Вы просто увидели, что приходит конец, и смотали удочки. Как англичане из Индии.

— Не стоит обижаться за то, что мы избавили вас от сложностей, связанных с революционным насилием. — Тома почти забавляла непримиримость девушки. — Революция всегда драматична. Веселой она не бывает. Я знал революционеров — их жизни исковерканы; они стали изгоями. Тут нет ничего от романтики.

Прави, оскорбленная до самых глубин своей патриотической души, повернулась и отошла от Тома. Остальной класс стоял, перешептываясь. Надежда задала студентам длинный список литературы для самостоятельной проработки и распустила всех до вечера.

Позже, стоя у бушприта и глядя на звезды, Том вспомнил тот разговор и вздохнул. Воздух был влажен; тропическая ночь накрыла все своим черным плащом.

— Интересно, когда с нас сойдет клеймо позора? — тихо произнес Том.

— Не знаю... — отозвалась Надежда. — Мы этого не увидим.

— Вот так... — Том в расстроенных чувствах покачал головой. — Но ведь мы старались, как могли, верно?

— Старались. Они поймут это, когда ответственность за Землю, их дом, переляжет с наших на их плечи.

— Может быть.

На другой вечер Тома вызвали в рубку связи. Звонила Нильфония, тон у нее был радостный.

— Кажется, мы поймали «Хиртек» и ААМТ на нарушении закона Фацио—Мацуи. Вот, погляди.

ААМТ поместила «черный счет» «Хиртека» в некий гонконгский банк; фонды, по выражению Нильфонии, «отмыты, но не просохли». Короче, отследить прохождение денег можно. Из банка выкрали кое-какую информацию, и она в точности соответствует денежным ордерам, перехваченным во время передачи документов по каналу между «Хиртеком» и ААМТ. Чтобы возбудить дело, полученных сведений недостаточно, зато можно убедительно доказать людям, что связь между обеими организациями существует в действительности, а значит, обвинения не высосаны из пальца. Для Тома этого было достаточно. Он кивнул головой, глядя на экран:

— Хорошо. Перешли мне, пожалуйста, копии документов. Спасибо, Нильфония.

Отлично, размышлял Том. И очень интересно. Когда Кевин и Дорис пойдут на очередное заседание Совета, они принесут туда бомбу. Зачитают обвинения, представят доказательства, покажут, что предлагаемое освоение Рэтгслсейк-Хилла финансируется из незаконных источников. И это будет концом всего дела.

Том вспомнил о маленькой эвкалиптовой рощице на верхушке холма и усмехнулся.

На рассвете Том выскользнул из койки, оделся и вышел на палубу. Корабль шел галсами под острым углом к крепкому восточному ветру, наискосок пересекая волны. У бушприта было мокро от брызг, и Том перешел на центр корабля, к ограждению наветренного борта. Прodel руку в ячею веревочного такелажа грот-мачты — без этого сохранять равновесие было непросто. Канаты вибрировали под напором ветра; раз за разом «Ганеш» сбегал со спины одного водяного гиганта, чтобы ткнуть-

ся форштевнем в пологий бок следующего. С носа летели брызги и белые клочья пены. Затем корабль разворачивался в новом галсе, чертя бушпритом рисунок в виде веера на фоне водяной стены. Небо было прозрачным, светло-голубым, и брызги, взлетавшие перед носом судна, дробили солнечные лучи, рождая широкую яркую радугу. Головокружительное падение с волны, темно-синее море; толчок, когда корабль врезался в очередную водяную гору, взрыв пенных брызг, взлет на гребень волны, разворот под ветер, и — новый фонтан брызг. Судно летит сквозь дышащую сырым холодком дугу, пульсирующую красками: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.

У противоположного борта капитан Бехагуна помогал паре матросов крепить металлические кожухи над бухтами такелажного троса. Удовлетворение любопытства стоило Тому немалых усилий — попробуй пересеки палубу при такой волне.

— Скажите, капитан, к чему эти приготовления?

— Шторм надвигается. — Капитан, похоже, не слишком радовался грядущей забаве. — Я уже два дня пытаюсь обойти его с севера, но он шатается из стороны в сторону, словно пьяный.

Том пнул железный короб носком ботинка:

— Это понадобится?

— Заранее не скажешь. Я всегда приказываю так делать, если есть время. Бывали раньше в большом шторме?

— Да. У берегов Баха.

Бехагуна взглянул на Тома и улыбнулся.

На нижней палубе Том увидел Сонэма Сингха; тот показывал группе матросов, как крепить переборки.

— Том, сходите на мостик, разузнайте обстановку. Вам, наверное, все равно, где гулять.

Молоденькие матросы, работая, оживленно смеялись. Погружение в мировую стихию, подумал Том. Так,

- пожалуй, можно назвать первое ощущение, которое испытываешь, выходя на ветер. Встречный поток пространства, сопротивляющегося великому движению Земли сквозь него.

В рубке связи Прави изучала спутниковый снимок. Центральный район Тихого океана — гласила надпись. Поверх мешанины облаков четкими контурами были нанесены изобары — линии равного атмосферного давления. На фото выделялся небольшой вихрь классической формы.

— Это ураган? — спросил Том.

— Нет, всего лишь тропический шторм, — отозвалась Прави. — Но он может разрастись.

— А мы где находимся?

Прави ткнула карандашом в точку неподалеку от вихря.

— И куда же он идет?

— А смотря когда. Сейчас, например, — прямо навстречу нам.

— Ой-ей-ей!

Прави покровительственно засмеялась:

— Мне нравятся штормы.

— И в скольких же вы успели побывать?

— Пока в двух. Но через пару часов смогу говорить — в трех.

Еще один любитель острых ощущений. Революций в природе.

Том вылез наверх, хватаясь за поручни обеими руками. Ну и качка! За то время, что он провел в рубке, погода изменилась; небо стало яснее, море как бы расширилось, горизонт ушел вдаль, словно они перенеслись на другую планету, большего размера, и «Ганеш» казался неприятно маленьким на этом просторе. Корабль соскальзывал с водяного склона, проваливался в яму между валами и взлетал, подобно пробке, чуть-чуть задерживаясь на гребне. В такой миг они словно повисали в воздухе. И опять — свободное падение до тех пор, пока нос судна не зарывался в воду, а потом новый стремительный спуск, так что сосало под ложечкой. Ка-

залось, корабль лишь болтается вверх и вниз, как щепка на волнах, и совсем не продвигается вперед.

Ветер относил в сторону вихрящиеся облака белых брызг из-под форштевня; радуга больше не возникала — солнце стояло высоко, и лучи его пробивались сквозь белесую дымку, приглушающую пронзительный блеск вод. Горизонт с юга был окаймлен черной полосой.

Том, почувствовав легкое головокружение, с опаской подумал о морской болезни. Он обнаружил, что тошнота ощущается меньше, когда стоишь лицом к ветру и смотришь на линию горизонта — было очень важно видеть что-то неподвижное. Том добрался до фала, крепящего бизань-мачту, обвил рукой толстый канат и смотрел, как ветер с яростью набрасывается на море, пытаясь изорвать его в клочки.

Гул ветра крепчал; брызги больно секли лицо. Волны покрылись белыми барашками и неслись с шипением и грохотом. Ветер страстно пел в такелаже на голоса в диапазоне нескольких октав — от басового завывания в мачтовых стойках до пронзительного визга в подвеске парусов. Фоном ветру, звучащему над головой, служил рокот, доносящийся с моря. Похоже, вел партию сам шторм, не согласуясь ни с кем из остальных исполнителей — ни с ветром, ни с волнами; глухой низкий рев гигантского подводного чудовища. Может, это ветер шумел в ушах, но казалось, что звучит вся атмосфера разом.

Рядом с Томом появилась Надежда с оранжевым дождевиком в руках:

— Накинй. Может, сойдем вниз?

— У меня кружится голова! — Чтобы перекричать море, приходилось орать чуть не изо всей мочи.

— На пути из Токио мы попали в подобную переделку. — Надежда посмотрела на блестящие спины водяных валов, вздымающиеся спереди и сзади судна. — Три дня продолжалось! Придется тебе привыкать сидеть внизу.

— Не сейчас. — Том указал на черную кайму у горизонта. — Вот когда начнется, отправлюсь привыкать; это уж наверняка.

Надежда покивала головой:

— Сильный шквал.

— Прави говорит — почти ураган.

— Глядя туда, можно поверить! — Надежда засмеялась, слизнула соленую каплю с верхней губы. Лицо, раскрасневшееся на ветру и мокрое от брызг; глаза ясные и блестящие. Том почувствовал, как пальцы Надежды вцепились в его локоть. — Какое оно необузданное, море! Нам его никогда не приручить.

Узкие прямоугольники материи над их головами стали еще меньше. Большинство парусов были свернуты, а оставшиеся взяты на самые последние рифы, но даже сейчас судно двигалось очень хорошим ходом. Паруса хлопали, обвисая на мгновение, когда корабль начинал движение сверху вниз с гребня или, наоборот, взлетал на волну из провала.

— Представь, что сейчас надо лезть на ванты! — крикнул Том.

— Нет. Не могу.

Корабль вздрогнул — на палубу обрушилась большая волна. Под ноги хлынули белопенные потоки.

— Нам лучше спуститься. — Надежда испытующе посмотрела на Тома.

В проеме люка, ведущего на нижнюю палубу, яростно жестикулируя, появился Сонэм Сингх. Том и Надежда заторопились к люку по наклонной палубе — корабль летел вниз по скату волны; боцман довольно грубо втащил обоих в проем.

— Оставайтесь внутри, — приказал он. — Если хотите смотреть — идите на мостик, но не мешайтесь там под ногами.

Мимо пробежали матросы, мокрые с головы до ног и веселые до озорства.

— На палубу? — спросил неугомонный Том.

— Ставить плавучий якорь, — бросил в ответ Сингх и последовал за матросами.

Проходы в корабле почему-то стали узкими. Приходилось все время держаться за стены. Наконец Том достиг широких ступеней, ведущих на мостик. Мостик был разделен на два помещения, одно над другим. Верхнее являлось ходовой рубкой, здесь стояли капитан Бехагуна и рулевой; они смотрели в окно, в котором виднелась палуба корабля, искаженная стекающей извилистыми струями по стеклу водой. Прямо перед окном белым стволом стояла четвертая мачта. С подветренной стороны — сейчас это был правый борт — ограждение палубы лишь чуть-чуть выступало из воды, которая, кипя, переливалась через перила и скатывалась в море. Том был в шоке — корабль жизнерадостно шел в полуприотпленном состоянии, словно подлодка. Том взглянул на небо жуткого асфальтового цвета. Вздрыбленное море со своими пенными барашками было даже светлее.

Капитан внимательно рассматривал экран системы управления кораблем. Посреди переплетения зеленых линий и квадратиков мигал красный огонек.

— Видимо, сейчас нам придется попрощаться с парусом, — произнес Бехагуна, указывая Тому на мерцающее красное пятнышко. — Опять заело блок. По этому поводу идите в нижнее помещение и пристегнитесь к сиденьям. С минуты на минуту ударит настоящий шквал.

Горизонт исчез; его заслонила серая стена. Том и Надежда перешли вниз, обеими руками хватаясь за перила, сели в свободные кресла и застегнули привязные ремни.

Корабль держал курс точно на волну. Бушпритом он пронзал водяной холм, роняющий белую пену бешенства, и огромная кипящая масса обрушивалась на нос и стекала за борт. Наконец четырехфутовая волна докатилась по палубе до рубки и ударила в стекла; наружная видимость пропала, освещение в рубке приобрело зловещий зеленоватый оттенок. Сейчас судно двигалось лишь за счет своей инерции, все паруса были убраны. Наконец

волна опала и стали видны серые ключья облаков, несущиеся на высоте мачт. По стеклам то и дело хлестали струи — то ли дождь, то ли брызги, понять невозможно.

— Плавучий якорь уже выброшен, — тоном понимающего в морском деле человека объявила Надежда. — Это он держит корабль носом к волне.

Через помещение прошли несколько матросов из тех, что поднимались на палубу с Сингхом. Они были мокры, как медузы, и двигались, балансируя, словно акробаты, по ускользающему из-под ног полу.

— Готово. Слава Богу, скажу я вам, что на палубе натянута штормовая леера.

Судно тянуло за собой плавающий якорь — приспособление в виде сачка огромных размеров, сделанного из толстой парусины. Широкий его конец привязывают к канату, сбегаящему с носа. Волны и ветер тащат корабль, а конус морского якоря волочится за судном, сопротивляясь его движению, так что корабль оказывается всегда развернут наперерез набегающей волне, носом к ней, кормой по ветру — только таким курсом можно безопасно дрейфовать в бурю. Архаический метод, но до сих пор самый надежный.

Налетел обещанный шквал. Рев моря усилился; через окна окончательно не стало видать ничего, кроме мешанины серого и белого. Моряки уходили с мостика, танцуя, как циркачи на канате.

Порывы ветра разбивали на полосы воду, струящуюся по стеклам, и Том сумел разглядеть, как изменился мир за окном — больше не было разделения на воздух сверху и воду снизу. Вокруг бурлила белая масса; целые гребни волн отрывались и соленой пеной неслись по воздуху; похоже, ветер намеревался расплескать море до самого дна.

При такой силе ветра голые мачты тянут судно не хуже парусов в тихую погоду. Передний такелаж натянулся сильнее заднего; канаты напоминали напряжен-

ные струны, и гул их вибрации был слышен в рубке. Напротив, все концы, протянутые от мачт в сторону кормы, провисли и болтались, как спущенные струны. Мачты и стойки заметно для глаза накренились назад.

Очередная волна накрыла рубку, и Том будто оказался сидящим в подводном аппарате наблюдения за жизнью моря, при мерцающем тускло-зеленом аквариумном освещении.

Корабль мотало то вверх, то вниз. Скорее ощущалось, чем было видно, как на нос судна налетает неизвестно какая по счету водяная гора. Стоял невероятный грохот, будто разом взлетала эскадрилья реактивных бомбардировщиков.

Вверх — вниз, вверх — вниз... Том привык к качке, головокружение прекратилось, даже перестало сосать под ложечкой, когда наступали моменты невесомости и корабль проваливался в бездну. Время шло. Том чувствовал, что находится в каком-то трансе, вызванном таинственным подводным светом, перемежающимся неожиданными вспышками, когда рубка выскакивала из-под волны и их вдруг окружал хаос светопредставления, а по стеклу четко очерченными зигзагами проносились струи воды. Том не привык к шторму, скорее просто был оглушен; он психологически отступил перед неистовой атакой стихии. Разум сдавал свои позиции перед силой безумства шторма.

Так прошло довольно много времени. Урывками можно было разглядеть, что творится снаружи: там все так же под черной крышкой неба кипела каша из воды и ветра. У Тома руки устали без конца цепляться за подлокотники. Хотелось по малой нужде.

Неожиданно шум спал; посветлело. Болтанка ослабла, и, когда окно очередной раз очистилось, стали видны белые облака в небе.

— В самый «глаз» попали. — Это был Сонэм Сингх, шедший своей дорогой к капитану.

— Пойду лягу на койку, — произнесла Надежда усталым голосом. — Выжата как лимон.

— Будь осторожна.

— Я привяжусь к поручню.

— Позже приду посмотрю, как ты там.

— Хорошо. — С этими словами Надежда ушла, ловко балансируя.

На мостике обсуждали ущерб, нанесенный такелажу штормом. Том осторожно встал и, пошатываясь, прошел вперед, к дверям туалета.

Стукаясь плечами о стены, Том долго прицеливался, но, несмотря на его старания, сказать, что попал в яблочко, было бы не совсем правдой. Вода в унитазе ходила вверх и вниз, угрожая подпортить башмаки. Том ощущал себя измочаленным; чувство равновесия совсем расстроилось, будто кто-то перемешал Тому мозги чайной ложкой. Лучше, наверное, было сесть и глядеть на что-то неподвижное.

Вернувшись в свое кресло, он пристегнулся с благодарным чувством к изобретателю ремня безопасности. Капитан отдавал торопливые приказания.

— Когда начнется снова, шквал пойдет с юго-востока. Пока можно разойтись.

Матросы разбежались. Прави остановилась около кресла Тома, поинтересовалась, как он себя чувствует.

— Вам не кажется, что поверхность воды наклонена, будто мы находимся на холме?

Том ответил, что ему ничего такого совсем не кажется, а видит он лишь зеленые волны с белыми барашками пены, а на небе — белые же облака, истекающие зеленым же дождем. Только два цвета. Вдруг Том заметил на юге черный остров и испуганно воскликнул:

— Там скалы!

— Это другая сторона шторма, — веско бросила Прави. — У нас есть минут двадцать.

Капитан кричал на Сингха по поводу паруса, который не работал:

— Я потеряю рей и, возможно, даже мачту!

— Сэр, ничего сделать не удастся.

Снова с грохотом навалился ветер. Корабль сильно накренило на правый борт, и Том подумал — еще немного, и они испытают участь черепахи, перевернутой на спину. Гром стоял как при бомбежке. Окно очистилось, и Том увидел, что волны снова выросли до огромных размеров, цвет — сталь с крапинками желтоватобелого, верхушки сбиты ветром набекрень, а высота — тридцать, сорок, пятьдесят футов! Когда корабль сидел во впадине меж волнами, он тыкался носом в бок водяного гиганта, словно игрушечная лодочка. «Боже мой!» — в полном ужасе прошептал Том. Волна накрыла рубку, и свет в окнах померк. Рокот ветра стал приглушенным. Корабль ушел под воду.

Затем он вынырнул, как поплавок, навстречу радостно взывшему ветру.

На них шла волна — еще больше предыдущей, простираясь влево и вправо, насколько видел глаз. Том произвольно затаил дыхание; он мысленно подталкивал корабль: «Ну, поднимайся же, поднимайся скорее!» Казалось, бушприт судна задран на этот раз много круче, чем раньше. Склон волны — жидкого холма с шевелящимся на верхушке гребнем, готовым упасть, — был испещрен странными черными пятнами.

— Что это такое? — вскричал Том, но никто не обратил внимания на его возглас. В это время судно взлетело вверх, словно рыба после подсечки удилищем, по склону волны прямо до рушащегося ее гребня (создавалось такое впечатление, что тело волны — это дамба, через которую перехлестывает вода), и тут Том почувствовал задом через кресло: «Бум!»

Корабль боролся с чем-то, пытающимся свернуть его с курса. Медленно-медленно нос его повернулся налево.

Сверху раздались крики. Тянулись минуты... Появился Сонэм Сингх, почему-то на четвереньках.

— Мы напоролись на что-то! — закричал он.

— Я видел! — крикнул в ответ Том. — Какие-то кругляки, наверное притопленный лес.

Он не знал, слышал ли его боцман вообще — тот продолжал орать, теперь что-то про плавучий якорь.

Затем рубка поехала набок. Том обнаружил, что висит на своем пристежном ремне. Из-под воды снова раздался глухой рокот. В сумраке слышались крики. Сингх перекатился на боковую стенку рубки — сейчас она стала полом. Корабль, натужно содрогаясь, повернул и выровнялся. Появился свет дня в неразлучном сопровождении шума бури. Том, выпутавшись из ремня и заняв нормальную позицию в кресле, посмотрел в окно. Впереди, надвигаясь, курилась белым паром водяная стена. Вой ветра замораживал душу, вызывал оцепенение; мозг отказывался соображать.

Грот-мачта и следующая за ней погнулись; их удерживала, наверное, лишь веревочная путаница такелажа. Палуба около фок-мачты была измята чуть не в гармошку. Корабль дал крен на левый борт.

Том взялся застегивать ремень, и очень вовремя, иначе бы улетел из кресла. Да он, собственно, уже вываливался, и поэтому теперь повис чуть ли не за спинкой и даже не мог повернуть голову, чтобы посмотреть, кто там кричит. Время шло... Люди сзади него орали что-то; наконец Сонэм Сингх добрался до Тома, ухватил за грудки и водворил на сиденье. По лестнице из верхнего помещения рубки сползли капитан Бехагуна, Прав и штурвальный, продолжая на ходу громогласно совещаться.

— Спасательные лодки! — заорал Сингх, приблизив рот к уху капитана. Корабль качнуло, и боцман врезался зубами прямо капитану в ухо; оба вскрикнули от боли и схватились за ушибленные места.

— Какие могут быть спасательные лодки при такой погоде! — воскликнул Том.

Сингх поглядел на Тома и пояснил:

— Спасательные подводные лодки, вот о чем идет речь. Мы уйдем на глубину и переждем шторм в тишине.

— Но корабль не собирается тонуть, — возразил Беагуна, которому идея, похоже, не импонировала.

— Так-то оно так, однако неизвестно, какие отсеки дали течь. В носу пробоина, могут завалиться мачты. В лодках будет безопаснее. Выходной шлюз пока не поврежден, и мы, вероятно, сумеем добраться до него. А когда шторм минует, вернемся на судно.

Корабль погружался все глубже, сильно накренясь влево. Вода медленно стекала с окна рубки; белый туман, приближающаяся стена воды и — снова зеленый сумрак. Панель управления светилась сплошь красными огоньками. Окно рубки светлело и тут же снова закрывалось водой.

Ударило еще несколько волн, и крен корабля увеличился. Положение, хотя и понемногу, становилось все хуже и хуже.

В конце концов капитан сдался, хмуро взглянув на боцмана:

— Покидаем корабль.

Люди поползли к проходу, ведущему на корму. Неожиданно наступило очередное водяное «затмение»; пришлось передвигаться на ощупь. Сонэм Сингх ругался:

— Чертовы лесовозы! Роняют палубный груз... — Тут он заметил, что впереди несколько человек второпях повалились друг на друга, и возвысил голос до рева: — Полегче там! Помедленнее! Все к спасательному шлюзу!

Люди не слушали. Похоже, начиналась паника. Спасательные лодки размещались у кормы. Том уже знал, что они приводятся в действие подобно катапультирующимся сиденьям летчиков старых боевых самолетов. Они с Надеждой видели... Боже! Надежда!..

Их каюта располагалась где-то около второй мачты.

Том свернул вниз по лестнице в межпалубное пространство и побежал навстречу стене и полу, вспомнив

спринтерские навыки — он всю жизнь занимался бегом, и теперь это ему пригодилось. Будто карабкаешься на склон оврага. У Тома что-то случилось с левой рукой, кисть плохо двигалась и болело запястье. Вот и коридор, ведущий к их каюте. На полу (или на стене — разбираться, что теперь являлось низом, не было времени) по щиколотку плескалась вода. Тома снова сбило с ног, и он упал на большую руку. Наконец, их дверь. Том рывком открыл ее — внутри никого. Слава Богу. Воды по колено. Сейчас корабль преимущественно плыл на левом боку, а Тому предстояло перебраться на правый борт и двигаться назад, к люкам вывода спасательных лодок. Грохот шторма доносился даже в эту часть корабля, находившуюся теперь под водой, но частое дыхание Тома было громче.

Значит, Надежда уже на корме. Что-то незнакомыми стали коридоры; какие-то повороты, разветвления... Дьявол! Неужели заблудился?.. Том постоял, ухватившись за поручни, и успокоил дыхание. Теперь — вверх, шлепая по воде: отсек пробит или не загерметизирована дверь, отделяющая его от дырявых отсеков в носу. За угол, вниз по другому проходу; снова вверх по лестнице. Вода преследовала его. До чего дико и страшно видеть воду внутри корабля! Том ударился лбом; вскочила здоровенная шишка, но боли он не замечал. Надо пробраться на правый борт... Вода выше колена; левая рука совсем выключилась. Он устал; ноги как свинцом налились и не хотели двигаться.

Ага, хорошо — длинный коридор, идущий через все судно от носа к корме; поспешим в хвост, лодки где-то там. Сонэм Сингх наверняка готов ему голову открутить, но ведь надо было проверить, — а вдруг она не слышала и лежит, привязанная к койке?

Коридор повернул и окончился закрытым люком. Все хорошо, лишь бы тот отсек не был пробит. Но — деваться некуда, надо открывать и топтать через него. Том, кое-как зацепившись больной рукой за перила, одной

лишь правой насилу отжал «собачку» гермозамка. Вокруг по пояс бурлила тепловатая соленая вода океана. До чего же много замков у одной двери! Если Том останется на корабле, не исключена вероятность, что судно перевернется вверх дном и затонет. Нижние защелки пришлось открывать, окунувшись с головой. Мало того, что они были дьявольски тугими, вдобавок рука в воде все время соскальзывала. Ну, наконец последняя. Том, охваченный радостью победы, налег всем весом на ручку основного замка. Щелчок... Дверь люка резко распахнулась, и от сильного рывка Том чуть было не лишился здоровой руки. Мощный поток воды протащил Тома сквозь проем люка и выкинул — прямо на открытую палубу! Не тот люк! Том скреб ногами, пытаясь найти точку опоры и забраться обратно, но река, бурлящая вокруг него, отталкивала его все дальше. Бесполезно! Бултыхаясь в потоке, он ударился ногой о какой-то предмет, извернулся и попытался зацепиться за него. Увы, руки соскользнули. Том встал и снова упал, барахтаясь в воде, как у берега во время сильного прибоя. Инстинктивно он рванулся вверх и вперед по течению, прорвал головой водяную завесу, сделал огромный глоток воздуха напополам с пеной, закашлялся. И тут волна опрокинула и понесла его.

Смыло, подумал Том. Скорее всего он уже за бортом. Ужас в одно мгновение сожрал весь кислород в легких. Том отчаянно работал руками и ногами — вверх, вверх, выше! Достиг поверхности и, остервенело дрыгая ногами, встав в воде «солдатином», пытался найти внизу твердую опору. Да, он не на палубе. Корабля нигде не видно. Смыт за борт в ураган... «Не-е-ет!!» — закричал он шторму, чуть ли не выворачивая наизнанку внутренности. Затем Тома снова накрыла волна и закрутила в своей толще. Легкие жгло нестерпимо. Том с определенностью понял, что тонет; это вопрос недолгого времени... Он, бешено работая руками, стал выбираться на поверхность, слишком испуганный, чтобы просто переждать,

пока пройдет волна. Вдох, еще один. Огляделся в поисках корабля, но не увидел вообще ничего. Двигаться не было сил; он болтался во впадине между сорокафутовыми валами. Дьявол!

Опять сверху упала волна и закружила его так, что невозможно было понять, где верх, а где низ. Резь пронзила желудок. Такое было с ним, когда еще ребенком он занимался серфингом без доски — тогда дважды он чуть не утонул. Но доплыл до берега. Том заставил себя держать глаза открытыми. Зеленое, белое, черное. Хочется вдохнуть... Нельзя! Надо вдохнуть... Вода вместо воздуха!.. Почувствовав это, Том панически забил конечностями, стараясь всплыть, а пока не дышать. Судорожно вдохнул и выплюнул воду; снова вдох — опять вода! Вокруг была только вода, но задерживать дыхание он больше уже не мог. Том чувствовал, как вода наполняет тяжестью его тело — грудь и живот, — и удивлялся, что он еще в сознании, еще что-то соображает. Похоже, это действительно конец, подумал он.

Том ощущал, как в нем растет какая-то невообразимая прозрачность, будто он превращается в световую вспышку. Стало тихо; вокруг мелькали синие, черные и белые тени, пролетали мерцающие пузыри. Синяя пузырьковая камера, а в ней белые кварки. Конец. Не надо напрягаться; соберись с мыслями... Том заставил свой мозг выдать картинки — лицо жены, их ребенок, такой легонький на отцовской ладони... Но вот изображения померкли и смешались; появился заросший лесом утес над океаном, окно, а за ним — голубое небо и белые облака, суетливо мельтешащие, словно пустые пузыри, белый пух над густой синью его жизни, каждого прожитого с Памелой дня... Организм взывал о кислороде, и этот плач клеток ощущался Томом как боль любви — обретенной и потерянной, потерянной безвозвратно. Ничего не спасти; ничего не сохранить. Ничего. Только тонущее тело, гибнущая оболочка, — и эйфория освобождения, да вокруг сплошь синий мир, и синь эта

движется, окружая Тома. Белая вспышка — и он застыл, желая высказать мысль, которая созрела в нем, как плод во чреве матери, но которой уже никогда не суждено родиться.

Глава 11

Выпущен. Как же я обнимал того юриста! Он выглядел уставшим. Счастливчик, говорил он. Процедурный сбой.

Он повез меня в ресторан. Я не отрываясь глядел в окно. Все выглядело переменившимся, каким-то хрупким. Надо же, Америка — она, оказывается, может сломаться! Я раньше и не думал.

Мы пили кофе. Он спросил:

— Что вы будете делать?

У меня не было ни малейших соображений на этот счет.

— Не знаю, — ответил я. — Поеду в Нью-Йорк за женой, когда придет корабль. Затем — к дочери. Может, найду какую-нибудь работу. В общем, попытаюсь выжить.

На столике рядом лежала газета. Я взял ее, но читать не смог. Кризис за кризисом; мы на самом краю. Перегрев атмосферы — новая напасть.

И вдруг я разговорился. О жаре, о колочей проволоке, о ночах в общежитии, о больнице; о страхе, о мужестве загнанных в лагерь людей. Это нечестно, говорил я, и голос мой был напряжен, как струна. Так нельзя делать!

Я схватил газету и потрясал ею в воздухе. Так поступать нельзя! Ни с людьми, ни с природой.

— Понимаю вас, — говорил адвокат, прихлебывая кофе, и смотрел на меня. — Но люди напуганы. Их страшит то, что творится вокруг, и точно так же они боятся изменений, которые необходимы, чтобы остановить происходящее.

— Но мы должны что-то делать! — воскликнул я.

Адвокат кивнул.

— Вы хотите помочь?

— В каком смысле?

— Помочь изменить положение вещей. Хотите вы этого?

— Конечно! Безусловно, хочу! Но как? Понимаете, я пытался, когда жил в Калифорнии; делал все возможное...

— Послушайте, мистер Барнард... — он умолк, подбирая слова. — Том! Для этого нужно нечто большее, нежели усилия одиночки. И старые организации тоже не помогут. Здесь, в Вашингтоне, мы создали новую структуру. Нечто вроде лоббирующей группы. В сущности, нам хочется учредить новую политическую партию, наподобие партии «зеленых» в Европе.

Адвокат рассказал, чем занимаются его друзья, какова их программа. Замахнулись они на многое: изменение законов о земле, об охране среды, экономического законодательства; перестройка связей между местными и международными организациями; совершенствование законов о собственности.

— Но существуют законы, которые запрещают такие изменения, — сказал я. — Именно на подобного рода попытках ловили меня.

— Мы осознаем это. Видите, кое-кто боится нас. Значит, наши действия достигают цели. Но впереди долгая дорога. Предстоит борьба. Нужна помощь любого, кто может что-либо делать. Нам известно, чем вы занимались в Калифорнии. Нельзя уйти отсюда с единственной целью — выжить и существовать, это будет ужасным упущением. Вы должны остаться и помочь нам.

Я уставился на него.

— Подумайте, — сказал он.

Я обдумал все, о чем он говорил. Позже встретился с его товарищами, беседовал о новой партии; разговаривал и с другими людьми. Я понял из этих бесед, что здесь много работы, которая ждет меня.

Я решил взяться за эту работу; найдется дело и для Памелы. Мы говорили с ней по радио, ей идея понравив-

лась. В конце концов — работа, причем то, что она умеет делать. И то, что я умею.

Не понадобилось много усилий, чтобы убедить меня. В любом случае надо чем-то заниматься... Не просто писать утопию, но и бороться за нее в реальном мире. Я должен делать это; я просто не могу этого не делать; в разговоре с одним человеком здесь, поздним вечером, мне неожиданно открылось почему.

Ведь я сам вырос в утопии. Калифорния в годы моего детства была раем. Я рос здоровым, правильно питался, был хорошо одет, обитал в хорошем жилище. Школьная библиотека хранила все сокровища мировой литературы. После занятий мы играли с другими мальчиками в апельсиновой роще. Когда подросли, развлечения стали другими — сначала игра в Малой лиге, а затем в школьном джазе.

Каждый день я ходил на берег в поисках приключений и находил их, а когда возвращался домой, к матери и отцу, в дом, который они построили надежным, как крепость, весь мир казался прочным, словно отчий дом. Поняли вы теперь, что такое утопия и как себя чувствуют те, кто в ней живет?

Но если глядеть шире, то о каком рае на Земле может идти речь? Пока я жил в своем доме на солнечном берегу, большая часть мира прозябала — и прозябает — в нищете, голоде, болезнях, обитает в хижинах из картонных коробок и гибнет от пуль чужих солдат или собственной полиции. Я вырос словно на острове. Подобным образом живут дети аристократов. Конечно, мое детское восприятие жизни тогда и теперешнее понимание ее — совсем разные вещи. Но все же я жил, и я знаю, на что похожа жизнь, а не прозябание. Такой жизни не худо пожелать каждому. Не в частности, конечно, а в главных ее чертах — даре счастливого детства, пожизненного ощущения безопасности, хорошего здоровья до глубокой старости.

Я хочу работать, чтобы сделать такую жизнь реальностью для большинства. Я буду бороться, чтобы в один

прекрасный день весь мир стал утопией, а сказочная моя Калифорния оказалась предтечей, образцом того, что наступит. Тогда мое детство станет свершившейся судьбой. Скорее всего я не узнаю, как и когда это произойдет. Возможно, это станет ясным только после нашей смерти — уже новым поколениям. Но пусть будущее рассудит. Потомки оглянутся назад и осудят нас, наше бегство в утопию. Но я желаю, я ищу утопию; я хочу, чтобы она превратилась в реальность, и поэтому остаюсь бороться за нее. Потому что я жил на этом острове. Мне известно, что такое счастливое детство.

Кевин работал у Оскара, когда до него дошла весть. Сидя на крыше, Кевин заканчивал шпаклевать швы световых люков над спальней. Кто-то позвал его с улицы. Кевин вытянул шею над коньком и увидел отца Рамоны — тот стоял на обочине рядом с валяющимся велосипедом, уперев руки в бедра. Педро смотрел снизу на Кевина необычно серьезным взглядом.

— Да, Педро! Что случилось?

— Спускайся. Плохие новости.

Кевин поспешно лез вниз по лестнице, приставленной к стене. Сердце стучало. Что-то случилось с Рамонной; ей больно, и она хочет, чтобы Кевин был рядом.

— Том... — произнес Педро, когда Кевин достиг земли. И снова у Кевина екнуло сердце. Один лишь взгляд на лицо Педро сказал все. Глубокая складка меж бровей.

Педро крепко взял Кевина за плечо:

— Корабль повредило во время шторма; а Том... его смыло.

— Он... что?..

Кевин никак не мог взять в толк, что произошло, а Педро не знал подробностей. Постепенно начало доходить: Том погиб в море.

Кевин сел на козлы и огляделся. Перед ним был двор, заваленный строительным мусором и досками. В ярком

солнечном свете плотным облаком стояла пыль. Он не мог поверить. Не понимал, как это так...

— Я думал, корабли в наши дни не тонут...

Гордый «Ганеш», словно птица летящий прочь из гавани Ньюпорта в открытое море...

— Он не утонул. Но многие отсеки оказались пробиты, и капитан решил, что безопаснее перейти в спасательные лодки. Корабль так и остался там, с крупными повреждениями, покинутый людьми. Наверное, они угодили в тайфун и судно налетело на поле притопленного леса или что-то вроде этого. Ударами бревен разворотило всю носовую часть ниже ватерлинии.

Педро снова тронул Кевина за плечо. Тот поднял взгляд. На скулах пожилого мужчины шевелились желваки. Было видно, насколько тяжело ему сейчас говорить. До чего же он похож на Рамону, этот седой шестидесяти-четырёхлетний человек... Горе неожиданной стрелой пробило коросту бесчувственности, владевшей Кевином уже которую неделю. Спазм перехватил горло.

— Спасибо, что приехали сообщить.

Педро печально качал головою, не слыша корявых слов. Кевин с усилием глотнул. Все, что ниже кадыка, казалось застывшим, будто примороженным. С того момента когда Педро окликнул его, Кевин так и держал в руке шпатель.

Острее всего Кевин сейчас чувствовал, как добр Педро; это чуть не заставило его завывать. Кевин сидел, упершись взглядом в землю, и ощущал чужую руку на своем плече.

Они помолчали немного вместе; затем Педро поднял велосипед и уехал, а Кевин стал посреди двора, оглядываясь кругом. Сегодня он тут один. Лучше это или хуже? Трудно сказать. Четверть часа назад он стал еще более одиноким.

Кевин снова забрался на крышу и вернулся к затыканию щелей. Шпатель. Кевин уселся на коньке, разглядывая инструмент и вспоминая.

Когда Кевин был маленьким мальчишкой, они с Томом пошли в поход. Двинулись на рассвете; птицы еще спали, сидя на ветках. Путешественники долго продирались по кустам — Том объявил это «походом по звериным тропам» — и вконец заплутали. Тогда Кевин и спросил:

— А это взаправдашняя тропа зверей, деда?

Семилетний мальчуган и его дед хохотали как сумасшедшие. А потом Кевин споткнулся и больно проехал коленками по земле. Он уже собирался зареветь, когда Том подхватил его и воскликнул:

— Это не просто великий подвиг! Это редчайшая возможность!

Том закатал свои брюки и показал шрамы на обоих коленях; затем вынул из ножен свой швейцарский армейский нож и коснулся острием каждой ссадины — на своих коленках и на коленках Кевина, а потом слизнул кровь с голени мальчугана — вот что особенно потрясло — и сплюнул на четыре стороны света, бормоча тарабарские слова старинной индейской клятвы крови.

Теперь Кевин вышагивал, поглядывая по сторонам с гордостью за свои саднящие коленки. Они были высшим знаком отличия, знаком мужества и единения с холмами. С окружающей природой.

Весь этот вечер и следующий день бесконечным потоком шли не нужные никому соболезнования. Кевин ушмыгнул в бассейн и плавал там в одиночестве.

Позвонил сестре и родителям. Первой, как обычно, не оказалось. Он оставил сообщение. До чего больно было произносить каждое слово! Затем на экране появилась мать. Кевин чувствовал противоестественную смесь силы и беспомощности, когда рассказывал ей о случившемся. Сейчас он остро ощутил, каково было Педро — приехать к нему и сообщить о несчастье.

Искаженное горем родное лицо на экране. После краткой неловкой беседы они с матерью пообещали друг другу вскоре еще созвониться.

Вечером Кевин вышел на кухню и обнаружил там стоящую у плиты Дорис. Та готовила ужин на всех.

— Сегодня моя очередь, — сказал Кевин.

— Знаешь, нам никак не удастся найти тех его друзей, — вместо ответа произнесла Дорис. — Я думаю, может, они сами проявятся?

— Да...

Дорис нахмурила брови.

Кевин проклинал на чем свет стоит бестолковый экипаж «Ганеша»; клял ненасытную Надежду. Довольно неожиданно Надежда объявилась сама — по телевизору. Рука на перевязи, лицо угрюмое, какое-то... перевернутое, что ли. Кевин вспомнил рассказ Тома про ее жизнь; жизнь эта была нелегкой.

Надежда описала подробности кораблекрушения. Без вести пропали еще четыре человека — видимо, они оказались заперты в носовых отсеках и пытались пробраться на корму по палубе. Том исчез во время неразберихи у спасательных лодок, и никто с уверенностью не может сказать, что произошло. Пропал. Каждый думал, что Том сидит в другой лодке.

Надежда говорила и говорила, пока Кевин не остановил ее, попросив, чтобы она приехала в Эль-Модену; сказал, что хотел бы ее видеть. Надежда пообещала, но выглядела она ужасно уставшей, измученной, просто-таки выпотрошенной, и Кевин совсем не был уверен, что обещание будет исполнено.

Только после разговора с Надеждой Кевин по-настоящему понял, что произошло; поверил в несчастье. Том умер...

Через две недели работа в доме Оскара подошла к концу. На дворе стояла испепеляющая сентябрьская

жара. Всей бригадой ходили они вместе с заказчиком и осматривали каждую дырочку, уплотнения чердачной дверцы и форточек, краску в углах за наличниками, компьютер и все остальное. Вышли на середину мостовой, разглядывали дом издали, трясли пухлую ладонь Оскара и смеялись. Дом выглядел так: тент, растянутый над двумя небольшими флигелями с красным и синим фасадами, увитыми свежей зеленью.

Оскар танцевальным шагом прошел ко входной двери, отвратительным баритоном напевая: «Я шейх арабийский...» — и начал вращаться в пируэте с грацией бегемота, а потом со словами «Ты была б любовь моя!» расставил руки и попытался увлечь с собой Джоди и Габриэлу. Девушки приговаривали хором: «Еще, еще!» — и энергичными толчками в бока помогали кружиться городскому прокурору.

В доме все разбрелись по комнатам, рассматривая обстановку. Во внутреннем дворике Кевин услышал беседу стоящих там Хэнка и хозяина дома. Хэнк сказал:

— Эти черные колонны-водоносы очень уместны. Они придают всему эдакую римско-египетскую пластику.

Оскар с ошеломленным видом огляделся вокруг.

— Римско-египетская пластика... — прошептал он. — Моя мечта!

Кевин вышел на улицу, чтобы достать из велобагажника пиво.

Кто-то ехал — слышалось дребезжание разболтанного крыла и скрип педалей. Кевин поднял глаза и опустил «шестерню» на землю. Это была Рамона, и она направлялась сюда. Зачем?.. Кевин помахал. Они недавно коротко беседовали — несколько дней назад, когда пришло известие о гибели Тома; Рамона приходила выразить соболезнование.

— Привет, — сказала Рамона. — Как дела?

— Нормально. Мы тут немного отмечаем.

— Закончили? Надеюсь, Оскар устроит новоселье?

— Думаю, да. Сейчас — просто маленькое неофициальное спрыскивание. Внутри пока сплошной разгром.

Рамона кивнула. Поджала губы. Меж бровей появилась складка, резко напомнившая Кевину лицо Педро.

— Ты как? — спросила Рамона.

— Да все в порядке.

— Можно... можно тебе кое-что сказать?

— Давай.

— Ты сейчас не занят?

— Да нет, нет. Если хочешь, давай пройдемся.

Рамона с благодарностью кивнула, глядя в землю. Они шли по велодорожке. Рамона катила свою машину за руль; велосипед разделял их. Рамона нервничала, вела себя неловко — точно так же, как после дня рождения. Кевин почувствовал напряжение. В черных волосах ее блестело солнце. Кевин глядел на Рамону, ступал в такт с ее стремительными шагами и опять почувствовал, что хочет быть с ней. Просто быть рядом, больше ничего. Не потерял ли он ее дружбу?..

— Все в порядке, Рамона.

Она отрицательно покачала головой:

— Не все. — Голос ее прозвучал глухо. — Мне страшно от того, что произошло, Кевин; и я не хочу, чтобы такое случилось когда-нибудь еще раз.

— Боже мой! — Кевин был в шоке. — Что ты говоришь!.. Это звучит как... — Он не успел закончить фразу, но Рамона кивнула, все еще не отрывая взор от земли, и торопливо заговорила: — Да, понимаю. Я была слишком опьянена, но никогда не желала причинить тебе боль. И если оказалось, что причинила, и мы больше не будем друзьями — что можно теперь поделать!.. Но мне не хочется, чтобы стало так. Понимаешь, я люблю тебя — люблю твою дружбу; в этом смысле. Если бы нам можно было остаться с тобой друзьями!..

— Ну конечно, Рамона. Мы сможем продолжать дружить.

Но она печально покачала головой, не удовлетворенная ответом.

— Даже... Даже если, — Рамона остановилась и пытливо взглянула в лицо Кевину, — если мы с Альфредо поженимся?

Оп! Так вот оно что... «Ну давай, — мысленно поддевал себя Кевин, — валяй, сморозь что-нибудь! Удиви себя самого еще разок!»

— Вы женитесь?

Рамона кивнула:

— Да. Мы так решили. Большой кусок жизни проведен вместе, и мы решили... превратить его в целую жизнь. Будем настоящей семьей, и...

Кевин молча ждал, но, похоже, Рамона закончила речь. Теперь его черед.

— Ну... — никак не мог найтись Кевин. — Хорошие новости. То есть я хочу сказать, поздравляю от всей души...

— О, Кевин...

— Нет, не надо. — Кевин протянул руку, но не смог заставить себя даже коснуться ее плеча. — Я и вправду так думаю. Мне хочется, чтобы вы были счастливы; вы подходите друг другу. Вы... пара. И я хочу, чтобы мы с тобой остались друзьями. Действительно хочу. Вот это есть наихудшая вещь из всего. Потому что ты, я вижу, испытываешь такую неловкость по отношению ко мне...

— Неловкость!.. Я просто ужасно себя чувствую!

Кевин глубоко вздохнул. Видимо, ему необходимо было услышать это из ее уст. У него словно камень с души свалился. Даже плечи распрямились.

— Я понимаю. Но... — Кевин пошевелил плечами. Определенно легче!

— Я боялась, что ты возненавидел меня! — Голос Рамоны звучал с резкостью отчаяния.

— Да что ты! — Кевин рассмеялся. — Никогда бы не смог.

— Я знаю, что веду себя как эгоистка, но мне хочется быть твоим другом.

— Альфредо это может не понравиться. Он будет ревновать.

— Не будет. Альфредо знает, что означает для меня твое хорошее отношение. Он и сам чувствует себя ужасно. Ему кажется, будто он был другим, пока не...

— Знаю. Я разговаривал с ним. Немного.

Рамона кивнула:

— Поэтому Альфредо поймет. Во всяком случае, я думаю, он будет чувствовать себя много лучше, если мы с тобой не станем... недружелюбно относиться друг к другу.

— Ясно... — Похоже, Кевин может дать возможность двум людям почувствовать себя лучше, чем когда-либо. Замечательно. А себе? Себе он что дает?..

Кевин вдруг понял, что слова, которыми они с Рамонной перекидываются, словно мячиками, не имеют реального значения. Пройдут годы, и «пара» неминуемо распадется. Не имеет значения, что они сейчас говорят друг другу. Слова здесь бессильны.

— Ты придешь на нашу свадьбу?

Он моргнул:

— Тебе хочется меня там видеть?

— Конечно! Я хочу сказать, конечно, если ты сам захочешь прийти.

Кевин с шумом втянул и выпустил воздух. Часть его мозга вырвалась из-под зажимов. Кевин уже собирался произнести: «Нет, Рамона. При чем тут я? Уволь». Мгновенный образ протяжного, увесистого «Нет». Он не мог позволить себе думать так. Поймай ее, эту мысль, запри подальше! Не свершится. Никогда. Никогда-никогда-никогда.

Рамона говорила что-то, он не слушал. Болела грудь. Неожиданно Кевин почувствовал, что не в силах более разыгрывать бодрячка, и, поглядев назад, в сторону дома, сказал:

— Слушай, Рамона, наверное, мне надо возвращаться. Может, побеседуем позже?

Она коротко кивнула. Протянула руку, но не посмела дотронуться до его плеча. Наверное, им отныне никогда не прикоснуться друг к другу, подумал Кевин.

Он шел обратно по улице. Постоял немного перед домом. Оцепенелость. Боже, до чего хорошо! Нет удовольствия сильнее, нежели отсутствие боли.

Хэнк возился у бокового входа со своей велотележкой.

— Эй, ты куда ходил?

— Беседовал с Рамоной.

— М-м?..

— Они с Альфредо собрались пожениться.

— Ага! — Хэнк посмотрел своим косым зверским взглядом. — Нелегкая у тебя неделя. — Он полез в тележку. — Возьми-ка, здесь еще пиво.

Предложение Альфредо и Мэтта поступило на ежемесячный опрос. Однажды вечером все их материалы появились на телеэкранах; огромная куча планов, чертежей и прочего. Заинтересовавшийся мог назвать с домашнего компьютера свой код и высказать мнение. Почти шесть тысяч жителей города проявили интерес, больше половины из них одобрило предложение. Таким печальным образом решила участь Рэттлснейк-Хилла.

— Итак, — сказал Альфредо на следующем заседании Совета, — давайте вернемся к делу о пересмотре зонирования Рэттлснейк-Хилла. Мэри?

Заискивающим, как всегда, тоном Мэри зачитала проект решения планировочной комиссии, сделанный в точном соответствии с предложением Альфредо.

— Начнем обсуждение. — Альфредо внимательно обвел глазами зал.

Тишина. Кевин с неловкостью пошевелился. Почему это выпало на его долю? В городе сотни людей против плана. Даже тысячи.

Но вот кто не был против — это Джин Аурелиано. Ни она, ни ее партия. А это много значит для общественного мнения.

В помещении царила духота; все выглядели утомленными. Кевин открыл рот, собираясь говорить, но его опередила Дорис. Суровым голосом она заявила:

— Сообщаю с полной ответственностью, что предлагаемый план — детище группы лиц, более заинтересованных в личной выгоде, нежели в процветании города.

— Ты имеешь в виду меня? — вскинулся Альфредо.

— Конечно, — ответила, как отрезала, Дорис. — А ты, небось, подумал, я говорю о людях за твоей спиной, которые хотят загрести жар чужими руками? Они здесь не живут, им все равно. Для них это — всего лишь новые прибыли. Больше денег, больше власти. Но тем, кто живет здесь, не должно быть все равно. Земли холма охранялись от башмаков рабочих в течение стольких лет бурных новостроек, и порушить традицию — значит поступить отвратительно. Сделать так — совершить поступок, достойный вандалов.

— Я не согласен с оратором, — сказал Альфредо сладким голосом, однако видно было, что Дорис его уколола; темные глаза сердито рыскали по сторонам. — И явное большинство жителей тоже не согласно. Посмотрите на результаты опроса.

— Нам это известно! — Голос Дорис звенел. — Но вот что мы никак не можем узнать, сколько ни стараемся, так это услышать внятное объяснение, почему ваш замечательный центр должен быть построен именно на холме, а не где-нибудь в другой части города или вообще в другом населенном пункте.

Альфредо в сотый раз забубнил о престиже, эстетической привлекательности, росте городских акций... Каждое положение, высказанное мэром, подвергалось едким нападкам Дорис.

— Тебе не удастся превратить нас в Ирвин или Лагуну. Если мечтаешь о подобном, поезжай туда.

Альфредо с раздражением оборонялся. Мнения членов Совета разделились. Дорис, вспомнив Тома, начала говорить, над чем он работал перед гибелью.

Опасная область, подумал Кевин, потому что от «друзей» ничего не слышно. А еще потому, что большая часть компромата выкрадена самой Дорис из «Авендинга».

Но Альфредо не дал ей и рта раскрыть как следует.

— Смерть Тома — огромная потеря для всех, — провозгласил он. — Негоже впутывать его имя в это дело. Том был одним из самых уважаемых жителей города, и память о нем принадлежит всем нам. Почему бы не увековечить его заслуги, назвав именем Барнарда медицинский центр, который построят на Рэтгленейк-Хилле?

Кевин вслух расхохотался.

Дорис прервала Альфредо, почти крича:

— Да ведь последнее время Том Барнард старался как мог препятствовать строительству центра! Предлагать называть его именем то, против чего он восставал всем существом, — просто непристойно!

— Он ни разу не говорил мне, что возражает против освоения холма, — возразил Альфредо.

— Он ни разу вообще с тобой не говорил, — огрызнулась Дорис.

Альфредо застучал кончиком карандаша по столу. Видно было, что он уязвлен до крайности.

— Я устал от вашего крика. Своими намеками на то, что за предприятием стоит незаконный капитал, вы вступаете в область клеветы, и...

— Так подавай в суд! — выпалила Дорис. — Ты не посмеешь этого сделать, потому что тогда потайные финансовые подпорки сразу выскочат наружу! — Кевин пихал ее коленкой под столом, но Дорис так разгорячилась, что не замечала ничего. — Давай, выходи на честный бой! Вызови меня в суд! — Когда эхо ее голоса растаяло, в зале ратуши наступила гробовая тишина.

Альфредо, видать, потерял дар речи.

— Если говорить конкретно, — мягким тоном произнес Джерри Гейгер, — у нас здесь всего лишь дискуссия о пересмотре зонирования.

— Вот именно; зонирование как раз и является последней возможностью, — ответила Дорис. — Если мы

хотим защитить холм от освоения, надо действовать именно сейчас.

Джерри пожал плечами:

— Я не уверен.

Мэтт Чанг решил идти тем же курсом, что Альфредо, и начал разглагольствовать, какие возможности дает зонирование. Альфредо и Дорис крушили друг друга, оба разъярившись до белого каления. Так продолжалось около часа. Наконец Альфредо хлопнул ладонью по столу и властно произнес:

— Мы уже шестой или седьмой раз застреваем на этом вопросе. Есть мнение горожан. Нам известно, чего хотят люди! Пора голосовать.

Дорис отрывисто кивнула.

Голосовали открыто. Дорис и Кевин были против пересмотра зонирования. Альфредо и Мэтт — «за». Широко Вашингтон проголосовала в пользу Кевина. Сьюзен Майер — за пересмотр. Джерри Гейгер тоже.

— Ах, Джерри, — выдохнул Кевин. — Ничего в нем не поймешь, как всегда. С тем же успехом можно бросать монетку.

Итак, земельный статус Рэтгленейк-Хилла пересмотрен. Вместо слов «открытые территории» в реестре теперь будет значиться «коммерческое использование».

Кевин и Дорис плелись домой. Вон он стоит, их дом, световой шар в темной апельсиновой роще. Словно китайский фонарик.

Они остановились и долго глядели туда, где за домом высился темной громадой потерянный ими холм.

— Спасибо за то, что ты сделала сегодня. Не знаю, как оценить...

— Пошли они все! — Дорис, резко махнув рукой, повернулась к Кевину, и он обнял ее, наклонил свою голову и попал лицом в прямые черные волосы. Знакомая поза; так часто бывало.

— Сволочи! — яростно произнесла Дорис, уткнувшись носом в грудь Кевина; голос прозвучал глухо. — Извини. Я пыталась.

— Да разве я не понимаю. Мы все пытались сделать что-нибудь.

— Это еще не конец. Можно обратиться в суд или попросить помощи у движения «Сохранение природы».

— Знаю.

И все-таки, подумал Кевин, решающее сражение проиграно. Опрос показал, что население поддерживает план Альфредо. Люди считали, что он делает хорошее дело; динамичный, глядящий в будущее человек. Люди хотят, чтобы акции их города котировались выше. Времена изменились; маятник качнулся в другую сторону. Дни «зеленых» миновали. Да и вообще, идти в Америке против бизнеса всегда означало искать неприятностей на свою голову.

Они вошли в дом обнявшись.

Кевин никак не мог заснуть. В конце концов он встал, оделся и вышел на улицу. Полез вверх по тропинке, ведущей по склону холма. Двигаться в темноте приходилось медленно. Шорох ночных зверушек, звездный дождь.

В маленькой рощице на вершине холма Кевин уселся на землю, обхватив руками колени, и задумался. Затем вздремнул.

Сон снился ему неприятный. Будто лежит он дома в кровати, а какие-то звуки из сада мешают спать, и он встает, идет через холл к балкону в северной части подковы и глядит наружу, в заросли авокадо. И там, в свете луны, он видит темную фигуру.

Оно стоит прямо, на двух ногах, большое и черное; сгусток тьмы. Глядит на Кевина, и лунный блеск отражается в вертикальных, как у кошки, зрачках зеленых глаз. Кевин услышал ехидное хихиканье твари и почувствовал, как зашевелились волосы на голове. Неожиданно

он ощутил себя в темном, затерянном, продуваемом ветром мире, полном опасностей, прячущихся за каждым листом и камнем.

Кевин дернулся во сне, но не выплыл на поверхность бодрствования, а снова погрузился в тяжелую дрему. Новое видение — толпа на холме...

От этой картины Кевин захотел убежать настолько сильно, что очнулся. Встал, пошел прогуляться по верушке.

Начал подниматься рассвет. И тут Кевин почувствовал, что просветление наступает и в голове: у него родился план. Ночью, во сне, в диком месте... Он вздрогнул, испугавшись сам не зная чего.

Но, как бы то ни было, теперь Кевин знал, что делать. Он бродил, обдумывая детали, до восхода солнца, а потом, продрогший, спустился домой и лег в постель.

Тем же утром Кевин навестил Хэнка и обсудил идею. Хэнку, а также Оскару затея понравилась, и они пошли к Дорис — надо было попросить ее кое-что сделать. Та засмеялась, когда ей рассказали, зачем все нужно, и пообещала:

— Будет готово через пару дней. Смазанные структуры не подведут!

— А я тем временем разнесу весть о мероприятии, — заявил Хэнк. — Назначим его на воскресенье.

И вот в воскресенье утром началась поминальная служба по Тому Барнарду. Проходила она прямо на вершине Рэттлснейк-Хилла. Дорис изготовила небольшую плиту из сплава керамики и золотистого металла наподобие бронзы. Плиту окаймлял рельефный бордюр с фигурками животных — черепахи, койота, лошади и кошки. Надпись гласила:

В память о Томасе Уильяме Барнарде

Родился в Эль-Модене, Калифорния,

22 марта 1984 года

Погиб в Тихом океане 23 августа 2065 года

Добро, сотворенное им, никогда не исчезнет

Церемонию проводил Хэнк. На нем была блуза пастора Унитарной церкви, и в первый момент казалось, что Хэнк решил участвовать в костюмированном представлении, настолько не увязывалось его одеяние с изрезанной морщинами, задубленной солнцем до кирпичного цвета физиономией и такой же шеей и, как всегда, спутанной шевелюрой. Да и говорил он своим обычным голосом; ничего в Хэнке не было от пасторской торжественности. Однако Хэнк и в самом деле являлся пастором Унитарной церкви (а также Церкви всеобщей жизни, Церкви международного примирения и Бахаистской церкви). Хэнк говорил о Томе, а люди один за другим поднимались и поднимались на вершину холма — пожилые, знавшие Тома лично, молодые, лишь слыхавшие о нем или видевшие его где-нибудь; члены религиозного братства Хэнка, соседи, друзья, просто прохожие — всего человек двести, а то и триста. Люди внимательно слушали Хэнка. А в словах его звучала убежденность, глубокая вера в важность того, что он делает.

Наблюдая за Хэнком, Кевин перестал воспринимать его как напарника по работе и приятеля, пускающего словечки, чтобы поддеть собеседника, и увидел Хэнка как все остальные. Как только удалось ему собрать так много народа, думал Кевин. Столько людей. Некоторые, пришедшие сюда прямо с работы, спрашивали Хэнка о том или этом, и он с прибаутками давал им советы, основываясь на туманных текстах или же на собственных, не менее смутных мыслях; что бы он ни говорил, в его словах не было и капли притворства, одна лишь вера. Выходило, будто Хэнк — реальный лидер всех этих людей, а городской Совет — вообще пустое место. Как это получилось?.. Загадка религии. Хэнк не сомневался в том, что все окружающие — существа духовные, образующие духовное сообщество. И поскольку он действовал на основании этой веры, те, которые общались с ним, сами становились частью веры, помогали ей существовать.

— Люди умирают, реки остаются. Горы тоже.

Хэнк повествовал о Томе, о его жизни, о некоторых эпизодах, очевидцем которых являлся сам Хэнк; рассказывал то, что слышал от других людей. Вспомнил собственные истории Тома — и вел выступление в хорошем темпе, с чувством, просто артистично:

— Посмотришь на что-то, сделанное Томом, и всегда будешь узнавать его почерк. Раньше макушка этого холма была голой. И оставалась такой, пока Том не приложил свою руку. Деревья, под которыми вы стоите, он посадил еще мальчишкой, чтобы получить немного тени, и можно было прийти сюда и поглядеть по сторонам, бросить взгляд на океан и горы или же просто любоваться видом города сверху. Том навещался сюда всю жизнь; так что не зря мы выбрали для мемориала эту рощицу. Она была любимым местом Тома, отсюда он глядел на другие любимые им места. Нам нечего похоронить — тело Тома поглощено пучиной. Но сегодня это не самая важная часть его существа. — Хэнк кашлянул и продолжал: — Дорис отлила мемориальную плиту, а я вытесал для плиты место — вот здесь, на стволе большого сикомора. Каждый может отдать дань памяти, ударив разок по гвоздю. Только, прошу вас, бейте полегче, чтобы всем хватило, да не промахнитесь, а то керамика расколется.

— Ты шутишь! — воскликнула Дорис. — Даже отбойный молоток не страшен моей плите. Это новый секретный сплав; керамика и металл взаимно проникают друг в друга.

— Как мы и дух Тома Барнарда. Ладно, в таком случае лупите мимо гвоздя.

Под самым большим сикомором лежало несколько молотков из запасов Хэнка. Плиту приставили к стволу на высоте головы; люди кучками толпились под деревом, переговариваясь и ожидая своей очереди ударить по одному из четырех гвоздей, торчащих в углах плиты.

Среди тех, кто пришел почтить память Тома, Кевин заметил и Рамону, широко улыбнувшуюся ему. Кевин ответил; он был серьезен, спокоен и полон ощущения значимости происходящего.

На дорожке ниже по склону с сумрачным видом стоял Альфредо. Увидев его, Кевин испытал мгновение горького триумфа. Сейчас, пожалуй, не самый подходящий момент для беседы, решил Кевин. Лучше не затевать спор на дедовых похоронах.

Но Альфредо сам проявил инициативу. Кевин как раз стоял в сторонке и смотрел на топчущихся людей; создавалось впечатление, будто происходит встреча добрых соседей. Том всегда любил такие сборища. Альфредо возник перед Кевином и без всяких вступлений раздраженно произнес:

— Я на твоём месте постыдился бы использовать смерть деда таким образом. — Кевин лишь посмотрел на противника, полуприкрыв веки. — Нет, все-таки ответь мне, что бы испытывал сейчас Том?

Кевин подумал и сказал:

— Ему бы это понравилось.

— Все равно это ничего не изменит. Мы будем строить вокруг рощи.

Кевин отрицательно покачал головой, глядя через голову Альфредо вдаль, на деревья:

— Нет. Теперь все меняется, и ты знаешь почему. — Кевин замолк и продолжал смотреть сквозь собеседника. — Отныне люди, пришедшие сюда, будут воспринимать Рэтгслейк-Хилл как... Если не святыню, но как памятное место, это уж точно. Такое место, где недопустима коммерческая суетня. А у всех этих людей есть родственники и знакомые... Так что можешь не надсаживаться. Теперь это никому не понравится. — Кевин указал в сторону мемориального сикомора: — Посмотри, кто там сейчас вбивает гвоздь.

Альфредо оглянулся. У дерева замахивалась молотком Рамона.

Это должно подействовать. Альфредо никогда не осмелится перечить Рамоне в этом деле. Уж слишком все переплелось.

— Строй где-нибудь еще. Внизу, в городе, у Сантьяго-Крик или в другом живописном месте. Скажи своим

партнерам, что ты все испробовал, но ничего не вышло. Это конец. Оставь холм в покое.

Альфредо резко повернулся и зашагал прочь.

Кевин подошел к дереву и произвел символические удары по всем четырем углам — так он придумал. Один за Надежду, один за родителей, один за Джилл и один от себя лично. Потрогал битые места на коре. Ствол был нагрет солнцем. Живое дерево. Можно ли придумать памятник лучше?

После церемонии состоялись поминки. По замыслу Хэнка, они шли в Ирвинском парке и продолжались всю вторую половину дня. Море пива, горы бутербродов, гром музыки, одуревшие от возбуждения собаки, жареное на углях мясо, софтбол на грязи с бесконечными вбрасываниями, волейбол «в кружок».

Только поздними сумерками люди начали разъезжаться. Фары велосипедов светлячками мерцали на дороге, идущей вдоль берега в сторону Чапмена.

Кевин ехал в одиночестве; прохладный ветер дул неперпеливыми порывами, неся запах полыни.

Хорошая жизнь, думалось Кевину. Старик прожил хорошую жизнь. Большого просить стыдно.

Вот и пришло то утро. Кевин проснулся; рядом с изголовьем кровати прямо в комнате рос апельсин. Сегодня большой день. До обеда состоится бракосочетание Рамоны, после этого — гулянье в парке, затем игра. Придет полгорода.

Конец октября. Рассветы ясные и холодные, а во второй половине дня жара. Лучшее время в году.

Сначала Кевин прогулялся на раскопки — поработать немного для себя. Он ровнял свежую землю, закапывал ямы, а пока делал это, думал о сегодняшнем дне и о лете. Мысли, подобно нотам стремительного гитарного соло, на лету сменяли друг друга; невозможно было задержать ни на одной дольше, чем на пару секунд.

Вернувшись домой, Кевин переоделся для визита: лучшая рубашка и брюки-слаксы, единственные в гардеробе. Признаться честно, вид не самый парадный; но и не отвратительный. Довольно живая гамма — светло-зеленая рубашка с пуговицами донизу в стиле молодого руководителя и серые — со складками и прочими наворотами — слаксы. Никто не осмелится заявить, что он плохо оделся к свадебной церемонии. Но и не слишком торжественно.

Выбор свадебного подарка потребовал гораздо большего напряжения мозгов. Кевин хотел, чтобы вещь была красивой, но без назойливой броскости; так, чтобы у Рамоны не возникала мысль, будто Кевин пытается влезть в ее каждодневную жизнь с напоминанием о себе.

Кухонные принадлежности, таким образом, сразу отпали. Предмет в спальню — упаси Боже! Возникшую было идею подарить что-то скоропортящееся Кевин после некоторого размышления отклонил, как не совсем хорошую — могут подумать, что это намек; а кроме того, хотелось, чтобы Рамона все-таки изредка обращала на подарок внимание.

В конце концов Кевин остановился на декоративном растении. Он решил подарить горшок из оставшихся, что делал для Оскара. Восьмиугольная пузатая дубовая кадка, выглядящая затейливо, но достаточно грубо — так, что лучшее место для нее на крыльце у дверей. Последний слой лака еще не просох как следует и слегка лип; теперь надо подыскать растение.

Кевин поехал в парк Сантьяго-Крик с тележкой, в которую погрузил подарок, спортивную форму и все прочее.

«Все хорошо, — говорил он себе. — Не хандрить. Только без покойника на свадьбе, ради Бога! Улыбайся, а то лучше вовсе не ходить».

Самовнушение удалось на славу. Кевин чувствовал себя как зуб после заморозки и был очень рад этому.

Он уселся с ребятами из «Лобоса» и пошучивал о том, как будет играть их «шортстоп» с шестимесячным пузом; и никаких угрызений не испытывал. По одну сторону выстроилось в ряд семейство Санчесов, с другой встали Блэры. Между шеренгами под звуки гитары Джоди спустилась Рамона в струящемся белом длинном-предлинном мексиканском подвенечном платье. Сейчас каждому было видно, насколько она хороша. Кевин редко и глубоко дышал, в полной мере ощущая силу своей воли. Он был заморожен. Кевин понимал теперь актеров, играющих роль. Надо лишь стереть себя из собственного сознания, и тогда сможешь стать любимым персонажем. Кевин научился этому. Да он сейчас хоть самого Макбета сыграл бы!

На бельведере над ручьем, опять в своем пасторском одеянии, стоял Хэнк. Он вещал, возвысив голос, и увлекал слушателей проповедью, как всегда. Кевин вспомнил, как Хэнк, весь в пыли, говорил ему: «Ничто не вырезано в камне навечно, братишка!» Теперь, однако, он говорил о клятве супружеской верности «на всю оставшуюся жизнь». Не надо камня, подумал Кевин, мы пишем это на чем-то более хрупком и одновременно более долговечном. Можно искренне верить в нескончаемую верность, можно не верить в нее вообще. Конечно, клятва есть клятва. Но, с другой стороны, это всего лишь клятва. Намерения, остающиеся словами, пусть сказанными серьезно, при людях и от чистого сердца. Обещания. Канва грядущего только еще ткется на станке жизни. Кто знает, каким будет узор? В этом — великая и пугающая свобода. Таинственная пустота грядущего! Как старательно мы пытаемся заполнить эту пустоту впереди себя, протягивая руки из настоящего; и как легко все наши труды оказываются выброшены на свалку реальной жизнью...

Жених и невеста обменялись кольцами. На палец Рамоны кольцо наделось легко. Какие у нее миниатюрные пальчики... Вычеркнуть это, Кевин, слышишь?

Вычеркнуть! Ты не знаешь ничего про ее пальчики. С кольцом, предназначенным жениху, вышли затруднения. В конце концов Хэнк тихонько пробормотал:

— Да оставь ты его на втором сгибе; пиво нагревается...

Церемониальный поцелуй. Подстрекаемые Хэнком, гости заплодировали, начали кричать здравицы. Кевин громко хлопал в ладоши, стиснув зубы. Бил ладонью о ладонь так, чтобы надолго запомнилось.

Собственно загул проводился в парке. Кевин предполагал ненавязчивым образом напиться. Сегодня играли, но Кевину было глубоко плевать.

— ...Не вредно ли для твоего знаменитого удара?

В ответ на подобные шпильки он лишь похохатывал да наполнял бумажный стаканчик новой дозой шампанского. Не имеет значения. Законы случайности искривили уголок пространства, в котором он, Кевин, обитает, но скоро все выпрямится снова. Все произойдет само собой. Кевин допил и снова налил. Вокруг шумела толпа. Болтовня перекатывалась волнами, словно морской прибой.

Кевин наблюдал за молодоженами в неформальном интерьере; смеются, касаясь плечами друг друга. Симпатичная парочка, ничего не скажешь. Оба просто совершенство, не чета ему. Тебе, братец, больше подходит кто-нибудь наподобие... ну, скажем, Дорис. Точно. Кевин почувствовал прилив нежности к ней. Как Дорис билась с Альфредо! А до чего ей понравился его набросок мемориальной доски в честь Тома...

Они чуть не стали партнерами; Дорис хотела этого. И какого черта их, спрашивается, разнесло в разные углы? Это его ошибка. Тупица. Теперь-то он прошел достаточную школу, чтобы понять, что означало слово «любовь» в устах Дорис тогда, давно. Изучил науку чувств настолько, чтобы заслужить любовь Дорис, хотя бы отчасти. Тупой второгодник с заторможенным развитием, вот он кто! Хотя, если такая подпорченная, тронутая

гнильцой пара имеет право на вторую попытку, то и он... Чем он хуже? Кевин подхватил стаканчик и пошел на поиски Дорис.

Обнаружил он ее в компании ребят из «Лобоса». Рассмотрел как следует: маленькая, круглая, ловкая. В каждом слове угадывается острый ум, чувство юмора. Темпераментная, просто дикая тигрица. А разговаривать с ней можно о чем угодно. Кевин подплывал к Дорис прогулочным шагом, ощущая прилив тепла. Обнял за плечи. Дорис ответила тем же. Должно быть, поняла, что означает объятие и почему оно так нужно Кевину.

Наверняка поняла. А затем Дорис повернулась к Оскару и завела беседу с ним. Они вдвоем изо всех сил хохотали над чем-то; Оскар вдруг вспрыгнул на скамью и занялся хореографическими упражнениями, какие проделывают балерины. Бока его колебались наподобие желе. Дорис улучила момент, когда Оскар повернулся спиной, и подбила его ребром ладони под коленки:

— Эй, там, наверху!

Оскар спорхнул на землю, грациозно шатнулся в сторону Дорис, а та, прильнув к нему, разыграла тигрицу, вгрызающуюся в грудь носорога. И оба закатились смехом.

Кевин глянул в свой сосуд и ретировался к столу с бутылками. Укрывшись за ними, Кевин все подглядывал за Дорис и Оскаром и думал себе: «Ого-го!» Когда они успели... Как это могло произойти так незаметно? Все частицы влечения, которое Кевин когда-либо чувствовал к Дорис за годы их дружбы, разом сублимировались в единое, полновесное чувство. «Мое, мое! Ну, мое же!» — яростно кричал кто-то внутри его. Это ведь я ей нравился столько лет! Я! Что там выдумал себе Оскар? Дорис любит его, Кевина. Он это понял — и той ночью в Бишопе, и вечером после схватки в Совете. Любит; почти так же сильно, как и раньше. Вот сейчас он подойдет

и предъявит свои права на нее; скажет Дорис, что наконец созрел. В общем, так же точно, как Альфредо сказал Рамоне...

...Ох! Картина-то повторяется! Видимо, эти дела обречены на вечную жизнь. Ситуаций мало, а влюбленных много в этом мире. А положений всего три... Наверное, каждый за свою жизнь успевает побывать на всех вершинах треугольника.

Кевин отошел от стола и укрылся за деревом. Теперь он не видел тех двоих, мог лишь слышать их голоса. Дорис и Оскар наперегонки подкалывали друг друга, к вящему удовольствию ребят из команды. Когда же они успели стать такими друзьями? Кевин и не заметил. Последнее, известное ему из истории отношений Дорис и Оскара, было то, что они изрядно поцапались и Дорис, похоже, всерьез невзлюбила прокурора. А потом, он такой толстый!..

Вдруг Кевин почувствовал, какие скверные пакости вертятся у него в голове. Ведь Оскар — хороший друг. Один из лучших. Замечательный. Кевин узнал от Оскара многое; они вместе и шутили, и смеялись... Никто даже отдаленно не сможет сравниться с Оскаром. Если между ним и Дорис что-то началось...

И снова Кевин пошатнулся. Мгновенная вспышка бешеной ревности, оскорбленное чувство владельца, у которого отнимают собственность...

— Эй! — строго сказал он дереву, ощущая себя вконец обманутым. — Проклятье!

Сколько же еще времени все будет идти наперекосяк — и с людьми, и с вещами? Чаша уже переполнена...

Кевин поискал взглядом на столе свой стаканчик; он стоял неровно — мешала салфетка.

Кевин встряхнулся, словно собака, вылезшая из воды. Вспомнил, что думал пару недель назад по поводу ревности Альфредо, и рассмеялся над собою. Протянул в сторону невидимой за деревом пары свою бумажную, полную до краев чашу и осушил ее.

А затем направился к банкетному столу — добавить. Душа его истекала добродетелью и печалью.

Слава Богу, наконец-то началась игра. Как обычно бывает при отложенном матче, его вроде бы обещали засчитать, но это никого особенно не интересовало. Кевин вел себя на площадке словно царь зверей. Налетал на защитников, возникавших на пути, отбрасывая их в сторону с яростным удовольствием. Что и говорить, получалось это здорово. Мангуста, бьющаяся с кобрами. «Игрок третьей базы Кевин Клейборн». Фраза диктора, тысячи раз звучавшая в его воображении, когда Кевин был еще мальчишкой; может быть, миллион. Почему его влекли эти слова? Что заставляет нас становиться такими, какими мы становимся?

На третьей базе ты словно мангуста, среди змей... Третья база — лезвие бритвы. И вот он здесь.

Соперником была сегодня команда Хэнка. Несчастные «Тигры», осмелившиеся задрать свой куцый хвост и бросить вызов неувыдающему «Лобосу». Рамона, которая выглядела сегодня как никогда замечательно в своих шортах и тенниске, играла на «шортстопе», так что Кевин и она были разделены линией защиты.

— Мы заперли этот фланг насмерть! — крикнула она ему после очередной жаркой схватки. Игра с малым счетом.

Кевин бил как обычно. Выходил на площадку и тут же отключал мысли. Сегодня легко. Отбросить! «Сингл» вдоль линии, ерунда. Не думать ни о чем!

К концу они замедлили темп, уверовав в близкую уже победу. И, как всегда случается в таких обстоятельствах, незаметно для себя расслабились настолько, что оказались отброшены к своему последнему ауту, к ничейному пробегу на первую базу. Вышла Рамона; Кевин отодвинулся к большому кругу, начерченному на площадке, помахивая битой. Совершенно спокойно, отметая прочь соображения об успехе своей команды, он сказал себе:

«Если Рамона залепит “в молоко”, игра кончится, и у меня будет тысяча отбитых за сезон».

Кевин даже отступил назад на шаг, настолько его шокировала собственная мысль. И как могло прийти ему в голову такое?.. Очень нехорошая мыслишка, пахнет недоброжелательством и эгоизмом, а то и чем похуже. Кевин раньше не замечал за собой подобного и напугался. Что заставляет нас?..

Рамона сделала «сингл». Трибуны взревели. Два сюда, два наружу, один убежал. Игра на линии. Господи, если бы эта гадкая мысль не вылезла из его гадких мозгов! Он не хотел такого исхода! Это был не он, а кто-то другой; поганец, он раньше лишь говорил за Кевина, а теперь, видно, решил действовать...

Но, как бы то ни было, Рамона сделала то, о чем он подумал. Теперь — на площадку отбивающего; весь мир отступил в сторону. Убедись, что коснулся правильного «домика», — мелькнула сумасшедшая мысль.

Тим, подающий «Тигров», слегка кивнул Кевину. «Брезгуешь, парень, подойти и пожать руку человеку, который сейчас выбьет тысячу?» — пронеслось у того в голове. Кевин криво усмехнулся и тоже едва кивнул, мол, желаю удачи, Тим. О, вот это — его родная мысль. Значит, все-таки вожжи держатся пока в руках! Отлично. Теперь все забыть: везение, невезение, ругань — все вокруг.

Рука Тима качнулась назад и вниз. Мяч взлетел в небо, большой и круглый; он медленно вращался. Кевин сконцентрировался как никогда. Вот оно, крещение атлета! Вот он, момент истины для отбойщика! Вечное мгновение; а затем оно кончилось, и мяч стал падать вниз, а Кевин выставил вперед опорную ногу, развернув бедра, и напряг запястья, твердо удерживая биту. Удара мяча он почти не почувствовал — тот задел биту за самую маковку и, словно белая ракета, отлетел вправо от центра. Громи их!

Кевин не торопясь бежал к первому «домику», наблюдая за летящим мячом. Хэнк, внешний на централь-

ном поле, обернулся и рванулся назад, стараясь опередить Кевина. Он неся, опустив голову, толстоватые короткие ноги ходили туда-сюда, словно поршни. Так бегать в сорок шесть! И неизменная пасторская блуза.

Хэнк глянул через плечо, скорректировав направление, и непостижимо каким образом прибавил ходу. Теперь он неотрывно следил за мячом в воздухе; тот летел прямо над его головой и быстро снижался, собираясь упасть по левую руку. Хэнк рванулся, подпрыгнул, скребя воздух вверху себя здоровенной перчаткой и, зацепив с размаху мяч, кувырком шумно упал на землю. Поднялся, высоко вскинув руку. В «кармане» перчатки будто бы торчала порция мороженого. Поймал.

Кевин, тормозя, подбежал следом. Он был смущен. Натужно засмеялся. Забыл, как уходят с поля, вмазав в аут. И тихонько пошел, ощущая стыд. Игра окончена, больше спешить некуда.

Хэнк выудил мяч из перчатки и изучал его с болезненной миной, как если бы держал за уши убиенного им зайца. Немного погодя он встряхнулся, повел плечами и побежал по полю. Трусцой нагнав Кевина, передал мяч.

— Извини, Кевин, — скороговоркой произнес Хэнк, — но, знаешь, я подумал, ты хочешь, чтобы я сделал попытку.

— Да уж... Дьявольская была попытка, — ответил Кевин, и все вокруг них засмеялись.

— Ну ладно, не огорчайся. Я думаю, 994 на биты за сезон — не так уж плохо; а?

Тут ребята принялись поздравлять Кевина, хлопать по плечу. Хэнка окружили его «Тигры» и стали качать, а когда пошли с поля, ребята из команды Кевина схватили его за руки-ноги и тоже понесли на плечах; скосив глаза, Кевин видел, как туловище Хэнка в пасторской блузе здоровенной рыбой всплывает в раздевалку.

Кевина торжественно установили в ямку для подач, предоставив свободу. Он нагнулся и занялся борьбой с завязками бутс.

Сзади колобком подкатилась Дорис:

— Не горюй, Кевин, удар ты отбил мастерски. Просто Хэнк словил потрясающе.

— А!.. Не в этом дело... — Кевин расстроено потер лоб.

— Да, конечно. — Дорис положила руку ему на плечо. — Понимаю.

Ничего-то она не понимала; и не собиралась понимать. Когда люди так говорят, они чаще всего имеют в виду совсем иное. Кевин знал, что подразумевала Дорис. Он шумно выдохнул, чувствуя ее руку на своем плече, и кивнул, глядя вниз, будто соглашаясь в чем-то с подкрашенным кирпичной крошкой, запыленным цементом площадки.

Празднование перевалило за вторую половину дня; появился оркестр, и начались танцы. Кевин принял еще пару стаканчиков, а затем тихонько ускользнул к своей машине, отцепил тележку и залез на седло.

Настроение было подавленное. В основном из-за Тома. Не хватало бесед с ним, не хватало его морщинистой — лучистой! — усмешки: «Перестань пучить глаза, Кевин. Ты воспринимаешь все слишком всерьез». Том бы сказал ему, что 994 на самом деле лучше, чем 1000. Неужели правда, что больше никогда ему не поговорить с Томом? Потеря... Такая, что даже трудно представить.

Кевин спускался с Редхилла, снедаемый такими мыслями, тоскуя от того, что ничего нельзя исправить. Потеря Тома — самое худшее из всего, что произошло, что обвалилось на Кевина. Потому что потеря эта невосполнима. Жизни — как листья. Ах, как Кевин нуждался в беседах с Томом, в его советах и шутках, байках и чудачествах!..

— Деда... — прошептал Кевин, взял руль низким хватом, как гонщик, встал на педалях, словно в стремянах, и яростно заработал ногами, изо всех сил поддерживая

одну педаль за ремешок застежки-туклипса и обрушиваясь одновременно на другую.

Ветер грохотал в уши, ныли мышцы бедер. Кевин заставлял их работать, несмотря на растущее отравление мускулов молочной кислотой, которое вызывало жгучую боль, пронизывающую насквозь машиноподобно двигающиеся ноги. Ничего, надо лишь посильнее прогреть мотор...

Когда вопрос с болью в ногах утрясся, дали себя знать пальцы рук, ягодицы; начало сводить шею — все-таки поза гонщика не для комфорта. Дыхание все усиливалось, пока Кевину не начало казаться, что ребра его ходят на манер кузнечных мехов. Пот под ветром высыхал на предплечьях, оставляя беловатый соленый налет. И все это время черная депрессия сидела у Кевина где-то внутри, в желудке, прыгающем вверх и вниз с каждым вдохом, и наполняла все его тело своей, особой болью. Удивительно, как эмоция — продукт воображения — может создавать совершенно реальную боль.

Кевин пытался удрать от своего страдания, от мира, который причинил ему столько. Он находился сейчас в южной части округа и жарил на полной скорости под уклон по Пятой магистрали, увертываясь от встречных, прижимаясь на повороте к склону и с искрами чиркая при этом о полотно металлическим носком туклипса с того бока, куда наклонял машину; чтобы не дать зайти в судороге икроножным мышцам, Кевин при толчке вонзал ногу почти вертикально, оттянув носок.

Толчок-рывок, толчок-рывок, толчок-рывок; Кевин как бы перекачивался через педали, и клинья поскрипывали от огромных нагрузок. Лететь на юг, бежать ото всей этой жизни, от целого мира!

У мыса Дана Кевин свернул на прибрежную магистраль, хотя та и уклонялась к северу, а значит, опять приближала его к ненавистным местам. Но ему хотелось ехать в виду моря, и эта дорога была самой подходящей.

Когда Кевин бросил взгляд на маленькую лодочную пристань, он испытал мгновение резкого, почти смертного ужаса; что-то в очертаниях пристани царапнуло его по сердцу. Кевин переборол это чувство и отогнал его прочь, из последних сил вытягивая машину на подъемах и разгоняясь на спусках. Он наслаждался болью. Глаза разъедал пот, бедра стали как деревянные, грудь со всхлипами втягивала воздух, словно Кевин рыдал. Может, это был единственный способ позволить себе отрыдаться, пусть и без слез — те, которые текли, высеченные из глаз ветром, не в счет.

И еще раз Кевин ощутил тот же смертный страх, когда проезжал мимо заводов у Мадди-Каньона. В этот момент в сердце его как будто появился вакуум, пустота, всасывающая все его существо внутрь себя самого. Быстрее, еще быстрее; оставь это позади! Давай же, поглядим, кто сломается первым. Видение — Рамона, идущая по тропинке вдоль обочины. «Это надорвало ее сердце».

Неизвестно почему, Кевин повернул в Ньюпорт, к полуострову Бальбоа. Он по-спринтерски гнал к концу тупика, последними усилиями доканывая себя и велосипед. Уперся в слепой конец дороги, сгорбился, как кошка, тормозя обоими колесами, освободил из застевки сведенную судорогой ногу, поставил на землю.

Канал — выход из гавани. С той и этой сторон — каменные стенки молов. Стройные пальмы шевелят зелеными макушками.

Кевин растегнул второй ремешок, спешил и прислонил машину к бетонной стене. Ноги казались толщиной в три обхвата и еле шли. Грудь еще продолжала хватать воздух; когда Кевин несся на полной скорости, ветер высушивал пот, а теперь щеки и шею будто пожар охватил, и отовсюду — с бровей, кончика носа, с ушей — закапало. Все тело сотрясалось в такт с тяжелыми ударами сердца. Мир перед глазами тоже содрогался, подпрыгивая, и предметы под вечерним солнцем имели какое-то

зернистое свечение, будто распираемые изнутри собственными красками. Конец тренировки. Слабая тошнота; Кевин переборол ее, и она прошла, превратившись в ощущение вроде истомы после соития, только более общее, более разлитое по телу и гнездящееся скорее в мышцах, чем в нервах; результат активной выработки эндорфина при мощном возбуждении — таким способом организм сам защищает себя от стресса, вырабатывая подобное опиуму вещество. В самом деле, Кевин чувствовал себя на удивление хорошо для человека, на долю которого впервые выпало сразу столько горя. Единственное, пожалуй, что мешало — это навалившаяся хмельная одурь. Вечерний бриз освежал немного, но этого было явно недостаточно, чтобы отрезветь.

Кевин побрел по песку, увязая с каждым шагом. Сводило икры. Он содрал с себя шорты и вошел в воду, восхитительно прохладную и прозрачную как стекло. Кевин окунулся в чудесную свежесть и поплыл на руках; ноги волочились как чужие, он ощущал яростную пульсацию крови в них. Немного понежил на мелководье, а потом, отталкиваясь от дна, ловил небольшую волну и на животе катился на ней, пока не выбрасывало на берег. Кевину даже попался девятый вал в миниатюре — эффект, когда набегающая волна складывается с обратной и становится заметно выше.

Кевин играл так, когда был ребенком, а Том, уже в то время казавшийся ему стариком, плыл позади. Какой-то пожилой лысый дядька кричал:

— Посторонись! Посторонись!..

Зеленые флажки, трепыхающиеся над спасательной вышкой; огромные камни мола. Что только они не делали, Том с Кевином! Повсюду, от Коронадо до Лассена, от Юмы до Эврики — нигде крабам не было от них спасения.

Замерзший и утомленный, Кевин сидел на сыром песке у самой кромки пены. Соленый ветер обвевал его, холодя кожу и мягко подергивая за спутанные кудри.

Вода стеклянно блестела в свете вечернего солнца. Кристаллический блеск — соль. Соленый ветер. Песок.

Кевин надел рубашку, оставив ее незастегнутой, бросил обувь поближе к велосипеду и пошел по молу, ощущая подошвами тепло нагретых камней. Они гуляли здесь много раз, и Кевин любил пугать Тома своими скачками с камня на камень. Он решил попробовать, что получится через двадцать лет, прыгнул и чувствительно ушиб пятку. Нет, такое можно делать только в детстве.

Настроение Кевина колебалось то вверх, то вниз; гнетущая подавленность вдруг сменялась приливом беспричинной эйфории.

До чего же Кевин любил деда! Какими они были друзьями! Только чувство любви поможет ему разобраться в том, что произошло. Он должен понять, что хорошо, а что плохо.

Кевин перепрыгнул широкий промежуток меж камнями и на этот раз приземлился удачно. Умение скакать по валунам возвращалось. Надо танцевать на них, заставляя себя делать шаг шире, чем обычно. Слегка напрыгаться — так же, как и во всей жизни; вот так, и так, и так!

Тучи ненадолго закрыли солнце, но вскоре оно прожгло их. Большие облака плыли в небе над горами и пустыней, подобно парусникам. Океан выглядел бесконечной синей синью, вблизи светлой, а чем дальше, тем синева становилась глубже, сочнее. Сердце и душа; средоточие синей грусти. На макушках волн играли слепящие отблески солнца, свет которого залил белой глазурью выступающие ребра утеса Корона-дель-Мар, обычно сплошь абрикосово-желтого; пирамиды елей на его склонах казались мазками густо замешанной краски. Скалы поблизости отливали на солнце темным цветом железного дерева. Картина в глазах Кевина все еще немного пульсировала, меняя яркость, — реакция организма на кислородное голодание и последующее пресыщение, подобно тому, как от слишком чистого воздуха

начинает болеть голова. До чего же глянцевая поверхность у скал, будто полированная! Огромные валуны под ногами представились Кевину обломками гигантских скульптур, настолько хорошо их вылизали солнце, вода и ветер.

Кевин перепрыгивал с валуна на валун, поглядывая по сторонам. Временами ладони его соединялись на ручке воображаемой биты — совершенно произвольно, — и следовал удар.

Он дошел до конца мола, где стоял невысокий сигнальный фонарь. Ветер шумел, облака плыли над головой, рокотали волны; солнце заливало все своими лучами, а Кевин стоял, балансируя на краю, и чувствовал, что оказался в том самом месте, какое искал. Он снова очнулся к жизни, ощутил себя в центре предметного мира. И центр этот оказался у кромки океана, где солнце висит над самой водой.

Кевин долго стоял так, поворачиваясь в разные стороны, глядя и впитывая то, что видел вокруг. Все события прошедшего лета всплыли вдруг в его памяти, захлестывая волнами ощущений, приливами радости и печали.

На камне валялось стальное долото, оброненное кем-то. Кевин присел на корточки, взял инструмент и ударил по граниту. Твердый камень не поддался, упрямый и тяжелый для преодоления, как мир вокруг. Как сама жизнь. Но оставить след в этом мире необходимо...

Между валунами Кевин нашел застрявший там каменный обломок и решил воспользоваться им вместо молотка. Ему хотелось высечь в камне что-то глубокое и нетленное. Что-нибудь вроде: «Я, Кевин Клейборн, был здесь в октябре 2065 года. И были здесь тучи — в небе и в моей душе; и молнии сжигали меня. И все было очень плохо».

Но — гранит есть гранит, и Кевину удалось выбить лишь «К.» и «К.» Пришлось потратить немало сил, чтобы надпись вышла глубокой — хотя бы в буквальном смысле.

Закончив, Кевин сложил свои инструменты на землю. За его спиной зеленым и янтарным цветами пульсировал Край Апельсинов — округ Ориндж. Край яркий, сильный, трепещущий, живой, как его, Кевина, сердце. Его мир, пронизанный океанским ветром. Руки соединились вместе, и — удар! Если бы Хэнк не взял тот последний удар!.. Если бы только Рамона... Если бы Том... Если бы весь мир... Целый мир разом, со всеми его предательскими ударами, с неожиданным и неизбежным горем!.. И Кевин подумал, что именно он и есть самый несчастный человек на свете.

И от этой мысли он расхохотался.

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

Собрание фантастических произведений

Том третий

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Генкин*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина*

Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 21.04.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 7000 экз.

Заказ № 549.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

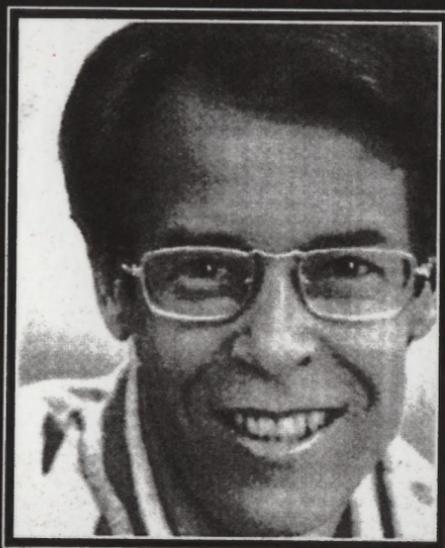
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации
по печати. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

У КРОМКИ ОКЕАНА

Усилия человека не пропали втуне. Голые, выжженные солнцем холмы Южной Калифорнии покрылись зеленью. Удивительная и чудесная страна живет в гармонии с Природой, расходуя не больше, чем получая от нее. Но и в этой экологической утопии находятся те, кому своя выгода важнее и ближе общего блага, кто видит будущее в стали, стекле и бетоне, в неразумной технике, от которой люди с такими усилиями отказались.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997